

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

АДМИНИСТРАЦИЯ г. ЕКАТЕРИНБУРГА
УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ

ЕКАТЕРИНБУРГ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ
(1723 - 1998 гг.)

Издательство "Екатеринбург"
1998

**Екатеринбург.
Исторические очерки
(1723-1998)**

Редакционная коллегия:

академик РАН *В.В. Алексеев*,
к.и.н. *Е.Т. Артемов* (заместитель ответственного редактора),
к.э.н. *В.В. Маслаков*,
В.П. Плотников,
д.и.н. *Н.Н. Попов* (заместитель ответственного редактора),
д.и.н. *С.П. Постников* (ответственный редактор),
д.и.н. *А.В. Сперанский*,
О.Н. Яхно (ответственный секретарь).

ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ И
АРХЕОЛОГИИ

Благотворительный фонд

*Книга подготовлена при участии
Екатеринбургского общественного
благотворительного фонда
«Институт истории и археологии»*

Авторский коллектив:

к.и.н. В.Д. Викторова (гл. 1), Н.С. Корепанов (гл. 2-3), к.и.н. И.В. Побережников (гл. 1,3), д.и.н. Д.В. Гаврилов (гл. 4-7), д.и.н. Н.Н. Попов (гл. 8-10), д.и.н. И.Ф. Плотников (гл. 10), д.и.н. С.П. Постников (гл. 11), д.и.н. А.В. Бакунин (гл. 12), д.и.н. А.В. Сперанский (гл. 13), к.и.н. Е.Т. Артемов, к.и.н. В.А.Козлов (гл. 14), к.и.н. Е.В. Штубова (гл. 15), к.и.н. К.И. Зубков (гл. 16-17).

Рецензенты:

д.и.н. *Б.В. Личман*,
чл.-корр. Российской академии архитектуры
и строительных наук *А.А. Стариков*.

*Авторский коллектив выражает глубокую признательность
Администрации г.Екатеринбурга за оказанную помощь
в подготовке данного издания.*

*Содействие в подготовке книги оказали:
Институт стратегического анализа,
Государственный архив Свердловской области,
Центр документации общественных организаций Свердловской области,
краеведческий отдел Свердловской областной универсальной научной
библиотеки им. В. Г. Белинского*

Е 45 **Екатеринбург. Исторические очерки (1723 – 1998).** — Екатеринбург: Издательство «Екатеринбург», 1998. — 228 с.: илл.

ISBN 5-88464-002-1

Очерки рассказывают об истории г. Екатеринбурга, начиная с освоения территории будущего города древним человеком, закладки первого камня завода-крепости до конца XX в. Авторский коллектив стремился к беспристрастному, объективному изложению материала, учитывая как опыт предшественников, создававших труды по истории Екатеринбурга-Свердловска, так и достижения современной отечественной и зарубежной историографии. Очерки посвящаются 275-летию Екатеринбурга. Они рассчитаны на широкий круг читателей, и прежде всего на краеведов и историков, преподавателей и студентов, всех, кто интересуется историей своего города и родного края.

Е 0161-010
И84(03)-98 Без объявл.

ББК 9.3(2Р36)-22

ISBN 5-88464-002-1

- © Коллектив авторов, 1998
- © Администрация г. Екатеринбурга, 1998
- © Институт истории и археологии УрО РАН, 1998
- © Оформление. Издательство «Екатеринбург», 1998

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1998 г. городу Екатеринбургу исполняется 275 лет. Много это или мало? С одной стороны, если сравнивать эту дату с «возрастом» древних русских городов (Новгород, Киев, Смоленск, Москва и др.), то, конечно, можно сказать, что Екатеринбург молод. В нем прожили свою жизнь всего лишь 10-12 поколений уральцев. С другой стороны, если говорить об Урале, то Екатеринбург по праву может считаться одним из «ветеранов» среди городов региона.

Как известно, интенсивное освоение «Каменного пояса» началось в XVII в., тогда на карте региона появились Пелым, Соликамск, Верхотурье, Ирбит и другие города. Однако создание индустриальной мощи Урала началось с петровских преобразований, тогда, в самом начале XVIII в., были построены города-заводы Невьянск и Каменск, а затем Екатеринбург и Пермь.

Екатеринбург прошел почти все стадии развития городов Урала, начиная от петровской протоиндустриализации и заканчивая реформами конца XX столетия. И в этом смысле Екатеринбург не так уж молод. Его история богата, интересна и поучительна.

Нельзя сказать, что история Екатеринбурга не привлекала внимания краеведов и историков, журналистов и архитекторов. Ей посвящены десятки книг, сотни брошюр, тысячи статей в периодической печати. Основы изучения истории города заложил известный краевед Н.К. Чупин. В своих работах он показал деятельность В.Н. Татищева и В.И. Геннина по созданию железоделательного завода на берегах Исети, строительству крепости, привел данные о числе жителей в XVIII в. и т.д. Наиболее интересной и содержательной работой стал очерк Д.Н. Мамина-Сибиряка «Город Екатеринбург» (1889 г.), в котором достоверные исторические факты переплетаются в единое целое с художествен-

ными образами и публицистическими зарисовками из городской жизни.

Весьма информационно-содержательным была изданная в 1903 г. писателем-краеведом В.А. Весновским справочная книга «Весь Екатеринбург», в которой, наряду с богатым статистическим материалом фактически по всем сферам и отраслям жизни города, содержится краткий очерк истории Екатеринбурга с момента его основания до начала XX в. Не случайно книга В.А. Весновского до сих пор пользуется повышенным спросом у историков и краеведов.

Интерес к истории города возобновился в 1920-е гг. благодаря развитию краеведческого движения. К 200-летию города была проведена юбилейная научная конференция и изданы ее материалы в виде сборника «Екатеринбург за двести лет (1723-1923)». Вскоре вышел в свет историко-экономический очерк «Город Свердловск», в котором содержался богатый статистический материал о социальном составе населения, его промышленном потенциале и социокультурной сфере. Следует отметить, что изданные в 1920-е гг. книги об Екатеринбурге-Свердловске хотя и не отличались глубиной анализа, однако содержали объективные данные, которые представляют интерес и для современных исследований. К сожалению, этого нельзя сказать о работах, вышедших в 30-40-е гг. Так, книга А. Пятницкого «Свердловск» (1939 г.) рассказывает о городе через призму «успехов» социалистического строительства, в этом ключе автором подбираются фактические и статистические данные, которые искажают реальную картину развития Свердловска в годы первых пятилеток. В таком же плане написаны и очерки «Свердловск», изданные в 1946 г. Вместо действительного анализа состояния городского хозяйства в годы войны здесь приводятся отрывочные статистические данные, ис-

ходя из которых можно сделать вывод, будто бы город в то тяжелейшее время не испытывал трудностей, а динамично развивался.

В 1947-1948 гг. при участии ведущих ученых Урала были проведены две научные конференции по истории Екатеринбурга-Свердловска, положившие начало более объективному изучению прошлого города, в том числе ранних периодов его истории. Правда, крайняя политизированность современной истории Свердловска сохранялась в течение всех лет советской власти. Примером тому может служить вышедшая в 1962 г. книга «Большевики Екатеринбурга во главе масс», где освещалась деятельность коммунистических организаций по подготовке и осуществлению революций 1905-1907 и 1917 гг. В меньшей степени идеологизированы были вышедшие двумя изданиями к юбилеям города «Очерки истории Свердловска» (1958 г. и 1973 г.). Наиболее содержательными здесь были разделы, посвященные ранней истории города, особенно XVIII в. История Свердловска послевоенного периода сводилась главным образом к деятельности партийных организаций по руководству различными сферами жизни города — производственной, социальной, культурной и т.д.

В начале 1990-х гг. были сделаны первые попытки по-новому взглянуть на историю Екатеринбурга не только как на объект, но и как на субъект исторического развития. Это нашло отражение в материалах научно-практической конференции «Екатеринбург в прошлом и настоящем», посвященной 270-летию города. Больше внимания стало обращать на историю культуры городского сообщества, развитие архитектуры и градостроительства столицы Среднего Урала.

Однако, ни в коей мере не умаляя заслуг предшественников — историков и краеведов, писателей и архитекторов, следует признать, что подлинно научной и вместе с тем интересной, познавательной истории Екатеринбурга еще не создано. Изданы неплохие работы литературно-публицистического характера, содержательные справочники (См., например: Свердловск. Справочник-путеводитель. Свердловск, 1983). Но первые отличают-

ся субъективным, личностным подходом к освещению истории города, вторые же дают лишь моментальный срез его жизни в статике.

275-летний юбилей Екатеринбурга — замечательный повод для создания подлинно научной и вместе с тем «популярной» в хорошем смысле слова, «читаемой» истории города. Институт истории и археологии УрО РАН в последние годы предпринял ряд шагов в этом направлении. Вышло два издания альбома «Екатеринбург» (1994 и 1996 гг.), в которых не только содержатся новые данные по современной истории города, но и большое количество иллюстративных материалов, отражающих этапы градостроительства и архитектурный облик Екатеринбурга в конце XX в. Интерес представляют также очерки по истории города XVIII - XIX вв., авторами которых являются Н.С. Корепанов и В.А. Шкерин. Однако они, разумеется, не могут заменить фундаментального труда по истории Екатеринбурга к его 275-летию.

Предлагаемая вниманию читателей книга «Екатеринбург. Исторические очерки (1723-1998)» имеет ряд особенностей.

Во-первых, издание рассчитано на массового читателя и представляет собой труд, хронологически охватывающий период с предыстории, когда на территории будущего Екатеринбурга появился первый человек, до сегодняшнего дня. Во-вторых, книга не является «упрощенной», ее «популярность» сочетается со строгой научностью. В-третьих, «Очерки» не повторяют по своему содержанию, фактологии прежние издания о городе. Источниковая база книги является более широкой, включающей новые, ранее недоступные или невостребованные по разным причинам материалы. В-четвертых (и это, пожалуй, самое главное), город представлен в очерках как системный, непрерывно меняющийся объект, несущий в себе преемственность культуры и единства исторического процесса. Город — это не просто совокупность его отдельных подсистем (промышленность, коммунальное хозяйство, учреждения культуры и т.п.), это — живой организм, представляющий целостность в конкретный временной отрезок его истории.

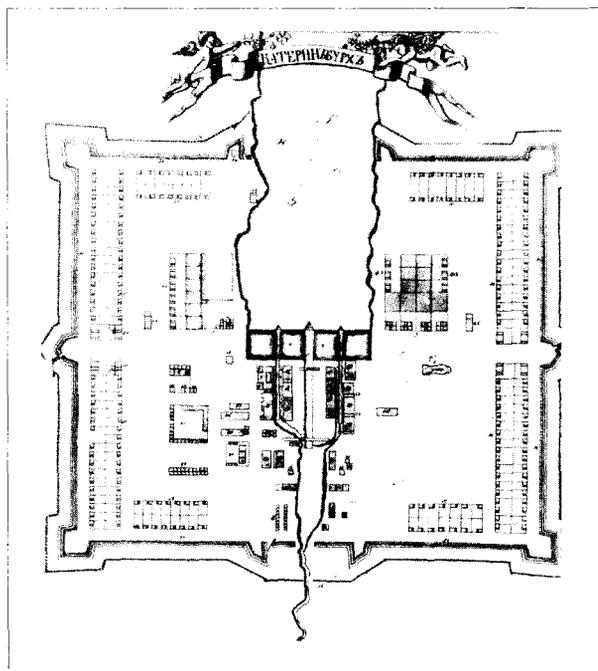
Работа над изданием позволила уточнить или даже пересмотреть некоторые ранее устоявшиеся стереотипы и заблуждения. Среди них — мнение о том, что Екатеринбург всегда был и останется крупным индустриальным центром Урала. В действительности таким центром он был далеко не всегда. Функциональную эволюцию Екатеринбурга можно представить в виде следующей цепочки: завод-крепость; горнозаводской центр; торгово-посреднический и индустриальный город; индустриальный и административный центр советского Урала; административный, культурный и финансовый центр региона в постсоветский период.

Новыми в данном издании являются и концептуальные подходы, и содержание. Достойное место в нем занимают сюжеты, которые в советской историографии считались малозначимыми и второстепенными, но в действительности играли важную роль в жизни горожан. Это — повседневный быт, включая праздники и развлечения, религиозные верования и менталитет населения города и т.п.

Надеемся, что данная книга займет достойное место в историографии Екатеринбурга и станет хорошим подарком к его 275-летию как для жителей, так и для гостей города.

С. П. Постников

РАЗДЕЛ I
РОЖДЕНИЕ ГОРОДА

1. Первые поселения

Археологические исследования на территории города

Когда и почему древний человек заселил территорию современного Екатеринбурга? Этот вопрос всегда волновал ученых. Еще в конце XIX в. при строительстве железной дороги были обнаружены археологические памятники в окрестностях города. Ученый секретарь Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ) О.Е.Клер, его ученики и коллеги М.В.Малыхов, К.И.Фаддеев, В.Я.Толмачев, Н.А.Рыжников, Д.Н.Мамин-Сибиряк организуют ежегодные разведочные поиски. Остатки поселений находили главным образом по берегам и островам озер Исетского, Мелкого, Карасьего, Шарташского, а также по берегам и островам Верх-Исетского пруда. Уже тогда был сделан вывод, что в древности на месте современного пруда было плеоозеро. Исследователи обнаружили и частично раскопали Палкинские правобережные стоянки, городище на горе Малой, поселения Коптяки на Исетском озере, ряд памятников на озере Карасьем, жертвенные комплексы и места металлургического производства у основания Шарташских каменных палаток, Чертова городища, на горе Матаихе.

Обнаруженные предметы составили основу археологического отдела музея УОЛЕ. Есть они и в фондах музеев Женевы, Парижа, Хельсинки, Вены. С того времени уральские археологические материалы активно используются мировым научным сообществом в поисках прародины финно-угорских народов.

Когда началось заселение верховьев Исети и Пышмы? После находки шлифованного каменного топора на берегу Карасьего озера О.Е.Клер сделал вывод, что район был освоен человеком еще в каменном веке.

Что же влекло древних людей в этот край? Один из возможных ответов — в характере находок. Среди них было большое количество орудий из камня и меди. Есть сведения, что местные крестьяне «пу-

дами» сдавали древние медные предметы в переплавку, продавали их в антикварные лавочки. Несомненно, наличие каменного сырья и медных руд сыграло важную роль в заселении края древним человеком.

Обилие металлических находок породило дискуссию: кто были первые металлурги — аборигены или пришлое население? Научно обоснованный ответ на этот вопрос появился только спустя столетие как итог многолетних археологических исследований.

В 20–30-е гг. XX в. были изучены памятники у станции Гать. П.А.Дмитриев раскопал несколько землянок эпохи раннего металла, а А.А.Берс — часть могильника Калмацкий брод середины I тыс. н.э. После изучения полученных материалов с памятников горно-лесного Зауралья, в том числе Палкинских стоянок и поселения Калмацкий брод, было дано монографическое описание жилищ, а также форм охоты, рыболовства и собирательства древнего населения края.

Раскопки могильника Калмацкий брод породили ряд гипотез, откуда пришли коневоды с новыми культурными традициями, какова их этническая принадлежность, как жили древние обитатели региона? Но ученые тогда еще не располагали необходимыми материалами для воссоздания основных этапов древней истории края.

Эта задача была частично реализована лишь в 50–60-е гг., когда вышли два издания книги Е.М.Берс «Археологические памятники Свердловска и его окрестностей». Прекрасно зная коллекции Областного краеведческого музея, но опираясь в основном на материалы своих раскопок (Палкинское левобережное селище, а также селищ на острове Макуша, мысе Еловом, на стоянках Новая II и III и на горе Петрогром), Е.М.Берс дала развернутую характеристику жизни населения края в эпоху неолита, бронзы, железного века, свою трактовку погребений с Калмацкого брода I тыс. н.э. Многие идеи Е.М.Берс — определение основных этапов древней истории, выделение ряда новых археологи-

ческих культур — нашли подтверждение в последующих исследованиях. Особенно ценны реконструкции древних металлургических процессов на горе Петрогром.

Следующий этап в изучении края — 70—90-е гг. В этот период археологи В.И. Стефанов, Ю.П. Чемякин, В.М. Морозов, В.А. Борзунов проводят сплошное археологическое исследование в окрестностях города. Ежегодные стационарные исследования ведутся В.Д. Викторовой, С.Н. Паниной, Н.М. Чаиркиной, С.А. Погореловым, А.Ф. Шориним, С.Е. Чаиркиным, В.Н. Широковым, В.Ф. Кернер.

Изучение памятников носит комплексный характер. Совместно с археологами работают экологи (П.А. Косинцев), палинологи (В.И. Маковский, Н.К. Панова), геологи (О.К. Иванов, Э.Ф. Емлин), почвоведы (Г.И. Махонина). Датировка памятников уточняется с помощью радиоуглеродного анализа. Весьма результативными оказались современные методы археологии — трасологический анализ и археологический эксперимент (Н.А. Алексашенко).

Археологические исследования ученых нашего города, а также Перми, Ижевска, Уфы, Челябинска в сопредельных районах по обе стороны Уральского хребта дают возможность определить место древних племен горно-лесного Зауралья в исторической панораме развития культуры народов Урала.

Рыболовы и охотники каменного века

Раскопки памятников Шувакиш I и Палатки I позволили отнести начало заселения края к эпохе мезолита (VIII—VII тыс. до н.э.). В этот период установился климат современного типа, а воды от таяния ледников заполнили все котловины. Верховья Исети и Пышмы представляли собой озерный край. Водоёмы изобиловали рыбой, берега — водоплавающей птицей, в лесах водились лоси, косули, медведи, а отмели озер и рек содержали разнообразные породы и минералы. Казалось, край ждал прихода человека.

Откуда могли прийти первые обитатели? Можно предположить, что с Южного Урала, поскольку для изготовления орудий древние мастера использовали наряду с ме-

стным сырьем южно-уральскую палеую яшму.

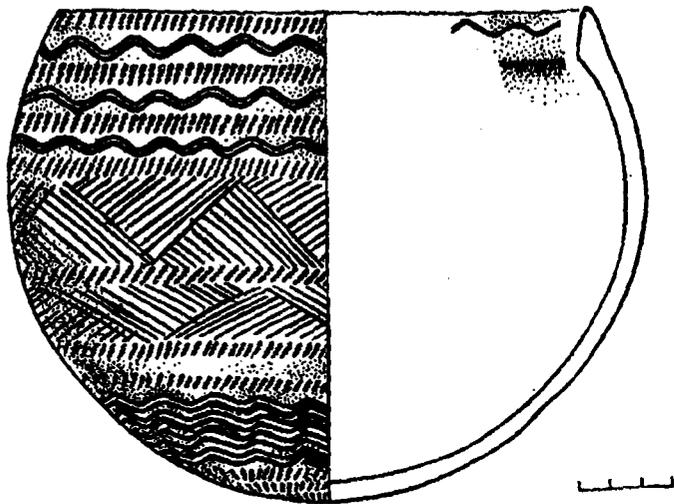
Зимой люди жили на долговременных поселениях, охотились на копытных животных. Летом промысловыми группами расселялись по берегам озер, ловили рыбу сетью, гарпунами, ловушками. Как в охоте, так и в рыбной ловле широко применялись лук и стрелы.

В последующую неолитическую эпоху (VI—IV тыс. до н.э.) климат был сухой и тёплый. Наряду со смешанными лесами в Зауралье распространяются широколиственные — ильм, вяз, клен, липа, граб.

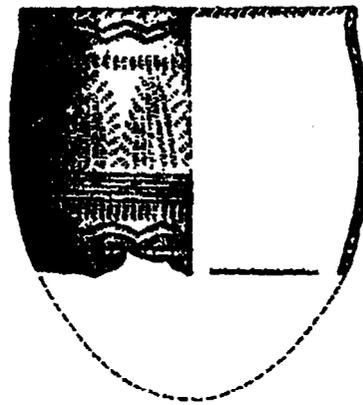
Благоприятные климатические условия, стабилизация образа жизни способствовали быстрому росту народонаселения. Практически на всех останцах, удобных берегах, островах озер и рек появились поселения. В настоящее время в районе известно свыше 50 неолитических памятников. На поселениях Исетское Правобережное I и Макуша III обнаружены прямоугольные жилища, слегка углубленные в землю. Бревенчатая кровля поддерживалась каркасно-столбовой конструкцией. В интерьере для сооружения лежанок и «столиков» широко использовались каменные напластования и валуны. На полу жилищ и за их пределами сооружались хозяйственные ямы. Около них, а также возле очагов найдены раздавленные сосуды полуяйцевидной формы различных размеров. Вся внешняя поверхность сосудов богато украшена узорами (рис. 1).

Основной формой хозяйства было рыболовство. Размеры, вес и количество каменных грузил с поселений указывают на наличие больших сетей и неводов, которые изготовляли из крапивного волокна. О круглогодичной ловле рыбы свидетельствуют каменные пешни, которые использовались для пробивания лунок во льду. Рыболовство дополнялось охотой и собирательством.

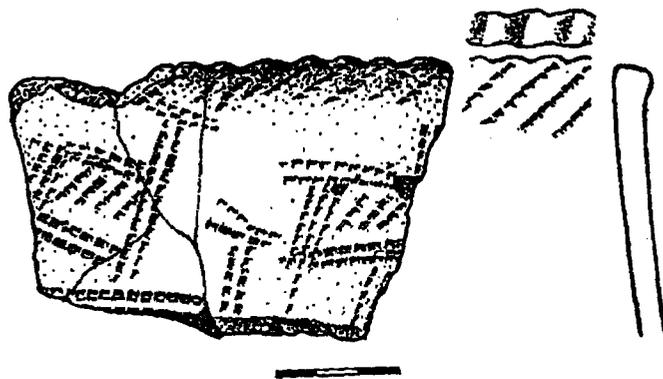
Неолитическое население прекрасно знало природные богатства края. Достаточно указать на факт, удививший современных геологов. Оказывается, жители поселения Исетское Правобережное I использовали для изготовления орудий свыше 50 различных пород и минералов, которые находили как вблизи, так и в радиусе около 70 км. На этот период приходится расцвет

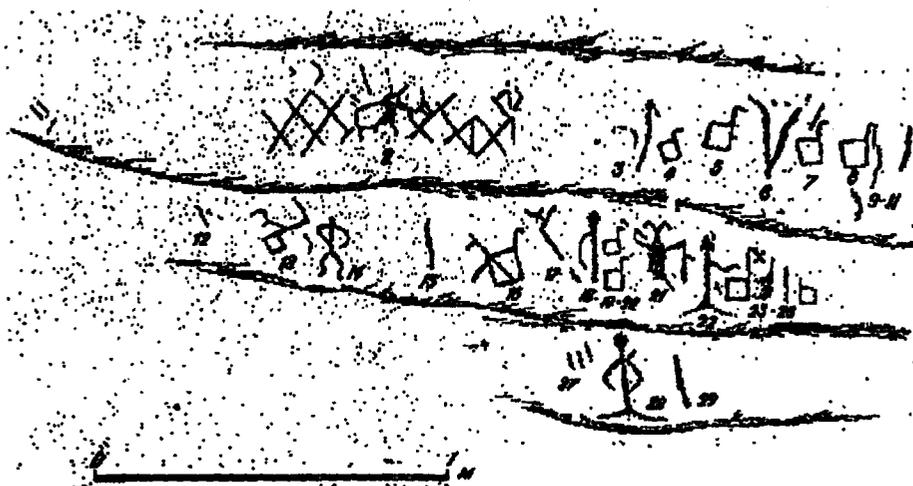
1. Сосуд эпохи неолита.
Поселение Исетское Правобережное 1
(Коллекция ИИиА УрО РАН)

2. Сосуд эпохи неолита.
Поселение Палатки 1
(Коллекция ИИиА УрО РАН)

3. Фрагмент сосуда эпохи неолита.
Карасье озеро
(Коллекция СОКМ)

4. Изображения Северской писаницы
(реконструкция В.Н. Широковой)

техники шлифования. При раскопках найдено большое количество орудий для работы по дереву: топоры, тесла, долота, стамески из кремнистого туфа. Они были необходимы для постройки жилищ, при изготовлении лодок, весел, саней, лыж, посуды.

Мифы на скалах и глине

Эпоха энеолита (III тыс. до н.э.) — начало знакомства населения с медью. Первые металлические предметы невелики по размерам: шилья, проволочные изделия или, например, медный ножичек со стоянки Разбойничий остров. Вероятно, эти предметы были результатом обмена с южно-уральскими соседями. Но основную часть орудий продолжали изготавливать из камня.

В этот период установился более влажный и прохладный климат. Усилился процесс заболачивания озер, начавшийся еще в неолите. Заметно сократились возможности рыболовства, и основной формой ведения хозяйства становится охота на лося, косулю, пушных зверей и водоплавающую дичь.

Изменение образа жизни отразилось в мировидении древних обитателей края. Картина мира мезолитического и неолитического населения горно-лесного Зауралья из-за недостатка источников может быть восстановлена весьма фрагментарно. В немногочисленных скульптурных изделиях из камня, глины и дерева представлены два образа — лось и медведь. В композициях на культовых неолитических сосудах отражаются представления о двухчастной картине мира. Ее слагаемые — гора и первичные воды.

Значительно богаче археологические материалы, раскрывающие духовную жизнь энеолитического населения края. Это прежде всего наскальные изображения — писаницы. Подобные памятники — рисунки, нанесенные на вертикальные плоскости скал охрой, известны в горно-лесном Зауралье от верховьев реки Тагил до верховьев рек Юрюзань и Ай. Восемь таких писаниц найдены на скальных выходах истоков реки Исеть. Наиболее хорошо сохранилась Северская писаница, на которой можно увидеть охоту на копытное животное с помощью сети и загонную охо-

ту на водоплавающую птицу (рис. 2). В композициях наскальных изображений у озера Мелкого и на Каменноостровской писанице в основном представлены фигуры водоплавающих птиц. Рисунки были связаны с обрядами, которые совершались перед охотой.

С иной формой охотничьих ритуалов соотносятся находки у торфяниковых настилов: деревянные ковши и ложки с ручками в виде голов утки, лебедя или гуся, скульптурные изображения лося с полым туловищем, антропоморфные идолы. К предметам культового характера принадлежат сосуды, на которых повторяется условленный неолитический символ — гора. Новые сюжеты на сосудах представлены чередой плывущих птиц, а также фигурками косуль (рис. 3).

О чем повествуют композиции на скалах и орнамент на посуде? Для людей, живших в горно-лесном краю, образ горы, силуэты гор на горизонте — это знак родного края, который мыслился как центр Вселенной. У подножия гор человек жил, охотился. Гора посреди слегка волнистой глади вод и водоплавающая птица — эти два образа вызывают в памяти финно-угорские мифы о том, как утка (гагара) ныряла за землей в воды первичного океана. Вполне вероятно, что миф восходит к этой эпохе.

Второй мифологический сюжет — гора как дом предков, также известный в фольклоре манси, может быть соотнесен с двумя археологическими фактами. Еще с эпохи неолита вертикальная скала служила естественной стеной жилища. А все немногочисленные захоронения эпохи неолита и энеолита горно-лесного Урала совершались в полости горы — в предвходовой части пещер, гrotтах или каменных ящиках.

Представление о горе как связующем звене всех образов древней мифологии можно усмотреть в некоторых наскальных изображениях. В ряде композиций силуэт горы округлой формы или в виде вписанных друг в друга углов, окаймленных отростками-деревьями, и солярные знаки можно соотнести с верхним миром. Средний мир составляют антропоморфные фигуры, образы копытных животных, водоплавающих птиц, ловушки и орудия лова. Нижний мир — вода, куда обрывается скала с ри-

сунками, или полость горы, куда помещали умерших.

Многократно повторяющийся образ водоплавающей птицы на скалах, сосудах, в деревянной скульптуре мог отражать еще и то обстоятельство, что птицы связаны со всеми тремя мирами: летают по воздуху, гнездятся на земле, плавают по воде.

Аналогичный образный ряд мифологической картины мира этого же периода присутствует на сосудах Финляндии, петроглифах Карелии, сосудах и в кремневой пластике озерных жителей Волго-Окского междуречья. Близкое мировосприятие населения лесной полосы Евразии от Финляндии до восточных склонов Урала очерчивает зону распространения древних финно-угров.

Зарождение металлургии в крае

Становление металлургии происходит в эпоху бронзы во II тыс. до н.э. Предметы из меди и бронзы начали изготавливать на местном сырье, и они в основном вытеснили каменный инвентарь.

Можно говорить о двух импульсах развития металлургии края — южном и восточном. Мигранты с Южного Урала привнесли навыки обработки металла и скотоводства, новые традиции домостроения и свой погребальный обряд. На поселении Палатки I по центральной линии жилища был расположен глинобитный очаг, а в углу — глиняная лежанка, что совершенно не характерно для местных племен. Равно как и обычаем хоронить детей рядом с жилищем. В головах погребенных стояли маленькие плоскодонные сосудики, с орнаментом (рис 4). Сопровождающие вещи могли быть каменными (скребки, нож, половина оселка), встречались и бронзовые (браслеты, подвески, ножи). Найденный на поселении бракованный металлический наконечник стрелы свидетельствует о наличии местного производства.

Процесс взаимоассимиляции аборигенов и пришлых групп просматривается в орнаментации сосудов. В ней сочетается традиционный образ мифологии финно-угров — изображение водоплавающих птиц с новыми композициями, включающими крест и меандр. Вполне вероятно, что в

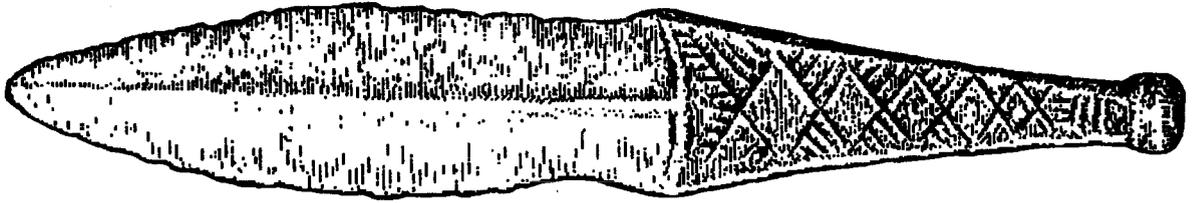
результате этого процесса и постоянных контактов с южными соседями в финно-угорскую мифологию начинают проникать образы индо-иранской.

Восточный, сибирский импульс принес в развитие металлургии новую технологию — изготовление полых предметов (втулок наконечников копий и кельтов — топоров или мотыг в зависимости от формы рукояти) с помощью глиняных сердечников. Есть основания говорить, что западная граница производства этих предметов приходится на верховья Исети. Здесь на поселении Палатки I обнаружен не только кинжал с орнаментированной рукоятью, но и фрагмент тальковой формочки для изготовления подобного оружия (рис. 5).

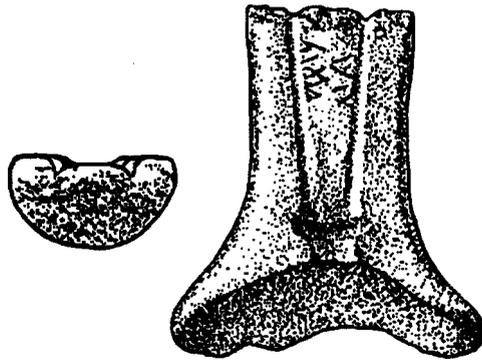
Новый этап развития металлургии меди приходится на ранний железный век (I тыс. до н.э.), когда в горно-лесном Зауралье сформировался иткульский металлургический очаг. Отсюда металл в слитках шел к приуральским земледельцам и скотоводам, оружие — воинственным кочевникам Южного Урала и Северного Казахстана, а также восточным и западносибирским кочевым и полукочевым племенам.

Многочисленные находки предметов из меди иткульского круга памятников и вызвали в свое время дискуссию членов УОЛЕ об истоках уральской металлургии. Сегодня есть основания говорить о местных традициях сложения иткульского металлургического очага.

Иткульские памятники (как открытого типа, так и городища) носили производственно-жилой характер. Они занимали высокие площадки островов Макуша, Каменные палатки и вершины гор (Большегорское городище, гора Петрогром, Шарташские каменные палатки). В состав мастерских входили один—два однокамерных горна чаще всего овальной формы, или двухкамерные — восьмеркообразной формы. Они были углублены на 20—25 см в землю или скалу (так называемые каменные чаши на плоскостях скал в верховьях Исети). В этом случае наземный купол достраивался на 0,7—1,0 м каменной кладкой или каркасом из жердей, обмазанных глиной. Реже встречаются горны в виде ям, углубленных на 0,6—0,8 м. Воздух нагнетался при помощи глиняных трубок-сопел, соединенных с воздуховыми ме-

5. Кинжал эпохи бронзы. Поселение Палатки 1
(Коллекция ИИиА УрО РАН)

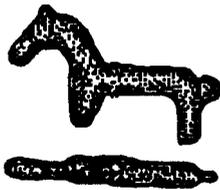
6. Фрагмент формочки для изготовления кинжала. Тальк.
Поселение Палатки 1
(Коллекция ИИиА УрО РАН)

8. Маховичок для добывания огня. Тальк.
Поселение Палатки 1
(Коллекция ИИиА УрО РАН)

7. Птицевидное изображение. Медь.
С горы у устья р. Романовки
(Коллекция СОКМ)

9. Изображение коня. Бронза.
Шарташские каменные палатки
(Коллекция СОКМ)

хами. Шихта закладывалась прямо в камеру. Готовый металл собирался в тигли или сосуды, установленные в придонные ямки. Рядом с горном сооружался навес или легкая постройка.

Металлургическая площадка, как правило, богата находками: кусочками руды (азурита или малахита), обломками сопел, ошлакованных сосудов и тиглей, часто встречаются глиняные сердечники и тальковые формочки для отливки кельтов, ножей, наконечников стрел и копий, целые и бракованные изделия из меди. Только на памятнике Палатки I найдено более 20 наконечников стрел так называемого скифского типа. Г.В.Бельтикова, исследователь памятников иткульского металлургического очага установила, что верх-исетские памятники были из самых ранних и работа на них шла по полному циклу: выплавка меди из руды, подогрев металла, отливка изделий и их дополнительная проработка.

В ритуалах, предваряющих выплавку металла, определенное место занимали тальковые диски, украшенные узором, напоминающим солнце (рис. 6). Возможно, их использовали для добывания «живого огня» трением, полагая, что знак огня-солнца гарантирует удачную плавку.

Существенно изменился взгляд древних металлургов на мир. Несмотря на наличие мотивов охоты и рыболовства, из мифологической картины исчезают образы копытных животных и водоплавающих птиц. Известны святилища этого времени на горах Азов, Караульной, где основную часть ритуальных предметов составляли медные изображения хищных птиц. В верховьях Исети подобные изображения известны из клада с горы Малой, с вершины горы у устья реки Романовки (рис. 7). Непременной частью находок были изделия округлых форм — зеркала, бляхи. Что могли означать новые образы? Можно предположить, что образы хищных птиц в полете олицетворяли движение воздуха (духов ветра), а круглые предметы из металла, как и каменные диски, ассоциировались с солнцем-огнем (духом огня).

В IV—III вв. до н.э. происходит постепенное затухание иткульского металлургического очага. Повсеместно осваива-

ется варка кричного железа. Этому, в частности, способствовала большая распространенность месторождений железной руды по сравнению с медной.

Этнические сдвиги в эпоху средневековья

Событием, повлиявшим на дальнейшую историю края, было продвижение в середине I тыс. н.э. из лесостепи племен угров-коневонов. Приток мигрантов — одно из следствий Великого переселения народов. Следы этого события прослеживаются по находкам, найденным при раскопках археологических памятников Шарташские каменные палатки, а также горы Петрогром, горы Матаиха. От ритуалов остались кальцинированные косточки, костяные наконечники стрел, железные ножи, бусы, в том числе хрустальные, подвеска в виде конька (рис. 8). На северной части склона острова Каменные палатки в расщелине раскопаны основания четырех взаимосвязанных горнов. Узкие щели в гранитных плитах были плотно забиты железными шлаками, среди которых находились обломки сосудов и сопел. Подобное расположение горнов есть и на горе Петрогром.

Помимо мест металлургического производства известны грунтовые могильники — Калмацкий брод, Палкинский 2-й, а также курганный на берегу озера Исеть. По ним можно судить, что воинами были не только мужчины, женщин тоже хоронили с оружием. Поселений середины I тыс. н.э. пока не найдено. Возможно, пришельцы входили в состав древних мадьярских племен, кочевавших в лесостепи Урала.

В конце I — начале II тыс. н.э. на территории лесного и горно-лесного Зауралья складывается древнемансийская юдинская культура, впитавшая черты как местного, так и пришлого угорского населения. Это были оседлые скотоводы и охотники, в среде которых особо почитался конь. Отголоски этого почитания широко распространены в мансийском фольклоре.

В верховьях Исети сохраняются традиционные места производства металла и отправления культа, появляются и новые — Чертово городище. Там, у оснований каменных палаток, найдены железные шлаки, обломки сосудов, кусочки листовой

меди с заклепками, костяной наконечник стрелы, железный нож, фрагмент шумящей подвески. Последняя находка характерна для украшений финно-угорского круга памятников, в том числе юдинской культуры.

Следы жилища XII—XIII вв. обнаружены в верхних слоях поселения Исетского Правобережного I. Основанием жилища служил неглубокий котлован почти квадратной формы. По наличию столбов можно предполагать балочно-стоечную конструкцию. На полу жилища расчищены два наземных очага, вокруг которых стояли раздавленные сосуды, украшенные по шейке шнуровыми и гребенчатыми узорами, несколько поодаль находился металлургический комплекс в виде двухкамерного основания горна и открытого кострища. Рядом лежали куски железного шлака, фрагменты сосудов, украшенные орнаментом так же, как и найденные в жилище. Найдена обломка пружинных ножниц для стрижки овец еще раз подтверждает, что мансийское население этого времени были скотоводами.

Древнемансийское население в X—XIII вв. поддерживало постоянные контакты с угорским, продолжавшим кочевать в уральской лесостепи и после ухода части племен на запад — в Паннонию (Венгрию). Возможно даже, что из-за следующей волны миграций — татаро-монгольской — какая-то группа этого населения продвинулась в южную кромку леса. Об этом можно судить по погребениям могильника, раскопанного у окраины деревни Палкино.

Археологические и письменные памятники по истории края XIII—XV вв. весьма бедны. В этот период какая-то часть тюркского земледельческого населения, сдвинула мансийское население к северу, а, возможно, частично ассимилировала его и освоила долины рек Исети, Пышмы и Туры. Памятники этого времени только начали исследоваться археологами у озера Малый Шарташ.

Начало освоения Среднего Зауралья русскими

Уже в конце XV в. в состав Русского государства вошло Приуралье — Пермь Великая и Вятская земля. Во второй поло-

вине XVI в. начинается новый этап в русской колонизации Урала. В 1552 г. пало Казанское ханство, в 1555—1556 гг. добровольно присоединяется к России основная часть Башкирии, в 1557 г. прикамские удмурты признают власть Москвы. В результате воинской экспедиции Ермака в 1582 г. пала столица Сибирского ханства — Искер. Были созданы предпосылки мирного освоения русскими людьми Зауралья и Сибири.

Проведенная в конце XVI в. прямая сухопутная дорога от Соликамска до верховьев реки Туры (так называемая Бабиновская) в семь раз сократила путь в Сибирь, пролежавший ранее по водным артериям в северных малодоступных районах Урала. В результате значительно увеличился поток переселенцев на Урал и в Сибирь, первоначально, в конце XVI—XVII вв., шедший преимущественно из районов европейского Севера. В 1586 г., еще в разгар военных действий, возник древнейший сибирский город Тюмень, в следующем году — Тобольск. В 1598 г. в верховьях Туры было основано Верхотурье, появились и другие поселения в Зауралье (в 1601 г. Туринская слобода и др.).

С их возникновением вся территория Северного и Среднего Урала прочно вошла в состав Русского государства, и были созданы условия для массового заселения края. В этом процессе, наряду с русскими, активное участие приняли другие народности Севера и Поволжья, в частности коми-зыряне, коми-пермяки, башкиры, татары, марийцы.

В XVII в. Урал становится базой заселения русскими Сибири. Переселенцы продвигались на восток по рекам и сухопутным путем. Наряду с официальной Бабиновской дорогой из европейской России в Сибирь огромную роль в ходе колонизации на протяжении столетия играли «неуказные» дороги. Оживляется ведущая через Уфимские степи на Тюмень «старая Казанская дорога» («Казанская тропа»), которая пересекала окрестности будущего города. В середине XVII столетия установилось одно направление этой дороги — через основанный в 1648 г. Кунгур. Путь пролегал по реке Бисертъ, верховьям Чусовой. Далее дорога раздваивалась: в северо-восточном направлении она шла реками Уткою и Режью на Арамашевскую слободу.

ду к Ирбиту; а в юго-восточном — от верховьев Чусовой на верховья реки Исеть к Арамилской, Колчеданской, Катайской слободам, к Далматову монастырю, а далее через Тюмень на Тобольск.

В первой половине XVII в. на восточном склоне Урала наиболее быстро осваивались плодородные земли южной части Верхотурского уезда вплоть до реки Пышмы. В 20-х — первой половине 40-х гг. XVII в. здесь возникли многочисленные слободы (Рудная, Ницинская-Ощепкова, Краснопольская, Мурзинская, Невьянская, Тагильская, Арамашевская, Ирбитская, Белослудская и др.). Эти слободы уже в 1630–1640-е гг. стали основным земледельческим ядром Верхотурско-Тобольского района, сыгравшего ведущую роль в снабжении Сибири хлебом в XVII в.

В 1644 г. старец Далмат основал на реке Исеть Далматовский монастырь, ставший одним из центров русской колонизации края. В середине века появились слободы по самому южному притоку Туры — реке Пышме, строится Исетский острог недалеко от места, где река Исеть впадала в реку Тобол. Во второй половине XVII в. южная граница русских земель продвинулась до рек Исеть и Миасс. Здесь, а также по берегам Пышмы и Тобола, возникает более 50 новых слобод, закрепивших за районом, по словам известного историка В.И.Шункова, «славу самого земледельческого района Сибири XVII в.» В их окрестностях возникают русские деревни. В это время основываются село Катайское (1656), Шадринская (1662), Камышловская (1667), Аятская (1669), Красноярская (1670), Калиновская (1674), Арамилская, Куяровская, Буткинская (1675–1676), Багарякская (1689), Белоярская, Пышминская (1695) и другие слободы, Колчеданский острог (1673). В 1650-е гг. появилось первое русское поселение в верховьях реки Чусовой, при впадении в последнюю реки Утки (средней), — слобода Чусовская — Уткинская.

Таким образом, к концу XVII в. в результате освоения верховьев рек Исети, Чусовой, Пышмы пространство будущего города Екатеринбурга оказалось внутри неправильного четырехугольника, вершины которого были образованы слободами: Уткинской (на западе), Аятской (на севере),

Белоярской (на востоке), Арамилской (на юге).

Колонизация южных местностей Тобольского уезда осуществлялась в значительной степени за счет переезда населения из ранее возникших слобод Верхотурского уезда. Слободы юга Тобольского уезда привлекали выходцев из районов старого заселения. В ходе передвижений широкое распространение получили кустовые землячества: переселенцы какого-либо пункта Верхотурского уезда устраивались более или менее компактными группами в определенных слободах Тобольского уезда. Так, в Арамилскую слободу шли в подавляющем большинстве жители Чусовской слободы. К 1647 г. относится первое упоминание о каком-то обследовании мест по Исети. А уже в 1669 г. на Исети имелись отъезжие сенокосы десятков ирбитских крестьян. Вообще бассейн Исети стал районом интенсивного заселения и освоения в 1660-е гг.

В конце XVII в. окрестности будущего города уже были достаточно населены и освоены в сельскохозяйственном отношении. Посетивший в 1692 г. эти места уроженец Шлезвиг-Гольштейна Избрант Идес, посол в Китае русского правительства, записал в дневнике: «Выехав 10 июня из Утки на телегах и лошадях, проехали мы мимо слободы Аятской и пересекли огибающую ее реку Нейву. Далее мы последовали вдоль реки Режи до слободы Арамашевой и оттуда до Невьянского острога на вышеупомянутой реке Нейве. Это путешествие сухим путем до Невьянска доставило мне величайшее наслаждение, так как по пути встречались прекраснейшие луга, леса, реки, озера и самые плодородные и прекрасно обработанные поля, какие только можно себе представить, все хорошо заселенные русскими; здесь можно было достать всякие припасы по сходной цене».

Русская колонизация Зауралья протекала интенсивно, несмотря на то что во второй половине XVII в. в междуречье Исети и Миасса возник русско-башкирский территориальный спор, ставший одной из причин острых разногласий между соседними народами и серии башкирских восстаний на протяжении второй половины XVII — первой половины XVIII в. Кочевые скотоводы считали земли по

Миассу и Исети башкирскими. Русские же земледельцы подчеркивали, что населенные пункты в указанной местности, в том числе Арамильская слобода, строились «по указам великих государей и памятью тобольских воевод на порозжих местах». Уже в ходе башкирского восстания 1681—1684 гг. обширная территория от Чусовой до среднего течения Исети стала ареной кровавых столкновений. Повстанцы овладели Уткинской слободой, Колчеданским острогом, приступили к осаде Катайского острога. Приказчики Аятской, Арамильской, Мурзинской и других слобод с тревогой ждали нападения. Очередное башкирское восстание 1704—1711 гг. обернулось новыми бедствиями для населения бассейнов Чусовой, Исети, Миасса, Течи. В частности, в июне 1709 г. восставшими башкирами было выжжено одно из первых селений на территории будущего города — Верхний Уктус.

Русские поселения на территории города

Самые ранние регулярные поселения в черте будущего города появились в конце XVII в. К их числу, вероятно, относились деревни Уктус и Верхний Уктус (на месте которого позднее возникло поселение Горный Щит), Шарташ, а далее к северу — деревня Новая Пышма, или Ново-Пышминская. На карте С.У.Ремезова (1695 г.) нашли отражение следующие поселения: «слобода Арамилска», «деревня Бобровская», три деревни в среднем течении реки Уктус, около слияния ее с речкой Калтык, три поселения между устьями рек Решетки и Уктус, ориентировочно в районе современных Шарташа—Сортировки, поселения на речках Бобровка и Ключик, три поселения на реке Сысерть, объединенных общей надписью «деревни Арамильской слободы».

На другой ремезовской карте 1696 г. указаны три деревни на реке Уктус: «Нижний Уптус», «Уптус», «Баляшнина» (две — на правом берегу реки, одна — на левом). В районе Арамильской слободы обозначен ряд деревень вверх по реке Арамилке: Темная, Омелина, Седельникова, Лугова, а также Емелина (на Исети).

В начале XVIII в. беглые староверы образовали старейший шарташский скит (старообрядческий монастырь) Казанский со своей молельней. К началу строительства собственно Екатеринбургской местности будущего города входила в чертеж Арамильской слободы, которая подчинялась властям Тобольского уезда Сибирской губернии. К 1720 г. в лесах на месте Екатеринбургской стоял казенный Уктусский завод (в 7 верстах к юго-востоку от будущего города). К юго-востоку и югу лежали Арамильская слобода и приписанные к ней деревни: Нижний Уктус (Елизавет в будущем), Исток, село Бобровское, Косулино, Седельниково, Кашино, Кадниково, Щелкун и др. Деревня Щелкун была крайним южным пунктом русских поселений. К востоку от города располагалась слобода Белоярская на Пышме с приписанными селениями: селом Клевакинским, а также Белоярской, Гагарской, Мезенской, Гусевой, Бутаковой и другими деревнями. По Кунгурской дороге на запад от будущего Екатеринбургского, приблизительно в 50 верстах, лежала деревня Уткинской слободы Подволошная на реке Чусовой; еще западнее на 20 верст располагалась сама слобода.

Первые заводы в окрестностях города

Огромные рудные богатства Урала создавали предпосылки для промышленного развития региона. Поиски руд и других полезных ископаемых активно велись в XVII в. В 1620—1640-е гг. на реке Тагил были обнаружены залежи железной и медной руды. В 1672 г. экспедиция во главе с думным дворянином Я.Т.Хитрово безуспешно искала серебряную руду на реке Исеть. В 1680-е гг. железорудные месторождения были открыты в окрестностях Аятской слободы и на реке Исеть. Последнее с 1682 г. разрабатывалось Железянским заводом, который принадлежал Далматовскому монастырю. Серьезные изменения в развитии уральской промышленности произошли в первой четверти XVIII в. В 1700 г. началось строительство Невьянского и Каменского заводов. Вслед за ними был построен ряд других казенных и частных металлургических предприятий. В 1702 г. на левом берегу

Исети против устья речки Решетки было открыто железорудное месторождение (Решетское), сыгравшее немалую роль в обеспечении рудой первых железодельных заводов — первоначально Уктусского, а затем Екатеринбургского и Верх-Исетского.

В 1702—1706 гг. в месте впадения реки Уктус в реку Исеть строится казенный Уктусский (Нижнеуктусский) завод (строительство началось 4 декабря 1702 г.). К заводу были приписаны крестьяне Арамилевской, Калиновской, Белоярской слобод; позднее, в 1712 г., были приписаны дополнительно жители Камышловской и Юрмыцкой слобод. При добыче руды и углежжении использовался труд пленных шведов, присланных из Верхотурья. Руководил строительством тобольский приказчик И. Астраханцев. В 1713—1716 гг. коменданты С. Дурново и О. Бухвалов построили еще медеплавильную фабрику на два горна. Однако в апреле 1718 г. Уктусский горный завод сгорел «без остатку», в пожаре погибли и документы заводской конторы.

Для строительства нового Уктусского завода был назначен бывший комиссар Алапаевских горных заводов Т. М. Бурцев. В августе 1718 г. к заводу был дополнительно приписан Катайский острог с 333 дворами. К концу же года завод действовал и уже выплавил более 500 пудов чистой меди, но окончательно восстановлен он

был лишь в 1720 г. Уктусский завод производил чугун, железо, уклад, гвозди, якоря, котлы, инструменты, военную продукцию: бомбы, гранаты, ядра, картечь. «Дедушка» Екатеринбурга — Уктусский завод — продолжал давать металл до середины XVIII в. Затем при заводской плотине была устроена золотопромывальная фабрика, проработавшая до середины XIX в. Возникают и частные мануфактуры, по выражению известного историка А. А. Преображенского, «первые ласточки деятельности на восточных окраинах частного капитала». Первое крестьянское железодельное предприятие в Зауралье — Шувакишский завод — появилось в непосредственных окрестностях будущего города. Завод был построен «москвитинном» Ларионом Игнатьевым сыном Мясниковым в 1704 г. на ручье, вытекавшем из озера Шувакишского и впадавшем в реку Пышму. По данным Н. К. Чупина, в 1708—1709 гг. завод имел 4 молота больших, 2 молота малых, 4 меха ручных. Кричное железо производилось прямо из руды в малых печах. Затем крицы обрабатывались в молотовой, которая действовала за счет энергии воды. Во время башкирского восстания (1710 г.) Шувакишский завод подвергся разорению и был частично сожжен. Часть его работников была перебита, других угнали в плен. В последующем завод удалось восстановить, однако просуществовал он недолго.

Примечания

- * Уклад — мягкая сталь, получавшаяся из кричного железа.
- * Кричное железо — железо, полученное путем передела чугуна в кричном горне.
- * Крица — губчатая масса железа, проваренная в кричном горне и поступающая под кричный молот для отжимки, т. е. для удаления остатков шлаков.

2. Основание Екатеринбурга

*Проекты создания завода
на реке Исеть: за и против
(1721–1722 гг.)*

В 1717 г. рудознатец из соликамских посадских людей П. Столов объявил Петру I об открытом двумя годами ранее богатом медном месторождении в Кунгурском уезде Казанской губернии. Его обращение усилило интерес к возможности крупномасштабного заводского строительства на Урале. В 1719 г. — начале 1720 г. этим вопросом занимался известный в России горный специалист берг-мейстер И. Блюэр. После личной беседы с Петром в состав команды Блюэра был включен капитан артиллерии В. Н. Татищев, первоначально как специалист по земельному межеванию и картографии, а потом и как руководитель всего предприятия.

В марте 1720 г. Татищева и Блюэра снабдили десятью экземплярами Берг-привилегии, законодательного акта, определявшего общие принципы горного дела в России, и командировали на Урал. Вскоре к ним присоединился берг-шрейбер И. Ф. Патрушев. Горные специалисты Блюэр и Патрушев хорошо были знакомы друг с другом. В начале века вдвоем они объехали родину Блюэра Саксонию, страну старых горнозаводских традиций, где вербовали «горных людей» для работы в России.

В отличие от них Татищев не был пока знаком с горным делом, хотя и участвовал в разработке проекта Берг-привилегии. Прибыли они в Кунгур в конце июля; а 1 августа 1720 г. Татищев подписал первый указ на новом месте. Прежде всего Татищев с Блюэром занялись выяснением возможностей Уктусского завода. Базовый завод-комбинат должен был сочетать чугунолитейное, железоделательное и медеплавильное производства и располагаться в центре края ради удобства горнозаводской администрации, а возможно, и для организации ежегодной ярмарки. Место новую власть устраивало, и все три вида производства имелись. Но речка Ук-

тус (с конца 1920-х гг. — Патрушиха) оказалась слишком маломощной для расширения завода, выстроенного еще в 1704 г. Поэтому в январе 1721 г. было принято историческое решение строить крупный казенный завод на Исети. 6 февраля Татищев объявил о своем решении Берг-коллегии.

В феврале на Исети было подыскано место для заводской плотины. Руководил поисками Т. Бурцев. Ему помогали двое пленных шведов, неплохо разбиравшихся в горном деле: бомбардир И. Шульц и ротмистр П. Шенстрем. В начале марта из Кунгура тайно, дабы избежать дорожного грабежа, доставили деньги на строительство. В марте приписные к Уктусскому заводу крестьяне начали заготовку леса, в апреле стали прибывать каменщики и кирпичники.

Обычно плотину закладывали с полным сходом снега. Однако в конце мая из Берг-коллегии пришло распоряжение строительства не начинать. Отпущенные в команду Татищева финансовые средства предлагалось использовать на заведение скороокупающихся небольших медных заводов. Тем не менее, от идеи строить Исетский завод Татищев не отказался. До конца года он готовил чертежи, продолжал подыскивать мастеров.

В марте 1722 г., находясь по вызову в Москве, Татищев обратился в Берг-коле-

гию с предложением перенести Сибирское горное начальство в Тобольск. В Берг-коллегии, однако, проигнорировали это предложение и постановили строить каменное здание Горного начальства в Уктусском заводе (хотя до 1729 г. в России запрещалось возводить каменные здания в связи с мобилизацией сил на строительство Петербурга).

В июне тяжело заболел Блюэр, Бурцеву от Берг-коллегии приказано было отправляться в Сибирь командовать Нерчинским заводом. А в августе отстранили от дел самого Татищева, одной из причин чему был давний конфликт с крупнейшими уральскими частными заводоладельцами Демидовыми, которые обвиняли его во взяточничестве. Итак, «горная власть» на Урале, едва родившись, пришла к кризису.

Но еще в апреле 1722 г. Сенат назначил к отправке на Урал генерал-майора В.И.Геннина — разбираться с конфликтом и вступить в руководство Сибирским горным начальством. В горном деле России тогда не было более опытного и авторитетного администратора-практика. 8 декабря 1722 г. генерал Геннин прибыл с командой в Уктус.

Относительно необходимости постройки Исетского завода у генерала не имелось никаких сомнений. Уже 17 декабря он непрерываемо поставил в известность Берг-коллегию: «Весною буду строить железные заводы на Исети расстоянием от Уктусских заводов для фабрик — за 6 верст, а для домен — за 10 верст [приписными] слободами и вольными людьми, нанимая за деньги... А положения оных мест изрядные». Тогда же он принял решение временно под свою ответственность определить к заводским делам Татищева, задержать от отправки в Сибирь Бурцева и отказать в отставке Патрушеву, страдавшему от множества давних увечий. Однако Блюэра, постоянно ссорившегося с новыми людьми, через месяц пришлось отослать в Соль Камскую на вакантное место представителя Берг-коллегии. Большую надежду генерал возлагал на прибывших в его команде энергичных и довольно способных кондукторов (выпускников) Московской артиллерийской академии Н.Г.Клеопина и К.А.Гордеева.

На четвертый или пятый день после прибытия на Уктусский завод Клеопин с Гордеевым уже измеряли ватерпасом перепады высот по берегам скованной льдом Исети. На основании их доклада Геннин и писал в Берг-коллегию об «изрядном месте», выбранном для строительства завода.

Строительство завода-крепости

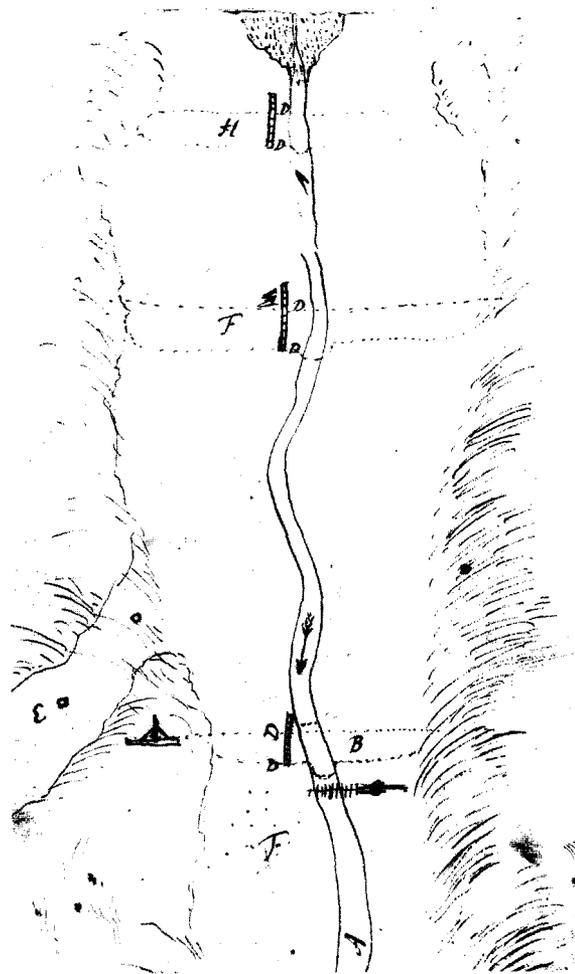
Подразумевалось, что основная тяжесть строительных работ ляжет на плечи крестьянства. В начале января 1723 г. 10 государственных слобод Верхотурского уезда и Каменского дистрикта Сибирской губернии перешли по соглашению с губернатором под ведение Бергамта в Уктусе. В дальнейшем они составили ядро Екатеринбургского ведомства. Руководить припиской и нарядами крестьян на заводские работы входило в обязанности так называемого земского комиссара — эту должность со времен Татищева занимал тобольский дворянин С.К.Неелов. Геннин также распорядился без особого шума, ибо это не считалось законным, принимать на поселение при строящемся Исетском заводе пришедших людей, не имеющих паспортов. Тем не менее, всерьез рассчитывать на массо-

вый приток вольных работников не пришло. Ударной дисциплинированной силой на строительстве должны были стать солдаты Тобольского гарнизонного полка. В 20-х числах февраля прибыл из губернии батальон Тобольского полка в составе четырех рот, всего 540 человек. Командовал батальоном командир 1-й роты капитан Я.Кралевиц. В двух батальонах Тобольского полка, работавших на строительстве Екатеринбурга в 1723—1724 гг., числилось 40 шведов из бывших пленников.

3 марта на берега Исети отправилась маршем первая солдатская команда в 280 человек. Вел их командир 3-й роты прапорщик К.Брандт. Команду сопровождал помощник Геннина Клеопин, обязанный указать намеченные прежде места для постройки казарм, закладки плотины и возведения крепостных бастионов.

Меньше чем за десять дней встали 16 изб — по четыре на роту. 12 марта солдаты «заложили город», начали строить крепость. Вместе с первыми строителями появились на Исети и первые поселенцы. Ими были четверо строгановских крестьян, живших прежде на Уктусе, довольно богатых. Двое из них — С.Брагин и И.Минюхин — незадолго до этого откупили Уктусскую винокурню и право на постройку и содержание кабака в новом месте. Четверо уктусских кирпичников со старшим Л.Марковым (Удалых), взяв подряд на поставку 200 тыс. кирпичей, сверх того обязались уже в марте построить на Исети харчевню.

25 марта прибыл второй батальон Тобольского полка под командой майора И.Бриксгаузена, прибалтийского немца, который почти все время строительства провел на Уктусском заводе. На другой день управителем Исетской заводской канцелярии генерал Геннин назначил прибывшего с полком из Тобольска опального московского дворянина Ф.Еварлакова: «Определяю Вас на оных заводах заводским комиссаром и вручаю Вам ведать оные заводы... А для показания мест под квартиры и прочего строения определен там кондуктор Клеопин, которому даны чертежи всем строениям за моей рукою, по которым он будет Вам показывать места, какое строение имеет быть. И Вам велеть по оному его показанию строить». О деловых качествах Еварлакова известил Генни-

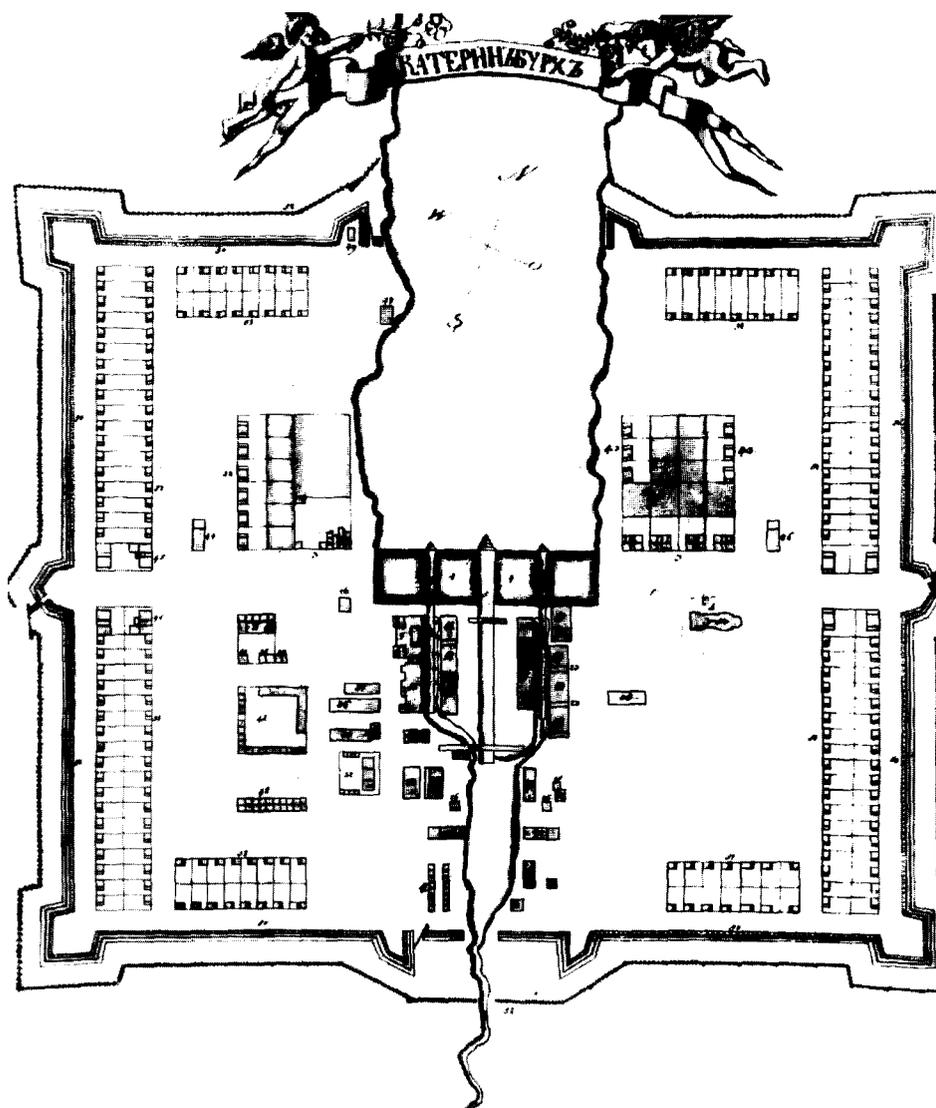

Набросок места на р. Исети для строительства завода (место будущего Екатеринбурга). Декабрь 1722 г. Т. Бурцев

на Татищев, который еще в 1721 г. временно ставил его комиссаром Алапаевского завода. И генерал ходатайствовал за него перед Сенатом: «...Тихий, и твердого состояния, и к делу смышлен, какого в его пару сыскать здесь нельзя».

Наконец в начале апреля на Исети появился долго всеми ожидаемый демидовский плотинный мастер Л.С.Злобин, отпущенный на год с Невьянского завода. В апреле же приступили к плотинной работе. В мае подошло время возводить домну. Кладкой руководил прибывший из Олонца доменный мастер М.А.Орловский. Ему помогал демидовский доменщик Федор Казанцев, несколько лет назад сложивший на Невьянском заводе первую на Урале домну по европейскому образцу.

Работы выполняли крестьяне 20 приписных и неприписанных, ближних и дальних слобод. В апреле работали 983 челове-

План Екатеринбург 1734 г. Н. Каркадинов

ка, в мае — 1102, в июне — 1389, в июле — 2300, в августе — 1518, в сентябре — 1820. В августе и сентябре им помогали солдаты, уже построившие к тому времени крепость и большинство казенных квартир. Заводские работники и солдаты сколачивали, обивали железом и устанавливали лари. Все вместе строили фабрики. С ними работали и новопоселенцы — пришлые люди из Архангельской и Казанской губерний, из вотчин Строгановых. Жили те люди во временных балаганах из жердей, крытых корой и хвоей.

*Первые именины города:
выбор наименования*

Обычно завод именовали по названию реки. Но этот был необычным. Необходи-

мо было указать на дистанцию между ним и всеми прочими заводами края, настоящими и будущими. Эту позицию Геннин изложил в обращении к Петру I и Екатерине. Ответ императрицы был таков: «Что же Вы писали, что построенный на Исети завод именовали... Екатеринбург, и оною тако ж Его величеству угодно. И мы Вам... за название во имя наше завода новопостроенного благодарствуем».

1 августа 1723 г. берг-фогт Патрушев по приказу генерала Геннина перевез все дела Обер-бергамта (Сибирский Обер-Бергамт (1723–1734) — региональная горнозаводская администрация в Екатеринбурге) с Уктуса в только что построенный мазанковый дом в черте крепости на правом берегу Исети. В тот же день из разговоров и документов исчезли слова «Исет-

ский завод». Строящийся Екатеринбург стал столицей Урала.

Вообще, всякий завод считался построенным, когда начинал действовать, когда в плотине отпирали ларевые окна, и вода по ларям текла на колеса, и начинали бить боевые молоты. Всем было ясно, что из политических соображений такое событие в Екатеринбурге следует приурочить ко дню святой Екатерины — 26 ноября.

В сентябре плотина была в основном готова; начал растекаться Екатеринбургский пруд. 1 октября полковой священник И.Ефимов освятил закладку Екатерининской церкви. 7 ноября запустили молоты, но всего на два дня: еще строилась домна, еще не было своего металла — нечего было ковать. Следил за пробным пуском старший молотовой мастер англичанин Е.Рамфельт, призванный Генниным с Олонца. Сам генерал в те дни ездил на Алапаху и в Верхотурье к воеводе: готовилось строительство Лялинского медеплавильного завода. За него оставался Татищев, который уехал в Москву в конце ноября. Достройку завода отложили до весны. И все же до конца года из криц, наплавленных двумя уктусскими домнами, под екатеринбургскими молотами наковали примерно месячную норму полосового железа — основной продукции железодельного завода.

В день святой Екатерины отпраздновали первые именины новорожденного города: священник отслужил молебен, пальнула холостым зарядом пушка, солдаты Тобольского полка пили вино за казенный счет. Новопоселенцев никто не угощал.

Эпоха Геннина

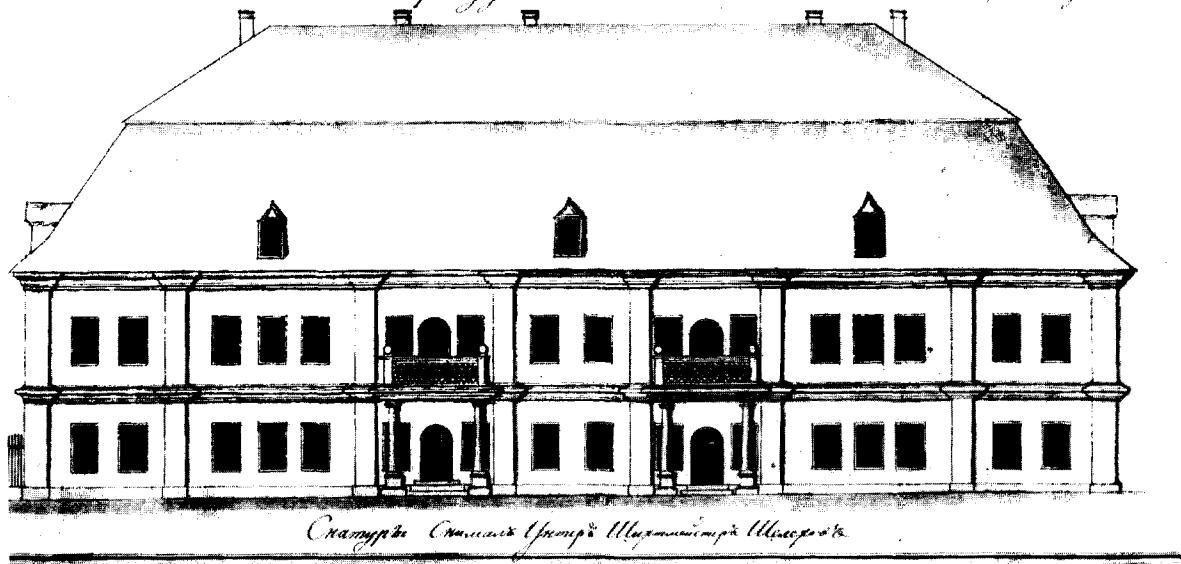
Общее строительство Екатеринбургского завода велось до лета 1724 г., однако строительные работы в городе не прекращались до 1727 г. К концу июля 1724 г. была полностью досыпана и выровнена плотина, в августе пущена (тогда говорили: задымлена) домна. С января плавил руду медеплавильные печи в двух фабриках. В полную силу заработали домны двух молотовых цехов, стальная и якорная фабрики (последняя — в основном для сборки и починки боевых кричных молотов), кузница. На левом берегу реки встала сложенная тобольскими

кирпичниками церковь с деревянными столбами по углам, с шатром из белой жести.

Не все поначалу клеилось. Но горнозаводская промышленность края уверенно набирала темпы. Руководство Обер-бергшамтом осуществляли Клеопин, Блюэр и Гордеев во время частых разъездов Геннина по Уралу. Впрочем, и сами через каждые два—три месяца отправлялись в поездку на какой-либо завод или рудник. В 1727 г. Клеопин был командирован на три года на Алтай к заведению Кольвано-Воскресенского завода. Бурцев на долгие годы уехал командовать на Нерчинский завод. Неелов с осени 1723 г. возглавил Екатеринбургскую контору судных и земских дел. К.Гордеев занял в 1732 г. пост главного казначея всех казенных заводов. Гарнизон Екатеринбургской крепости командовал прапорщик К.Брандт. Екатеринбургу тогда ничего не грозило: до больших рек далеко, а из степей доходили вести о замирении башкир с русскими крестьянами. Тем не менее в 1724 г. вокруг заставы Горный Щит на южных рубежах Екатеринбурга была выстроена крепость; из высокорослых рекрутов начала формироваться драгунская Горнощитская рота (с 1727 г. — 10-я рота Сибирского полка). Но содержание двух батальонов становилось накладным, и в конце июня 1724 г. большая часть солдат-строителей покинула Екатеринбург. К концу года екатеринбургский гарнизон составляла сотня солдат с капрами (в 1727 г. на их основе была сформирована солдатская Екатеринбургская рота).

Население Екатеринбурга, включая управителей и подьячих, заводских работников и новопоселенцев, записывавшихся в бобыли (бездворные жители), к 1725 г. не превышало пяти сотен. Все дома в черте крепости считались казенными квартирами, хотя уже к концу эпохи Геннина началась их покупка и перепродажа. Казенным, полагающимся по должности, числился и Главный командирский дом на правом берегу пруда, резиденция Главного командира. Казенные квартиры, подобно казармам, выстраивались в прямые, как стрела, уличные линии, не имеющие названий линии управительских, подьяческих, солдатских дворов, мастерских. Но жизнь ломала регламентации, и в каждой квартире помимо

Фасад
Корпусу Главной Екатеринбургских заводов канцелярии и присутствия
присутственных мест. Состояние в 1823 году.

*Канцелярия Главного правления заводов (Уральское горное управление).
 Здание 1733-1741 гг. (Чертеж 1823 г.)*

хозяев селилось, как правило, несколько постояльцев, временно или постоянно, по согласию или по приказу. В городе стояли и дома всех крупных уральских заводчиков — своеобразные представительства, где останавливались приезжавшие по делам приказчики и поверенные (или сами заводладельцы), а в остальное время жили ответственные за порядок дворники.

Город просыпался в 5 часов утра (зимой в 6), когда по перекресткам и в начале улиц били барабаны: позыв на работы. С 1729 г. на балке под навесом при гауптвахте рядом с Главным командирским домом повесили медный позывной колокол. Работали по 12 часов с двухчасовым обеденным перерывом (по окончании основных строительных работ — по 11 часов с часовым перерывом). По фабрикам в начале рабочего дня и после перерыва устраивали перекличку, а сержант или капрал-вахмистр Обер-бергамта проверял на местах подьячих.

С осени 1724 г. Екатеринбург, как и все казенные заводы, начал страдать от безденежья: подошли к концу отпущенные Геннину в Сенате средства на два года. Генерал специально отправился в столицу

на разговор с императором, однако прибыл туда уже после его похорон. В ходе переговоров в Берг-коллегии решено было отчеканить в Екатеринбурге «чрезвычайные» деньги, какие чеканились в Швеции в годы ее поражений от России и тем помогли избежать национального краха. Медные квадратные деньги с четырьмя орлами и «решкой» на одной стороне — не монеты, а платы (от немецкого «Platte» — «плата, пластина»). Суть их заключалась в том, что номинал равнялся реальной стоимости куска меди, из которого они чеканились. Рост инфляции такие деньги вызвать не могли, подделывать их не имело смысла, в сундуках они не должны были залеживаться — не золото, да и в дальнюю поездку никто не взял бы: слишком тяжелы. По всему получалось, что ускорится оборачиваемость заводских средств, деньги далеко не уйдут, оживится местная коммерция, и край станет более зажиточным. В июне 1725 г. одновременно с возвращением Геннина в Екатеринбург был издан указ Сената с пунктом о чеканке плат.

К чеканке назначено было четыре вида плат: рубль, полтина, полуполтина, гривна. Вес рублевой платы определен в одну де-

сгую пуда. Платный двор выстроили на правом берегу реки в линию с медеплавильными фабриками. Работали здесь летом по 14 часов в сутки, весной и осенью — по 12, зимой — по 10 часов. Платный двор охранялся караулом.

В марте 1726 г. Геннин добился от Берг-коллегии согласия на всероссийское оповещение о чеканке в Екатеринбурге новых денег. Именно тогда Екатеринбург стал известен по всей России и в Европе. Чеканка плат была прекращена в следующем году. Взамен них началось тиснение 1- и 5-копеечных монетных кружков с последующей их отсылкой на чеканку в Москву.

Кроме того, в ноябре 1727 г. Геннин предложил начать как альтернативу чеканке плат весьма прибыльное меднопосудное производство, к которому приступили через год. У истоков этого производства в Екатеринбурге стояли мастера Ф.Москвин и присланный из Казани С.Миронов. Оно довольно быстро прославилось как самое быстрокупаемое заводское предприятие и распространилось по всему Уралу, причем екатеринбургские посудники и котельники налаживали дело и на частных заводах. В самом Екатеринбурге в 1732 г. была выстроена каменная меднопосудная фабрика, а спустя два года торговая палатка при ней — первые в городе здания из камня. Они располагались около медеплавильных фабрик на правом берегу реки.

Изготовление медной посуды явилось едва ли не первой заводской отраслью, имевшей черты не просто ремесла, но искусства. Кстати, в 1726—1729 гг. в Екатеринбурге работал законтрактованный Татищевым в Стокгольме камнерез Х.Реф, подготовивший пятерых русских учеников. Ограниченные Рефом цветные камни оправлял в выкованные из старых серебряных монет перстни, серьги и запонки мастер А.Кузнецов. Это можно считать рождением камнерезного искусства не только в Екатеринбурге, но и на всем Урале. Производством медной посуды в Екатеринбурге, как и всем медным плавлением, руководили так называемые «Екатеринбургские плавильные дела». Эта же контора ведала литьем колоколов, которое началось в Екатеринбурге одновременно с изготовлением

медной посуды. Колокола 20 лет лил вызванный в 1729 г. с Олонца мастер М.Афанасьев. Впрочем, еще до него несколько колоколов отлили по разовым заказам мастер-швед И.Дейхман и пришлый поселенец С.Оснев. Екатеринбургские колокола звонили на колокольнях церквей Тобольска, Тюмени, Томска, Иркутска, Самары, Оренбурга, множества заводов, сел и слобод.

А городскую церковь — во имя св. Екатерины — освятил 27 февраля 1726 г. архимандрит Тобольского Знаменского монастыря Филипп, через которого в церковь поступили утварь и церковные книги. Иконостас и алтарь изготовил строгановский резчик Ф.Охлыпин, иконы написали иконописец из Пыскорского Преображенского монастыря С.Леонтьевых и старец Антоний из Тюменского Троицкого монастыря. В 1729 г. на церкви были установлены башенные часы с боем. Протопопом екатеринбургской церкви назначен был по собственному желанию священник с демидовских заводов Ф.В.Флоровский.

В годы форсированного строительства казенных заводов официальная церковь оказалась в экстремальных условиях. Разрушение патриархального быта, грубое вторжение в край европейской цивилизации, предельное напряжение физических и нравственных сил людей на заводской работе мстили многими бедами, и среди прочего — неслыханным пьянством. Кабак открывался в 6 часов утра и запирал двери в 10 вечера. В 1724 г. Обер-бергамт ограничил время винной торговли с 8 утра до полудня и определил к кабацким дверям караульного. В 1726 г. винную торговлю дозволили лишь по воскресным и праздничным дням, а в 1731 г. временно запретили вовсе, как и по всем заводам.

Во избежание «ночных озорничеств» в темное время суток жителям запрещалось появляться на улицах без горящих фонарей. Задержанных нарушителей отправляли до утра на гауптвахту. Словом, в церкви на литургии народ почти не появлялся, и в 1732 г. Геннину пришлось издать указ, который, как обычно, зачитали с барабанным боем по перекресткам и вывесили на публичном столбе на базаре: «Всем управителям своей команды подъячих и мастеров

вых людей, сбирав во время службы (церковной), приводить в церковь к молению, не взирая ни на какие их отговорки».

Но помимо этих бед, присущих всему горнозаводскому Уралу, официальная церковь в Екатеринбурге испытывала дополнительные, не знакомые ей прежде сложности. Екатеринбург при склонном к веротерпимости голландце Геннине славился по всей России как город свободомыслия.

Прагматическая оценка человека исключительно по деловым качествам оставляла для Геннина чужие идейные убеждения на заднем плане. К тому же генерал не выносил людей пьющих, а раскольники почти не грешили этим. Поэтому в Екатеринбург времен Геннина со всей России стекались старообрядцы.

С первых дней Екатеринбурга здесь начала складываться колония иноземцев-контрактеров, большей частью из Саксонии. Обычно контракт горные специалисты подписывали на 2—3 года, но многие раз за разом продлевали его и оставались жить и работать на Урале десятки лет, часто до смерти. Большинство приезжали с семьями, но некоторые женились здесь на русских девушках. Помимо технического опыта контрактеры несли с собой европейскую открытость, незашоренность и характерное для протестантов отношение к труду как к молитве.

Иноземцы в Екатеринбурге селились в основном в командирских дворах на правом берегу пруда; там же стояла и школа. Название города они произносили на свой лад: Катариненбург (Catharinenburg).

Если не считать контрактеров, первая иностранная делегация посетила Екатеринбург в 1731 г., когда китайская и джунгарская посольские миссии возвращались из столицы на родину. Но гораздо больший резонанс имел проезд главной партии Второй Камчатской экспедиции командора В.Беринга в ноябре 1733 г.

Беринг договорился с генералом о постройке в районе Якутска малого молотового завода для снабжения Экспедиции полосовым железом. Построенный в 1735 г. и действовавший до 1742 г. Якутский (Тамгинский) завод явился своеобразным итогом эпохи Геннина, продемонстрировал внутренние резервы Екатеринбурга, оказавшегося способным своими силами органи-

зовать уникальную производственную операцию — «завести» металлургический завод на вечной мерзлоте.

Надо сказать, что к концу своего пребывания на Урале Геннин попытался превратить Екатеринбург в центр по организации геологических изысканий на Крайнем Севере империи. В 1729 г. на Камчатку отправился пробирный мастер голландец С.Гардеболь; с 1731 г. А.Порошин с командой исследовал берега Северной Двины и Белого моря. Геологические кадры Сибирского Обер-бергамта принимали участие и в экспедиции Беринга; входили в состав морской геологической экспедиции, обследовавшей берег Северного Ледовитого океана от Архангельска до устья Оби. Всего за десять лет влияние Екатеринбурга распространилось на территорию, которая могла бы подчиняться лишь столице колониальной империи. На западе в его ведение входили заводы и рудники под Казанью, на востоке — Кольванский, Нерчинский и Якутский заводы.

Сам же Екатеринбург являлся крупным промышленным центром Российской империи. К 1734 г. здесь были выстроены за плотиной и действовали следующие фабрики: на правом берегу — доменная с двумя домнами, железорезная, жестяная, медеплавильная, меднопосудная, меховая (изготовление доменных и горновых мехов), 1-я молотовая, рудная обжигальня; на левом берегу — мастерская по изготовлению железных досок, колотушечная (колотушечные молоты — облегченный вид боевых кричных молотов), лудильная, 2-я молотовая, проволоочная, стальная, укладная (уклад — сталь для наварки слесарных инструментов), якорная, кузница (строилась каменная), хлебная и пильная мельницы.

На правом берегу за фабриками размещались заводская контора и скотобойня с мясным торговым рядом. На линии плотины стоял Обер-бергамт, позади него — рудная лаборатория, архив и тюрьма, за ними — выстроенный квадратом гостинный двор, базар и кабак. На левом берегу за фабриками — госпиталь и торговые бани (т.е. общественные, платные: в летнюю пору личные бани топить запрещалось во избежание пожаров, а дома летом разрешалось топить лишь по четвергам и воскрес-

ням). Через реку был наведен двухпорный мост.

Крыши фабрик поначалу обмазывали противопожарной кровяной смесью: замешивали на крови заколотого скота глину, тертый кирпич, железные опилки и мелкие обсеки. С начала 1730-х гг. покрывали бракованными железными досками и чугуной черепицей.

Забота о городской эстетике Екатеринбурга вменялась в обязанность каждому жителю. Еще в 1724 г. — в первую весну Екатеринбурга — генерал приказал всем живущим здесь выкопать в лесу двухаршинную липку или пихточку, посадить перед домами вдоль улиц и отныне ухаживать каждому за своим деревом.

В первой половине 1730-х гг. время Геннина подходит к концу. После воцарения Анны Иоанновны он, не скрывая, стремится покинуть Урал, поскольку чувствует потерю всякого интереса в столицах к казенным заводам. Среди прилагаемых им стараний напомнить о себе императрице, наверное, самый яркий эпизод — закладка и начало строительства в сентябре 1733 г. каменной церкви св. Анны, первого в Екатеринбурге непроизводственного каменного здания. Эта церковь попала на все планы города, хотя так и не была достроена.

Возвращение Татищева: ветер перемен

Между тем, непростое течение событий в бироновском Петербурге вытолкнуло Татищева на Урал. Чуть больше чем через год после закладки Аннинской церкви в Екатеринбурге сменился Главный командир. 25 октября 1734 г. должность перешла от генерал-лейтенанта Геннина к действительному статскому советнику (чин соответствовал пехотному генерал-майору) В.Н.Татищеву. Как водится, изменения начались с переименований. Немецкие названия менялись на русские — в пику обыноземившейся столице.

Город неофициально стал именоваться «Екатеринск». Ввели и русские названия горных чинов; в дальнейшем весь XVIII в. русские и немецкие названия чинов сосуществовали параллельно. Наконец, с соблюдением всех формальностей переимено-

вали старый Обер-бергамт в Канцелярию Главного правления Сибирских и Казанских заводов (далее — Главное правление). В новом названии подчеркивалось, что горный край расположен в двух губерниях — Сибирской и Казанской.

В апреле 1735 г. стало известно о грядущем преображении Екатеринска. Строящуюся Аннинскую церковь решено было разобрать на кирпич и камень («понеже она зачата строиться весьма в ненадлежащем месте и ненадлежащею препорциею, но весьма коротка»).

Вместо нее надлежало возвести каменное двухэтажное Главное правление, каменный загородный дом Главного командира на горе за северо-восточным крепостным бастионом и, что важнее всего, каменный гостиный двор. Расширение гостиного двора делало необходимым перенос западной крепостной стены: в городе становилось тесно.

Намечаемую перестройку Татищев обговорил с губернатором во время зимней поездки в Тобольск, ибо расширение гостиного двора означало еще и первый шаг к изменению прежнего торгового пути в Сибирь через Верхотурье, а в последующем предполагалось учреждение ежегодной Екатеринбургской ярмарки. Информация о готовящейся ярмарке разошлась по магистратам и ратушам многих городов европейской России и Сибири.

Этому способствовало и становление собственного купеческого предпринимательства в Екатеринбурге. К середине 1730-х гг. богатством и сметкой выделялись такие купцы, как Н.Петров, И.Харчевников, В.И.Сапожников, бывший поверенный заводчиков Осокиных в Екатеринбурге М.А.Бармин (двое последних — старообрядцы). Крепло семейство Коробковых, родственники которых имели вес и влияние в купеческой среде Тулы, Москвы, Тобольска, Невьянского завода (Е.Коробкова — первая жена А.Демидова). Местное купечество богатело на поставках продовольствия, обуви и других изделий воинским формированиям в башкирские земли. С 1730 г. действовало первое в Екатеринбурге частновладельческое предприятие — взятая Барминым с публичного торгового откуп хлебная мельница. Появилась и первая женщина-купчиха, первая екате-

ринбурженка, начавшая играть самостоятельную роль в обществе. С. Перевалова, вдова умершего в 1736 г. питейного откупщика-тюменца, продолжила дело своего мужа. Ее приказчики торговали в Казанской губернии и добирались до Астрахани.

Екатеринбургские купцы, в том числе старообрядцы, вели свою коммерцию в некотором соперничестве с купечеством деревни, располагавшейся на северном берегу Шарташского озера. Более замкнутое, консервативное, со сложившимися незыблемыми традициями шарташское купеческое сообщество числило своими почти половину частных лавок Екатеринбургского гостиного двора (7 или 8 из 20).

Общественный порядок в Екатеринбурге поддерживала военная структура Главного правления, так называемые Екатеринбургские ротные дела. Их с момента учреждения в 1727 г. возглавлял поручик К. Брандт. Он же с 1736 г. в чине капитана был назначен полицмейстером. Екатеринбургская полиция появилась еще в ноябре 1734 г. и была третьей в России после Московской и Петербургской. Тогда же в Екатеринбурге, как во всех городах, имевших полицию, ввели палочные или рогаточные караулы. Начало и конец всех загородных улиц на ночь перегораживали рогатками. По установленной уличными десятниками и сотниками очереди, возле них дежурили с дубинками все без исключения обыватели. Периодически совершался также обход вдоль улиц с трещотками. Вблизи рогаток стояли кади с водой и ящики с песком на случай пожара. Ночной дозор в городе несли солдаты.

Важным событием в жизни Екатеринбурга стал организованный в 1735 г. по инициативе Татищева съезд уральских горнозаводчиков. Он был посвящен обсуждению проекта Горного Устава — свода горнозаводского законодательства. Не утвержденный Сенатом Горный Устав вплоть до начала следующего века действовал по типу «джентльменского соглашения».

Реализация других проектов В.Н. Татищева оказалась под угрозой в связи со вспыхнувшим летом 1735 г. башкирским восстанием. Пришлось экстренно запрашивать оружие и боеприпасы и рассылать их по заводам и острожкам всего Екатеринбургского ведомства (за исключением се-

верных районов), обучать заводское население — мужчин от 15 до 60 лет — военным командам и обращению с огнестрельным оружием, назначать пушкарей, строить новые и чинить старые крепости по Уралу и сопредельным территориям (в непосредственной близости от Екатеринска были возведены крепости вокруг Полевского и Северского заводов, починена крепость Сысертского завода, построена крестьянская Кособродская крепость, обнесена острогом деревня Шарташская).

В мае 1736 г. Татищев, назначенный по совместительству главой Комиссии башкирских дел, уже в чине тайного советника, отбыл из Екатеринска в Мензелинск и далее. Дела перепоручил прибывшему в его команде в 1734 г. первому своему помощнику морскому офицеру А. Хрущеву. Весь июнь 1736 г. Екатеринбург лихорадило слухами о переправе через реку Течу одного из повстанческих вождей с тысячным отрядом и дальнейшем движении его на север. Хотя реальной угрозы городу не существовало, весь июнь Екатеринбург готовился к обороне. Мужское боеспособное население (в черте крепости — 555 чел., за чертой — 464 чел.) было разделено на боевые десятки и сотни, вооружено луками, копьями и частично огнестрельным оружием, организовано в 11 команд во главе с горными офицерами с конкретными боевыми задачами, город был поделен на сектора и тому подобное.

Одновременно полным ходом шла перестройка Екатеринбургской крепости. За лето и осень 1735 г. западную крепостную стену с одним центральным бастионом разобрали и весной — летом 1736 г. возвели новую с двумя бастионами, выдвинув ее дальше на запад и тем расширив внутрикрепостное пространство почти в половину. За счет двух изломов западной крепостной линии крепость превратилась в шестиугольную.

Лихорадочная перестройка крепостных укреплений тем не менее не привела к полному свертыванию прежних планов строительства. В 1735 г., как и намечалось, на безымянной горе по левому берегу пруда вырос каменный Загородный командирский дом, примечательный не столько планировкой или внешним видом, сколько строительным материалом — кирпичом и камнем от разобранных церкви

св. Анны. Дом и двор при нем были известны также объемным и глубоким каменным погребом — самым капитальным подземным сооружением раннего Екатеринбурга.

В июле—августе 1736 г. в Екатеринске заложили фундамент каменного Главного правления. Строили его вольные каменщики, нанятые в Тюмени, в том числе работавшие в Тюменском монастыре соликамцы, а также каменщики-ссылные из Тобольска. Из-за «Башкирской войны» постройку каменного гостиного двора пришлось отложить на ближайшее время, а от учреждения ярмарки отказаться навсегда.

Но по крайней мере один из своих проектов Татищев сумел претворить в жизнь практически полностью. В 1735 г. повсеместно по казенным заводам начали действовать трехлетние словесные школы для обучения грамоте, а кое-где и следующая ступень — трехлетние же арифметические школы.

В Екатеринске кроме этих двух видов школ открылись еще немецкая (язык и упор на точные науки), латинская (язык, гуманитарные и духовные знания), знаменованная (черчение и рисование). Первым надзирателем школ стал главный межешник И.Юдин. Пожалуй, самым колоритным из учителей был специально привезенный Татищевым латинист К.Кондратович. Учителями арифметики и тригонометрии служили в 30-е гг. известные горные офицеры М.Кутузов (автор первого плана Екатеринбурга 1726 г.), Н.Бахорев, Ф.Санников. Учитель Н.Каркадинов вел журналы метеонаблюдений в Екатеринске, заведенные по настоянию академика Георга Гмелина, проследовавшего через город в 1734 г. И уж конечно, не было недостатка в преподавателях-немцах. Среди них были пастор Л.Зехтинг, переводчик Я.Розе, а также А.Миссет, ставший надзирателем всех Екатеринских школ. С самого своего основания школы имели демократический характер: здесь на равных обучались дети дворян, духовенства, иноземцев-контрактеров, мастеровых, подьячих и солдат. Иногородние школьники проживали в «светлицах при кабаке», т.е. на постоялом дворе Екатеринбурга-Екатеринска. При них состоял воспитатель-эконом. Малообеспеченным школьникам

выплачивалось небольшое пособие. Школы размещались в отведенном строении близ церкви (там же хранилась и заводская библиотека), но неоднократно переводились в иные места: в покои при Главном правлении и Главном командирском доме, в Загородный командирский дом.

Однако несомненный расцвет просветительства после 1734 г. сочетался с крутым поворотом в отношении к инакомыслию. Пришла пора гонений на старообрядцев. А их только в Екатеринбурге проживало более 200 душ.

По распоряжению Татищева по частным заводам разъехались казенные шихтмейстеры, которым помимо жесткого контроля за производством вменялось в обязанность понуждать заводчиков и приказчиков строить православные церкви и заводить школы (обучение грамоте велось по официальной религиозной литературе). В ответ четверо весьма влиятельных на Урале заводских приказчиков-раскольников (трое демидовских, один осокинский) и едва ли не богатейший екатеринский купец И.С.Осенеv подали в сентябре 1735 г. знаменитое челобитье «за всех староверцев». Они просили оставить им их веру и позволить определить по заводам с преобладающим раскольничьим населением наряду с православными и старообрядческими священников, а взамен обещали всяческую лояльность. Однако власти на эти просьбы ответили ужесточением антираскольничьей кампании. Сам Осенеv был арестован, а его имущество описано и передано в казну. Солдатские команды из Екатеринска прочесывали леса вокруг демидовских и осокинских заводов, выискивая в тайных скитах раскольничьих монахов и монахинь. Пойманных рассылали по сибирским православным монастырям — как по тюрьмам, и скоро уж там не осталось «свободных» мест. Справедливости ради отметим, что все это не было инициативой горнозаводских властей, а исходило из Петербурга. В ноябре 1737 г. Татищев прислал приказ возводить тюремный острог для раскольников на мысу Екатеринбургского пруда. Так появился Заречный тын, с трех сторон окруженный водою, а с четвертой огражденный лесною чащей. Предполагалось, что попавшие в тын выйти оттуда живыми уже не должны, а для умерших в

обеих половинах сразу наметили участки кладбищ.

Кульминацией антираскольничьей кампании стал арест протопопа И.Федосеева (Флоровского) в мае 1737 г. Протопоп пользовался уважением екатеринбуржцев. В годы его пастырства Екатеринбург знать не знал о штрафах за неявку в церковь на исповедь и причастие, что практиковалось тогда по всей России. Протоиерей сам пешком обходил дома всех екатеринбуржцев. Благодаря его активной поддержке при церкви появилась богадельня для престарелых и увечных бездворных работников и солдат, было организовано народное подавание на их содержание. Судя по всему, протоиерея арестовали за сочувствие к гонимым раскольникам. Так или иначе веротерпимость эпохи Геннина была теперь не в почете, и в 1738 г. протопопу И.Флоровскому «выпала честь» стать первым екатеринбуржцем, казненным за убеждения и образ мыслей.

В октябре 1739 г. петербургские власти официально утвердили в должности Первого члена Главного правления майора Л.Угримова. Почти сразу городу вернули его старое название «Екатеринбург». Отныне и почти до конца века городом и краем руководили весьма неглупые, но в отличие от Геннина и Татищева обычные администраторы. Сам Угримов практически не разбирался в горном деле, зато обладал редким умением завершать начатое.

К осени 1739 г. над приземленным городом поднялась каменная двухэтажная громада Главного правления с высокой «голландской» крышей из железных досок. Помимо правления в здании разместились Екатеринбургская контора судных и земских дел, заводская контора, Екатеринбургская казначейская контора, Екатеринбургская ревизия заводских счетов, кладовая с денежной казной, архив. Архитектором здания был форст-мейстер Иоганн фон Баннер, специалист по крепостному строительству. Летом 1743 г. под его руководством перестроили западную крепостную стену к северу от Красных ворот. А еще в 1738 г. выстроили каменный гостинный двор с двумя заездами — с севера и с юга. Здесь располагалось 20 сдававшихся в аренду казенных и 19 частных лавок. 20 июля 1742 г. во время бездождной грозы

молния ударила в одну из этих лавок. Вспыхнул пожар. В нем сгорели почти все гостинодворные лавки. А через несколько дней пополз слух, что это-де только предупреждение, а подлинный «гнев божий» явлен будет в средний Спасов день (8 августа): «Будет великая гроза, и от грома и молнии дворы все в здешнем городе сгорят, и останутся одни люди нищие». Главное правление вынуждено было распорядиться об усилении противопожарного надзора и о выставлении вдоль улиц кадок с водой.

И все же сознание городского сообщества определяли не только суеверия. Широкое признание получает рационалистический взгляд на мир. Этому способствовала деятельность образовательных учреждений. Особенно много для распространения технических и естественнонаучных знаний сделала «механическая школа» Н.Бахорева. Ее выпускники составили ядро выдающейся уральской школы гидротехников-практиков, усилиями которой на заводах края было разработано множество невиданных в Европе машин и механизмов.

Распространению естественнонаучных знаний способствовала и деятельность Екатеринбургской аптеки, которой руководил натуралист и естествоиспытатель Х.Мейндерс. По сути это было первое в городе научно-исследовательское учреждение. Начал Мейндерс (при нем состояло 2-3 аптекарских ученика) с ежегодного летнего сбора лекарственных растений и объездов ближних рудников для приискания лечебных минеральных веществ (камень кровавик, магнитная руда, белая слюда, белая и синяя глина и др.). По его запросам в пермских лесах собирали вересковые и можжевельниковые ягоды. Часть собранного отсылалась для апробации в Академию наук и Московскую медицинскую канцелярию. С 1739 г. Мейндерс вел «травник» — первый гербарий уральской флоры. В 1740 г. он учредил «аптечный огород» при госпитале, засеяв семена присланных из Москвы и местных трав и кустарников.

Важную роль в изучении природных богатств края играла рудная лаборатория, где еще в 1732 г. берг-пробирер А.Хрущев начал собирать коллекцию минералов,

главным образом рудных образцов. По его заказу сколотили специальные шкафы с ячеистыми ящиками. К образцам А.Хрущев составлял ярлыки с указанием места находки, результатов химического анализа и пробной плавки. Рудную коллекцию екатеринбургской лаборатории справедливо можно назвать прообразом горного музея.

В 1743 г. исполнилось 20 лет со времени пуска Екатеринбургского завода. Его плотина технологически была рассчитана именно на такой срок. Поэтому в 1743—1745 гг. она подверглась капитальному ремонту со спуском прудовой воды. Одновременно был перестроен ряд других заводских и крепостных зданий и сооружений. Город преображался на глазах.

Примечания

- * Дистрикт — административно-территориальная единица в составе уезда или провинции.
- * Бергамт — до 1723 г. наименование Сибирского Обер-бергамта, региональная горнозаводская администрация.
- * Клеопин Н.Г. (1700 — после 1771), выдающийся горный деятель. Ученик В.И.Геннина. В 1745—1755 гг. и 1757—1758 гг. — и.о. екатеринбургского Главного командира.
- * Сибирский Обер-бергамт (1723—1734 гг.) — региональная горнозаводская администрация в Екатеринбурге.

3. От завода-крепости к городу

*Власть горная, власть
гражданская, городское
самоуправление*

Что отличает город от того, что городом не является? По мнению выдающегося историка XX столетия Ф.Броделя, главным критерием отнесения населенного пункта к городу является функция господства «над чем-то». Это не обязательно экономическое доминирование; «колониальная экспансия городов» могла приобретать характер политический, административный, религиозный, культурный... В этом плане ситуация с Екатеринбургом выглядит в высшей степени благоприятно. С самого своего возникновения, задолго до официального получения статуса города, Екатеринбург распространял на обширную территорию свое административно-политическое, экономическое влияние. Он концентрировал нити контроля над всей горнозаводской промышленностью Урала, а временно даже над всем Востоком страны.

Такая роль Екатеринбурга определялась следующими обстоятельствами. Неэффективность централизованного управления отдаленными горнорудными районами из столицы (силами Берг-коллегии) вызвала необходимость создания местных органов контроля над горнозаводской промышленностью. Возникшая летом 1720 г. в Кунгуре Канцелярия горных дел уже в следующем году разместилась на Уктусском заводе. А с 1723 г. орган горного управления, получивший к тому времени наименование Обер-бергамт, переводится на Екатеринбургский завод. С этого времени и до 1781 г. Екатеринбург являлся центром управления уральской горной промышленностью (хотя название учреждения и менялось: с 1734 г. — канцелярия Главного правления Сибирских и Казанских заводов; с 1757 г. — канцелярия Главного правления Сибирских, Казанских и Оренбургских заводов).

Уральское горное управление имело разветвленную, трехуровневую структуру. Обер-бергамт (канцелярия Главного правления) являлся органом отраслевого уп-

равления регионального уровня и формально строился по коллегиальному принципу. Его возглавляли Главные командиры или исполнявшие их обязанности первые члены. Главный командир приравнивался к губернатору, а на деле обладал даже большими возможностями: он считался доверенным лицом императора и мог непосредственно обращаться в Сенат, Кабинет Его Императорского Величества и даже лично к самодержцу.

В состав горного управления входили функциональные подразделения: Екатеринбургская контора судных и земских дел, ведавшая приписными крестьянами, в частности нарядом их на заводские работы, Екатеринбургская казначейская контора и другие. Имелись военно-полицейские подразделения: две Екатеринбургские роты и Екатеринбургская полиция.

Уральскому горному управлению подчинялись зонально-отраслевые учреждения — бергамты, или горные начальства: Казанское, Пермское, Оренбургское, Гороблагодатское, Нерчинское (до 1757 г.), Томское и Кузнецкое (до 1747 г.). Таким образом, в орбиту влияния уральского горного управления входили предприятия со своей разветвленной инфраструктурой и трудовыми ресурсами (рудники и заводы «со всеми принадлежностями») на огромной территории Урала, Прикамья, Среднего Поволжья, а до середины XVIII в. и Алтая, и Забайкалья.

Более того, Екатеринбургу подчинялась и компактная территория «Екатеринбургского ведомства», административной единицы, лишь номинально входившей в состав Сибирской губернии. Причем подчинялась она Екатеринбургской конторе судных и земских дел. «Ведомство» было своеобразным горнозаводским уездом в составе Сибирской губернии; оно подразделялось на дистрикты во главе с дистриктными земскими конторами.

Областная реформа Екатерины II привела к потере Екатеринбургом значения регионального центра горнозаводского управления, которое было рассредоточено по Горным экспедициям при Казенных пала-

*Общий вид Екатеринбурга второй половины XVIII в.
Репродукция с гравюры М. Махаева*

тах Пермской, Вятской и Уфимской губерний (наместничеств).

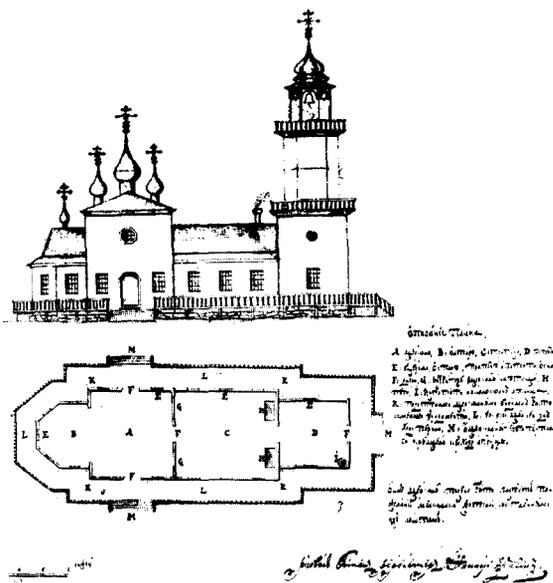
Однако были и приобретения. В 1781 г. Екатеринбург получил статус города де-юре. С этого времени он надолго становится уездным городом. Кроме того, в течение примерно полутора десятилетий Екатеринбург был еще и областным центром. В это время Екатеринбургская область (или провинция, входившая в состав Пермского наместничества) включала в себя уезды Екатеринбургский, Челябинский, Шадринский, Далматовский, Камышловский, Ирбитский, Алапаевский, Верхотурский.

В соответствии с новым статусом Екатеринбурга в нем были учреждены магистрат, дворянская опека и нижний земский уездный суд. В 1783 г. Екатеринбург получил официальный герб: в верхней части щита был изображен герб губернского города Перми, а в нижней, на зеленом поле — серебряная плавильная печь и рудниковая шахта как символ изобилия руд в данном округе.

Однако такая административная система существовала недолго. В конце XVIII в. Пермское наместничество преобразуется в Пермскую губернию. Екатеринбургская область ликвидируется. А сам Екатеринбург сохраняет лишь статус уездного центра. Одновременно происходит возврат к схеме территориально-отраслевого управления: наряду с Берг-коллегией был восстановлен и региональный орган горного управления — канцелярия Главного заводов правления.

Одновременно с изменением функций Екатеринбурга в системе государственного управления шел процесс развития городского самоуправления. Он был напрямую связан с формированием особого сословия — посадских людей, рост численности и консолидация которых явились решающим фактором превращения завода-крепости в полноценное городское сообщество. Начало этого процесса относится еще ко второй четверти XVIII в. К середине столетия наличие посадского населения в Екатеринбурге обрело юридическое оформление.

29 ноября 1745 г. сенатским указом был учрежден Екатеринбургский посад. Это означало, что Екатеринбург получил статус города де-факто. К слову сказать, ни один завод на Урале не имел своих посадских людей. В целом по России посадки сложились еще лишь в двух горнозаводских поселениях — в Петровском заводе и Барнауле. Вскоре в Екатеринбургском посаде числилось более 200 человек, почти исключительно купцов (обычно в посадские люди после уплаты денежного взноса записывались как купцы, так и вольные ремесленники). Около 70 посадских жили за пределами Екатеринбурга, в основном в Невьянском заводе. Несмотря на столь значительную численность, орган городского самоуправления не формировался в Екатеринбурге необычно долго. Только в конце января 1751 г. состоялись выборы в Екатеринбургскую ратушу. Первым бургомистром Екатеринбурга был избран купец

Проект деревянной Вознесенской церкви.
1766г.

И.Д.Харчевников, по происхождению соликамский посадский человек. Первым же ратманом — его сосед, 33-летний купец И.Д.Долгоруков, сын солдата Олонецкого полка, в 1720—1734 гг. состоявшего денщиком при Геннине.

Такая система городского самоуправления просуществовала до конца XVIII в. В 1785 г. была обнародована «Грамота на права и выгоды городам Российской империи». Она предусматривала создание новых городских учреждений: «градского общества», городского собрания, общей городской и шестигласной думы и др. Новые городские органы, в которых участвовали городские сословия — купцы, мещане, ремесленники, — могли заниматься вопросами, связанными с городскими «пользами и нуждами»: благоустройством, продовольственным обеспечением, развитием торговли и промыслов, защитой сословных прав и т.п. Городская дума в Екатеринбурге была открыта 12 ноября 1787 г., а в 1790 г. появилось ремесленное управление. Исполнительную власть, согласно «Жалованной грамоте городам», возглавляли городские головы. Первым городским головой был избран в 1788 г. представитель купечества М.С.Рязанов.

Екатеринбургское купечество приняло активное участие в деятельности Уложенной комиссии, созванной Екатериной II для упорядочения дел в государстве. В комис-

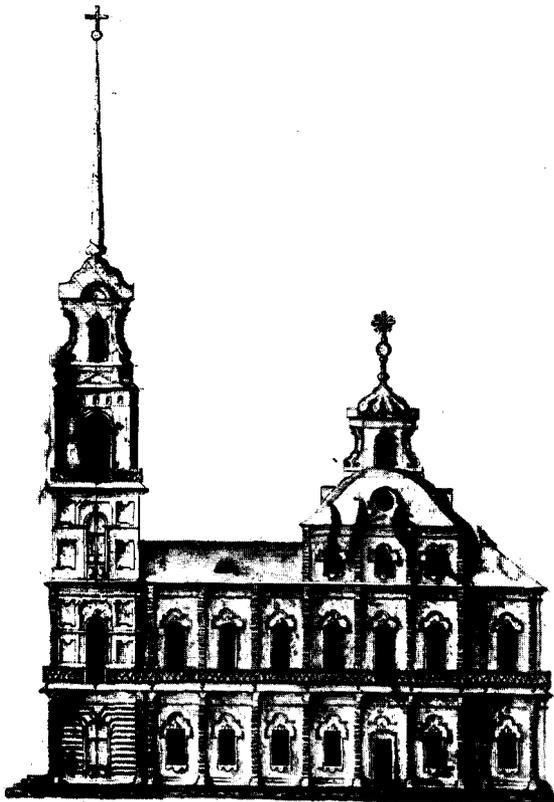
сию представлялись городские наказы, отражавшие нужды и чаяния горожан, прежде всего купечества. Не был исключением в этом плане наказ, переданный от имени почти 400 жителей Екатеринбурга.

В целом, требования купечества Екатеринбурга и других городов в основном совпадали. Они были солидарны в отстаивании своего монопольного права на ведение торговли и предпринимательскую деятельность, в необходимости ограничить их службы и повинности. Специфика требований в наказе Екатеринбурга объяснялась особенностью города, который являлся административным центром уральских горных заводов. Поэтому в наказе было так много жалоб на горное начальство, которое, по мнению купечества, третировало их ведомственное учреждение — ратушу, покровительствовало крестьянам и разночинцам в ущерб торгово-предпринимательской деятельности купечества.

На перекрестке дорог

Екатеринбургу самой географией и природой было уготовано стать важным транспортным узлом. Город расположился на естественном, наиболее удобном пути через Уральский хребет из России в Сибирь. Помимо естественных выгод географического положения Екатеринбург практически сразу же удачно оказался в центре горнопромышленности Урала. Уральская горная власть с самого своего становления стремилась утвердить торговый путь из Европейской России в Сибирь по землям казенных заводов, через Екатеринбург, минуя Верхотурье. Уже в доношении В.Н.Татищева и И.Ф.Блюэра в Берг-коллегию от 27 марта 1721 г. содержалось предложение восстановить прежний «ближайший путь» через Уктус, запрещенный во времена сибирского губернатора М.П.Гагарина, но фактически сохранявшийся в виде всевозможных тайных троп из-за неудобства дороги через Верхотурье.

Позднее В.Н.Татищев писал: «Через Верхотурье проложенная дорога как российскому, так и сибирскому купечеству надмерно далека и так многотрудна, что большая часть года к проезду возами не способна, и купцы принуждены товары свои верхом на вьюках возить и платят с

Кафедральный богоявленский собор

пуда по полтине и более. И сверх того, когда лошадь упадет в грязи, то подмочением дорогих товаров в крайнее разорение впадали. Сверх же того... верхотурские воеводы, видя себя от главного надзирания во отдалении, а купечество принуждено яко в сеть в одно токмо место ехать, многими образы приметываяся, купцов грабили и разоряли... Купечество принуждено было (от) торгу отстать или искать способов и провозить товары чрез Башкирь и другими заповедными дорогами, отдавая себя в страх крайней погибели».

Указом сибирского губернатора А.М.Черкасского от 11 декабря 1721 г. был дозволен свободный пропуск купцам через Уктус на время проведения Ирбитской ярмарки. Однако в сентябре 1727 г. губернская канцелярия, ссылаясь на уменьшение казенных сборов на таможенных заставах и прежний указ 1704 г. об исключительном проезде через Верхотурье, вновь запретила торговый путь через Екатеринбургское ведомство. В последующее пятилетие екатеринбургский торговый маршрут периодически открывался с различными ограничениями (действие его могло ограничиваться временем проведения Ирбитской ярмарки, от-

дельными зимними месяцами, односторонним движением из Европейской России в Сибирь и т.д.). Лишь в 1733 г. торговый путь через Екатеринбург был открыт без ограничений.

Однако в январе 1739 г. опять последовало строжайшее запрещение пользоваться им для торговых нужд. Товары и вещи нарушителей, ездивших мимо Верхотурья, должны были подвергаться конфискации. Тракт, который В.Н.Татищев планировал провести из Екатеринбурга на Кунгур, приходит в запустение и надолго становится дорогой лишь казенных курьеров. Запрет ездить с товарами через Екатеринбург был подтвержден указом 1758 г. Но для обеспечения почтовой связи между Европейской Россией и Сибирью в 1754 г. от Екатеринбурга до Кунгура были учреждены почтовые станции, по 4 лошади на каждой.

Свободное сообщение по дороге Кунгур—Екатеринбург—Тюмень открылось лишь в 1763 г. В том же году была уничтожена Верхотурская застава. С этого времени верхотурская дорога стала играть незначительную роль.

В сети сухопутных транспортных коммуникаций Урала особое экономическое и административное значение приобрела «большая почтовая дорога» Пермь—Кунгур—Екатеринбург—Камышлов, являвшаяся уральской частью главной сибирской магистрали — Большого Сибирского тракта, официальное открытие которой состоялось в 1781 г.

От городов, расположенных по Сибирскому тракту, к северу и югу ответвлялись почтовые и проселочные дороги. Из Екатеринбурга они вели на Верхотурье и далее на Богословские заводы (Богословский тракт), на Камышлов и Шадринск (Исетский тракт). Перемещение торговых путей под влиянием Екатеринбурга свидетельствовало о росте хозяйственного значения города.

Хозяйственно-экономическое развитие Екатеринбурга в XVIII в.

Развитие города было тесно связано с горнозаводским сектором промышленности. В Екатеринбурге располагались металлургический завод, монетный двор, гранильная фабрика, имевшие общероссий-

кое и межрегиональное значение. С Екатеринбургским были тесно связаны Верх-Исетский (цесаревны Анны, 1726 г.), Уктусский (Нижне-Уктусский, 1704 г.), Верхне-Уктусский (цесаревны Елизаветы, 1726 г.), Сысертский нижний (императрицы Анны, 1731 г.) заводы, рудники, Березовские золотые промыслы и золото-промышленные фабрики, составлявшие в совокупности горнозаводское гнездо. На металлургических заводах выплавляли чугун, ковали железо, плавляли медь, производили пушки и снаряды.

Екатеринбургский доменный и медеплавильный завод был крупнейшим и передовым в техническом отношении предприятием своего времени. Его продукция составляла примерно 10–15% уральского производства чугуна, железа, меди. Завод был не только металлургическим, но и металлообрабатывающим многопрофильным предприятием. В 1730-е гг. он включал более 30 разнообразных фабрик (специализированных цехов). По подсчетам академика С.Г.Струмилина, средняя годовая продукция Екатеринбургского завода за десятилетие 1724–1733 гг. составляла по продажным ценам около 50 тыс. руб., по себестоимости — 25 тыс. руб. Таким образом, чистая прибыль достигала не менее 25 тыс. руб. в год, что составляло до 200% по отношению к начальным затратам производственного капитала и не выше 100% по отношению к издержкам производства.

После пожара 1735 г. на Екатеринбургском заводе было закрыто доменное производство (в то время как на Верх-Исетском, имевшем большие запасы рабочей воды, были построены две доменные печи), а с конца 1730-х гг. Екатеринбургский металлургический завод медленно, но неуклонно начал терять промышленное значение, хотя и оставался предприятием уникальным по количеству разнопрофильных фабрик. Росла значимость слесарной фабрики, которую можно считать далеким прообразом Механической фабрики XIX в. и всего уральского машиностроения. Екатеринбургский металлургический комбинат обеспечивал необходимыми машинами и инструментами, железом и сталью, техническими кадрами предприятия других отраслей. Не случайно на его территории и

на его материальной базе были построены Монетный двор и гранильная фабрика.

Казна сохраняла за собой Екатеринбургский завод до середины XVIII в., когда большинство казенных металлургических предприятий было передано придворным сановникам (так, Верх-Исетский завод по указу от 14 декабря 1758 г. перешел во владение Р.И.Воронцова, в будущем графа и сенатора).

Уже в первой половине XVIII столетия Екатеринбург становится одним из общероссийских центров монетного производства. Екатеринбургский денежный двор делал гладкие кружки для московского монетного двора, а с 1736 г. начал чеканить разменную медную монету, денжки и полушки. В связи с ростом производственного значения было существенно расширено и само предприятие. В 1735 г. был построен главный (монетный) двор, а спустя два года еще две деревянные светлицы.

Если в первой половине XVIII в. уральское монетное производство работало непостоянно, то во второй половине столетия наступает период непрерывного действия Монетного двора (с 1755 г.) вплоть до его закрытия в 1876 г. После пожара 1759 г. началась перестройка и реконструкция Монетного двора. К концу века монетное производство размещалось уже преимущественно в двухэтажных каменных помещениях, деревянные постройки остались лишь как исключение. Машины и оборудование приводились в действие силой воды. Уральский монетный двор стал базой для оснащения подобного же предприятия на Кольвано-Воскресенских заводах, в Сибири, открытых по указу от 22 декабря 1763 г.

При самой многолюдной отрасли Екатеринбурга — монетной чеканке — в 1763 г. работало 375 чел., а к концу столетия — более 700 чел. На Монетном дворе Екатеринбурга во второй половине XVIII в. чеканилась почти вся российская медная монета различных достоинств. Подавляющая часть продукции состояла из пятикопеечников. На лицевой стороне монеты под государственным гербом или изображением Георгия Победоносца на коне ставились буквы ЕМ (Екатеринбургская монета). За 1763–1800 гг. здесь было произведено монеты более чем на 62 млн руб., на ее

Проект каменного Вознесенского собора. 1790-е гг.

изготовление было израсходовано $2/3$ всей выплавленной в стране меди.

Общероссийское значение приобретает начавшаяся с середины XVIII в. уральская золотодобыча. Золото на Урале целенаправленно искали с 1717 г. В мае 1744 г. Л.Пигалев объявил на Шилово-Исетском медном руднике Сысертского завода штуф с золотым вкраплением. Но штейгеры-иностранцы не признали в нем драгоценного металла. В октябре 1745 г. через рудник проезжал с Алтая С.Карамышев. Штейгер-норвежец показал ему тот образец, и Карамышев подтвердил: золото! (На Алтае золото было известно с июня 1744 г.) Немедленно по прибытии в Екатеринбург Карамышев доложил о виденном. В том же месяце Шилово-Исетский рудник был объявлен золотосодержащим; в двух указанных Пигалевым местах началась золотодобыча — впервые в России.

21 мая 1745 г. шарташский старовер Е.Марков заявил в Главном правлении

четыре крупинки желтого металла. Несколькими днями ранее ссыльный серебряник С.Д.Дорогов, живший в Екатеринбурге с 1735 г., опробовал находку Маркова и объявил, что это золото. Находка, однако, не стала сенсацией, ибо казалась случайной, и на указанном Марковым месте не смогли сходу отыскать жилу. Разработка Шарташского золотосодержащего рудника началась лишь в 1747 г. Кстати, эта жила, располагавшаяся в 63 верстах к юго-востоку от Екатеринбурга, оказалась намного богаче, чем на Шилово-Исетском руднике.

Первое в России учреждение, ведавшее золотодобычей, — Горная экспедиция Екатеринбургских золотосодержащих рудников (вскоре сменила название на Екатеринбургскую горную экспедицию золотых производств) — было создано указом Главного правления от 23 апреля 1757 г. В ее подчинении действовали Пышминские и Березовские (в том числе Шарташский),

Шилово-Исетский рудники, Уктусский и Пышминский золотопромывальные заводы.

Возникает и успешно развивается в городе камнерезно-гранильное производство. 29 октября 1746 г. президент Берг-коллегии Томилов, находясь в Екатеринбурге, распорядился об организации механической обработки камня. К руководству новым предприятием он велел поставить Н.Бахорева и мастера А.Михалева, финна по национальности, которым удалось построить в 1746—1747 гг. «мраморную фабрику». Летом 1747 г. в Москву ушел караван с первыми мраморными изделиями машинного производства. Между тем А.Михалев умер, а место Бахорева занял его самый любимый ученик унтер-механик И.Сусоров. Последний в 1750 г. посетил Петергоф для ознакомления с тамошней шлифовальной фабрикой, но две «камнерезные мельницы» в Екатеринбурге сконструировал в июне—декабре 1751 г. по собственной оригинальной модели. Пуск 8 декабря 1751 г. этой невзрачной фабрики на левом берегу Исети — будущей Императорской Екатеринбургской гранильной фабрики — стал судьбоносным в истории Екатеринбурга. Данное событие по своей значимости сравнимо разве что с открытием уральского золота.

Для управления новой отраслью были созданы так называемые Екатеринбургские каменно-мраморные дела. В середине XVIII в. уральские камнерезы выполняли преимущественно крупные заказы для строительства в Царском селе: ступени, поручни, половые плитки и другие архитектурные детали для Большого дворца, каменной горки, павильона.

Камнерезная фабрика, как и все гранильное дело, получила новый импульс развития в 1765 г. Тогда по ходатайству Академии художеств Сенат распорядился об учреждении в Екатеринбурге Экспедиции изыскания цветных камней и мраморной ломки (вместо подчиненных Главному правлению Екатеринбургских каменно-мраморных дел). Гранильное дело оформилось в самостоятельную отрасль, наряду с металлообработкой, золотодобычей и монетной чеканкой, и отныне включало в себя изыскательский этап работы. Новую Экспедицию возглавил генерал-майор Я.И.Данненберг. Экспедицию раз-

местили в Загородном командирском доме, рядом с ней на горе построили каменные покои под рудную лабораторию. Камнерезная (теперь говорили: Каменотесная) фабрика обрабатывала уже не только мрамор, но и твердую яшму, пока, правда, как полуфабрикат для Петергофа. Главными мастерами фабрики и горнощитских промыслов стали прибывшие в команду Данненберга итальянцы братья Тортори.

В последней трети XVIII в. Екатеринбург и Горный Щит выполняли основные заказы для важнейших строек Петербурга и Москвы. В самом конце столетия при «гранильной шлифовальной фабрике» работало около 100 человек. К этому времени, как справедливо отмечал известный искусствовед Б.В.Павловский, сложилось основное ядро мастеров-камнерезов, искусство которых становилось потомственным. На Урале готовилось множество архитектурных деталей «к строению Зимнего дворца». Участие мастеров-уральцев прослеживается в создании Сибирской мраморной галереи в Царском селе, Мраморного дворца, Михайловского замка и других крупнейших сооружений того времени. Высокого искусства достигли уральские мастера и в изготовлении декоративных изделий: «антических» ваз, чаш, пирамид, художественных надгробий и т.д. С 1782 г. экспедиция о «изыскании камней» и Екатеринбургская фабрика перешли в ведение генерал-губернатора Тобольского и Пермского Е.П.Кашкина. Он досконально вникал в проблемы и детали гранильного дела, неоднократно заказывал художественные изделия для последующего поднесения их императрице. Зная, что вверенная его надзору Экспедиция мраморной ломки и прииска цветных камней никогда прежде не отправляла в Петербург изделий из зеленого мрамора, Кашкин распорядился об изготовлении столовой доски из этого материала. В начале 1783 г. она была препровождена в Петербург. Одновременно генерал-губернатор отправил кабинет-секретарю императрицы графу А.А.Безбородко две вазы из того же зеленого мрамора для «украшения нового вашего дома». Именно в это время фабрика получила заказ на изготовление первых ваз из твердого камня.

В сентябре 1782 г. на каменотесную фабрику из Петербурга прибыли рисунки для изготовления ваз из яшм и агата. А

уже летом следующего года в столицу были отправлены в караване коллежского советника А.Г.Демидова две большие вазы и пять колонн из мрамора различных видов. В последующие месяцы Е.П.Кашкин переслал в Петербург еще две вазы — из «союзного камня» и из темного «томпаса», — а также горные хрустали зеленого цвета — аквамарины. Вообще классические вазы стали как бы высшим «жанром» камнерезного искусства и неизбежной принадлежностью дворцового убранства в конце XVIII — первой половине XIX в.

На протяжении столетия развивалась в городе и негорнозаводская промышленность: салотопенная, кожевенная, маслобойная, мыловаренная и т.д. Процесс этот активизировался в 1770—1780-е гг., когда стало быстро расти число достаточно крупных промышленных заведений данного профиля, владельцами которых были в основном представители купечества. Бурному росту промышленности способствовали манифест 17 марта 1775 г. о свободе предпринимательства и указ об отмене монополий от 22 ноября 1779 г. В конце XVIII в. в городе насчитывалось уже 10 салотопенных, 20 кожевенных, 3 мыловаренных, 6 солодовенных, 9 кирпичных заводов, 6 маслобоен, несколько мучных мельниц и толчей, на которых применялся вольнонаемный труд. Среднестатистическое количество работников на подобном предприятии составляло 7 человек. Продукция частной промышленности шла главным образом на удовлетворение нужд горожан. Однако сало и кожи в большом количестве вывозились на Ирбитскую, Нижегородскую ярмарки, в Петербург и Москву.

Крупный центр торгово-промышленной деятельности сложился в окрестностях Екатеринбурга, в деревнях Шарташ, Становая, Сарапулка, населенных преимущественно государственными крестьянами, приписанными к Верх-Исетскому заводу Р.И.Воронцова в 1760 г. В 1761 г. заводовладелец сообщил в Сенат, что его приписные крестьяне участвуют «в разных промыслах и торгах» и имеют торг в Екатеринбурге. В 1774 г., во время продажи Верх-Исетского завода С.Яковлеву, шарташцы добились приписки своего селения к Екатеринбургским казенным золотым промыслам. С того времени шарташские жите-

ли составляли сильную конкуренцию купечеству собственно Екатеринбурга. Дело доходило порой до открытых конфликтов, как, например, в 1776 г., когда Екатеринбургская ратуша запечатала в Шарташе лавки и балаганы «торгующих и промышленных» крестьян. Однако на защиту последних встала Канцелярия главного правления заводов, заинтересованная в росте благосостояния приписного населения — вспомогательной рабочей силы на заводах.

Развитие крупной и мелкой промышленности, купеческого предпринимательства, перемещение транспортных коммуникаций на Урале способствовали расширению торговли и экономических связей Екатеринбурга. Уже в середине XVIII в. крупные горнозаводские поселения превратились в значительные торговые центры. Здесь устраивались ежегодные ярмарки, многолюдные воскресные базары, оживленная торговля велась в лавках. Екатеринбургские купцы также расширяли связи с другими центрами. Так, в статье «Известие о торгах Сибирских», помещенной в «Ежемесячных сочинениях к пользе и увеселению служащих» (сентябрь 1755 г.), екатеринбургские купцы упоминаются наряду с торговыми людьми из Верхотурья, Туринска, Тюмени, Тобольска как постоянные посетители ежегодной ярмарки в праздник Св.Апостолов Петра и Павла, которая устраивалась на Невьянском заводе. В конце столетия в Екатеринбурге стали устраиваться большие базары по воскресным дням, на которые съезжались крестьяне из близлежащих деревень для продажи сельскохозяйственных продуктов. Ежегодно с 15 января по 1 февраля в городе стала проводиться ярмарка, в которой принимали участие как иногородние купцы из Казани, Москвы, Челябинска, Уфы, так и горожане и окрестные крестьяне. Годовой оборот торговли Екатеринбурга составлял несколько миллионов рублей. В Екатеринбурге проводилась широкая закупка продуктов для снабжения горнозаводского населения.

Горожане

В то время как для России в XVIII в. в целом было характерно замедление темпов урбанизации, снижение удельного веса городского населения, вклада города в про-

мысленно-торговый потенциал страны, Екатеринбург развивался довольно бурно. Рост населения особенно интенсифицировался во второй половине XVIII в.

По данным полиции, в 1748 г. в городе насчитывалось 912 лиц мужского пола всех чинов и сословий, кроме военнослужащих; за городом (т.е. за чертой крепости) проживало 988 мужчин-поселенцев в возрасте старше 10 лет. По материалам ревизии известно количество дворов в Екатеринбурге (без купцов и посадских) — 721. Прибавив к этой цифре дворы купечества и посадского люда и помножив полученное число (850) на 5 (средняя населенность двора), историк М.А.Горловский получил расчетную численность населения Екатеринбурга в середине XVIII в. — более 4 тыс. чел. А в 1781 г., по данным подворной переписи, в городе проживало уже 7969 чел. Таким образом, за 35 лет, прошедших с 1745 г., городское население выросло почти в 2 раза, а Екатеринбург превратился в средний город (по стандартам второй половины XVIII в. к данной категории относились города с населением от 5 до 25 тыс.). Основную массу горожан составляли заводское население и крестьяне — около 57%. Собственно городские сословия (купечество, посадские, цеховые) составляли примерно 14%. В 1781 г. ремеслом занималось 467 чел. (большинство из них представляли заводские рабочие), т.е. более 30% к общему количеству мужского населения.

В Екатеринбурге, как и в целом на Урале и в Сибири, в XVIII в. преобладали двухпоколенные семьи, состоявшие из родителей и детей. Существенное влияние на брачный возраст и на брачные установки оказывали экономические потребности семьи. Дореволюционные этнографы констатировали, что целью женитьбы мастеровых, как и крестьян, главным образом было желание иметь хозяйку и работницу в доме. Вследствие этого жена нередко была старше мужа, что подтверждается данными Ведомости о жительствующих в приходде Богоявленской церкви г.Екатеринбурга за 1799 г.

Если для сельского населения Урала были характерны внутрисословные браки, то в более мобильной среде горожан, а екатеринбуржцы в этом плане не были ис-

ключением, преобладали межсословные браки. При этом соотношение между внутри- и межсословными браками находилось в зависимости от численности соответствующих сословных категорий. Для многочисленных сословных групп вероятность найти брачного партнера в своей среде была более велика, соответственно росло и количество сословно-однородных браков. Для немногочисленных сословных групп выбор брачного партнера в собственном кругу был ограничен, следовательно, зачастую приходилось искать свою половину среди других сословий. Анализ, проведенный И.В.Злобиной и Р.Г.Пихоей, дает следующее соотношение браков: внутрисословные — 38%, межсословные — 62%. При этом наивысшей сословной однородностью отличались браки екатеринбургских мастеровых (56,5%), наиболее массовой категории населения. При этом межсословные браки заключались преимущественно между представителями близких по социальному статусу групп населения. Так, те же мастеровые вступали в брак с крестьянками (17,5%), дочерьми солдат (10%). Дочери мастеровых выходили замуж, помимо мастеровых (несколько менее половины случаев), за солдат (17%), крестьян (12%), мещан (10%). Крестьяне, жившие в Екатеринбурге, нередко женились на крестьянках же (38%), однако браки с дочерьми мастеровых тоже были нередки (32%). Стабильно высоким был уровень смешанных браков в среде священнослужителей, офицеров и дворян, солдат, купцов, посадских, мещан, цеховых и ремесленников.

Развитие просвещения не поспевало за ростом населения и потребности в образованных людях. Созданные В.Н.Татищевым горнозаводские школы, несомненно, сыграли большую положительную роль в деле распространения первоначального технического образования, установления более тесных связей между теоретическими дисциплинами и практикой. Однако с середины XVIII в. эти школы пользовались все меньшим вниманием со стороны горной администрации, уменьшилось количество их выпускников. В соответствии с общеимперской реформой народного образования в 1786 г. в Екатеринбурге было открыто первое одноклассное малое народное училище. Вскоре появилось второе трехклассное

малое народное училище, созданное на основе объединенных и реорганизованных горнозаводских школ. Тем не менее, образовательная система охватывала незначительную часть населения.

Екатеринбург и аграрное окружение

Появление заводов способствовало развитию торговли и системы подрядничества среди крестьян, товаризации промыслов, ранее существовавших лишь в рамках домашней промышленности в крестьянском хозяйстве, это: изготовление кирпичей, канатов, веревок, рогож, гонка смолы и дегтя. Горнозаводская промышленность предъявляла значительный и постоянно растущий спрос на эти материалы.

Крестьяне окрестных сел и деревень везли в заводские центры хлеб, овес, мясо, рыбу, мед, сало, а также изделия крестьянских промыслов: веревки, рогожи, холст, мочало и т.д. Частыми гостями Екатеринбург были, например, крестьяне Шадринского уезда, возившие хлеб и другие сельскохозяйственные продукты на воскресные торги. По данным конторы Верх-Исетского завода, потребность только этого завода в муке, крупе, солоде, толокне в 1752 г. составляла за год 10000 пудов. Причем это минимум, который заводское начальство считало необходимым заготовить для питания заводского населения.

Емкий городской рынок вел к появлению скупщиков-торговцев, которые приобретали продовольствие у крестьян для последующей продажи его в Екатеринбурге. Уральский историк Н.А.Миненко обратила внимание на сказку (записана известным собирателем фольклора А.Н.Зыряновым в первой половине XIX в. в Шадринском уезде) о предприимчивом «маркитанте восподине» Якове Скоблине, который забивает для продажи скот, купленный в селениях, и отвозит большие партии мяса в город: «Приехали оне в город Екатеринбург, склали оне свежину в кучи. Яков Скоблин-маркитант восподин сел на кучу, стал глаза пучить... и тут торговля и выручка очинно великая пошла».

Широко занимались скупкой продуктов сельского производства государственные крестьяне селения Шарташ, которые

приобретали для переработки и перепродажи скот, сало, зерно, мед, воск, хмель и другие товары. В конце XVIII в. появились специализированные скупщики крупного и мелкого рогатого скота. Закупки скота производились на обширной территории: в Башкирии, в окрестностях Шадринска, Челябинска, Ялуторовска, Кургана, около крепостей Сибирской укрепленной линии и даже на Алтае.

Горнозаводские центры не только предъявляли постоянный спрос на продукты сельского хозяйства и крестьянских промыслов, но и сами производили разнообразные товары, необходимые деревне. Екатеринбург, наряду с Невьянском, Нижним Тагилом, Кушвинским заводом, был крупным рынком сбыта металла и металлических изделий; здесь имелись лавки почти всех крупных заводладельцев Урала.

Приписка крестьян к промышленным предприятиям несомненно способствовала интеграции аграрного окружения в промышленное производство, однако, осуществленная принудительно, она вызвала и немало противоречий между заводскими центрами и приписной деревней. Если конечной целью функционирования предприятий являлось производство промышленной продукции, металла и металлоизделий, то целью приписной деревни все же оставалось собственное воспроизводство за счет сельскохозяйственного труда и промыслов. Соответственно различными были планы и ожидания горных властей и самих крестьян. Между тем, в 1726 г. за заводами Екатеринбурга (Екатеринбургский, Нижне- и Верхне-Уктусский заводы) числилось более 11 тыс. душ м.п. приписных крестьян, в середине XVIII в. — более 14,5 тыс. душ. К Верх-Исетскому заводу в 1758 г. было приписано более 4,5 тыс. душ м.п. крестьян Белоярской, Калиновской, Пышминской и Белоярской слобод. Противоречия между заводами и приписной деревней зачастую вели к открытым конфликтам.

Наиболее распространенными и массовыми на Урале в XVIII в. были конфликты по поводу контроля над рабочей силой приписной деревни. Целью горного начальства являлось обеспечение заводов необходимым количеством крестьянского труда, что не совпадало с интересами приписных, стремившихся минимизировать свою трудо-

вую отдачу горному ведомству. Интенсивность и острота протеста приписных крестьян позволяет утверждать, что они вообще относились к приписке как к акту навязанному им и несправедливому, что их заветной мечтой всегда было освобождение от заводской «барщины».

В конце 50-х — начале 60-х гг. запыхали зарницы грандиозного протеста приписных крестьян, мастеровых и рабочих людей, имевшего разнообразные причины. Это и резкое возрастание эксплуатации горнозаводского населения вследствие широкой приватизации казенных предприятий в середине XVIII в., и расширение применения принудительного труда на предприятиях, и увеличение подушного оклада по сенатскому указу от 12 октября 1760 г., и произвол заводчиков и их администрации в отношении работников. Крестьяне и заводские работники в массовом порядке подавали челобитья, отказывались от работ, бежали, а кое-где брались за оружие. Но протест практически не коснулся казенных предприятий, к числу которых относился Екатеринбургский металлургический завод.

Образно говоря, Екатеринбург оказался в самом центре тайфуна. Вокруг бушевала буря, а здесь было относительно тихо и спокойно. Солдаты Екатеринбургских рот в карательных походах не участвовали, а несли обычную караульную службу, занимались ремонтом крепостных сооружений. Между тем в обстановке протеста распространялись фантастические слухи о «милостивых» указах, якобы освобождавших приписных от заводской барщины, появлялись подложные манифесты и указы. Екатеринбург стал настоящим рассадником подобных слухов. Даже на базаре Невьянского завода в 1763 г. «в разговорах ехо носилось, будто в Екатеринбургх подъячей Козма Рязанов давал с указов приписным к заводам крестьянам копии, якобы казенные заводы остановлены будут на пять лет...».

Наконец, летом 1762 г. крестьянский протест подобрался вплотную к Екатеринбургу. В июне 1762 г. крестьяне Калиновской и Белоярской слобод, приписанные к Верх-Исетскому заводу, приобрели на базарной площади в Екатеринбурге копии с указа об учреждении следственной комис-

сии по делу крестьян, приписанных к заводам графа И.Г.Чернышева, а также графа Никиты и дворянина Евдокима Демидовых. Обсудив на мирских сходах эти копии, крестьяне пришли к выводу, что на заводские работы им ходить не нужно, пока они «в своих обидах удовольствия не получают», и покинули Верх-Исетский завод.

Волнения на Верх-Исетском заводе серьезно напугали канцелярию Главного заводов правления. В донесениях последних, отправленных в Сенат и Берг-коллегию, проводилась мысль, что причиной протеста является категорическое нежелание крестьян работать как на частных, так и на казенных заводах. Канцелярия видела опасность соединения бунтующих крестьян и «башкирцев, яко легкомысленного народа» — «и тогда их без дальнего кровопролития усмирить уже будет не можно». Надо признать, что эти опасения не были беспочвенными: подобный «пессимистический» сценарий реализовался буквально через десяток лет в мощном народном движении под руководством Е.И.Пугачева. Канцелярия пугалась перспективы присоединения к волнениям мастеровых и рабочих людей заводов и золотых промыслов, колодников и «других подозрительных людей», которые могли разграбить денежную казну и монетный двор в Екатеринбурге. По мнению горной власти, усмирить крестьянские выступления можно было только строгостью, с помощью войск. Канцелярия настаивала на необходимости публичного наказания кнутом главных возмутителей.

В селения, приписанные к Верх-Исетскому заводу, был направлен поручик И.П.Порецкий с командой. Крестьяне готовы были идти на казенные заводы, но отказывались работать на Р.И.Воронцова. Команду Порецкого они прогоняли из селений, угрожая дубинами. Протест прекратился лишь с приездом на завод руководителя карательной «экспедиции» князя А.А.Вяземского в 1763 г.

Пугачевщина

В 1770-е гг. сбывлись тревожные прогнозы горной власти. Социальные противоречия вызвали грандиозное восстание

1773—1775 гг., объединившее в своих рядах значительную часть крестьянства, горнозаводского населения, нерусских народностей Урала. К началу января 1774 г. западная и южная части Екатеринбургского горного ведомства были охвачены восстанием. По данным полковника В.Ф.Бибикова, «в бунте» находилось около 50 тыс. крестьян.

К середине января прикрывавшие Екатеринбург крепости сдались добровольно или были захвачены повстанцами. Отряд восставших (600 человек с 5 пушками) во главе с И.Н.Белобородовым приблизился к Екатеринбургу с запада, вызвав панику и растерянность в военной и горной администрации. В среде городских низов возникло глухое брожение, недовольство, а порой и открытое неповиновение властям. Современник тех событий писал в конце января 1774 г.: «Теперь в Екатеринбурге... страх и ужас немалый». Борьбу с восстанием возглавлял главный начальник Екатеринбургского горного ведомства полковник В.Ф.Бибинов, ассессор горной канцелярии М.И.Башмаков, титулярный советник А.Ф.Турчанинов, получивший впоследствии за это потомственное дворянство.

Местное начальство принялось укреплять город. Вокруг него был устроен вал длиной 7 верст, поставлены рогатки, батареи, расставлены по дорогам пикеты. На оборонные мероприятия было израсходовано около 68 тыс. руб.

Тем временем росла социальная напряженность и в самом Екатеринбурге. Ходили слухи о намерении низов захватить самого горного начальника при его бегстве из города. Надворный советник Роде создал «полицейский» отряд из «людей горного ведомства», с которым «насквозь все ночи делал сам разъезды» по городу. Однако повстанческие отряды, так и не решившись штурмовать укрепленный крепостными стенами Екатеринбург, направились на северо-запад, на Уткинский завод. Возможно, Белобородов собирался заручиться поддержкой заводского населения и крестьян Почусовья, прежде чем начать решительное наступление на центр горнозаводского ведомства. Однако во второй половине февраля правительственный отряд секунд-майора Д.Гагрина нанес ряд серьезных поражений повстанческой армии Белоборо-

дова и вытеснил ее из Екатеринбургского ведомства.

Между тем 31 января в Екатеринбург прибыли 2 роты солдат из Петропавловской крепости под начальством секунд-майора М.Фишера, который сыграл значительную роль в очистке окрестностей города от повстанцев. Вскоре Фишер с командой в 700 человек был отправлен на Шайтанский завод «для поражения злодеев». 14 февраля за 2 версты от завода повстанцы, численность которых превышала 800 человек, начали обстреливать правительственную команду из 3 пушек. Однако в развернувшемся «превеликом сражении» восставшие потерпели поражение, потеряв до 300 человек убитыми, все орудия и образ богоматери. Вскоре на Фишера, вступившего на завод, напала другая «злодейская толпа» (не менее 500 человек), прибывшая с Ревдинского завода. Однако и эта атака была отбита, причем повстанцы потеряли около 100 человек убитыми и 1 чугунное орудие. Секунд-майор М.Фишер распорядился поджечь Шайтанский завод и двинулся обратно в Екатеринбург. На обратном пути повстанцы вновь безуспешно атаковали солдат.

Впоследствии Фишер совершал неоднократные поиски повстанцев из Екатеринбурга. 26 февраля ему пришлось буквально пробиваться с боем сквозь шестисотенную толпу повстанцев, которые постоянно нападали на его команду по дороге от деревни Ключевской до села Бруснянского. В тот же день Фишер одержал верх над восставшими у села Логинова. 4 марта у деревни Евсюковой Фишер выдержал очередное «превеликое со злодеями сражение», которое длилось почти сутки. Повстанческий отряд численностью до 3,5 тыс. человек с пушками был разбит и потерял около двух сотен человек. 5—6 марта Фишер вел ожесточенные бои с восставшими под Каменским заводом. 8 числа секунд-майор Фишер узнал о концентрации 1,5-тысячной толпы в деревне Рыбниковой. Командированный им отряд под началом капитана Порецкого и прапорщика Попова численностью 240 чел. с двумя орудиями рассеял и эту толпу. После этого жители окрестностей Екатеринбурга стали являться с повинной к правительственным начальникам, дороги вокруг Екатеринбурга

были расчищены от повстанцев. В марте—апреле 1774 г. были подавлены последние очаги народного движения на территории Екатеринбургского ведомства.

Образ города

Несмотря на то, что подлинного расцвета Екатеринбург достиг в первой половине XIX в., именно в XVIII в. были заложены основы градостроительного развития городской территории, регулярной планировки города, композиция которой с самого начала определялась двумя взаимно перпендикулярными осями — рекой Исеть, протекавшей через крепость с севера на юг, и пересекавшей ее заводской плотиной.

Уже в 1730-е гг. в Екатеринбурге выделяются две стороны: правобережная Торговая и левобережная Церковная. Пространственными ориентирами являлись крепостные ворота. На Торговой стороне это были Красные (в западном центральном бастионе), Зеленые (в северном полубастионе, рядом с «зеленым» — пороховым — погребом), Мясницкие (в южном полубастионе), Уктусские (в юго-западном угловом бастионе) ворота. Исетские ворота располагались на левобережной Церковной стороне, в восточном центральном бастионе. Не ранее 1770-х гг. сложилась система новых названий ворот: Московские, Уктусские, Пышминские, Шарташские, Косуллинские, Камышевские. Значение топонимических ориентиров имели также крепостные стены («палисад»), церковь, заводские сооружения, здания Обер-бергамта, гостиного двора, госпиталя, аптеки, богадельни, кабаков (Отрясиха, Разгулай, Мелковский и т.д.), дворы именитых людей. Важным ориентиром в Екатеринбурге была возвышенность, получившая со временем наименование Вознесенская горка. В 1735 г. на ней был построен дом для горного начальника В.Н.Татищева, который назывался Загородным командирским. С конца 1750-х гг. этот дом стали иногда именовать Генеральским, а горку соответственно Генеральской.

Как отмечают специалисты, в раннем Екатеринбурге, в отличие от Невьянского, Нижнетагильского заводов, не сложилось развитой системы наименования улиц.

Большая, Керженская, Каменская или Каменский порядок — вот те названия внутрикрепостных улиц, которые эпизодически встречаются в документах. За некоторыми улицами вне крепости закреплялись названия по фамилиям живущих на них людей. Особенностью внутрикрепостного уличного устройства Екатеринбурга было попарное расположение двух рядов домов в линии, обращенных на улицу не фасадами, а огородами, что явилось результатом систематической борьбы горной администрации против традиционной беспорядочной застройки.

На протяжении столетия город оставался преимущественно деревянным, однако постепенно росло и число каменных производственных, административных, культовых, жилых зданий. В 50—70-е гг. выросли каменные постройки загородной Свято-Духовской церкви, Златоустовской церкви, Екатерининского собора, Богоявленской церкви (впоследствии Кафедрального собора). В конце столетия на вершине холма на левом берегу пруда была заложена Вознесенская церковь, единственная сохранившаяся до нашего времени. Культовые сооружения XVIII в. были выполнены в лучших традициях русского барокко.

В 1780-е гг. в городе стали появляться каменные частные дома, владельцами которых в основном были купцы; к концу столетия их насчитывалось всего тринадцать.

Екатеринбург глазами современников

Как справедливо отмечал Д.Н.Мамин-Сибиряк, «по части ученых путешественников Екатеринбургу посчастливилось с самого его основания». Одним из первых был датский капитан В.Беринг, проезжавший через Екатеринбург в 1733 г. во Вторую Камчатскую экспедицию. В том же году в Екатеринбурге побывали другие участники экспедиции — академики Гмелин, Миллер, Делиль.

Иоганн-Георг Гмелин (1709—1749), командированный Академией наук для изучения Сибири, провел на Урале в общем около одного года. Результатом его исследований стал обширный труд «Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743», в

котором содержатся несистематизированные, но яркие картины из жизни только что появившейся столицы горнозаводского Урала. Автор не всегда остается беспристрастным и сильно преувеличивает общее благосостояние заводского населения. В этой сознательной или бессознательной неправде сказалась близость Гмелина к местным правящим кругам, в частности к В. де Геннину. Тем не менее, сочинение содержит множество мелких бытовых сцен и зарисовок, которые подкупают читателя бросающейся в глаза правдивостью.

«Все фабрики и производства, — писал в декабре 1733 г. Гмелин, — поддерживаются здесь в столь хорошем состоянии, а рабочие так удивительно трудолюбивы по сравнению с другими местностями, что надобно этому удивляться. Порядок и распоряжения не оставляют желать ничего лучшего; я тут сам убедился, что можно удерживать людей от пьянства, не прибегая к телесным наказаниям. Именно здесь ни в какое другое время водка не продается, кроме как по воскресеньям после полудня. Для того же, чтобы не оскорблять праздника, отпускается каждому лишь такое количество ее, от которого нельзя опьянеть. Правила этого строго придерживаются и оно является единственным лишением, на которое могут пожаловаться здешние рабочие. Заработную плату получают они аккуратно через каждую треть года, жизненные припасы дешевы, а больные получают хороший уход в госпитале, во главе которого стоит штабной хирург. В этот госпиталь привозят также захворавших из других ближайших заводов».

Академик подчеркивал значение Екатеринбурга как центра местной горнозаводской промышленности. Поэтому «... кто хочет познакомиться с сибирским горным и заводским делом, тот должен посетить Екатеринбург».

Вторично приехав в Екатеринбург в 1742 г., Гмелин отметил некоторый рост города, изменения в его архитектурном облике. На этот раз «ученый путешественник» дал довольно негативные оценки администрации, злоупотребляющей своей властью, быта и нрава уральцев, диких и малокультурных, как он считал. Отрицательные характеристики в труде Гмелина получили и староверы — нетерпимые, ли-

цемерные, склонные к плутовству, по мнению ученого.

Как свидетельство суеверия и темноты местного населения квалифицировал Гмелин происшествие, связанное с реальным распространением в Екатеринбурге в конце июля 1742 г. слухов о скорой демонстрации «гнева Божьего». Он писал, что горожане в течение долгого времени жили в постоянном страхе из-за предсказания какого-то писца о предстоящей будто бы гибели города со всеми его обитателями. Несмотря на то, что назначенные для катастрофы сроки прошли благополучно, а предсказателя всенародно отодрали кнутом на площади, обыватели долго еще не могли успокоиться.

Покидая «отдаленную страну», Гмелин пожелал «некоторым тупым сибирским головам, которые думают, что вне их области живут не люди и всех приезжающих к ним почти не считают за таковых», «более мягкие нравы и поменьше грубости в будущем».

В 1761 г. Екатеринбург посетил аббат Шапп д'Оттрош, член французской королевской Академии наук, направленный последней в Сибирь, чтобы наблюдать прохождение планеты Венеры через солнечный диск. Свой отчет о путешествии в Сибирь аббат опубликовал в 1768 г. в Париже. Содержавшиеся в его сочинении недоброжелательные замечания о России вызвали впоследствии публикацию «Антидота» (Противоядия), авторство которого приписывается императрице Екатерине II.

Однако Екатеринбург в целом произвел на аббата благоприятное впечатление. «В Екатеринбурге живет много иностранцев, главным образом немцев, — писал Шапп д'Оттрош, — поэтому обычай и нравы населения имеют мало общего с русскими нравами и обычаями в других местах Сибири, где едва ли можно было организовать подобный праздник, так как женщины там очень застенчивы». Деятельное времяпрепровождение, достаточно высокие духовные запросы горных чиновников приводили к тому, что екатеринбуржцы быстрее усваивали европейский образ жизни, чем, например, жители сибирских городов. «Людскость» — так определил французский путешественник ту черту, которая в Екатеринбурге сменяет сибирскую застен-

чивость. Екатеринбургские дамы показались Шаппу более смелыми по сравнению с сибирячками, скрывавшимися от мужчин.

В 1768 г. на восток России отправилась академическая экспедиция во главе с натуралистом П.С.Палласом. Участие в ней приняли адъютант Академии наук И.И.Лепехин, шведский ботаник Фальк. В 1770 г. к ним присоединился минералог и этнограф Георги.

П.С.Паллас, знакомый с трудом Гмелина, обратил внимание лишь на изменения, происшедшие после 1742 г.: «Организация и распорядок здесь мало изменились со времени господина Гмелина. В самом городе прибавилось лишь несколько красивых частных домов и каменная церковь. Упраздненный в прошлые годы монетный двор, для чеканки медных денег, в настоящее время в полном ходу, а принадлежащий к Екатеринбургу Верх-Исетский завод передан теперь его сиятельству графу Воронцову». Паллас сообщил многое о быте горнозаводских рабочих.

И.И.Лепехин и И.Фальк приводят в своих сочинениях сведения о Екатеринбурге в хозяйственном и статистическом отношении. В «Дневных записках путешествия по разным провинциям Российского государства» И.И.Лепехина Екатеринбург описан следующим образом: «Ныне в нем 1426 домов считается, и он обнесен земляным валом, тако же и нарочито глубоким рвом, обставленном деревянными рогатками. Строение в городе все деревянное, выключая фабрики и канцелярию; церквей четыре, из коих две каменные». И.Фальк отметил наличие в городе 5 каменных зданий.

В сочинениях И.И.Лепехина и И.Фалька содержатся некоторые сведения о численности и составе населения Екатеринбурга. «Для государственных работ было в 1772 году 199 канцелярских служащих, 33 берг-офицера и 1923 человека горно-заводских рабочих...», — констатирует И.Фальк в своем «Топографическом описании Российской империи», — а среди жителей, не принадлежащих к Горному Управлению, числилось по кадастру 1763

года купцов и ремесленников 390 человек». Лепехин определяет все население города в 7886 чел.

В 1792 г. Екатеринбург посетил один из первых японцев, побывавших в России, капитан шхуны, занесенной бурей в «северные воды» (северная часть Тихого океана), Дайкокуя Кодаю. Возвращенный российским правительством в Японию, он рассказал на родине о своих приключениях. Запись показаний Кодаю послужила толчком для составления свода сведений о России XVIII в. («Краткие вести о скитаниях в северных водах»), завершено в 1794 г. японским ученым Кацурагава Хосю. Впечатления Кодаю от визита в Екатеринбург помещены в нескольких местах этой книги.

Согласно рассказу Кодаю, он прибыл в Екатеринбург 5 января года крысы (1792) в час тигра (4 часа утра). Кодаю сообщает, что в городе он останавливался у купца Ивана Ритэ (вероятно, Рута), дяди жены известного ученого-естествоиспытателя проф. Кирилла (Эрика) Густавовича Лаксмана. Купец этот, торговавший костью, рогом, кожей, сукном, имел, по словам Кодаю, собственные магазины в Москве и Петербурге. Кодаю отметил наличие медных рудников близ Екатеринбурга, которые эксплуатировались для производства медных денег. «Краткие вести...» повествуют о Монетном дворе в Екатеринбурге, на котором «отливают деньги и ежемесячно отправляют их на вьючных лошадях в Россию».

Сообщается также о добыче мрамора (мурамура): «[Этот камень] белый с красными, зелеными или черными крапинками. Из него строят дома и делают всевозможные вещи. ... Самым ценным считается мрамор с красными крапинками». В книге содержатся сведения о водяных колесах, которые приводят в движение мехи для выплавки монет, а также приборы для шлифовки камня: [Эти колеса] очень большие, они в десять раз сильнее человека, что позволяет сберечь силы людей. Говорят, что для того, чтобы построить одно колесо, [требуется] двадцать рабочих».

Примечания

* Словесный суд — судебное учреждение для разбора мелких гражданских тяжб с устным судопроизводством.

РАЗДЕЛ II

ФОРПОСТ
РОССИЙСКОЙ
ЭКОНОМИКИ

4. Центр горнозаводского края

Борьба за статус

Рубеж XVIII—XIX вв. для Екатеринбурга явился временем сурового испытания, когда решался судьбоносный вопрос: сохранит ли он свое значение центра уральской горнозаводской промышленности, удержит ли свое лидерство среди городов Урала, или же эти его роли отойдут к другим городам, а Екатеринбург ожидают — как Чердынь, Соликамск и Верхотурье — упадок, застой, запустение и забвение?

В пользу Екатеринбурга было его выгодное географическое положение в центре горнозаводского края, на большой почтовой дороге в Сибирь (Большом Сибирском тракте), в самой низкой части Главного уральского хребта, на водоразделе рек Волжско-Камского и Обь-Иртышского бассейнов. Но достаточно ли было этих факторов, чтобы устоять перед натиском очень сильных и опасных конкурентов? Среди них в разное время выступали Кунгур, Невьянск и другие, но прежде всего — Пермь, место пребывания губернской администрации, крупный торгово-перевалочный пункт на реке Каме, обнаруживший свои явные претензии на руководство уральской горнозаводской промышленностью и на лидирующее положение среди уральских городов.

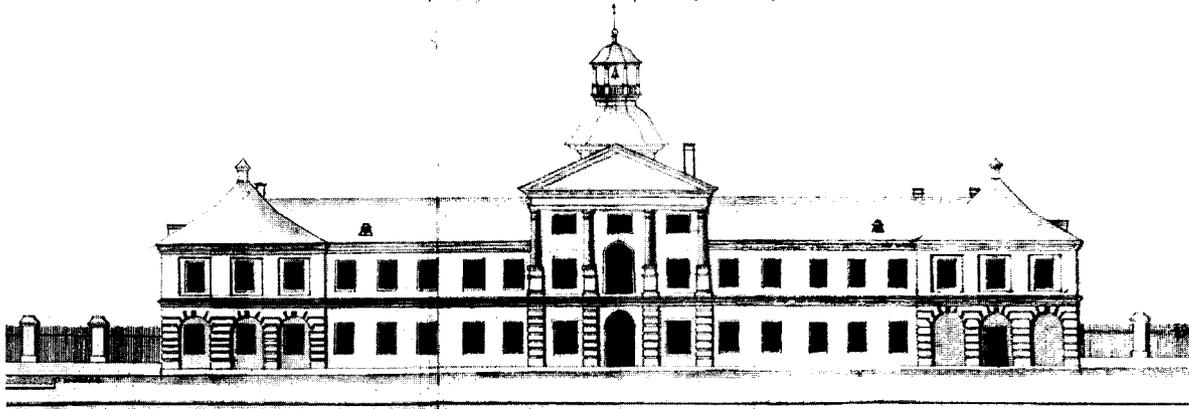
На неустойчивость положения Екатеринбурга как центра горнозаводской промышленности, его полную зависимость от случайных решений правительственных властей указывал Д.Н.Мамин-Сибиряк, писавший: «...в Екатеринбурге складывался оригинальный горный центр. Благодаря усилиям правительства, быстро вырос целый город, население которого образовалось искусственным образом... Это делалось в интересах насаждения горного дела на Урале, делалось по определенному плану... Как искусственно созданный административный центр, этот город существовал отраженной жизнью, и одно властное слово могло прекратить его существование».

Уже в 30-х гг. XVIII в. (в царствование Анны Иоанновны), во время раздачи

вельможам уральских казенных заводов, когда произошел резкий поворот политики в горных делах от развития казенного горнозаводского хозяйства к всемерной поддержке частновладельческого сектора, Екатеринбург сохранил свою самостоятельность только каким-то чудом. Тяжелый удар по городу, его административному и экономическому престижу был нанесен в 1781 г., когда в связи с реорганизацией местного управления в Екатеринбурге, получившем звание провинциального города, закрыли канцелярию Главного заводов правления и Уральские горные заводы подчинили генерал-губернатору Пермского наместничества и Пермской казенной палате, при которой была образована Горная экспедиция. Через 15 лет, в 1796 г., Пермское наместничество было упразднено, создана Пермская губерния. Екатеринбург тогда стал уездным городом, но командные высоты в управлении горнозаводской промышленностью по-прежнему находились в руках Перми. Занявший пост генерал-губернатора Пермской и Вятской губерний, могущественный и властный инженер-строитель К.Ф.Модерах придерживался мнения о необходимости управления горными заводами через губернские власти и явно противодействовал какому-либо усилению горных властей, видя в этом ущемление и ограничение своих почти неограниченных полномочий.

Территориально-административные и управленческие перестройки и перетряски, поколебали авторитет и официальное влияние в горном деле Екатеринбурга как центра горной промышленности, но тем не менее не смогли ощутимо подорвать торгово-промышленное значение молодого и довольно быстро и успешно развивавшегося города. Кроме того, город стал местом сосредоточения уездных властей, создав, согласно жалованной грамоте городам Екатерины II (1785 г.), свои органы городского управления.

Вместе с тем в 90-е гг. XVIII в. обнаружилось, что оперативно руководить горнозаводской промышленностью Урала с пери-

Химическая Лаборатория (ныне здание Уральского колледжа им. Ползунова). 1823 г.

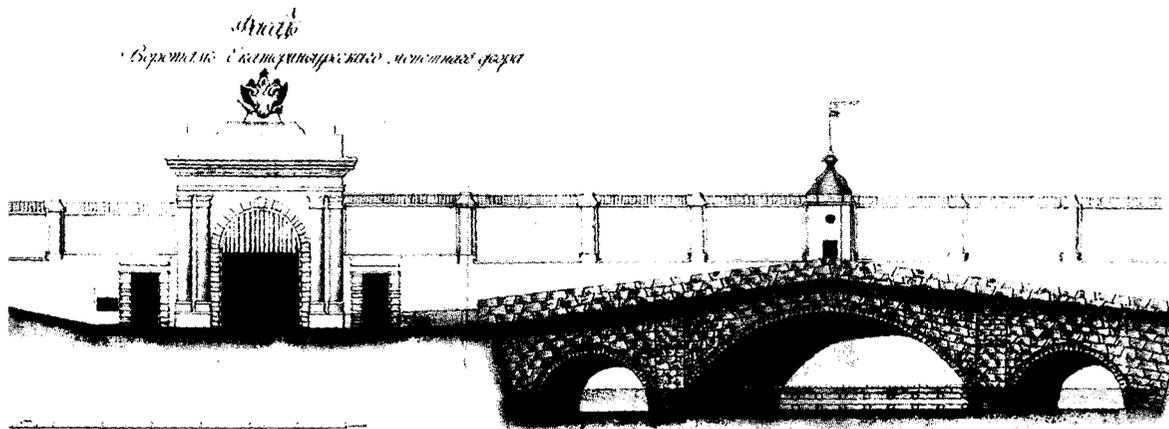
ферии горнопромышленного района — из Перми — невозможно. Также стало очевидным, что управлять горнозаводской промышленностью квалифицированно гражданские чиновники не могут: для этого требуются люди, знакомые с особенностями горнозаводского дела. Чиновники Горной экспедиции при Пермской казенной палате «смотрели только за тем, чтобы заводы не останавливались и выплавляли металл, а о ремонте, улучшении, устройстве и расширении действия их не заботились нисколько».

В 1796 г. правительство было вынуждено восстановить Берг-коллегию, а в Екатеринбурге была открыта канцелярия Главного заводов правления, которую возглавил в качестве Главного командира известный горный деятель и металлург А.С.Ярцов. Однако попытка вернуться к прежним формам управления, несмотря на энергичную деятельность Ярцова, успеха не имела. В 1802 г., чтобы приблизить органы управления к заводам, канцелярия Главного правления заводов была снова упразднена, и вместо нее созданы три независимых друг от друга Горных начальства, подчинявшихся непосредственно Берг-коллегии: Екатеринбургское, Пермское (в Юговском заводе) и Гороблагодатское (в Кушве). В 1806 г. для управления взятыми в казну Богословскими заводами было образовано еще одно Горное начальство — Банковое.

Так возникла федерация горных начальств, общее руководство которой должен был осуществлять Пермский и Вятский генерал-губернатор с помощью Пермского горного правления и Пермского берг-

инспектора. Однако после отъезда с Урала в 1811 г. К.Ф.Модераха генерал-губернаторы больше не назначались, а берг-инспектор не имел административного веса и управленческой структуры, чтобы выполнять свои функции. Екатеринбургское горное начальство, которое возглавил крупный горный деятель и ученый И.Ф.Герман, состояло из двух департаментов: первый управлял казенными заводами, второй осуществлял общий надзор над частными заводами всего региона. Фактически единое общее руководство горнозаводской промышленностью было утрачено. Однако учатившиеся проявления социального недовольства, угроза их перерастания в широкомасштабные акции побудили правительство восстановить единую систему руководства горнозаводским делом. Кроме того, считалось, что оперативное и компетентное управление горнозаводской промышленностью повысит ее производительность и поднимет государственные доходы от казенных горных заводов и всего горного промысла.

В 1826 г. была учреждена должность Главного начальника горных заводов Уральского хребта с резиденцией в Екатеринбурге, а в 1831 г. Горное правление из Перми было снова переведено в Екатеринбург, который вновь становится административным центром всей Уральской горнозаводской промышленности и неофициальной столицей Урала. Екатеринбург, говоря словами Д.Н.Мамина-Сибиряка, «устоял и сохранил за собой значение горнозаводского центра».

Ворота монетного двора. 1823 г.

После утверждения в 1806 г. Проекта нового Горного положения Екатеринбург получил статус «горного города», позволивший ему иметь особое управление, не зависимое от юрисдикции местной гражданской администрации. Город был подчинен власти горного начальника, который утверждал должностных лиц городского самоуправления, городской бюджет, осуществлял общий контроль, в его распоряжении была городская полиция. Городское управление состояло из Общей и Шестигласной дум, городского магистрата и сиротского суда, различных выборных должностей. Городской голова, бургомистр, ратманы (судьи городского магистрата), судьи словесных и сиротских судов, городовые старосты избирались на собраниях купцов и мещан. Все общественные должности замещались исключительно крупными купцами, что позволяло им играть главную роль в решении городских дел.

Бюджет города был весьма скромный: доходы составляли в 1807 г. — 4840 руб., в 1815 г. — 6916 руб., в 1821 г. — 7230 руб. Поступали они плохо, так как купцы и мещане всячески уклонялись от налогов и повинностей в пользу города. Основными источниками доходов были сборы с разных зданий, принадлежавших городу, с городских заведений, с общественного имущества и налоги с промышленников (все они в 1821 г. дали 58,7% доходной части бюджета). Большая часть средств уходила на покрытие «обязательных расходов»: на содержание городского управления — городской

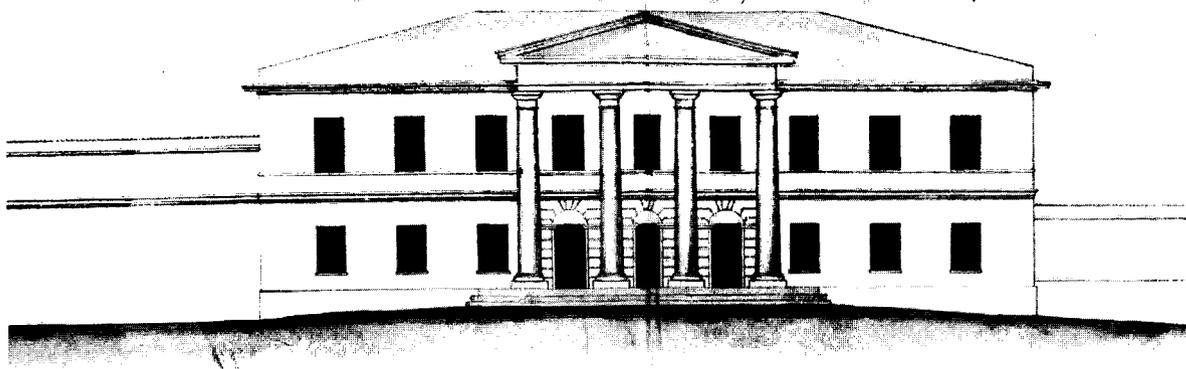
думы, магистрата, сиротского суда (в 1821 г. — 32,2%), полиции (в 1821 г. — 17,4%) и тому подобное. Очень небольшие суммы расходовались на благоустройство и совсем мизерные — на содержание учебных заведений (в 1821 г. — 3,9%).

Получив статус горного города, Екатеринбург тем не менее сохранял некоторую зависимость от губернской администрации, контролировавшей дела городской думы, ее бюджета. Двойная зависимость города от горных и гражданских властей являлась причиной постоянных трений между городской думой, горной и гражданской администрациями.

На подъеме

Город сумел удержать роль горнозаводского центра благодаря тому, что он был довольно крупным по тому времени промышленным узлом, сосредоточившим несколько мощных промышленных предприятий общегосударственного значения.

Основу промышленного потенциала города составлял Екатеринбургский металлургический и металлообрабатывающий завод — один из крупнейших, если не самый крупный в Европе. Он имел более 30 технически хорошо оснащенных цехов, обладал мощной энергетической базой из 50 верхнебойных водяных колес (в те годы самый большой промышленный комплекс в Западной Европе — во Франции, на реке Сене в Марли — имел 11 нижнебойных, более примитивных по своему устройству

Административный корпус Монетного двора. 1823 г.

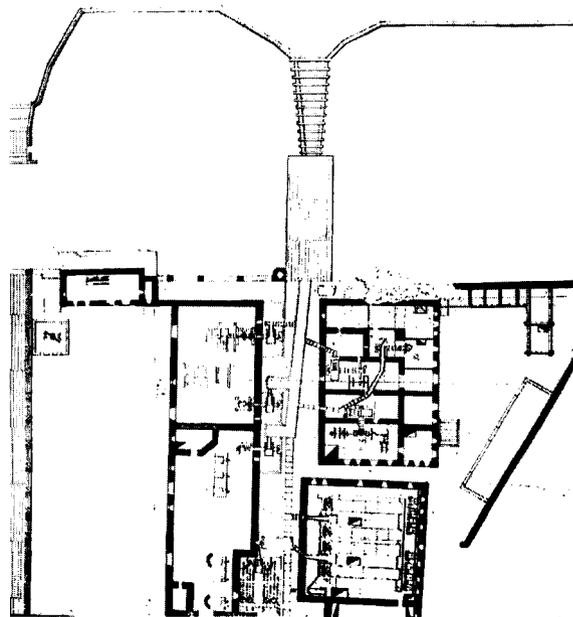
колес суммарной мощностью 150 лошадиных сил), и был способен ежегодно изготовлять по 323 артиллерийских орудия. Екатеринбургский завод являлся образцом, по которому на Урале строились заводы в течение всего XVIII в.

Огромные производственные мощности Екатеринбургского завода полностью никогда не использовались. Еще в 30—50-х гг. XVIII в. на промышленной площадке завода были размещены Платный (Монетный) двор, гранильная и шлифовальная фабрики, в то время как доменное производство было прекращено, а железоделательное постоянно сокращалось. В конце XVIII в. на правом берегу Исети, ниже плотины в каменном корпусе находились кричный и медеплавильный цеха (кричная и медеплавильная «фабрики»). Кричный цех выковывал железо «немецким способом», вырабатывая его от 40 до 50 тыс. пудов в год. Чугун привозили из Каменского казенного завода. Медеплавильный цех с шестью рудоплавильными печами обеспечивал черновой медью Монетный двор. На левой стороне реки в каменном корпусе располагались лесопильная мельница, гранильная и шлифовальная фабрики. В другом каменном корпусе размещались резной и плющильный цеха. Тут же находилась кузница и две золотопромывальных фабрики. В 1797 г. на заводе было занято 12 управителей и служащих и 267 мастеровых и рабочих людей.

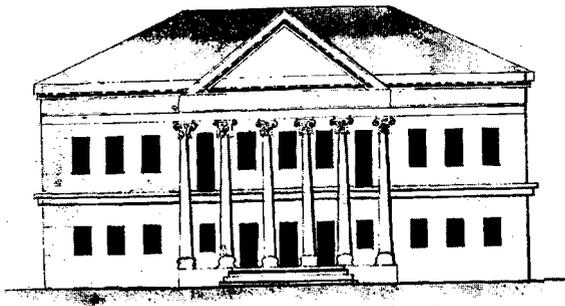
В последние десятилетия XVIII в. производственные мощности завода все более приспособлялись для нужд монет-

ного дела: колотушечный и дощатый цеха использовались для расковки меди, приготовленная на заводе цементная сталь полностью шла на изготовление чеканов и матриц для тиснения монеты, полосовое железо поставлялось Монетному двору и золотопромывальным фабрикам. В 1808 г. Екатеринбургский завод и Монетный двор были слиты в одно предприятие.

Монетный двор, поглотивший остатки металлургического и железоделательного завода, некогда гостеприимно приютившего его на своей территории, своим быстрым

Фрагмент общего плана Монетного двора и механических мастерских

Городовой магистрат. XIX в.

развитием и расцветом был обязан исключительно заботам правительства, стремившегося к всемерному увеличению выпуска медных денег.

Основными цехами Монетного двора являлись расковочный, плющильный, прорезной, гуртильный и тиснительный; вспомогательными — плавильный, якорный, кузнечный и другие. Предприятие было оснащено технически совершенным по тому времени оборудованием, все машины и механизмы действовали с помощью гидравлической энергии. Благодаря этому завод был способен выполнять любые технологические операции. Заготовка древесного топлива велась приписными крестьянами в Монетной лесной даче, в 30—35 верстах от города. В 1797 г. на Монетном дворе было занято управляющих и служащих — 188, мастеровых и работных людей — 476, к нему было приписано 9640 крестьян, деревни которых находились в 65—197 верстах от Екатеринбурга.

С целью увеличения выпуска медной монеты правительство в 1788 г. решило построить близ Екатеринбурга еще один монетный двор — Нижнеисетский, но в 1795 г. только что воздвигнутый завод сгорел, его оборудование было передано Екатеринбургскому Монетному двору. Для снабжения Монетного двора цементной сталью в 1786 г. под руководством И.Ф.Германа развернулось строительство сталелитейного завода на реке Пышме, в 22 верстах от Екатеринбурга. Завод начал выпускать дешевую и качественную сталь и косы, но в 1792 г. тоже сгорел. После этих неудач производство стали было решено организовать на Нижнеисетском заводе, который был перепрофилирован в железоделательный

и сталелитейный. В декабре 1801 г. была выплавлена первая сталь, в сентябре 1803 г. построена новая каменная кричная «фабрика», которая стала выпускать полосовое, плющильное, листовое и колотушечное железо, начаты отливка чугунных артиллерийских снарядов,ковка якорей и гвоздей. В 1804 г. Нижнеисетский («Новый») завод изготовил 33 тыс. пудов железа, 900 пудов уклада и 2,4 тыс. пудов стали.

Особое место в промышленности города занимала Екатеринбургская гранильная фабрика с приданным ей Горнощитским мраморным заводом, находившимся в 46 верстах от города. После передачи ее в 1811 г. из горного ведомства в подчинение управляющему Кабинетом императора и Министерству императорского двора она стала официальным поставщиком камнерезно-художественных изделий для императорских дворцов и государственных нужд. В 1804 г. ей был утвержден постоянный штат из 6 чиновников и 117 нижних чинов и мастеровых, назначено на ее содержание по 23,4 тыс. руб. в год.

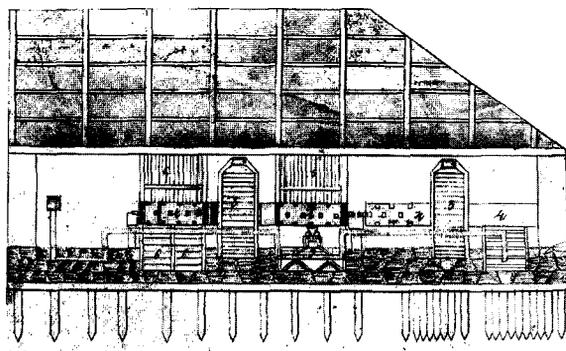
Непосредственное участие в организации работы фабрики принимал известный екатеринбургский архитектор М.П.Малахов. Однако подлинно мировую славу фабрике принесли ее талантливые мастера гранильного и камнерезного дела, которые по рисункам и эскизам выдающихся художников и архитекторов того времени создали замечательные произведения искусства из уральских самоцветных камней. Это были «архитекторский помощник» М.Колмогоров, заведовавший на фабрике художественной частью, мастера-камнерезы С.С.Ваганов, И.К.Патрушев, И.А.Штейнфельд и др., мастер-смотритель по художественной части на Горнощитском мраморном заводе В.Яковлев, мастеровые П.Зубрицкий, Н.Коковин, И.Одинцов, И.Пономарев, Ф.Сахаров и др.

Основной продукцией гранильной фабрики с конца XVIII в. становятся крупные вещи и архитектурные детали из мрамора. Произведенными на фабрике черными и белыми мраморными плитами была выстлана площадь между Зимним дворцом и окружавшим его каналом в Санкт-Петербурге, изготовлены все детали и колонны для Мраморного мостика в парке Царского села («Сибирская гале-

рея»). Вазами, чашами и другими изделиями из уральских цветных камней — яшм, родонита («орлеца»), малахита, авантюрина — украшались залы Зимнего дворца и дворцов Московского Кремля, дворцы и парки Санкт-Петербурга и его окрестностей, демонстрируя изумительное мастерство и великолепный художественный вкус екатеринбургских мастеров — камнерезов и гранильщиков.

Прославился Екатеринбург и Березовскими золотыми промыслами. Хотя золото близ Березовского завода было открыто еще в 1745 г., а его промышленная разработка началась с 1747 г., размеры золотодобычи поначалу были невелики и не превышали 5 пудов золота. Перелом в развитии отрасли произошел в 90-х гг., когда на месторождении было открыто около 20 новых рудников, а в первые годы XIX в. — еще 13. В 1802 г. бездействовавший Елизаветинский (Верхнеуктусский) железоделательный завод был перепрофилирован в золотопромывальный завод, при его плотине были поставлены рудотолчейная и золотопромывальная фабрики (в качестве золотопромывального завод действовал до 1822 г.). Добыча золота на промыслах в 1800—1806 гг. достигала в среднем в год 17—18 пудов.

Но настоящий «золотой бум» начался с открытием в 1814 г. россыпного золота штейгером Березовских промыслов Л.И.Бруницыным, в дальнейшем руководившим промышленной разработкой золотоносных песков. В конце 20 — начале 30-х гг. XIX в. на Березовских промыслах ежегодно добывалось от 22 до 24 пудов золота. В 1812 г. правительство, чтобы погасить острый дефицит государственного бюджета, издало указ «О предоставлении права всем российским подданным отыскивать и разрабатывать золотые и серебряные руды с платежом в казну подати». Таким образом, в золотой промысел, до того времени являвшийся почти полной монополией государства, были открыты двери крупному частному капиталу. В 1823 г. в Екатеринбурге работала Временная горная комиссия под председательством сенатора В.Ю.Соймонова, которая разработала проект положения о золотом промысле и инструкцию поисковым партиям. Работа Комиссии сыграла важ-

*Устройство золотопромывальной фабрики.
1800-е гг.*

ную роль в становлении и развитии золотопромышленности на всем Урале.

В 1797 г. на промыслах было занято управляющих и служащих — 145, мастеровых и работных людей — 1727, к ним было приписано 17569 крестьян, деревни которых находились от промыслов в 7 и 37, а самые дальние — в 225 и 321 верстах. В начале 20-х гг. XIX в., после отмены института приписных крестьян, на промыслах насчитывалось около 4 тыс. мастеровых и других работников.

Екатеринбургские предприятия составляли единое целое с близлежащими казенными металлургическими и золотопромывальными заводами, рудниками, золотыми промыслами. В их числе были Нижнеисетский железоделательный и Каменский чугуноплавильный заводы, Березовские золотые промыслы с тремя золотопромывальными заводами — Березовским, Пышминским и Елизаветинским (Верхнепышминским), и тремя золотопромывальными фабриками — Александровской, Ключевской и Петропавловской, а также Уткинская пристань на реке Чусовой, пять заводских лесных дач — Екатеринбургская, Березовская, Монетная, Уткинская и Каменская. Таким образом, вокруг Екатеринбурга сформировался мощный промышленный казенный комплекс, на предприятиях которого, по данным 1797 г., было занято в работах 353 управляющих и служащих, 2713 мастеровых и работных людей, 27209 приписных крестьян, всего около 30 тыс. человек. Это был «многолюднейший и населеннейший» из всех промышленных горнозаводских комплексов «хребта Уральского».

Весомым добавлением к Екатеринбургскому казенному горнозаводскому про-

мышленному комплексу выступал расположенный в 2,5 верстах от Екатеринбурга Верх-Исетский чугуноплавильный и железоделательный завод, принадлежавший наследникам С.С.Яковлева. Это был один из первых заводов на Урале. Он имел две доменные печи, две каменные кричные «фабрики», 50 водяных колес мощностью не менее 500 лошадиных сил. Годовая выплавка чугуна на заводе составляла в 1797 г. 104,9 тыс. пудов, в 1804 г. — 182 и в 1827 г. — 168 тыс. пудов; годовая производительность железа в 1797 г. — 82, в 1806 г. — 126, в 1827 г. — 73 тыс. пудов. На рубеже XVIII—XIX вв. завод подвергся значительному переустройству: вдвое было расширено кричное производство, доменные печи подняты до 15 аршин (с 12,5 аршин), увеличен их объем; расширился ассортимент изделий — кроме полового стало выпускаться сортовое, колесное, каретное и широкополосное железо; началась прокатка двухаршинного листового (кровельного) железа, которое было «по изящности доброты, чистоте, ровности, легкости, гибкости своей превосходное». Яковлевское железо с маркой «А.Я.Сибирь» и изображением соболя пользовалось хорошей репутацией на внутреннем и даже внешнем рынке.

Крупные промышленные предприятия Екатеринбурга, имеющие квалифицированные кадры, занимали передовые позиции в металлургии и горном деле. Механическая мастерская, созданная в 1800—1805 гг. при Екатеринбургском Монетном дворе механиком Главного заводов правления Л.Ф.Сабакиным, явилась предвестником промышленного переворота в горнозаводской промышленности Урала. В мастерской было изготовлено большое число оригинальных механических устройств для прокатного, монетного, металлургического и других производств, велось строительство паровой машины для откачки воды из шахт. На Верх-Исетском заводе механическая «фабрика» была устроена под руководством механика А.С.Вяткина. По его проектам было изготовлено несколько паровых машин: первая паровая машина в 1815 г. — для приведения в действие станков механической фабрики, водоотливная — для Алексеевского рудника Верх-Нейвинского завода и т.п.

В период Отечественной войны 1812 г. екатеринбургские заводы приняли деятельное участие в исполнении военных заказов. В 1812 г. Верх-Исетский завод имел наряд на отливку 323 тыс. артиллерийских снарядов и выполнил его досрочно. Нижнеисетский завод в 1810—1813 гг. получил из Каменского завода для сверления и отделки болванки стволов 868 пушек. В 1813 г. екатеринбургские заводы должны были отлить, рассверлить и отправить в арсеналы 207 артиллерийских орудий. Все эти военные заказы выполнялись «с большой поспешностью» и «со всей требуемой точностью и аккуратностью». В годы войны активизировалось техническое творчество: на Нижнеисетском заводе управителем И.Н.Подоксеновым была изобретена машина для обточка цапф у чугунных пушек; мастерской Я.Зотин изобрел железокванную пушку, а затем изготовил разборную железную пушку, ставшую прообразом горной артиллерии.

Несмотря на противодействие горной администрации, а затем и прямое запрещение открывать в горнозаводских районах негорнозаводские предприятия, производство которых основывается «на огненном действии, требующем угля и дров», в Екатеринбурге в конце XVIII в. появились первые предприятия «фабрично-заводской» (негорнозаводской) промышленности, занятые по преимуществу переработкой сельскохозяйственного сырья и животноводческой продукции. На рубеже XVIII—XIX вв. в городе уже действовало 54 таких заведения.

Они представляли собой небольшие, кустарного типа предприятия, на которых было занято от 3 до 13 вольнонаемных рабочих, и располагались за тогдашней городской чертой — на Заимке, в районе нынешнего Царского (Каменного) моста. Наибольший удельный вес имели салотопенные заводы, принадлежавшие купцам первой и второй гильдии. Скот для них закупался на Оренбургской линии. Салотопенные заводы вырабатывали в год продукции на 600 тыс. руб. (все кожевенные — на 30 тыс. руб.), причем 2/3 ее производили заводы пяти купеческих семей: Рязановых, Казанцевых, Толстиковых, Коробковых, Гилевых. Сало сбывали на ярмарках и местных рынках, отправляли в Санкт-Петербург. В начале XIX в. количество салотопенных и кожевенных заведений уменьшилось, но возник-

*Ч. III. и фасады вновь строениями срубленного сего года в. на
для внешней части в Екатеринбурге 1834 года.*

Съезжий дом. Проект М. П. Малахова. 1834 г.

ли новые производства: свечное, клееваренное и т.п. В 1818 г. в Екатеринбурге имелось 7 салотопенных заводов, 9 кожевенных, 3 свечных и др. Появились более крупные предприятия: в 1811 г. — винный завод купца Зотова с 30–40 рабочими, в 1818 г. — писчебумажная фабрика купца Верховданова, на которой было занято 50–70 рабочих. В городе расположилась Главная контора винного откупщика Злобина, прозванная в народе «пьяной конторой».

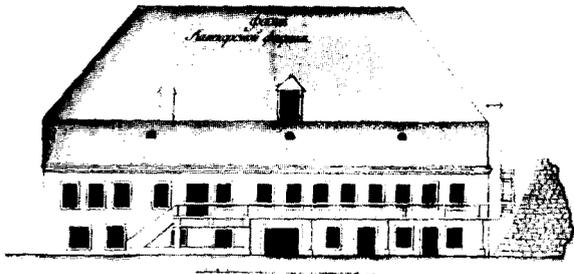
Ввиду отдаленности и оторванности от центральных районов страны, в городе большое развитие получили ремесло и мелкие товарные промыслы, обеспечивавшие население предметами первой необходимости — обувью, одеждой, посудой и т.п., а заводское хозяйство — необходимыми материалами, в том числе веревками, канатами, свечами, рогожами и т.п. Значительное распространение получили промыслы, связанные с обработкой металлов (изготовление котлов, железной и медной посуды, ведер, замков, ножей, вилок, инструментов) и цветных камней. На рубеже XVIII–XIX вв. изготовлением предметов первой необходимости и оказанием услуг занимались 176 записных цеховых мастеров. Кроме того, в 301 доме занимались ремеслами без цеховой записи.

Успехи торговли

Рост города, все большее отвлечение населения от земледелия, распространение ремесла и мелкого товарного производства

способствовали развитию торговли. Екатеринбург становится для крестьян окрестных деревень удобным рынком для сбыта их сельскохозяйственной продукции. В городе раз в неделю устраивались базары, на которых крестьяне продавали продукты питания и изделия своих промыслов, и дважды в год — зимой и летом, в течение одной-двух недель — проходили небольшие ярмарки-торжки, на них главными предметами торговли были: зимой — рыба, летом — лошади. Богатые екатеринбургские купцы вели оптовую торговлю хлебом, салом, мясом, железом.

Развитию оптовой торговли способствовало подключение Екатеринбурга к системе государственных сухопутных путей, связывавших центр страны с Сибирью. Открытый в 1783 г. Большой Сибирский тракт («Большая Сибирская почтовая дорога»), соединивший Екатеринбург через Кунгур с Пермью и через Камышлов с Тюменью и Тобольском, отходившие от него ответвления на Нижний Тагил и Кушву («Гороблагодатский тракт»), на Шадринск и Челябинск, а также близость Чусовских пристаней сделали город крупным транспортным узлом Урала. В конце XVIII — начале XIX в. Большой Сибирский тракт, благодаря главным образом заботам и усилиям генерал-губернатора К.Ф. Модераха, содержался в очень хорошем состоянии — был окопан канавами, засыпан щебенкой, имел посаженные по сторонам аллеи берез и не только не уступал трактам центральной России, но и, как

*Корпус камнерезной гранительной фабрики.
1823 г.*

утверждали современники, ему «удивлялись иностранцы, видевшие шоссе Франции и Англии». Товарные потоки, направлявшиеся из европейской части России в Сибирь и обратно (на Нижегородскую и Ирбитскую ярмарки), теперь пошли через Екатеринбург.

Как транзитный пункт и центр мукомольного производства в долине реки Исети Екатеринбург играл большую роль в снабжении хлебом всего горнозаводского района Среднего Урала. В город привозили хлеб из соседних хлебородных уездов — Камышловского, Шадринского и других, а здесь его большими партиями скупали окрестные заводы для снабжения им своего крепостного горнозаводского населения в форме традиционной выдачи «провианта» мастеровым и работным людям. Также большими партиями сбывались сало и мясо. С развитием внутреннего рынка все более расширялась торговля железом, екатеринбургские купцы скупали его у частных заводов и продавали в розницу местным кустарям и оптом на Нижегородской и Ирбитской ярмарках.

В торговых оборотах города на первом месте стоял хлеб (около 50%), на втором были сало и мясо, на третьем — железо. Быстро увеличивалась торговля шелковыми, шерстяными, бумажными, бакалейными и галантерейными товарами, доставляемыми как местными, так и иногородними купцами из Москвы, Казани и других городов. С развитием торговли расширилась сеть торговых заведений, шла ускоренная замена деревянных помещений каменными. В 1807 г. город имел 146 лавок, в том числе 68 каменных и 78 деревянных, в 1830 г. — 206 лавок, среди них 174 каменных и 32 деревянных. В 1810 г. в центре города был открыт большой каменный

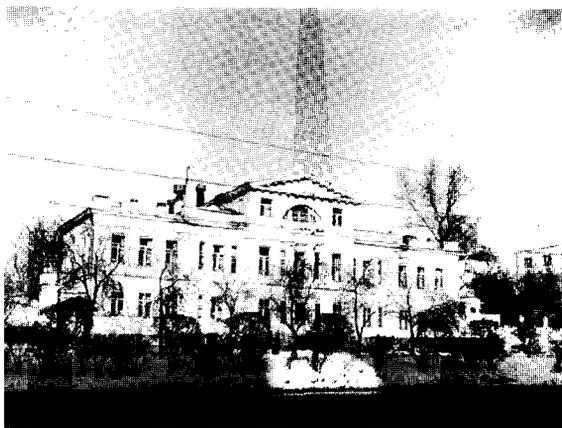
Гостиный двор, построенный взамен старого деревянного.

В связи с превращением Екатеринбурга в важнейший торговый центр региона, вновь был поднят вопрос о переводе сюда главной уральской ярмарки, находившейся на окраине горнозаводского района в Ирбите. Первым об этом ходатайствовал еще В.Н.Татищев, однако тогда правительство на это не пошло. В 1824—1825 гг. очередную такую попытку предпринял пермский губернатор К.Я.Тюфяев, но и она окончилась неудачей. Для правительства важнее интересов уральского региона оказалось стремление сохранить Ирбитскую ярмарку в качестве посредника в торговле между Европейской Россией и обширнейшей и богатой Сибирью.

Городское население

Развитие промышленности, транспорта и торговли сопровождалось ростом численности населения города. За полстолетие, с 1787 г. по 1836 г., оно увеличилась в 1,6 раза и достигло почти 15 тыс. человек, однако абсолютный прирост населения был небольшим — всего 5697 чел. Причина относительно медленного роста населения заключалась в оторванности города от основных, наиболее оживленных торгово-промышленных центров страны, в его специфической экономике, основывавшейся на горнозаводской промышленности с ее военно-крепостническим режимом. Кроме того, уровень жизни подавляющей части населения был низким, состояние жилищ, улиц и площадей — антисанитарным, распространение инфекционных болезней вело к высокой смертности (40—60 чел. на 1000 населения).

Основную группу горожан (более 40%) составляли крепостные мастеровые и непременные («урочные») работники Монетного двора и других казенных предприятий. На втором по численности месте были мещане и цеховые ремесленники — до 20%. Мещане занимались мелкой торговлей и ремеслами, некоторые имели небольшие промышленные заведения. К купеческому сословию в разные годы принадлежало от 2,5 до 5,2% населения. Значительную группу составляли чиновники и различные служащие. Дворян было 2—3%,

*Аптека Горного правления.
1821 г.*

они занимали высшие командные посты в горном, гражданском и военном ведомствах. Характерной особенностью города было сосредоточение в нем большого числа военных — до 10% от общей численности населения. До 1808 г. в городе квартировал Екатеринбургский мушкетерский полк, а после его передислокации к западной границе здесь были размещены, «для поддержания порядка» на уральских заводах и в городе, регулярные части Оренбургского линейного батальона.

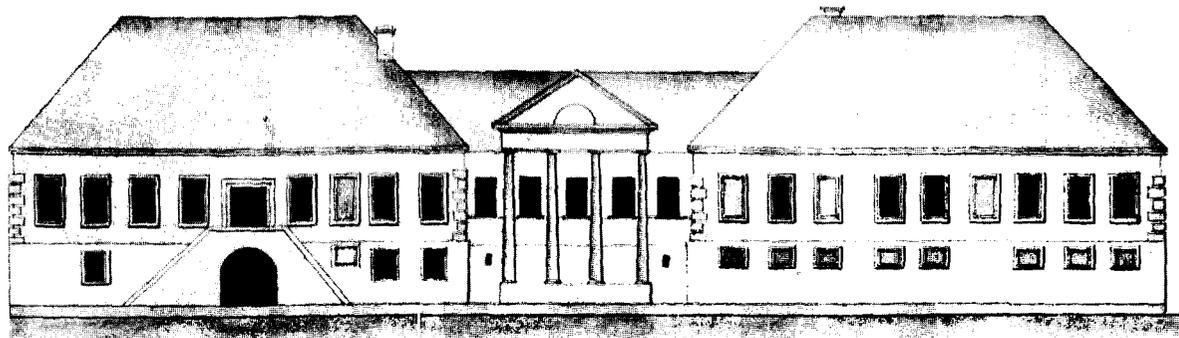
В отличие от других русских провинциальных городов, «тихих», «сонных», с «застенчивыми» жителями, Екатеринбург имел активное, инициативное, энергичное и деятельное население, вел оживленную общественную жизнь. В городе постоянно или временно проживали богатые магнаты-горнозаводчики, золотопромышленники, их приказчики и поверенные. Особый колорит городу придавали большой военный гарнизон с его офицерами и Горная канцелярия с ее ассессорами, берг-мейстерами и прочими горными чиновниками, среди которых было немало иностранцев. (В городе насчитывалось около ста протестантов). Горнозаводские мастеровые, кроме работы на заводах, занимались промыслами и ремеслами, они даже по внешнему виду отличались от крестьян: со времен Петра I не носили бород и по своему облику приближались к мещанам. Многие жители города содержали лошадей, домашний скот. Тем не менее, среди горожан все больше утверждался городской образ жизни и городской быт. С каждым годом увеличивалась продажа так называемых красных товаров

— сукон, шерстяных материй, ситцев и т.п. Вместо одежды из самодельного сукна горожане начинали одеваться в платье «немецкого покроя» из «лавочных материалов» — драпа, сукна и т.п. Стремление к модной одежде, щегольству захватило даже духовенство, что в 1825 г. пытался пресечь особым распоряжением Сенат. В ответ на сенатский указ в Екатеринбурге появилось стихотворение, в котором говорилось, что попадьи, поповичи, поповны и причт церковный попали под суд «за чепчики, за блонды, кружева, за то, что у вас завита голова, за то, что ходите не в шубах, а сапогах, не в длинных сарафанах, а в нынешних капотах...».

Утверждению городского образа жизни населения Екатеринбурга способствовало развитие народного образования и культуры. На основании школьного устава 1786 г. в Екатеринбурге было открыто Малое народное училище, преобразованное позднее, после издания школьного устава 1804 г., в уездное училище. В начале XIX в. при активном участии екатеринбургского горного начальника И.Ф.Германа были открыты заводские школы: в 1802 г. — в Уктусском и Пышминском, в 1803 г. — в Нижнеисетском, Березовском и Каменском заводах. В школах обучали закону Божьему, чтению, письму, началам арифметики. Таким образом, в городе и в близлежащих к нему заводских поселках была создана сеть учебных заведений, через которые «проходила» значительная часть его населения.

В 1802 г. в городе была открыта первая публичная библиотека (при Главной конторе екатеринбургских казенных заводов), в 1808 г. напечатана первая в городе книга — сочинение И.Ф.Германа «Описание заводов, под ведомством Екатеринбургского горного начальства состоящих». В 1825 г. в Екатеринбурге было создано Горное общество для оказания содействия Ученому Горному комитету по горной и соляной части в издании «Горного журнала» — первое в городе научное общество, сыгравшее значительную роль в сплочении научно-технической интеллигенции и развитии в крае интереса к научным исследованиям.

Успешному экономическому и культурному развитию города, тесному сплочению

Заводской госпиталь. 1820-е гг.

горожан и выделению их торгово-промышленной элиты во многом способствовал раскол. Д.Н.Мамин-Сибиряк считал, что он сыграл даже самую главную роль в укреплении гегемонистских позиций города. По его оценке, «... крепость могли упразднить, заводы и фабрики закрыть, мушкетерский полк увести в другой город, но Екатеринбург все-таки остался бы и продолжал бы свое дело: эту новую роль придал ему раскол...».

В Екатеринбурге сложился «крепкий раскольниковый центр», тесно связанный с раскольничьей Москвой и раскольничьими центрами центральной России, Урала и Сибири. Многие уральские горнозаводчики (Демидовы, Баташевы, Мосоловы и др.) тайно или открыто покровительствовали «старой вере», владелец Кыштымских заводов Л.И.Расторгуев поддерживал раскольников денежными средствами. В Екатеринбурге во главе старой веры стояли «столпы древнего благочестия» — богатые купцы и предприниматели Рязановы, Казанцевы, Тарасовы, Толстикovy и др. Благодаря расколу в городе «невидимыми путями создавалась крепкая и сплоченная организация, проникавшая весь строй жизни».

Эпоха классицизма

В новый, XIX в., Екатеринбург вступил, не сбросив старых одежд. Хотя к этому времени государственная граница уже далеко отодвинулась на юг и восток, и городу не угрожали ни нашествия внешних врагов, ни набеги башкир, ни нападения восставших крестьян и казаков, он сохранял старые оборонительные укрепления.

Городские укрепления просуществовали до реконструкции города, осуществленной по генеральному плану 1804 г. Этот план сыграл большую роль в организации правильной, регулярной застройки города, удачной планировке улиц и площадей, учитывавшей особенности рельефа и ландшафта местности и сохранившейся в основном до наших дней. Если город-крепость, основанный В.Н.Татищевым и В.И.Генниным, имел в начале XVIII в. правильную прямоугольную систему, то с увеличением территории Екатеринбурга, когда он вышел за границы крепостного вала, застройка нередко велась стихийно и беспорядочно.

В соответствии с планом территория города расширялась более чем в два раза и принимала вид вытянутого с севера на юг продолговатого прямоугольника, разбитого строгой меридиально-широтной сеткой на 335 кварталов с взаимно пересекающимися под прямым углом улицами. Центром города оставалась его старая часть с плотной заводского пруда, комплексом зданий и сооружений Екатеринбургского железоделательного завода, Монетного двора и гранильной фабрики, конторой Главного заводов правления и другими административными зданиями и главными городскими церквями — Кафедральным и Екатерининским соборами. Главный проспект расширялся, создавались, кроме церковных, площади: Торговая, Хлебная, Дровяная, Сенная. Территория города, ограниченная планом, составляла 1564 десятины (17,1 кв. км).

Город состоял в основном из одноэтажных деревянных домов, обращенных фасадами на улицы. Однако с каждым го-

дом появлялось все больше каменных одноэтажных и двухэтажных домов, принадлежавших заводладельцам, купцам, чиновникам. Если в 1772 г. в Екатеринбурге не было ни одного частного каменного дома, то в 1802 г. их было уже 18. А в 1820 г. из 2524 частных домов 54 были каменными.

В городе появляются великолепные здания и сооружения. Построенные в эти годы в стиле русского классицизма первой половины XIX в. — этого строгого, но чрезвычайно мощного, внушительного архитектурного стиля — здания представляют собой совершеннейшие образцы архитектурного искусства того времени. В градостроительном отношении конец XVIII — начало XIX в. является самым ярким периодом в истории Екатеринбурга. Большой вклад в застройку города и формирование его архитектурного облика внес выпускник Петербургской академии художеств, талантливый архитектор М.П.Малахов, работавший в Екатеринбурге с 1817 по 1842 гг., а также архитекторы И.И.Свиязев, И.Н.Николаев, С.А.Колокольников и др.

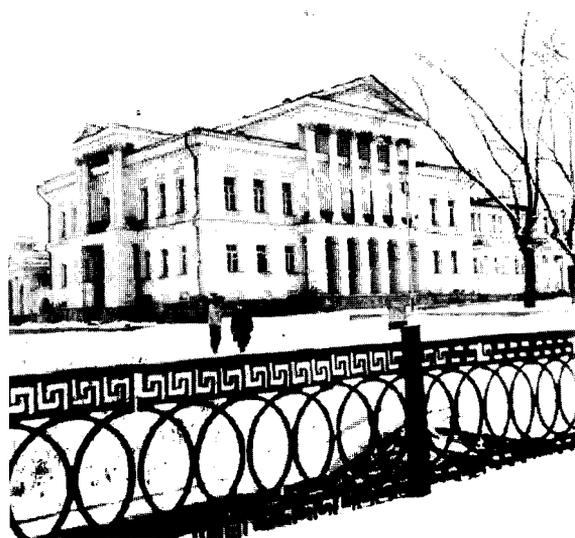
Могущественное горное ведомство, обосновавшиеся в городе горнозаводчики и золотопромышленники, «подражая вельможам Петербурга, строили свои особняки на столичный манер». На самом высоком месте города — Вознесенской горке в 1794—1799 гг. и затем, после некоторого перерыва, уже в начале XIX в., был возведен в стиле русского классицизма великолепнейший усадебно-парковый ансамбль горнозаводчиков и золотопромышленников Расторгуевых—Харитоновых. Автор проекта неизвестен, но полагают, что им мог быть какой-то крупный столичный архитектор. В завершении строительства принимал участие М.П.Малахов. Главный фасад ансамбля был обращен на площадь перед Вознесенской церковью, боковой — на Вознесенский проспект. Ансамбль включал центральный корпус с коринфскими портиками, бельведер, флигеля, каменную ограду, ворота с изящными коваными решетками, хозяйственные службы, причем все здания и сооружения размещены в неразрывный ряд, составляют единый комплекс. От дворца вниз по северному склону холма спускался живописный парк с аллеями, гротами, беседками, насыпными холмами,

изящной ротондой на островке в центре пруда. Ансамбль, претерпев ряд реконструкций, остается и в наши дни ценнейшей архитектурной жемчужиной города.

В 1817—1829 гг. по проекту М.П.Малахова на излучине набережной городского пруда, в самом живописном месте города, было возведено импозантное здание Главного начальника горных заводов Уральского хребта. Двухэтажный дом с мезонином, аркадой, двухъярусным четырехколонным портиком ионического ордера, парадным съездом, садом, замкнутым высокой оградой хозяйственным двором своей монументальностью демонстрировал могущество горного ведомства. Несколько позже рядом с ним был возведен внешне похожий, но меньших размеров двухэтажный каменный дом с мезонином, высоким четырехколонным портиком коринфского ордера, треугольным фронтоном — резиденция другого уральского «хозяина»

(Главного лесничего Уральских горных заводов). В 1821 г. на Главном проспекте по проекту того же М.П.Малахова было построено еще одно здание в стиле русского классицизма — здание аптеки горного ведомства, каменный двухэтажный дом с мезонином, садом и каменной оградой с воротами.

В поселке Верх-Исетского завода, являвшемся местом пребывания администра-

*Дом Расторгуевых-Харитоновых.
(ул. К. Либкнехта, 44). Первая треть XIX в.*

Екатеринбург 1820-х гг. Репродукция с гравюры

ции Верх-Исетского горного округа заводчиков Яковлевых, в 1819—1827 гг. также по проекту М.П.Малахова строится помпезное здание главной конторы завода. Ее восточный двухэтажный фасад, обращенный на заводскую площадь и центр города, выделялся изяществом, имел шестиколонный центральный портик и четырехколонные боковые портики на аркадах оснований, башенное завершение; западный одноэтажный фасад, выходящий к пруду, был украшен декоративными лепными деталями (к настоящему времени уцелели только центральная часть и северное крыло). В стилевых формах русского классицизма созданы усадебные комплексы купцов и золотопромышленников Рязановых (1815—1818 гг.), купцов Ошуркова (20-е гг. XIX в.), Казанцевых (1820—1824 гг.) и других с двухэтажными и трехэтажными каменными домами, флигелями, службами, внутренним двором и садом. Эти здания, как и загородный дом архитектора М.П.Малахова с коринфским портиком и ротондой, увенчанной куполом (1817 г.), являются и сегодня ценными памятниками историко-культурного наследия города.

Одновременно велось большое культовое строительство. В 1795 г. артелью устюжских каменщиков под руководством

Д.Квасова на Главной торговой площади города (позднее — Кафедральной, ныне — Площадь 1905 года) было завершено сооружение каменного Богоявленского собора (с 1833 г. — «Кафедральный собор Во имя явления Господня»), выстроенного в стиле русского барокко конца XVIII в., — величественного главного православного храма, ставшего самым высоким зданием в городе (его колокольня с крестом достигала 66 м). В 1792—1818 гг. на Вознесенской горке, возвышающейся над окружающей местностью, перед дворцом-усадьбой Расторгуевых—Харитоновых была возведена имеющая черты русского барокко Вознесенская церковь («церковь Вознесения Христова»). В ней находилась особо почитаемая Икона Божьей матери «Всех скорбящих радости». В 1806—1831 гг. на средства екатеринбургского купца Я.Ф.Толстикова на улице Спасской (ныне — улица Степана Разина) на берегу реки Исети была построена церковь Христа Спасителя («Толстиковская»), первая в городе единоверческая церковь, в которой в качестве особо чтимых хранились старообрядческий крест из раскольниковского скита села Шарташ и Библия издания 1581 г. Еще одну единоверческую церковь — Животворной Святой Троицы — начали строить на средства екатеринбургского

купца и золотопромышленника Я.М.Рязанова на углу Сибирского проспекта и Златоустовской улицы (ныне — улиц Куйбышева и Розы Люксембург). Завершили ее строительство только в 1852 г. В 1808—1821 гг. взамен сгоревшей деревянной была возведена каменная церковь Преображения Господня в селе Уктус.

В эти же годы создается внушительный ансамбль Новотихвинского женского монастыря, композиционной основой которого стал собор святого князя Александра Невского, возведенный в честь победы в Отечественной войне 1812 г. Кроме Александро-Невского собора, в его состав входили Успенская соборная церковь (она сначала называлась Екатерининскою кладбищенскою церковью), Главный корпус с тремя церквями — Скорбященской (церковь Иконы Божьей матери «Всех скорбящих радости»), Введенской (церковь в честь Введения Божьей матери во храм) и Феодосьевской (церковь во имя святого Феодосия Тотемского), а также Всесвятская (церковь Во имя Всех Святых, заложенная в 1817 г. как часовня и обращенная в церковь в 1822 г.), жилые и хозяйственные корпуса, монастырская ограда с башнями и главными Александро-Невскими воротами. Построенный в основном в стиле русского классицизма, ансамбль в более поздних постройках включил в себя стилевые формы эклектики.

Екатеринбургские церкви, построенные на рубеже XVIII—XIX вв. в стиле барокко и русского классицизма, выделялись своей торжественностью, праздничностью, имели богатое внутреннее убранство. Их позолоченные купола и главки, высокие колокольни придавали городу выразительный и парадный вид. Посетивший в 1829 г. Екатеринбург профессор Берлинского университета Густав Розе так выразил свое впечатление от города: «Со своими многими белыми колокольнями и большими каменными строениями он представляет весьма красивый вид и производит хорошее предубеждение в пользу главного места уральского горного промысла».

Екатеринбург произвел благоприятное впечатление на «спасителя России» и «покорителя Парижа» императора Александра I и его свиту, посетивших город в конце сентября 1824 г. К приезду царственной

особы были выполнены грандиозные работы: приведены в порядок дороги, починены мосты, очищены улицы и площади, обновлены фасады зданий, поставлены столбы с фонарями и т.п. Александр I осмотрел город, побывал на гранильной фабрике, в горной лаборатории, на Монетном дворе, посетил Верх-Исетский металлургический завод и его госпиталь, Березовские золотые промыслы. В селе Шарташ он даже побывал в старообрядческой часовне, что очень понравилось местным раскольникам.

В 1829 г. город посетил выдающийся немецкий естествоиспытатель, ученый с мировым именем Александр фон Гумбольдт, сделавший Екатеринбург опорным пунктом своих исследований на Среднем и Северном Урале. Его визит еще более укрепил значение Екатеринбурга как горнозаводского и геолого-минералогического центра Урала.

Заметные перемены к лучшему в облике Екатеринбурга зачастую объяснялись положительными последствиями введения в 1785 г. Жалованной грамоты городам. Однако дело было не только в этом. Как отмечал министр финансов граф А.И.Васильев, «Екатеринбург как своим бытjem, так и цветущим состоянием обязан только заводам... Если бы одна сия грамота имела такое существенное влияние на Екатеринбург, то почему город Кунгур, лежащий так же, как и Екатеринбург, на большой дороге и подле судоходных рек, и некоторые другие города не улучшили своего состояния...?».

Сами екатеринбуржцы своей инициативной и активной деятельностью на рубеже XVIII—XIX вв. способствовали превращению города в значительный промышленный, транспортный, торговый, ремесленный и культурный центр, а сооружение на его улицах и площадях величественных гражданских и культовых зданий придало ему облик, близкий тогдашним европейским городам, с определенным налетом столичности.

Рост гражданского самосознания

Выход Екатеринбурга на лидирующие позиции в горнозаводском крае способствовал росту у его населения гражданского самосознания. Яркое свидетельство тому

— прилив патриотизма у горожан в годы Отечественной войны 1812 г.

Так, екатеринбургские горные чиновники поставили в действующую армию от своего общества изготовленные на их собственные средства десять полевых пушек с лафетами и всеми принадлежностями. Жители города добровольно собрали значительные денежные суммы на обмундирование и вооружение войск и в фонд помощи семействам и лицам, пострадавшим от военных действий. Екатеринбургский мушкетерский (с 1811 г. — пехотный) полк, сформированный в городе в 1796 г., героически проявил себя в Отечественной войне 1812 г. и в заграничных походах русской армии в 1813—1814 гг., с боями дошел до Парижа.

О повышении уровня гражданского сознания свидетельствовали также активные выступления против военно-крепостнических порядков. Как отмечал Комитет министров, среди крепостных мастеровых и работных людей Урала более и более обнаруживался «дух своеволия и неповиновения к местному начальству». Серьезную тревогу правительственных кругов в 1820 г. вызвали волнения рабочих Березовских золотых промыслов, решительно выступивших против принуждения их работать в праздничные дни. Волнения охватили до трех тысяч мастеровых, продолжались пять месяцев и были подавлены с помощью военной силы.

Расположенный вдали от столиц, политических и интеллектуальных центров страны, с наполовину раскольниковым населением, настороженно-оппозиционно настроенным к государственным властям, город сочувственно отнесся к ссыльным декабристам, в 1826—1827 гг. несколькими партиями проследовавшими через Екатеринбург в Сибирь. На почтовой станции, где они останавливались, их радушно принимал по-

чтмейстер, посещали горожане, а один молодой человек, ворвавшись в комнату, призвал мужаться и сказал, что они страдают «за самое прекрасное, самое благородное дело».

В 1827 г. беспокойство правительства вызвало обнаруженное в Верх-Исетском заводе «возмутительное письмо», в котором сообщалось, что «семена свободы сеются на хребтах Урала... Свобода, врожденное чувство человека, и здесь распространяет ветви свои...». Письмо было направлено против монархии и крепостного права, намекало о существовании «Тайного общества ревнителей свободы». Автор письма — канцелярский служащий А.В. Лоцманов — был арестован и, как «важный государственный преступник», отправлен в Санкт-Петербург, где его допрашивали в Главном штабе императора и в Канцелярии III отделения. И хотя, несмотря на «строжайшее» расследование, властям не удалось обнаружить в Верх-Исетском заводе существования тайного общества, Лоцманов был заключен в Бобруйскую крепость, а затем сослан в Минск.

Опасаясь возникновения широкомасштабных волнений на уральских горных заводах, правительство срочно усилило военные гарнизоны в Екатеринбурге и в узловых пунктах региона, сформировало для поддержания порядка на горных заводах, рудниках и приисках пять горных батальонов, имевших форму и права жандармов внутренней стражи. Поддержанию «порядка» также способствовала централизация управления уральской горнозаводской промышленностью. Сосредоточение в руках Главного начальника горных заводов Уральского хребта «необъятной власти» позволяло более оперативно подавлять проявления социального недовольства.

Примечания

- * Непременные работники — постоянная рабочая сила, которая принудительно набиралась из крестьян. Были заняты на вспомогательных работах.

5. «Золотой век» Екатеринбурга

30–50-е гг. XIX в. вошли в историю как «золотой век» Екатеринбурга. Поводом для такого названия послужил баснословный приток в город в эти годы сибирского золота и вызванная им «золотая лихорадка». Но прилив золота — благородного, драгоценного, желанного, обожаемого и, в то же время, демонического, презренного и проклинаемого металла — мало что дал городу. И современникам это время запомнилось лишь бурным строительством быстро разбогатевшими дельцами роскошных домов, их бездумными тратами и беспобудными «загулами», быстрым проматыванием легко доставшихся «бешеных денег». Не случайно многие авторы термин «золотой век» употребляют в ироническом смысле, подчеркивая его недолговечность и эфемерность.

Но с таким пониманием 30–50-х гг. трудно согласиться. В этот период одновременно с внезапно вспыхнувшей от сибирского толчка, а затем угасшей «золотой лихорадкой», и независимо от нее Екатеринбург сделал новый значительный шаг в социально-экономическом и культурном развитии, прочно закрепил за собой роль крупного административного, промышленного, финансового, торгового и культурного центра Урала, его неофициальной столицы.

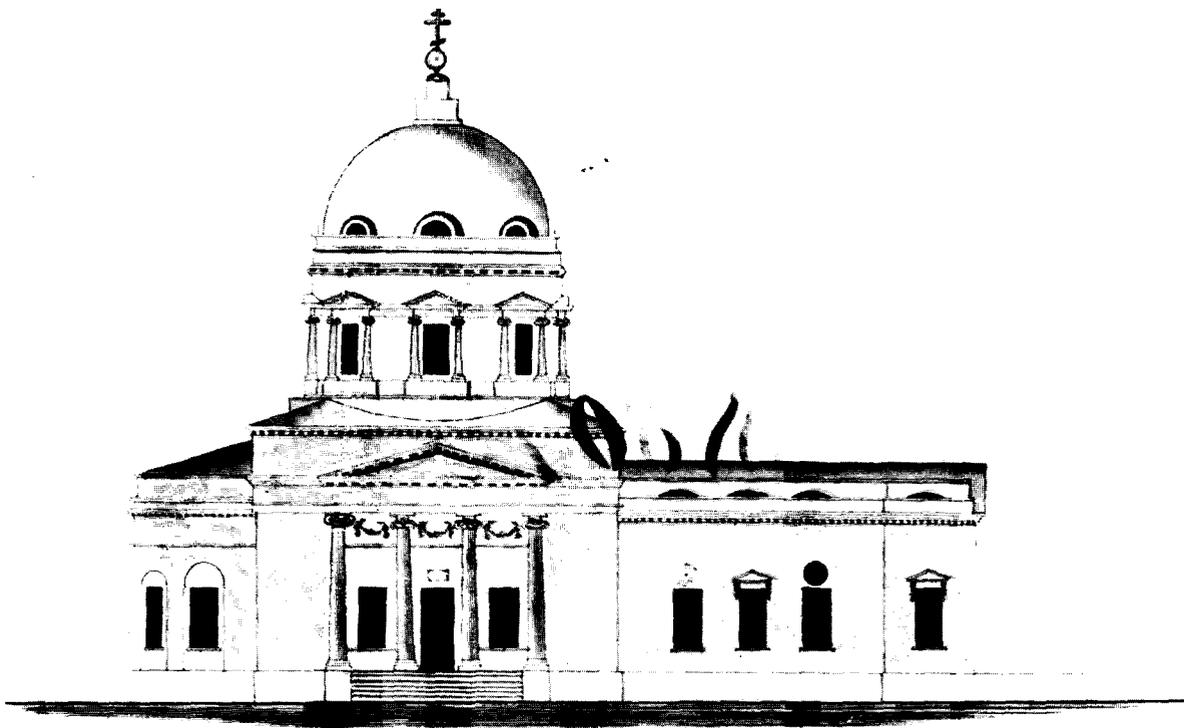
«Золотая лихорадка»

Путь в Сибирь екатеринбургскому капиталу открыли екатеринбургские купцы-раскольники Рязанов, Рязанцев, Черепанов и Верходанов. В 1826 г. они получили разрешение на поиски и добычу золота на казенных землях Вятской и Тобольской губерний. Однако на Урале, где горное дело было монополизировано казной и частными горнозаводчиками, существовало множество различных запретов и ограничений на занятия горным промыслом, екатеринбургским купцам значительных успехов добиться не удалось, и уже вскоре, с открытием сибирского золота, они пе-

ренесли центр своей золотопромышленной деятельности в Сибирь, где и смогли вернуться во всю мощь и ширь.

Согласно одной из легенд, начало урало-сибирской золотой эпопеи положил верхотурский купец Ф.И.Попов, который в поданой ему в сибирском трактире утке обнаружил крупинки золота. Предприимчивый купец узнал, где была убита утка, и установил таким путем место золотоносной россыпи. По другим данным, верхотурские купцы А. и Ф. Поповы беззастенчиво присвоили себе честь открытия россыпного золота, сделанного на самом деле ссыльным крестьянином Егором Лесным. Но для развертывания широких разведочных работ и организации золотодобычи в крупных масштабах нужны были большие капиталы, каковыми Поповы не обладали.

Истинными героями урало-сибирской золотой эпопеи стали два богатых екатеринбургских купца — А.Т.Рязанов и Т.П.Зотов. «Аника Рязанов и Тит Зотов, — отмечал Д.Н.Мамин-Сибиряк, — навсегда останутся в сибирской летописи как первые короли золотого дела, а все остальные пришли уже по их широким следам». В начале 30-х гг. снаряженная Рязановыми разведочная партия по указаниям местных жителей («каких-то инородцев») обнаружила богатейшие золотые россыпи на реке Кундустуюле Мариинского округа Томской губернии. В первые годы разработки баснословное содержание золота в россыпи позволяло ежедневно намывать его по пуду. На другом месторождении, открытом Рязановыми на реке Огни, золотоносный пласт имел толщину в 27 аршин (19,2 м). Вслед за Рязановыми в сибирскую золотопромышленность ринулись екатеринбургские купцы Казанцевы, Баландины и другие. Позднее, в середине 40-х гг., в сибирское золотопромышленное дело вступил Т.П.Зотов, оказавшийся чрезвычайно удачливым предпринимателем: за короткий срок, в течение десяти лет, на открытых им промыслах в енисейской тайге по рекам

Проект единоверческой Свято-Троицкой (Рязановской) церкви. XIX в.

Октолику, Севагликону и Калами было добыто более 2300 пудов золота.

Крупные инвестиции екатеринбургских купцов в сибирскую золотопрмышленность сыграли немалую роль в ее стремительном развитии. В короткий срок в значительной степени благодаря их энергии, предприимчивости и капиталам Сибирь превратилась в главный «золотоносный» район страны, давая около $3/4$ всего добываемого в России золота, которая в 30–40-х гг. XIX в. находилась по этому показателю на первом месте в мире.

В отличие от сибирских, Березовские золотые промыслы в окрестностях Екатеринбурга утратили первоначальные темпы развития. Они лишь удерживали достигнутый ранее уровень добычи. В период с 1833 г. по 1862 г. здесь ежегодно добывалось от 24 до 33 пудов золота. Стабилизация золотодобычи сопровождалась серьезными негативными сдвигами в ее структуре: сокращалась дорогостоящая добыча рудного, жильного золота и всемерно увеличивалась требовавшая гораздо меньших затрат разработка золотых россыпей.

Поддержанию уровня золотодобычи способствовали прогресс в технике и усовершенствование технологии. До 1823 г. на

приисках не было каких-либо сложных механизмов для промывки золотоносных песков. А в 30–50-е гг. здесь работали уже десятки золотопромывальных машин и различных устройств. Углубление выработок рудного золота до 30–40 м вызвало приток в шахты грунтовых вод, для откачки которых требовались сложные и дорогостоящие водоотливные системы, мощные насосы и т.п. Однако для решения этой проблемы нашли достаточно простое и, казалось, более радикальное средство. В 1831–1832 гг. от северной части озера Шарташ были прокопаны подземная штольня и канава, по которым вода из озера, через Калиновское болото и речку Калиновку, хлынула в реку Пышму. После спуска воды на месте озера осталась лишь большая илстая лужа. (Шарташская озерная котловина снова заполнилась водой за счет атмосферных осадков лишь через 50 лет, к 80-м гг. XIX в.). Предполагалось, что это приведет к осушению окрестных болот и прекратит или уменьшит приток грунтовых вод в шахты. Но поскольку озеро было расположено выше уровня болот, спуск воды из него не повлиял на уровень грунтовых вод и не прекратил приток воды в рудники. Варварская акция березовских

«гидротехников», резко нарушив биологическое равновесие местной экосистемы, оказалась совершенно бесполезной и для золотых промыслов.

К середине XIX в. годовая добыча рудного золота на Березовских промыслах упала до 1–2 пудов по сравнению с 10 пудами тремя десятилетиями раньше. Разрабатываемые россыпи быстро истощались, разведка новых месторождений не велась. Горная администрация все в больших размерах предоставляла право разрабатывать золотые россыпи арендаторам и старателям. Особенно широко такая практика стала применяться после 1853 г., когда вести работы разрешили старательским или золотничным артелям, работавшим своими орудиями и получавшим плату с золотника, сданного ими хозяину прииска. Накануне падения крепостного права в 1860 г. на Березовских золотых промыслах числилось 6389 мастеровых и 3034 урочных работников, всего — 9423 человека, но только часть золота добывалась непосредственно самой казной, остальное — старателями.

Застой горнозаводской промышленности

В «золотой век» экономическое лицо Екатеринбурга по-прежнему определяли его горнозаводские казенные предприятия: Монетный двор, гранильная и механическая фабрики. Наиболее крупным промышленным предприятием в городе оставался казенный Монетный двор, дополнительно оснащенный новым оборудованием. Он имел гармахерские горны, плавильные печи, плющильный, прорезные, гуртильный, штемпелевочный («тиснительный») цеха; станки и станы — плющильные, штыковые, ломовые, указные, дощатые, тиснительные; молоты — боевые и колотушечные и т.п. На положении вспомогательных находились лесопильная фабрика, якорный, кузнечный, слесарный и другие цеха. В 1834 г. вся территория, включая часть плотины, была обнесена высокой кирпичной стеной с несколькими воротами с легкими коваными железными решетками. В 1839–1850 гг. Монетный двор был основательно перестроен, некоторые цеха реконструированы, для других возведены новые каменные корпуса. Энергетическое хозяйство

предприятия составляли 35 водяных колес, действовали большие и малые водяные турбины. Древесный уголь и дрова доставлялись из Монетной дачи урочными работниками. В 1860 г. на Монетном дворе было занято 1396 мастеровых.

В условиях «промышленной революции», развернувшейся в 30–50-е гг. XIX в. в металлургии и горном деле Урала, резко вырос спрос на паровые двигатели, машины и механизмы. В 1839 г. в Екатеринбурге на базе Монетного двора была основана казенная Механическая фабрика, сыгравшая важную роль в техническом перевооружении уральской горнозаводской промышленности, расширении масштабов «промышленного переворота», в подготовке квалифицированных рабочих и техников, владевших «механическим искусством».

Механическая фабрика изготовляла для уральских заводов, рудников и приисков паровые машины, паровые котлы, прокатные станы, различные станки (токарные, сверлильные, строгальные, винторезные, болторезные), водяные колеса и турбины, гидравлические насосы, вентиляторы и другие механизмы. Она имела пять цехов: токарный, котельный, кузнечный, модельный и сборочный, в которых в 1860 г. было занято 379 рабочих. На ней систематически проходили обучение механическому делу рабочие Камско-Воткинских, Гороблагодатских, Златоустовских и других казенных заводов.

На Нижнеисетском заводе в 30-е гг. сталелитейное дело было прекращено, сохранились только кричное и чугунолитейное производства. В 1839 г. были построены три новых стана: плющильный, листокаточный и резной, сооружены новые верхнебойные колеса, в 1848 г. установлен «образцовый» хвостовой молот — один из первых на Урале. Новый листокаточный стан, сконструированный английским механиком П.Э.Тетом, раскатывал в смену до 500 пудов болванки (старый стан — 180–250 пудов). Чугун доставлялся с Каменского завода. Годовая выработка кричного железа достигала в среднем 35 тыс. пудов.

Чугунолитейное производство было специализировано для отливки чугунных артиллерийских снарядов. До середины 30-х гг. производилась только их черновая отливка, затем они подвергались допол-

нительной обработке — доводились до нужного калибра при помощи стальных пил и зубил. В дальнейшем, с использованием новой технологии, отливка снарядов стала более точной, что избавило от дополнительной обработки и в два раза снизило себестоимость производства.

С 1849 г. старый большекричный способ передела начали постепенно заменять более совершенным контуазским. В конце 1850-х гг. на заводе имелось уже 10 контуазских горнов при 9 среднебойных молотах. Два хвостовых молота действовали при сталеплавильной («цементовальной») печи. Также было введено новое производство — проковка и прокатка меди, доставлявшейся с Алтайских заводов. Энергетическое хозяйство — 14 водяных колес (9 деревянных и 5 металлических) — было дополнено водяной турбиной Шиля в 10 лошадиных сил. При заводе числилось 630 крепостных мастеровых и 1279 конных и пеших урочных работников.

В период Крымской войны (1853—1856) заводы казенного Екатеринбургского горного округа получили экстренные военные заказы, но не все смогли справиться с ними. Нижнеисетский завод форсировал производство артиллерийских снарядов. Поскольку Каменский завод не справлялся с задачей производства орудий крупных калибров, так необходимых осажденному Севастополю, была предпринята попытка организовать их производство на Екатеринбургской казенной Механической фабрике. Однако из-за неподготовленности фабрики к выполнению подобных работ она окончилась неудачей. Ввиду разрыва орудий при испытаниях за все время войны ни одной такой пушки на театр военных действий не было отправлено. Невыполнение заводами Екатеринбургского казенного горного округа военных заказов в период Крымской войны значительно подорвало их авторитет в глазах правительства.

Трудное время в эти годы переживал Верх-Исетский чугуноплавильный и железоделательный завод. Техническое оборудование и технологии не обновлялись, никаких усовершенствований не допускалось, по объяснению заводской администрации, «в опасение..., чтоб не унизить хорошего качества железа, которым славится яковлевское». Глянцевое кровельное железо с

клеймом «Старого соболя» и надписью «А.Я.Сибирь» (Алексей Яковлев) считалось весьма престижным и вывозилось за границу, в частности, в США.

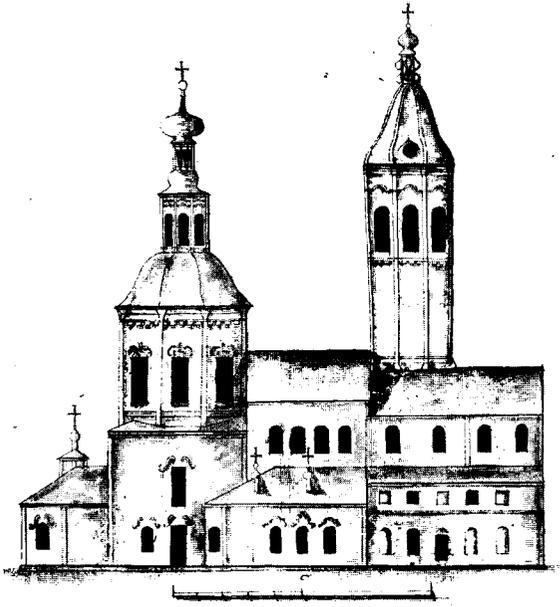
Достигнув максимальной производительности в начале 20-х гг. XIX в. (в 1822 г. было выплавлено 217 тыс. пудов чугуна), завод затем начал сокращать доменное и кричное производства и к падению крепостного права почти втрое сократил объем выпускаемой продукции.

В середине XIX в. на всем облике завода лежал отпечаток отсталости и запустения. Заводские механизмы и устройства устарели и обветшали. Выделка железа производилась «древним кричным способом». Механическая мастерская, изготавливавшая для нужд завода и по заказам паровые котлы, водяные турбины, вентиляторы, насосы, станки, была «скудна машинами и станками», неспособна «строить сложные машины, требующие хорошей отделки». В гвоздарном цехе использовалось примитивное устройство, состоящее из «обыкновенных молотков», приводимых «в действие вододействующим колесом».

К отмене крепостного права все горнозаводские предприятия города и прилегавшей к нему территории, как казенные, так и частновладельческий Верх-Исетский завод Яковлевых, на которых работали преимущественно крепостные работники, подошли в состоянии глубокого социально-экономического, финансового и технико-технологического кризиса.

Слава гранильного производства

30—50-е гг. XIX в. для Императорской Екатеринбургской гранильной фабрики, занимавшейся обработкой уральских цветных камней — яшмы, топаза, аметиста, аквамарина, малахита, родонита (орлеца), — стали временем наивысшего подъема, процветания, наибольших творческих достижений. Если в первый период своего существования на ней изготавливались преимущественно полуфабрикаты, «плиты шлифованные и нешлифованные из разных агатов и яшм», «каменные брусья, изготовленные обсежкой», «разные неотработанные штуки», которые проходили окончательную доработку на Петергофской гранильной

Проект Крестовоздвиженской церкви. XIX в.

фабрике, то теперь основной ее продукцией стали высокохудожественные произведения.

Благодаря своим умельцам — изобретателям и конструкторам, фабрика имела целую серию «многосложных» машин, механизмов и приспособлений для обработки камней. Сложился коллектив мастеров-камнерезов, достигших высокого совершенства в технике обработки изделий, обладавших наблюдательностью, художественным чутьем, знанием природы уральского камня, умением проникать в его тайны. О таких мастерах-камнерезах П.П.Бажов писал: «... Сортовая работа. В каждой яголке ровно зернышки видно и листочки живые, даже маленько с изъянами: на одном дырки жучком будто проколоты, на другом опять ржавые пятнышки пришлись. Ну, как есть настоящие». Рисунки и проекты изделий делали столичные художники и архитекторы, а также местные уральские мастера и художники (в частности, Г.В.Коковин, выпускник Академии художеств). С 1840 г. на фабрике работал художник-академик А.И.Лютин, создавший множество рисунков для ювелирных изделий и монументальных каменных творений.

На Екатеринбургской гранильной фабрике и Горнощитском мраморном заводе изготавливали детали малых архитектурных форм — каменные вазы, чаши, торшеры, канделябры, колонны, облицовки каминов,

рамы для зеркал, украсивших внутренние покои, стены, фронтоны, карнизы и парапеты Зимнего и других дворцов Петербурга и его окрестностей (Петергофа, Царского Села), а также Московского Кремля и других дворцов и архитектурных ансамблей, которые должны были демонстрировать блеск и могущество России и ее императоров. Уральский твердый камень стал олицетворением природного богатства края, материалом для воплощения замыслов художников, средством выражения национального духа в эпоху расцвета русского классицизма.

Высокохудожественные изделия Екатеринбургской гранильной фабрики неоднократно отмечались на российских и европейских выставках. На гранильной фабрике и Горнощитском мраморном заводе были изготовлены памятники для Тобольска — Ермаку (1839, архитектор А.П.Брюллов) и для Омска — П.П.Аносову (1852, архитектор А.И.Лютин). О заслугах Екатеринбургской гранильной фабрики перед страной, перед искусством убедительно сказал в 1861 г. ее директор А.М.Миклашевский: «... Фабрика, занимавшая удивительно выгодное положение на границе Европы и Азии, почти в самом центре Уральского хребта, богатом прекрасными образцами камней, вознесла и дала новую силу камнерезному делу России, подобного которому нет во всей Европе...». В 1860 г. на гранильной фабрике было занято 146 мастеровых.

Набирая темпы

Фабрично-заводская (негорнозаводская) промышленность города в 30—40-х гг. развивалась очень медленно и только в последнее десятилетие перед отменой крепостного права значительно ускорила темпы роста. Ее развитие сдерживали существовавшие в стране феодально-крепостнические отношения, отсутствие рынка свободной рабочей силы, трудность получения от горного начальства разрешений на открытие в горном городе фабрик или других каких-либо промышленных предприятий, производство которых «основывается на огненном действии, требующем угля и дров». Богатые купцы, в руках которых находилась большая часть фабрично-за-

*Церковь Во Имя Иоанна Предтечи
(при Ивановском кладбище). 1846-1860 гг.*

водских заведений города, устремились в золотопромышленность и потеряли интерес к своим небольшим, по масштабам золотого дела мизерным, городским предприятиям. Общественность и врачи выступали против антисанитарного содержания этих заведений, особенно скотобоев, салотопенных и кожевенных заводов, всегда находившихся в запущенном состоянии и источавших невыносимое зловоние. В результате в 1837 г. правительство приняло решение перевести за черту городов «все заведения в городах, смрад и нечистоту производящие». Это резко сократило число кожевенных предприятий и значительно уменьшило количество салотопенных заводов. В 1847 г. в городе действовало лишь 4 салотопенных завода и один кожевенный. Накануне падения крепостного права салотопенные заводы принадлежали коммерции советнику Нурову, почетным гражданам Казанцеву и Никшанову, купцам Фадееву и Бородину, кожевенный завод — купцу Степанову. В это время в промышленности города заметное место занимали писчебумажная фабрика Верходанова (100 рабочих), стеариновый завод Рязанова и Подсосова (73 рабочих), канатная фабрика В.Казанцева и Е.Степанова. Продукция предприятий фабрично-заводской промышленности шла главным образом на удовлетворение нужд населения города и близлежащих заводов, рудников и промыслов, и только некоторое ее количество — свечи, кожи, бумага, сало

— продавалось на Ирбитской и Нижегородской ярмарках, а часть сала по-прежнему отправлялась в Санкт-Петербург.

Новым явлением в фабрично-заводской промышленности города было открытие в 1844 г. британским подданным П.Э.Тетом, служившим по контракту главным механиком Уральских горных заводов, частной Екатеринбургской (Мельковской) механической фабрики на речке Мельковке. Первое время дела на фабрике шли плохо, и только со временем она начала работать более успешно. В 1859 г. на ней уже числилось 229 рабочих. В целом фабрика сыграла положительную роль в снабжении уральских заводов и горных предприятий новыми машинами и устройствами, укрепила значение Екатеринбурга как базы промышленного переворота в металлургии и горном деле на Урале.

Знамением времени стало проникновение в городскую элиту выходцев из крепостных людей. Бывший крепостной Демидовых К.К.Ушков, разбогатевший на торговле, поставках продовольствия для заводов и мукомольном деле, талантливый гидротехник, получивший от своего заводчика вольную за постройку за свой счет деривационного канала длиной в 4 версты из реки Черной в реку Тагил, и его сын М.К.Ушков построили в Екатеринбургском уезде в долине реки Исети ряд крупных крупчаточных мельниц, а также открыли в самом городе свой магазин. М.К.Ушков в 1857 г. основал в селе Арамийском Екатеринбургского уезда Знаменскую суконную фабрику, которая превратилась в самое крупное суконное предприятие на Урале. Фабрично-заводской промышленностью города было произведено продукции в 1847 г. на 400 тыс. руб., в 1850 г. — на 0,5 млн, в 1861 г. — на 1,5 млн руб.

Заметное место в экономике города занимало мелкое товарное производство. В 1861 г. в шести ремесленных цехах: сапожном, чеботарном, портняжном, поваренно-пекарском, серебряном и живописном — было записано 224 человека. Изготовленные екатеринбургскими гранильщиками вещи из цветных камней отличались изяществом и красотой. Ремеслами и мелким товарным производством занимались также мастеровые екатеринбургских казенных предприятий (более 300 человек), в чем им

помогали знания и трудовые навыки, приобретенные на Монетном дворе, механической и гранильной фабриках. Цеховые ремесленники постоянно жаловались Городской Думе на незаконную конкуренцию со стороны мастеровых, которые к тому же не несли никаких городских повинностей.

Торгово-финансовая столица

В 30—50 гг. XIX в. Екатеринбург укрепил свои позиции в качестве важнейшего торгового центра региона. Этому способствовали следующие обстоятельства. Прежде всего, развитие транспортных средств, повысившее роль города в межрегиональном товарообороте. Хотя гужевой транспорт и традиционный сплав по реке Чусовой оставались главными средствами передвижения, «промышленный переворот» внес значительные коррективы в структуру перевозок товаров. В 1817 г. на Каме появился первый пароход, а в 1848 г. по ней началось постоянное пароходное сообщение. В 1860 г. здесь уже ходили 43 парохода, которые и осуществляли значительную часть уральских перевозок. Большинство грузов со Среднего Урала отправлялось «сплавом» до устья Камы, а далее буксировались пароходами вверх по Волге до Нижнего Новгорода, Ярославля и Рыбинска и по Мариинской и Тихвинской системам — до Петербурга. К началу 60-х гг. по Чусовой со Среднего Урала, в том числе и из Екатеринбурга, ежегодно сплавлялось до 3 млн пудов различных грузов. С введением буксирного пароходства на Каме и Волге увеличилась скорость и значительно уменьшилась стоимость доставки екатеринбургских товаров в центр страны. Из гужевых дорог для города наибольшую роль по-прежнему играл Большой Сибирский тракт, по которому через Екатеринбург ежегодно проходила масса товаров из внутренних губерний в Сибирь и на Ирбитскую ярмарку и из Сибири и Среднего Урала на Нижегородскую ярмарку и в центр страны. Другим важным фактором, способствовавшим расширению торговых возможностей Екатеринбурга, стал прилив в город огромных капиталов, нажитых на «золотой лихорадке».

В торговом обороте города первое место, как и раньше, занимал хлеб. В сере-

дине 30-х гг. в Екатеринбург ежегодно привозилось 3 млн пудов ржаной и пшеничной муки, 3 млн пудов овса, 1 млн пудов крупы, 50 тыс. пудов пшеницы. Только небольшая часть этих хлебопродуктов приобреталась самими жителями города, все остальное шло на продажу вне города — населению окрестных заводов, рудников, приисков. Большими партиями закупались екатеринбургскими купцами скот, сало и мясо, которые также в основном расходились по окрестным заводам, а сало в значительных количествах (в 1834 г. — 150 тыс. пудов) отправлялось в Петербург. Екатеринбургские купцы занимались торговлей железом. Быстро расширялась торговля вином, водкой и спиртом. В 1835 г. в городе было продано спиртных напитков 50 тыс. ведер, а вне города — 126 тыс. ведер. В 1841 г. в городе имелось 15 погребов с винами и 13 питейных домов. Екатеринбургские купцы вели торговлю на Ирбитской и Нижегородской ярмарках, отправляли свои товары в Сибирь.

В городе дважды в год проводились торжки, на которых продавалось товаров на 100 тыс. руб. Быстро росла сеть торговых заведений: в 1830 г. их было 206, в 1841 г. — 268, в 1850 г. — 290, в 1861 г. — 598. Они торговали как продовольственными, так и непродовольственными товарами. Очень оживленно и в больших масштабах шла торговля шлифованными и гранильными изделиями из цветных уральских камней. В Екатеринбурге в те годы каждого приезжего сразу же осаждали резчики и гранильщики всех калибров. Отделаться от них, ничего не купив, было очень трудно, почти невозможно. Кроме ремесленников, пытавшихся такими «настойчивыми» методами сбыть свои изделия, среди назойливых торговцев было немало мошенников и аферистов. Рассказывали, что во время пребывания в городе в 1829 г. знаменитый ученый, «светило европейской науки» Александр фон Гумбольдт купил у какого-то торгаша каменными вещами за огромную сумму в 600 руб. две изумительные печати. «Печати, — пишет Д.Н.Мамин-Сибиряк, — были необыкновенной величины и еще более необыкновенной воды настоящих топазов... Ни в Богемии, ни в Бразилии Гумбольдт не встречал еще ничего подобного, но, к сожалению, необыкновенно

*Церковь Рождества Христова
(ул. Школьников). 1830-е гг.
Архитектор М.П. Малахов*

венные топазовые печати оказались впоследствии просто стеклянными...».

Важным событием в жизни Екатеринбурга и всей уральской горнозаводской промышленности, имевшим глубокие и далеко идущие последствия, явилось открытие в 1847 г. первого специализированного кредитно-финансового учреждения — Екатеринбургской конторы Государственного коммерческого банка. Она была учреждена для «содействия частным горным заводам хребта Уральского к выгодному сбыту их произведений и для облегчения денежных оборотов Ирбитской ярмарки». Ее специальным назначением стала выдача уральским горным заводам, нуждавшимся в оборотном капитале, денежных ссуд под залог готовых металлов на весьма льготных условиях: под 6% годовых, в размере 60% от рыночной стоимости изготовленных металлов, на срок от 3 до 12 месяцев — от времени изготовления продукции до сплава ее водным путем и реализации на Нижегородской ярмарке.

Выдача Екатеринбургской конторой Государственного банка ссуд под залог металлов стала одной из важных и эффективных форм правительственной поддержки уральской горнозаводской промышленности и, одновременно, средством правительственного надзора и контроля над финансово-экономической деятельностью уральских частных горных заводов, рыча-

гом влияния на уральских магнатов-горнозаводчиков. Сумма выдаваемых ссуд быстро росла и к началу 60-х достигла 4,5 млн руб. Кроме того, через свое временное отделение в Ирбите Екатеринбургская контора играла роль инструмента для регулирования оборотов Ирбитской ярмарки — второй в России по масштабам и экономическому значению.

Екатеринбург, являвшийся административным центром всей уральской горнозаводской промышленности, местом пребывания Главного начальника горных заводов хребта Уральского и Уральского Горного правления, с открытием Екатеринбургской конторы Государственного банка, ссудами которой стали пользоваться почти все уральские заводы, превратился еще и в кредитно-банковский центр уральской горнозаводской и горной промышленности, в финансовую столицу Урала.

Скромные успехи

Достижения в развитии науки, культуры, народного образования, которых в «золотой век» не коснулся приток в город больших капиталов, в 30–50-е гг. XIX в. были довольно скромные. Но все же и здесь отмечался некоторый прогресс. Так, в городе продолжало действовать Горное научное общество, созданное в 1825 г. В него входили горные инженеры и техники, маркшейдеры, архитектор М.П. Малахов, историк-краевед Н.К. Чупин и другие. Члены общества составили описания Екатеринбургского Монетного двора, золотых приисков Верх-Исетского и Екатеринбургского округов, Каменского завода. Уездный врач Т.Ф. Успенский опубликовал «Медико-топографическое описание Екатеринбургского горного округа и его города» (1835 г.). Геологическое строение и естественные богатства окрестностей города и Екатеринбургского горного округа изучали английский геолог Р. Мурчисон (1841 г.), профессора Московского университета Г.П. Гельмерсен (1833–1835 гг.) и Г.Е. Щуровский (1838–1841 гг.), профессор Петербургского университета Э.К. Гофман (1853–1859 гг.) и другие.

В 1834 г. по инициативе Горного научного общества в городе был открыт горный музей («музеум»), основой которого стал

минералогический кабинет конторы Екатеринбургских заводов. В создании музея активное участие приняла администрация казенных заводов — екатеринбургских, гороблагодатских, пермских, даже нерчинских, а также многих частных — верхисетских, нижнетагильских, невьянских и других, приславших образцы имевшихся у них руд и минералов. А.Т.Рязанов подарил музею золотой самородок весом в 299,7 грамма, П.Я.Харитонов — глыбу малахита весом в 31,1 килограмма. Екатеринбургская гранильная фабрика передала 464 образца цветных камней. Вскоре музей превратился в богатейшее собрание руд и минералов.

В этом же году на возвышенном месте за Сенной площадью по проекту архитектора М.П.Малахова началось строительство магнитной и метеорологической обсерватории. Необходимые для нее инструменты и приборы были привезены из Санкт-Петербурга. С января 1836 г. обсерватория стала вести систематические магнитно-метеорологические наблюдения, результаты их публиковались в специальных сборниках.

Продолжалось развитие городской сети народного образования. Первенствующее место в ней занимало уездное училище, которое из двухклассного в 1835 г. было преобразовано в трехклассное, а в 1836 г. — в четырехклассное. В нем, чтобы подготовить выпускников к поступлению в Институт горных инженеров, стали преподавать горное дело и минералогию, бухгалтерию и коммерцию, иностранные языки — французский и немецкий. В 1836 г. в специально построенном трехэтажном каменном здании было открыто духовное училище, которое не только готовило кадры церковнослужителей, но и давало серьезное общее образование. В 1838 г. при екатеринбургском Новотихвинском монастыре было открыто первое в городе женское училище.

Важные изменения произошли в системе горнозаводского образования. В соответствии с новыми штатами Уральских казенных горных заводов оно стало трехступенчатым и включало заводские школы, окружные училища и Уральское горное училище. В Екатеринбурге окружное горное училище было открыто в 1848 г.

Торжественное открытие Уральского горного училища — первого в городе среднего учебного заведения — состоялось 30 апреля 1853 г. Оно расположилось в специально построенном для него трехэтажном каменном здании, воздвигнутом по проекту архитектора К.Г.Турского (первоначальный план и смета строительства были составлены М.П.Малаховым).

Накануне падения крепостного права в учебных заведениях города — Уральском горном училище, уездном, приходском и женском училищах, заводской школе — насчитывалось 28 преподавателей и 383 учащихся.

Первый профессиональный театр

Выдающимся событием в культурной жизни города стало появление в 1843 г. профессионального театра, привезенного антрепренером П.А.Соколовым. В репертуаре труппы были музыкальные и драматические спектакли — оперы, оперетты, водевили, мелодрамы. Преобладали развлекательные спектакли, но ставились и серьезные произведения, например пьеса Н.В.Гоголя «Ревизор». Основу труппы составляли крепостные актрисы матери писателя И.С.Тургенева, обученные в домашней театральной школе. Впоследствии екатеринбуржцы собрали значительные средства и выкупили этих актрис на волю, заплатив матери И.С.Тургенева большую сумму.

Руководитель труппы антрепренер П.А.Соколов проявил себя передовым театральным деятелем того времени, следовавшим прогрессивным традициям русской реалистической школы театрального искусства. Его труппа отличалась высоким профессиональным уровнем и считалась одной из лучших провинциальных трупп. В Екатеринбурге труппа играла до 1858 г. В годы своего процветания в ней было 30 актеров, оркестр из 12 музыкантов, балет. Большой успех у зрителей имели артисты Иванова, Головинский и Головинская, Левашев, Дмитриев, Шумилов. Соколов установил следующий порядок, сохранившийся без изменения до революции 1917 г.: осенью и в начале зимы труппа ставила спектакли в Екатеринбурге, на февраль —

на время проведения всероссийской ярмарки — проезжала в Ирбит, весной и летом выступала в Перми.

Труппа П.А.Соколова положила начало театральной жизни города. Один из современников (некий Э.Сибиряков) писал: «В Екатеринбурге с его основания никогда не бывало театра. Жители его слышали о театре и сценическом искусстве от бывальцев в столицах или читали сочинения, а сцены никак не видели. Нынче... театральный дух... долетел на Уральский хребет». Основную массу зрителей составляли купечество и горные чиновники. По инициативе и энергичному настоянию Главного начальника горных заводов хребта Уральского генерала В.А.Глинки, на средства екатеринбургских купцов (главным образом Рязановых) в 1847 г. на Главном проспекте по проекту архитектора К.Г.Турского было построено каменное здание в стиле классицизма первого в городе театра со зрительным залом на 600—800 мест (ныне — кинотеатр «Октябрь»).

Строительная горячка

В период «золотого века» город расширил свою территорию в северном, восточном и южном направлениях. Расширению на запад препятствовали владельцы Верх-Исетского завода Яковлевы, не желавшие уступать городу какую-либо часть принадлежавшей им земли. Между городом и поселком Верх-Исетского завода существовало свободное пространство шириной в одну версту, на котором запрещалось возводить какие-либо постройки. В середине 20-х гг. XIX в. через эту «пограничную полосу» был проложен бульвар, соединивший Екатеринбург с поселком Верх-Исетского завода и облегчивший сообщение между ними, но не ликвидировавший их юридическую и территориальную обособленность.

Застройка города велась по генеральным планам, утвержденным в 1829 г. и 1845 г., предусматривавшим его разбивку на правильные кварталы с прямыми улицами, пролежавшими с севера на юг и с запада на восток. При этом соблюдалась установка, что приведение генерального плана «в исполнение должно быть постепенное, по мере обветшания зданий, следующих по

оному к сломке, дабы не причинить жителям преждевременного расстройств...».

Значительной реконструкции подвергся центр города. В 1833—1835 гг. по проекту М.П.Малахова было перестроено здание Уральского горного правления — надстроен третий этаж, в стиле русского классицизма возведены четырехколонные портики с фронтонами, добавлены балконы с решетками художественного чугунного литья (ныне — консерватория). В 30-х гг. по проекту М.П.Малахова была перестроена старейшая церковь города, ровесница Екатеринбурга — церковь Святой Великомученицы Екатерины, которая была превращена в главный храм горного округа и получила название Екатерининского собора. С образованием в 1833 г. Екатеринбургской викариальной епископской кафедры, разместившейся в Богоявленской церкви, она была переоборудована и переименована в Кафедральный собор, а площадь, на которой он располагался, стала называться Кафедральной (ныне — площадь 1905 года).

Пожар 27 сентября 1839 г. сильно повредил церковь Сошествия святого духа («Большой Златоуст»), расположенную на углу улицы Уктусской и Покровского проспекта (ныне — улиц 8 Марта и Малышева). В начале 40-х гг. церковь была отремонтирована и перестроена, украшена богатым декором, сооружена новая колокольня в память посещения в 1845 г. Екатеринбурга герцогом Максимилианом Лейхтенбергским, получившая название Максимилиановской (после чего и саму церковь нередко стали называть Максимилиановской). Святодуховская церковь («Большой Златоуст», Максимилиановская) стала считаться самой богатой и пышной церковью в городе, в которой богачи и знать Екатеринбурга предпочитали отправлять церковные обряды. В 1847 г. по проекту архитектора В.Моргана напротив «Большого Златоуста» началось строительство церкви Иоанна Златоуста («Малый Златоуст»), сооруженной в псевдорусском стиле.

В 1836—1854 гг. на территории Новотихвинского женского монастыря вместо старого, давшего трещины и разобранного собора по проекту М.П.Малахова был возведен в стиле русского классицизма новый

*Дом купца Ошуркова (ул. Чапаева, 3).
1820-е гг.*

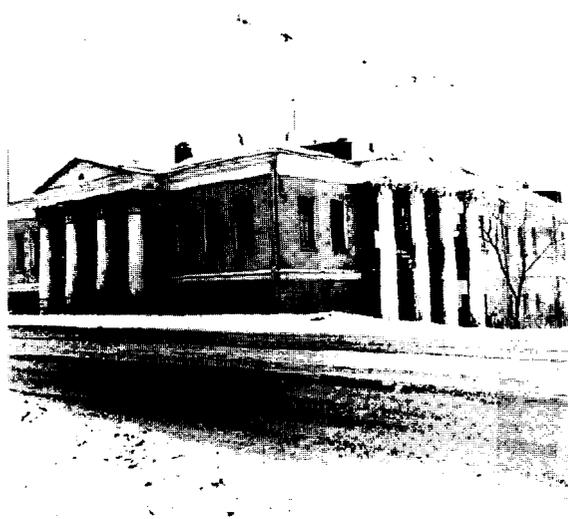
величественный собор святого князя Александра Невского. В 1834 г. освящена церковь Во Имя Креста господня на улице Архиерейской (ныне — ул. Чапаева). В 1849—1854 гг. завершено строительство единоверческой Троицкой (Рязановской) церкви, ставшей одной из самых богатых в Екатеринбурге. В 1846 г. на средства купца Е.А. Телегина была заложена церковь Иоанна Предтечи на Ивановском кладбище. В 1860 г. в Екатеринбурге было 14 каменных церквей (12 православных и две единоверческих).

В поселке Верх-Исетского завода в 1831—1838 гг. вместо деревянной была построена каменная единоверческая церковь Успенья божьей матери. В поселке Нижнеисетского завода в 1840 г. была освящена церковь Вознесения Христова, построенная на возвышении у Нижнеисетского пруда (ныне — перекресток улицы Грибоедова и Челябинского тракта).

«Золотой век» ознаменовался появлением в городе помпезных домов-усадб сказочно разбогатевших екатеринбургских купцов-золотопромышленников, явно стремившихся роскошью и великолепием перещеголять и затмить дворянские усадьбы. В 30—50-х гг. у реки Исеть Аникой Терентьевичем Рязановым был построен большой усадебный комплекс, так называемая «Большая усадьба», с каменным двухэтажным главным домом, флигелями, хозяйственными службами, оранжереей, двором

и большим садом с редкими породами деревьев, доходившим до реки. В строительстве комплекса принимали участие архитекторы М.П. Малахов и, позднее, К.Г. Турский. На другой стороне улицы, ближе к реке, на перекрестке Сибирского проспекта (ныне — улица Куйбышева) и 2-й Береговой улицы по проекту М.Н. Малахова в те же годы Рязановыми был построен усадебный комплекс несколько меньших размеров («Малая усадьба»), где были главный дом с мезонином, конюшня, хозяйственные службы, двор, ворота с оградой, сад с искусственным озером. По преданию, Большая и Малая усадьбы были соединены между собой подземным переходом, а из «Большого дома» был проложен подземный ход в Рязанскую церковь. Рязановские дома-усадьбы являются яркими образцами архитектуры русского классицизма первой половины XIX в. и входят в число наиболее ценных памятников истории и культуры.

«Золотой век» значительно изменил архитектурный облик города. Хотя город по-прежнему оставался преимущественно деревянным, каменные здания имели уже значительный удельный вес. Если в 1820 г. в Екатеринбурге имелось только 56 каменных домов, то в 1861 г. из 3832 нежилых и жилых домов каменных насчитывалось

*Большой Рязановский дом
(ул. Куйбышева, 40). 1830-е гг.
Архитектор М.П. Малахов*

*Дом священнослужителей
(странноприимный). (ул. 8 Марта, 68).
Первая треть XIX в.*

уже 464 (12,1%), что было гораздо больше, чем в Перми, Ирбите, других городах Пермской губернии.

По многочисленным свидетельствам современников, Екатеринбург того времени выглядел европейским городом. В 1837 г. его посетили наследник престола великий князь Александр Николаевич, будущий царь Александр II. Великий князь и его свита нашли Екатеринбург «богатым», «прелестным» городом. Особенное же впечатление на них произвел «дом на высоте» — дворец Расторгуева—Харитонов. Екатеринбург и его окрестности им представились «поистине золотым краем России», с «удивительно многочисленным населением». По мнению английского геолога Р.И.Мурчисона, посетившего город в 1841 г., «главный горный город хребта Уральского» находился в «цветущем положении» и по «жилищам и домовистости» жителей не уступал «мануфактурным городам Европы».

Английского путешественника Т.Аткинсона, проезжавшего через Екатеринбург в 1847 г. и в начале 50-х гг., удивил внешний вид города: «значительное число частных зданий были выстроены в таком изящном стиле и с таким вкусом, что могли бы с полным правом занять место в каждом большом европейском городе», в центре города находился «публичный сад», служивший отличным местом для отдыха и прогулок.

Однако благоустроенным был только центр города, на окраинах ютились дере-

вянные одноэтажные дома и избы мещан, ремесленников, мастеровых и урочных работников. Правительственные здания, каменные дома купцов, золотопромышленников, чиновников резко выделялись среди ветхих построек городской бедноты. Пермский губернатор во всеподданнейшем отчете 1851 г., говоря об Екатеринбурге, был вынужден отметить его контрасты: «На самых лучших улицах... рядом с богатейшими палатами золотопромышленников стоит ветхий домик мастерового, боковые улицы и дальнейшие от центра города в весеннее и осеннее время совершенно неудобны для проезда по причине грязи и болотистой почвы».

Улицы города не были замощены, тротуары не ремонтировались, площади в базарные и праздничные дни превращались в сплошное море грязи, нечистоты и навоз не убирались. Большая часть жителей использовала для питья воду из Исети, которая загрязнялась стоками промышленных предприятий и бытовыми отходами, различными нечистотами, стекавшимися в нее со всех сторон, особенно весной, во время таяния снега. Антисанитария и плохая вода способствовали распространению среди горожан инфекционных заболеваний.

Под началом «исключительной власти»

Особый статус Екатеринбурга как «горного города», находившегося под властью и полным контролем горного ведомства, накладывал отпечаток на состав его населения, на общественно-политическую и экономическую жизнь города. Его «золотой век» совпал со временем процветания на горнозаводском Урале военно-крепостного режима. Управление горными заводами давно имело военизированный характер, а в период царствования Николая I его военная организация достигла апогея. Окончательное юридическое оформление этой системы было завершено учреждением в 1826 г. должности Главного начальника горных заводов хребта Уральского с огромными административно-военными полномочиями и созданием указом 17 января 1834 г. военизированного Корпуса горных инженеров, на который возлагалось адми-

нистративное и техническое руководство горными заводами.

Горным инженерам присваивались офицерские чины. «Нижние чины» приравнивались к унтер-офицерам, мастеровые, непрременные и урочные работники получили наименование «рабочих чинов» и были приравнены к рядовым военной службы, их жизнь и труд регламентировались военными уставами, за проступки они судились военным судом. «Нижние и рабочие чины» были обязаны прослужить 35 лет, после чего получали отставку, их дети тоже являлись крепостными горного ведомства. Поддерживался этот режим строжайшей дисциплиной и суровыми телесными наказаниями: в ход шли шпицрутены, розги, цепи, колодки и тому подобные средства истязания.

Главный начальник горных заводов хребта Уральского, ставший «главным командиром и хозяином заводов», получил обширную и почти неограниченную власть, какая давалась только военным генерал-губернаторам в областях, объявленных на военном положении: в его распоряжении находились военный суд (горный аудират), горная полиция, специальные войска (три линейных батальона, инвалидные роты, лесная стража). Рядом с Главным начальником и Горным правлением власть губернатора и местных гражданских чиновников «совершенно терялась».

Горное ведомство превратилось в замкнутую, обособленную военизированную структуру, своего рода «государство в государстве». Екатеринбург, наводненный горными чиновниками и войсками, был центром, опорным пунктом, столицей этого «горного царства». Характеризуя 30–50-е гг. в истории Екатеринбурга, Д.Н.Мамин-Сибиряк писал: «Это было ужасное время беспримерной судебной волокиты, бесправия, шпицрутенов, плетей и всякого другого «пристрастия», какое немислимо даже при большом осадном положении, точно Екатеринбург стоял на охваченной мятежом и междоусобной бранью территории».

Главные начальники горных заводов хребта Уральского назначались из военных, имевших генеральские чины. Наиболее колоритной фигурой из них был генерал В.А.Глинка, занимавший должность Глав-

ного начальника в течение двадцати лет. усердный и честный служака, являвшийся живым олицетворением военно-крепостного режима на горнозаводском Урале. Это был человек суровый, жестокий, по-солдафонски грубый, властный, честолюбивый, любивший называть себя «царем и богом» горнозаводского Урала, «горным царем», но в то же время, как считали современники, справедливый, милостивый, оставивший по себе добрую память.

Очевидно, что при таких порядках местное самоуправление играло весьма незначительную роль. Оно состояло из учреждений, сформированных на рубеже XVIII–XIX вв. Раз в три года общества купцов и мещан избирали городского голову, бургомистров, ратманов, судей словесного и сиротского судов, городского старосту. Штат городского управления непрерывно рос: если в начале 20-х гг. на общественные должности избиралось до 30 человек, то к концу 50-х гг. — до 90. Хотя все должности по городскому управлению были выборными, наиболее важные и влиятельные из них неизменно занимались самыми богатыми купцами.

Постоянно действующим исполнительным органом городского управления была шестигласная Дума, возглавляемая городским головой. На своих заседаниях она в основном заслушивала указы, распоряжения и предписания правительственных учреждений, губернской администрации и горного начальства. Некоторую самостоятельность Дума проявляла лишь в тех случаях, когда речь шла о выделении городских средств на какие-либо «общественные расходы». Городовой магистрат и сиротский суд являлись судебными учреждениями: магистрат рассматривал мелкие дела гражданского характера, возбужденные купцами и мещанами, сиротский суд — дела об опеке над малолетними, престарелыми и другими неспособными лицами.

Возглавлявший городское управление городской голова, всецело зависимый от горного начальства, должен был подчиняться также и губернской гражданской администрации и поэтому вынужден был маневрировать, крутиться между этими двумя властями. Городским головой избирались богатейшие купцы. Причем с 1832

по 1860 г., то есть 2/3 этого периода, место городского головы занимали представители двух купеческих фамилий — Рязановых и Казанцевых.

Зависимость местного самоуправления от горных властей стала практически абсолютной с 1851 г., когда город вообще был подчинен «исключительной власти» начальника Екатеринбургских горных заводов. Полностью контролируя все действия Городской Думы, утверждая всех выборных должностных лиц городского управления, бюджет Думы и т.п., горная администрация в то же время всячески уклонялась от расходов на содержание городской полиции и благоустройство города.

Финансовое положение Городской Думы, несмотря на баснословный приток в город сибирского золота, оставалось тяжелым, так как денежные потоки, прокручиваемые через город, шли мимо городской казны. Доходы складывались за счет сумм, которые давала эксплуатация принадлежащей городу недвижимости и прочего имущества, а также общественных сборов (с промышленников, питейных прибылей, с актов и сделок, поземельного сбора и т.п.). Городская казна терпела ущерб от натиска, с одной стороны, горного ведомства, стремившегося переложить на Думу какие-либо дополнительные расходы, и, с другой стороны, самого купечества и мещанства, стремившихся всеми способами уклониться от налогов и повинностей в пользу города.

Более половины расходов шло на содержание городского управления и полиции. Следующая по масштабам статья — траты на ремонт городских зданий (в пределах 15–20% расходов). И только небольшая часть расходов предназначалась на содержание больницы и учебных заведений. На ремонт дорог, благоустройство улиц и площадей оставались совсем крохотные суммы.

Блеск и нищета городского общества

В 30–50 гг. XIX в. численность населения Екатеринбурга увеличивалась незначительно. В 1836 г. в городе проживало 14973, в 1850 г. — 15429, в 1860 г. — 19948 человек. Медленный рост населения объяснялся слабым притоком жителей из-

вне, упадком и застоём горнозаводской промышленности, военизированным характером «горного города», жесткой регламентацией в нем торгово-промышленной деятельности, высокой смертностью населения вследствие антисанитарного состояния города и частых эпидемий.

В структуре городского населения также не произошло сколько-нибудь значительных изменений. Накануне падения крепостного права, в 1859 г., среди горожан было дворян 633 человека (3,6%), духовенства — 546 (3,1%), почетных граждан и купцов — 468 (2,7%), мещан — 2878 (16,6%), цеховых — 520 (3%), сельских обывателей — 1689 (9,7%), служащих — 290 (1,7%), военных — 2354 (13,6%), урядников и писцов горного ведомства — 1093 (6,3%), мастеровых и урочных работников — 6864 (39,6%).

Только небольшая часть населения города — почетные граждане, гильдейские купцы, мещане, цеховые ремесленники, составлявшие менее четверти общего количества постоянных жителей, — пользовалась правами городских обывателей. Все остальные членами городского общества не считались и никаких городских прав не имели.

Однако подлинными хозяевами «горного города» были горные инженеры. Они составляли замкнутый, корпоративно сплоченный круг лиц, находившихся на особом положении. Горные чиновники во «времена Глинки» «могли жить на равной ноге с екатеринбургскими миллионерами, заводчиками и золотопромышленниками», они «задали тон» тогдашней беспримерно широкой жизни: балы длились с 9 вечера до 9 утра, мазурку танцевали по шесть часов, музыканты падали в обморок, по приказу развеселившегося генерала В.А.Глинки курьеры мчались в Богословск и Златоуст и на тройках привозили военные оркестры туда, куда велел генерал.

«Золотая лихорадка», превратившая Екатеринбург в уральское «Эльдорадо», вызвала большой ажиотаж, привлекла в город массу предприимчивых людей и всяких авантюристов. «Необычайный прилив капиталов, — писал Д.Н.Мамин-Сибиряк, — конечно, отразился на жизни Екатеринбурга. Создалась настоящая героическая полоса. Около главных золотопромышленников вырос целый слой мелких; торговля

оживилась; со всех сторон... потянулись цепкие и пронырливые люди, жаждавшие поживиться «от крох падающих» — ведь достаточно было одного милостивого взгляда какого-нибудь Тита Поликарпыча, чтобы маленький человечек сделался счастливым на всю остальную жизнь... Около кондовых купеческих фамилий с крепкой раскольничьей складкой образовалось новое наслоение, так сказать, вторичная купеческая формация — явились в Екатеринбург офени-коробочники, нажили около кутивших магнатов кругленькие капиталы и навсегда остались здесь».

Горные чиновники, ранее безраздельно управлявшие городом, стали сдавать свои позиции, зачастую попадали в зависимость от миллионеров-золотопромышленников. Чиновничья каста, как писал один из современников, была задарена и закуплена золотопромышленниками, «всячески поблажала этим людям, смотрела им в глаза, ходила на задних лапках почище Жужу, ухаживала за этими новыми богами, упиваясь и объедаясь на их истинно гомерических пирах».

Основная же масса городского населения — мастеровые и урочные работники казенных горных предприятий — находилась под жестоким гнетом военнокрепостнического режима. За тяжелый 12-часовой труд, кроме так называемого провианта (ржаной муки), они получали ничтожное жалование — от 12 до 18 руб. в год. В заводские работы мальчики вступали с 12-летнего возраста и должны были работать до глубокой старости. За «ослушание», «ленность» и т.п. «проступки» их наказывали самым жестоким образом. Средствами поддержания трудовой дисциплины выступали плети, батоги, палки, розги («вицы»), шпицрутены и т.д. Спасаясь от заводской каторги, рабочие часто бежали со своих предприятий.

Низкая заработная плата не давала возможности мастеровым и урочным работникам обеспечить достойное существование своих семей, а уволенные в отставку по старости или болезни совсем лишались каких-либо средств или получали ничтожную пенсию, на которую было невозможно прокормиться. Улицы уральского «Эльдорадо» изобиловали нищими. Главная контора Екатеринбургских заводов в 1847 г.

сообщала, что «в Екатеринбурге случается довольно часто встречать нищих, просящих подаяние, и в числе этих людей попадаются нередко мастеровые Екатеринбургских казенных заводов». Несмотря на оживление торговли и бойкий сбыт ремесленных изделий, не намного лучше было материальное положение основной массы мещан и ремесленников.

Трудная жизнь городских низов вела к росту социальной напряженности. 24 сентября 1839 г. в Екатеринбурге были подожжены и сгорели 23 дома и Святодуховская церковь («Большой Златоуст»), пострадали и были разрушены 13 домов. По городу были разбросаны записки с угрозами сжечь город и перебить всех генералов. Пожары от поджогов продолжались два месяца. Город был охвачен паникой. По подозрению в совершении поджогов арестовали 20 человек. Большинство арестованных отрицали свою причастность к поджогам, но некоторые из них сделали примечательные признания: 13-летний дворовый мальчик Василий Тяжелков показал, что поджог им был сделан «за жестокое обращение с ним», 12-летняя Анна Григорьева — «зажигательство, сделанное ею, — мщение за строгое обращение с нею воспитателя», Елизавета Толмачева — «по неудовольствию к господам своим», Прасковья Алферова — «за строгое обращение с нею хозяйки».

Власти не сомневались в социальных причинах массовых поджогов. Обеспокоенный пожарами в Екатеринбурге, министр финансов особым письмом предложил Главному начальнику горных заводов хребта Уральского В.А.Глинке «внушить лицам горного ведомства, и для собственной их пользы обращаться с людьми своими образом, более соответственным правилам христианским и гражданским».

Упадок раскольников

В «золотой век» вследствие развития промышленно-торговой деятельности, роста подвижности и грамотности населения, активизации конфессиональной политики правительства, приобретающей все более наступательный и воинственный характер, произошли значительные сдвиги в религиозной жизни города. Назначенный в 1831 г. пер-

мским епископом преосвященный Аркадий развернул энергичную борьбу с раскольничеством, в чем добился внушительных успехов: тысячи раскольников были обращены в православие и единоверие, воздвигались единоверческие церкви и часовни, закрывались раскольничьи часовни и молельни, разорялись скиты. В 1833 г. была образована Екатеринбургская викарная епископская кафедра, разместившаяся в Богоявленском соборе.

Наряду с активизацией миссионерской деятельности широко применялись репрессивные меры. Поддерживавшие раскол богатые владельцы Кыштымских заводов Г.Ф.Зотов и П.Я.Харитонов были сосланы в Финляндию, в город Кексгольм. В 1847 г. по личному распоряжению Николая I в селе Шарташ были уничтожены 11 раскольничьих скитов и раскольничья часовня, а имевшиеся в них иконы, книги и другие богослужебные принадлежности конфискованы. Екатеринбургские «столпы древлего благочестия» один за другим стали переходить в православие или единоверие. В 1835 г. купеческое общество избрало городским головой А.Т.Рязанова, но как старообрядец он не был утвержден в этой должности. Тогда Рязанов заявил о переходе в единоверие, получил золотую медаль «за усердие и содействие, оказываемое им к обращению раскольников на путь истины и попечение об устройении в г.Екатеринбурге единоверческой церкви» и в 1847 г. после новых выборов стал городским головой.

Екатеринбург, считавшийся в XVIII в. — начале XIX в. оплотом раскольничества, поддерживаемого верхушкой городского купечества, значительной частью мещан, в 30—50-е гг. меняет свою религиозную ориентацию. «...Раскольничья община, основавшая в Екатеринбурге крепкий центр, — писал Д.Н.Мамин-Сибиряк, — быстро распалась, поступившись вековыми традициями в сторону единоверия... Широкая предприимчивость вывела вожakov из прежнего замкнутого состояния, явились новые культурные формы и, наконец, пробилась первая зелень начинавшегося образования и завязались близкие отношения с культурными людьми... В раскольничьем мире происходило гибельное разделение, раздор и те недоразуме-

ния, которые продолжают дробить все мельче и мельче когда-то сильное тело. То, чего не могли сделать никакие внешние насилия, устроилось само собой, скрытым внутренним путем».

Закат «золотого века»

К середине XIX в. статус «горного города», военно-крепостнический режим и «золотая лихорадка», содействовавшие кратковременному взлету и блеску Екатеринбурга, выдохлись и изжили себя. Феодално-крепостнический строй все более дряхлел и дискредитировал себя, обнаружив к этому времени полную экономическую невыгодность подневольного труда. Заводоуправления вынуждены были все большей части мастеровых и урочных работников заменять «обязательные работы» выплатой денежного оброка, на золотых промыслах администрация сокращала «хозяйские работы» и сдавала россыпи в аренду старателям.

«Золотой век» Екатеринбурга оказался недолговечным. После первого вала, «когда почти в буквальном смысле загребали золото лопатами», поток сибирского золота начал иссякать, пока не сократился до небольшого ручейка. Разведки новых месторождений требовали больших расходов, из-за каждого нового месторождения начинались споры, тяжбы, иски, появились конкуренты — коренные сибиряки, в ход были пущены «крючкотворство, судебная волокита и глухое противодействие сибирской администрации». В начале 40-х гг. спор между конкурентами за вновь открытые богатые золотые россыпи на реке Бирюсе Канского округа Енисейской губернии и судебные тяжбы из-за них только одним Рязановым стоили более миллиона рублей.

Многие екатеринбургские купцы-золотопромышленники, сказочно разбогатевшие в начале сибирской золотой эпопеи, не выдержали конкуренции, судебной волокиты, всевозможных административных препон и разорились. «Первым, — пишет Д.Н.Мамин-Сибиряк, — пострадал Тит Зотов, который не умел гнутья: умный, гордый, энергичный, он мог только переломиться — и переломился. Поддержка в столицах от сильных людей обходилась

дороже всех процессов: за каждую услугу, кроме денег, нужно было давать пай в самих предприятиях и кланяться. Зотовские миллионы разлетелись дымом, и он последние годы своей жизни провел чуть не в нищете, раздавленный тяжбами, компаньонами и собственной гордостью». Вместе с Зотовыми разорились и другие крупные екатеринбургские золотопромышленники, уцелели одни Рязановы.

Отметив крах сибирской эпопеи екатеринбургских купцов-золотопромышленников, Д.Н.Мамин-Сибиряк дал такую оценку «золотому веку» Екатеринбурга: «Золотой ураган улетел, не оставив после себя даже следов — вернее ска-

зать, не оставив ничего, кроме разрушения... После него для города не осталось ничего — ни богоугодных заведений, ни благотворительных учреждений, одним словом, полный нуль. Мы уж не говорим о школах, библиотеках, музеях и многом другом, что создается в европейских городах при таких приливах капиталов. Екатеринбург от сибирского золота решительно ничего не получил, кроме нескольких развалин...

Пятидесятые года начаты были в Екатеринбурге очень весело, а окончились трагически: золотой век так же быстро оборвался, как и возник, оставив после себя тяжелое похмелье».

6. В годы «великих реформ»

Отмена крепостного права в 1861 г. явилась переломным моментом в истории Екатеринбурга, привела к ломке старых феодально-крепостнических порядков. Она потребовала коренной перестройки всей производственной и социальной сферы, приспособления ее к новым условиям рыночной экономики. «Великие реформы» 60–70-х гг. XIX в. — земская, городская, судебная, военная, финансовая, школьная и т.п., передача Екатеринбурга из горного в гражданское ведомство — положили начало бурному росту частнокапиталистического сектора городской промышленности, привели к повышению уровня образования и культуры, распространению более демократических форм общественной жизни.

Однако эти реформы были непоследовательными, сохранили многочисленные остатки прежних порядков и не оправдали возлагавшихся на них ожиданий. Не сбылись мечты и «отрадные надежды» мастеровых, ремесленников, поденщиков и других горожан на «лучшую жизнь» и «хорошие платы» после получения «воли». Упадок и закрытие казенных предприятий, безработица, рост нищенства, бюрократизм, «неправильное толкование законов» и злоупотребления городских властей и «сильных мира сего» усилили недовольство широких масс горожан, инициировали уже на новой социально-экономической почве социальную напряженность, оппозиционное и революционное движение.

Падение крепостного права

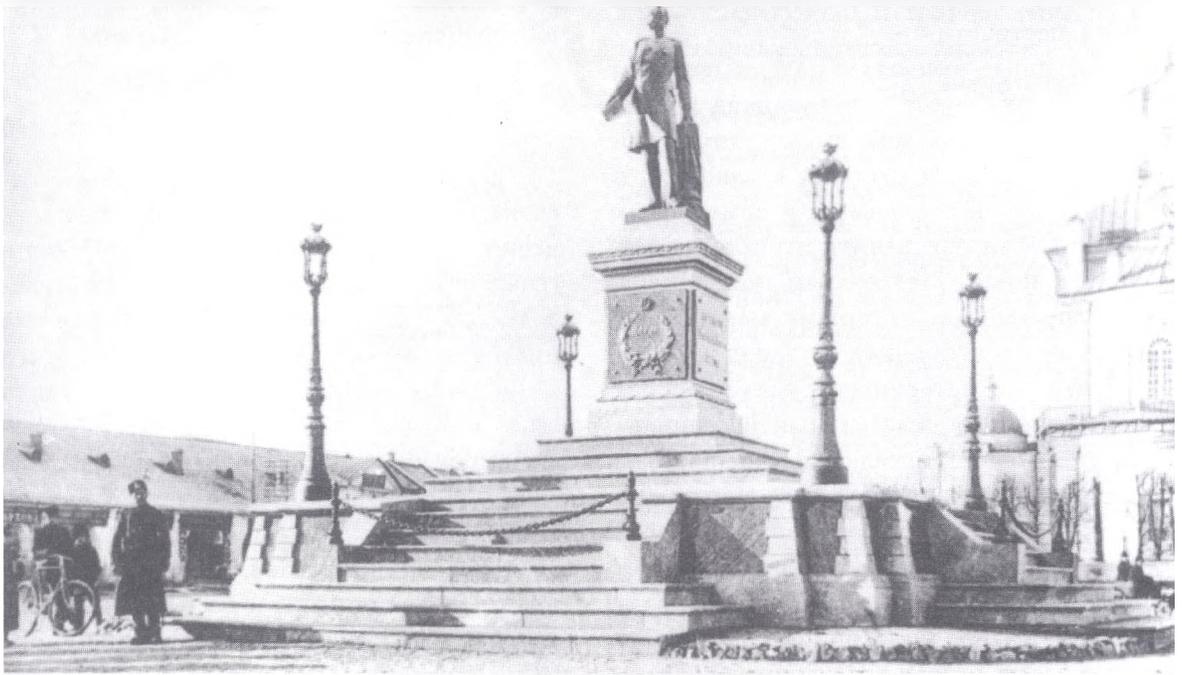
Готовясь к отмене крепостного права, Александр II распорядился, «в видах усиления» находящихся в распоряжении горного начальства «средств к поддержанию порядка», направить в горнозаводские районы Урала дополнительные военные силы. Заводским и земским исправникам было предписано в случае возникновения каких-либо волнений немедленно обращаться к начальникам военных команд с требованием о «присылке» военной силы.

Обнародование Манифеста и Положений 19 февраля 1861 г. вызвало волну возмущений горнозаводского населения. Мастеровые, непременные и урочные работники, ожидавшие немедленной и полной свободы, не верили в подлинность опубликованных документов, выступали против отбывания в течение двух лет после издания Манифеста «обязательных» работ, выкупных платежей и т.п.

1 мая 1861 г. рабочие Березовских золотопромывального завода и приисков (около 3 тыс. человек) самочинно собрались на благодарственный молебен, на котором потребовали от чиновников и священников объявить им «настоящий», «царский» Манифест «на гербовой бумаге, писанный золотыми буквами и за золотой печатью». Они настаивали на немедленном переводе всех рабочих, независимо от трудового стажа, на вольнонаемный труд, протестовали против низких зарплат. Семь рабочих, признанных «зачинщиками» и «подстрекателями», были арестованы, подвергнуты наказанию розгами (после чего один умер), трое рабочих были отправлены в ссылку, различным репрессиям были подвергнуты еще 19 человек.

Спокойнее прошло проведение в жизнь реформы 1861 г. на Верх-Исетском заводе, где рабочие более терпеливо ожидали исполнения данных им заводладельцем Яковлевым обещаний, хотя и здесь не обошлось без выступлений. Своеобразно поняв «волю», мастеровые Верх-Исетского завода в одну из ночей апреля 1864 г. разломали на границе с городом и на заводской плотине все заборы, которые препятствовали свободе их передвижения. Власти, считая, «что беспорядки эти в среде заводских людей имели серьезный характер и требовали энергического восстановления порядка и безопасности», ввели в заводской поселок воинскую команду.

Недовольство рабочих проявилось в многочисленных поджогах. Так, на золотых приисках Верх-Исетских заводов, «по недовольствию за закрытие старательских работ», 21 апреля 1864 г. рабочие сожгли

Г. Екатеринбург

№ 36 Памятник Императору Александру II

Памятник Императору Александру II на Кафедральной площади в Екатеринбурге

дом управления золотых промыслов, растащили вещи, вытащенные из горевшего дома, «произвели буйство», препятствовали тушению пожара.

Обострению обстановки в городе способствовала революционно-демократическая пропаганда, направленная против проводившихся правительством реформ и призывавшая к борьбе с царским самодержавием. В Екатеринбург поступали «Колокол» А.И.Герцена и другие лондонские издания герценовской Вольной русской типографии. В жандармском отчете сообщалось, что «в среде молодежи, как мужской, так и женской, сильно распространялось вредное в общественном и политическом отношении направление, получившее название «нигилизма». Сколько можно заметить, в эти местности приезжали агитаторы полигического преступника Чернышевского».

Однако в целом все выступления против реформы 1861 г. были стихийными, разрозненными, неосознанными, во многих случаях — бунтарскими. Революционная пропаганда затронула лишь небольшую часть интеллигенции. Властям с помощью военной силы удалось сравнительно легко

подавить волнения рабочих и провести отмену крепостного права без больших социальных катаклизмов. В течение трех-четырёх лет социально-экономическая обстановка в городе и регионе стабилизировалась.

Опасаясь, что после освобождения от крепостной зависимости рабочие уйдут с заводов, правительство решило выделить им небольшие земельные наделы и разделило горнозаводское население на мастеровых, не имеющих пахотной земли, которые должны были весь год заниматься заводской работой, и сельских работников, имеющих полевой надел, которые должны были выполнять при заводах вспомогательные работы по заготовке угля и дров, добыче руды, флюсов, перевозке заводских грузов и т.п. Мастеровые получали усадебные участки (мастеровые казенных заводов — в собственность безвозмездно, все остальные — в постоянное пользование за повинность) и по одной десятине покосов (в постоянное пользование за повинность). Сельские работники казенных заводов получали всю землю, которой они пользовались до реформы, сельские работники частных заводов — полевой надел в таком

размере, который выделялся крестьянам данной местности.

Мизерные земельные наделы (усадебный участок, покос) и домашнее хозяйство (собственный дом, огород, домашний скот), прикрепляя рабочих к заводам, в условиях сурового климата и каменистых почв не могли обеспечить им нормальное существование. Некоторым подспорьем служили ремесла, которыми мастеровые занимались в свободное от заводских работ время: в Екатеринбурге были распространены железоделательный и гранильный промыслы, в поселке Нижнеисетского завода — кузнечный и слесарный, в поселке Верх-Исетского завода изготавливали и оковывали экипажи, делали посуду, гвозди, ножи и т.п. Однако власти и горнозаводчики, опираясь на закон о запрещении открывать в горнозаводских районах предприятия, производство которых основывается «на огненном действии, требующем угля и дров», всячески препятствовали развитию железоделательных промыслов. При проведении реформы 1861 г. было закрыто большое число кузниц, устроенных «без дозволения начальства».

Таким образом, основным средством существования для мастеровых являлась работа на заводах. Отмена крепостного права, переход на вольнонаемный труд привели к сокращению производства и числа рабочих, особенно значительному на казенных заводах. Только с Монетного двора и механической фабрики в 1861—1863 гг. было уволено более двух с половиной тысяч мастеровых и урочных работников. В городе появилось много безработных, которые нигде не могли трудоустроиться. Рабочие и их семьи, не имея средств к существованию, вынуждены были собирать милостыню. До огромных масштабов выросло нищенство. Как сообщали «Пермские губернские ведомости», «в Екатеринбурге в 1865 году количество нищих составляло не менее 1/20 части населения города (более 1000 чел.)».

Оценивая последствия реформы 1861 г., для города Д.Н.Мамин-Сибиряк писал: «Заводские мастеровые получили свою «волчью» волю и остались, как говорится, ни на дворе, ни на улице, примкнув к городскому мещанству. С сокращением раз-

ных казенных производств получалась масса свободных рук и голодных ртов».

Закат былой славы

В пореформенный период крупные казенные предприятия государственного значения — Монетный двор, механическая и гранильная фабрики, Нижнеисетский железоделательный завод, Березовские золотые промыслы — утратили свои позиции в хозяйственной жизни города. Это было связано с изменением приоритетов в экономической политике. Правительство Александра II провозгласило принцип свободы торговли и невмешательства государства в дела предпринимателей, активно снижало таможенные пошлины и всемерно поощряло частную инициативу. В горной промышленности это выразилось в передаче казенных заказов частным заводам, проработке проектов приватизации всей казенной горнозаводской промышленности, резком снижении пошлин на ввоз металлов. Екатеринбургские казенные предприятия, лишившиеся правительственных заказов и не приспособленные к коммерческой деятельности и рыночной конкуренции, оказались в очень тяжелом положении и были вынуждены свертывать или совсем прекращать производство.

В сложном финансово-экономическом положении оказалась екатеринбургская казенная механическая фабрика. Хотя в первой половине 60-х гг. она была оснащена паровыми двигателями, новыми станками и механизмами, ее оборудование по большей части было отсталым и изношенным, а продукция устаревшей и дорогой и поэтому не пользовавшейся спросом. Казенные же заказы практически не поступали. Еще более усугубило ситуацию появление в России специализированных машиностроительных заводов и массовый ввоз в страну продукции передовых иностранных предприятий — машин, механизмов, агрегатов и т.п. Фабрика оказалась совершенно неспособной конкурировать с ними и в 1874 г. была закрыта.

Финансовые реформы и отказ правительства от медной монеты вызвали закрытие в 1876 г. самого крупного и лучшего в городе промышленного предприятия — Монетного двора, имевшего уникальное,

Часовня в дендропарке, возведенная в 1860-е гг. в честь освобождения крестьян

современное оборудование и высококвалифицированные кадры рабочих и мастеров. Здания и механизмы закрытых механической фабрики и Монетного двора были переданы под железнодорожные мастерские только что построенной Уральской горнозаводской железной дороги.

Добыча золота на Березовских промыслах стала для казны малорентабельной, поэтому они были сданы в бессрочную аренду частному золотопромышленному товариществу «В.И.Асташев и К^о». В.Асташеву удалось расширить производство и увеличить добычу золота. В середине 80-х гг. на промыслах было занято около двух тысяч рабочих и добывалось 17–17,5 пудов жильного золота и до 22 пудов россыпного золота в год.

Все это привело к упразднению в 1884 г. казенного Екатеринбургского горного округа. Два его оставшихся завода — Нижнеисетский и Каменский — были переданы в непосредственное подчинение Главному начальнику Уральских горных заводов. Ликвидация Екатеринбургского горного округа означала окончательный крах феодально-крепостнических основ экономики города.

В этой связи в сложном положении оказался Нижнеисетский («Новый») железодобывающий завод, снабжавший железом и сталью Монетный двор и другие предприятия Екатеринбургского горного округа. Он работал на чугуне, который

привозили гужевым транспортом из Каменского завода, находившегося в 100 верстах от города, что значительно увеличивало себестоимость продукции и делало ее неконкурентоспособной на свободном рынке. В целях улучшения экономических показателей на заводе была проведена техническая реорганизация железодобывающего производства, введено пудлингование, установлены более производительные прокатные станы. Это позволило значительно увеличить выделку железа разных сортов (с 33,4 тыс. пудов в 1865 г. до 118,7 тыс. в 1885 г.). Однако снизить в достаточной степени себестоимость продукции не удалось. Завод постоянно работал в убыток, и в 60–70-х гг. в правительственных кругах неоднократно ставился вопрос о продаже его в частные руки. Он не был продан лишь потому, что не нашлось состоятельных покупателей.

На Верх-Исетском заводе после падения крепостного права также приступили к реконструкции производства. Была возведена новая доменная печь улучшенной конструкции, установлены две паровые машины, построены две пудлинговые печи. Это позволило стабилизировать производство. Выпускалось главным образом листовое кровельное и котельное железо, в меньшем количестве — полосовое и сортовое, общим весом 129 тыс. пудов в 1868 г. и 103 тыс. в 1870 г.

Реконструкции подверглась также и механическая фабрика. На ней были установлены новые станки, паровая машина в 12 л.с. Фабрика выпускала различные машины и части к ним для заводов Верх-Исетского округа, а также выполняла заказы со стороны. На ней изготавливались паровые машины, котлы, турбины, вентиляторы, насосы, локомобили, рудодробилки. Позднее она в основном производила агрегаты для золотых и платиновых приисков — золотопромывочные чаши, кварцеразмолочные бегуны и т.п.

Медное производство на Верх-Исетском заводе стало постепенно сворачиваться. Сначала на нем оставили лишь очистительные операции, а плавка руды была перенесена на специальный медеплавильный завод при Ключевском руднике. В 1876 г. выплавка меди на заводе была совсем прекращена.

В 70-х — первой половине 80-х гг. перевооружение производства на Верх-Исетском заводе приостановилось. Выпуск продукции стал снижаться. В 1881 г. чугуна было выплавлено столько же, сколько и в 1861 г. Только со второй половины 80-х гг. появляются признаки оживления технического прогресса: был изменен профиль доменной печи, введено горячее дутье, улавливание доменных газов, установлены регенераторы и рекуператоры, водяные кричные молоты заменены паровыми. Медленно и с большим трудом приспособлялся к условиям рыночной экономики Верх-Исетский завод.

Чуть не была закрыта и Екатеринбургская гранильная фабрика. Министерство императорского двора, в чьем ведении она находилась, неоднократно предпринимало такие попытки «в видах сокращения расходов». Также рассматривались варианты ее сдачи в аренду. Фабрику спасли необходимость завершения работы над крупными изделиями, а также ученые и общественность, решительно выступившие в ее защиту. В результате фабрику удалось отстоять, и она продолжала выпускать шедевры камнерезного искусства. В 1858—1867 гг. из громадной глыбы родонита (орлеца) ярко-розовой окраски по рисунку академика М.А.Шурупова была изготовлена большая овальная ваза (чаша) изумительной цветовой гаммы, весом в 125 пудов, получившая призы на Всероссийской промышленной выставке в Москве в 1870 г. и на Всемирной выставке в Вене в 1873 г. В этот же период на фабрике была создана овальная ваза из серо-зеленой калканской яшмы, сплошь покрытая рельефным орнаментом из винограда и листьев аканта. Эти вазы сейчас украшают залы Эрмитажа в Санкт-Петербурге. Однако в целом качество продукции гранильной фабрики в пореформенный период значительно снизилось. Переход к рыночным отношениям, уход с фабрики опытных, высококвалифицированных мастеров, высокая трудоемкость изготовления высокохудожественных изделий, ставка на производство массового и дешевого, но ходового товара — брошей, браслетов, запонок, пепельниц, письменных приборов — привели к ощутимому снижению уровня камнерезного искусства.

«... Трубы многочисленных заводов и фабрик...»

Падение крепостного права и утрата Екатеринбургом статуса горного города открыли перед ним новые перспективы. Если горнозаводские казенные, а также частновладельческие предприятия города и его окрестностей переживали упадок, а некоторые были закрыты, то предприятия негорнозаводской промышленности, созданные еще в дореформенное время и использовавшие вольнонаемный труд, теперь бурно развивались. Уже накануне падения крепостного права они занимали видное место в экономике города. В 1860 г. в Екатеринбурге насчитывалось 27 фабрик и заводов. К 1872 г. число промышленных предприятий достигло 40. Среди них были три механических заведения (353 рабочих), полотняная фабрика (150), писчебумажная и спичечная фабрики и другие. Эти предприятия выпускали продукции в сумме на 1200 тыс. руб. в год. Количество ремесленников в городе увеличилось почти до полутора тысяч человек. Журналист Р.С.Попов, посетивший Екатеринбург в начале 70-х гг. XIX в., так описывал город: «Высокие трубы многочисленных заводов и фабрик, расположенных как в самом городе, так и по окраинам его, придают ему какой-то особый, так сказать, европейский характер...».

Крупные промышленные предприятия города оснащались современной машинной техникой. Так, в 1882 г. была основана большая спичечная фабрика, оборудованная двумя паровыми двигателями на 20 л.с., на которой было занято 80—100 рабочих. В 1884 г. на северной окраине города, у Крестового моста, купцом И.И.Симановым была воздвигнута огромная шестиэтажная Ивановская мельница. На ней были установлены паровая машина мощностью в 350 л.с., два паровых котла, динамо-машина, вырабатывавшая электрический ток для освещения предприятия (на мельнице работали 50 рабочих и 11 служащих). На южной окраине города, у реки Исети, располагалась суконная фабрика купцов братьев Злоказовых (в 1887 г. — свыше 300 рабочих), имевшая 1500 веретен. Ее энергетической базой служили три турбины и паровая машина общей

мощностью в 210 л.с. Но в то время, как одни предприятия увеличивали свое производство, процветали, другие, не выдержав конкуренции, закрывались. Так, в период экономического кризиса конца 70-х — начала 80-х гг. прекратила свою работу писчебумажная фабрика — одно из старейших предприятий города. Полуразрушенное здание закрытой фабрики, похожее на какой-то склад, еще долго «украшало» большой пустырь с двумя маленькими озерками и редкими березами и липами, прозванный горожанами «Верходановским садом».

По данным городской однодневной переписи 1887 г., в Екатеринбурге значилось 36 фабрик и заводов, на которых было занято около 2,5 тыс. рабочих, и 389 кустарных и ремесленных заведений. Мелких производителей (кустарей) и ремесленников было учтено 2824 человек.

Процветала в те годы и расположенная в с.Арамилском Екатеринбургского уезда Знаменская суконная фабрика. В конце 80-х гг. она занимала первое место среди уральских суконных фабрик по выпуску продукции — более чем на 300 тыс. руб. в год.

Развитию промышленности Екатеринбурга способствовала и проходившая в это время революция на транспорте. До конца 70-х гг. основными транспортными магистралями, связывавшими город с другими населенными пунктами, оставались гужевые и водные пути. Однако становилось все более очевидным, что они уже не соответствуют растущим потребностям города и всего региона. Поэтому было разработано несколько проектов строительства на Урале железной дороги. В соответствии с одним из них в 1873—1878 гг. была построена железная дорога от Перми через Кушву и Нижний Тагил до Екатеринбурга, с ответвлением к Луньевским каменноугольным копям. Она получила название Уральской Горнозаводской железной дороги.

Дорога, связавшая Екатеринбург удобным рельсовым путем с горнозаводскими центрами Среднего Урала, с Кизело-Луньевскими каменноугольными месторождениями, с Камско-Волжским водным бассейном, способствовала развитию в городе торгово-промышленной и финансовой деятельности. «Проведение железной дороги,

— писал журналист-краевед В.А.Весновский, — сильно повлияло и на характер общественной физиономии города. Появились возбужденность, лихорадочная деятельность, нахлынули новые неведомые люди: адвокаты, инженеры, немцы... Старый уклад жизни рушился с треском, уступая дорогу чему-то неизвестному, но сильному и властному. Екатеринбург, подобно другим русским городам, вступал на путь торгово-капиталистического производства и обмена».

На северной окраине города в 1881 г. появилось здание железнодорожного вокзала, построенное по проекту архитектора-инженера П.И.Губонина в так называемом древнерусском стиле — с массивным крыльцом, завершенным шатром, напоминающим кремлевские башни, с орнаментами кирпичной кладки в манере узорочья XVII в. Возникли крупные железнодорожные мастерские, под которые были переданы здания и оборудование закрытых механической фабрики и Монетного двора.

По Горнозаводской дороге стали перевозить основную массу грузов. Однако дорога имела малую пропускную способность и не была связана с общероссийской сетью. Тарифы на перевозки были высокими, отправленные по железной дороге грузы надо было в Перми перевозить на баржах. Поэтому многие заводы вплоть до конца XIX в. продолжали сплавлять свои грузы по Чусовой. Экономическое значение Горнозаводской железной дороги увеличилось лишь после ввода в эксплуатацию в 1885 г. линии Екатеринбург—Тюмень, соединившей Волжско-Камский и Обь-Иртышский бассейны. После этого она была переименована в Уральскую, а позднее стала называться Пермской железной дорогой.

Екатеринбург обзаводится современными средствами связи и коммуникаций. В декабре 1861 г. он был соединен телеграфной линией (через Пермь) с Петербургом. В 1886 г. через город уже проходило 6 общероссийских транзитных телеграфных линий и 13 внутриуральских, региональных. Екатеринбургской телеграфной конторой за год было отправлено более 52 тыс. депеш. Телеграф прочно вошел в жизнь горожан, стал привычным видом связи. В 1884 г. в городе появился первый телефон: городской

голова И.И.Симанов на свои средства провел телефонную линию между городской управой и полицейскими частями. В Верх-Исетском заводе телефон появился несколько раньше — в 1882—1883 гг.

Торговля и банки

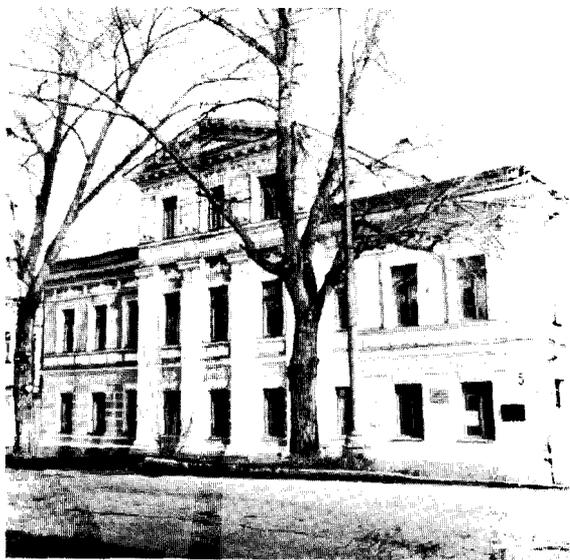
Проведение Горнозаводской железной дороги благотворно сказалось на развитии торгового предпринимательства. Вплоть до 1885 г. город являлся конечной точкой этой дороги, самым восточным железнодорожным узлом страны, что превращало его в важный перевалочный пункт. Через Екатеринбург осуществлялся транзит товаров на Ирбитскую ярмарку в 60-х — первой половине 80-х гг., которая переживала интенсивный и неуклонный рост своих тор-говых оборотов. Из Петербурга и Москвы шли мануфактурные изделия, хлопчатобумажные и шерстяные ткани, галантерейные товары, из Казани — кожаные товары, из Средней Азии — хлопок и ткани и т.п. Но основным видом крупной оптовой торговли Екатеринбурга, занимавшем в торговом обороте первое место, являлись зерно и мука. После проведения Горнозаводской железной дороги екатеринбургские купцы, скупая хлеб на местах, стали крупными партиями отправлять его в центр страны: на Нижегородскую ярмарку, в столицы и порты — Петербург, Москву, Таганрог. В 1880 г. обороты города в торговле мукой-крупчаткой достигли 4 млн руб., ржаной и пшеничной муки было продано на 2,7 млн. Екатеринбургские купцы по-прежнему вели и крупную оптовую торговлю продуктами животноводства — салом, мясом и т.п.

Заметные изменения произошли в оптовой торговле металлами. Уральские горнозаводчики, потеряв положение монополистов-производителей, вынуждены были искать свою «нишу» на рынке. Это побудило их заводить склады в сибирских и поволжских городах и, наконец, обратить внимание на местный рынок, которым они ранее пренебрегали. Большую прибыль они получали от винной торговли. Монопольное положение в ней занял известный на Урале и в Сибири виноторговец и винопромышленник А.Ф.Поклевский-Ко-

зелл. Имея три винокуренных завода (в Шадринске, Талице и Ертарском), он основал свой винокуренный завод и в Екатеринбурге, а чтобы не иметь конкурентов, выплачивал владельцам других винокуренных заводов ежегодно «откупные» при условии, что они прекратят производство.

Среди екатеринбургских купцов особо крупными оборотами отличались П.А.Злоказов, П.М.Ошурков, И.И.Симанов, братья К.Х. и Э.Х. Агафуровы и другие. Помимо межрегиональной торговли они взяли на себя снабжение местного населения изделиями мануфактурной промышленности, для чего, минуя Нижегородскую ярмарку, установили прямые связи с фабрикантами Европейской России. Вкладывали купцы свои капиталы и в промышленное производство. Так, Г.Б.Перетц основал в 1873 г. большую белошвейную мастерскую. «Водочный король» А.Ф.Поклевский-Козел в 1887 г. купил Холуницкие горные заводы и к своим титулам витебского дворянина, купца 1-й гильдии, владельца золотых и асбестовых приисков, виноторговца и винопромышленника присоединил еще и звание уральского горнозаводчика. Характеризуя Екатеринбург 80-х гг. XIX в., Д.Н.Мамин-Сибиряк писал: «На смену прежним «первым людям» города — горным чиновникам — явились мукомолы, хлебные торговцы, торговцы водкой, разные подрядчики, финансовые дельцы».

Развитию торгового предпринимательства способствовало создание в городе сети банковских, кредитных и ссудных учреждений. В Екатеринбурге были открыты: в 1865 г. — Городской общественный банк и отделение Государственного банка, в 1873 г. — отделение Волжско-Камского частного банка, в 1877 г. — отделение Сибирского торгового банка. Банки оказывали активное содействие развитию торговли и промышленности, торговому предпринимательству путем выдачи ссуд, кредитов и т.п. Ими удовлетворялась по преимуществу потребность в коммерческом кредите. Простые же обыватели пользовались услугами тогда же появившихся ссудных касс. Общества взаимного кредита, взаимного страхования не получили в городе развития.

Дом купцов Давыдовых (ул. Чапаева, 5).
Вторая половина XIX в.

Новый статус

Падение крепостного права сопровождалось изменением юридического статуса города. Комиссия, созданная для подготовки реформы городского самоуправления, при обсуждении этого вопроса разошлась во мнениях. Депутаты от купечества, мещан и цеховых настаивали на передаче города в ведение гражданской администрации, тогда как депутаты от дворян и чиновников предлагали сохранить его подчинение горному ведомству. Правительство поддержало точку зрения торгово-промышленных слоев, и в сентябре 1863 г. последовал указ Сената о передаче Екатеринбурга из горного в гражданское ведомство.

Окончательно принципы управления городом определило «Городовое положение» от 16 июня 1870 г. По этому закону в городах вводились новые, формально бессловесные органы городского самоуправления — городские думы. Городская Дума избирала свой постоянно действующий исполнительный орган — городскую управу, состоявшую из городского головы и нескольких членов. Право избирать и быть избранным в Городскую Думу получали лишь обладавшие имущественным цензом плательщики городских налогов. Неплательщики городских налогов — квартиронаниматели, рабочие, служащие — избирательными правами не пользовались и участия в городском самоуправлении

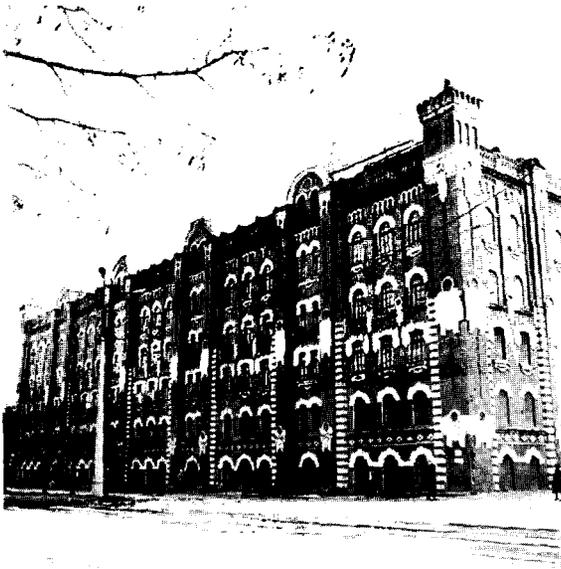
не принимали. В Екатеринбурге из 24,1 тыс. жителей в 1870 г. избирательное право получили только около 4 тыс. человек. Имущественный, возрастной цензы и ценз оседлости обеспечивали преобладание в Городской Думе представителей крупной буржуазии. На первых выборах в 1872 г. в нее были избраны 31 купец, 27 чиновников, 6 потомственных почетных граждан, 7 мещан и один священник.

Новые органы городского самоуправления сыграли положительную роль в хозяйственном развитии города, его благоустройстве, расцвете местной торговли и промышленности, способствовали совершенствованию народного образования и здравоохранения, улучшению санитарного и противопожарного состояния и т.п.

Первым городским головой преобразованного городского самоуправления с 1872 г. по 1876 г. был горный инженер, бывший горный начальник Екатеринбургского горного округа В.А.Грамматчиков, который как бы являлся органически связующим звеном между городом и прежним горным миром. После него пост городского головы занимали представители купечества. В 1884 г. городским головой стал один из богатейших людей города, купец новой формации И.И.Симанов — владелец крупнейшей в городе паровой мельницы, председатель правления Сибирского торгового банка, член Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ). Возглавляя в течение 10 лет Городскую Думу, И.И.Симанов много сделал для развития городского хозяйства, культуры и благотворительности. При нем началось мощное строительство улиц, были построены телефонная станция и сиротско-воспитательный дом, создан Комитет по разбору и призрению нищих, проведена Сибирско-Уральская научно-промышленная выставка, издана книга-справочник «Город Екатеринбург» и многое другое.

«Живой узел»

После падения крепостного права население города стало расти более быстрыми темпами. За первые 27 пореформенных лет оно увеличилось почти в 1,9 раза и составляло в 1887 г. 37 тыс. человек. Это происходило благодаря значительному притоку в

*Мельница Борчанинова-Первушина
(ул. Челюскинцев, 106). 1880-е гг.*

город предпринимателей, коммерсантов, ищущих работу рабочих, строителей, железнодорожников и т.п. Как отмечали современники, если бы не приток населения извне, то в силу сохранявшейся высокой смертности городу грозило бы вымирание.

В пореформенный период коренным образом изменился социально-сословный состав горожан. Из перечня социальных групп населения исчезла самая многочисленная категория — крепостные мастеровые, неременные и урочные работники. По данным городской однодневной переписи 1887 г., в городе было дворян и духовенства — 4,2%, чиновников и военных — 5,0%, городских сословий — почетных граждан, купцов, мещан, ремесленников — 79,2%, крестьян — 13%. Занятые промысловым трудом составляли 9,8 тыс. человек, из них фабрично-заводских рабочих, ремесленников и кустарей было 7 тыс., личной и домашней прислуги — 2,8 тыс. чел. Непромысловым трудом занималось 14,5 тыс. человек.

Пореформенный Екатеринбург, даже потеряв статус «горного города», отличался от других городов особым менталитетом своих жителей. П.А.Кропоткин, социолог и географ, будущий теоретик анархизма, проезжая в 1862 г. через Екатеринбург, сделал в своем дневнике интересные записи. «Пермь, — писал он, — мне не понравилась, город большой, недурен, есть очень миленькие домики, но тишина и без-

людье невыносимые... Екатеринбург — город, в котором... жизнь видна, и городок, должно быть, живучий, — на улицах движение, народа встречается довольно. Здания есть очень милые, много каменных, улицы хорошие, по окраинам — заводы... Он хотя и не губернский город, а гораздо больше, красивее и богаче многих губернских: в нем жизнь видна на улицах; торговля идет хорошо, жители не жалуются на скуку, напротив, говорят, что живется весело; наконец, образовавшееся тут педагогическое общество свидетельствует, что деятельность в нем не одна промышленная и торговая». И делал заключение: «Екатеринбург — город живущий и живучий. Он не заглохнет, ему смело можно предсказать хорошую будущность, особенно когда приведется в исполнение Сибирская железная дорога, которая, конечно, не минует его».

Вместе с тем, в общественной жизни этого «живущего и живучего» города после падения крепостного права многое изменилось. Академик В.П.Безобразов, посетивший Екатеринбург в 1867 г., отметил, что в нем «замечается даже некоторый упадок, изобличаемый опустелыми прекрасными домами заводчиков и золотопромышленников, и отливом капиталистов и капиталов, обращавшихся здесь в прежнее время».

Произошли значительные изменения в социальном положении различных групп городского населения. Характеризуя эти изменения, Д.Н.Мамин-Сибиряк писал: «Притихшие горные инженеры сменились золотопромышленниками «нового чекана», потом явились железнодорожники, адвокаты, банковские дельцы и т.д. Екатеринбург сделался центром крупной картежной игры, диких денег и прожигания жизни».

Жажда быстрой наживы, дух накопительства, охватившие екатеринбургское общество в пореформенный период, произвол и самодурство дельцов нового типа, удачно приспособившихся к формируемому капиталистическому укладу, отрицательно сказывались на моральном облике общества. В.И.Немирович-Данченко, посетивший город в 1876 г., был поражен размахом дикого самодурства и пьяного разгула екатеринбургских купцов и промышленников, масштабом мошеннических спекуляций местных золотопромышленников. В то же время эти люди

прославились строительством церквей и пожертвованиями в их пользу. Хотя их социальная благотворительность, как правило, ограничивалась небольшими суммами, тем не менее она способствовала решению важных проблем. Так, в 1857 г. на средства купца М.А.Нурова был открыт детский приют. В 1864 г. на пожертвованные 6 тыс. рублей удалось создать Рязановскую больницу на 15 коек для немущих. В 1888 г. на 10 тыс. рублей, пожертвованных купцом А.Я.Харитоновым, был построен родильный дом. Однако на содержание наиболее значительного «деяния» екатеринбургских меценатов — «Нуровского приюта» — Городская Дума и попечители выделяли жалкие средства.

Отличался Екатеринбург и наличием значительного слоя прогрессивной демократической интеллигенции. В.И.Немирович-Данченко писал: «Крайне интересен этот город, где рядом с плезиозаврами и строфокамилами, чудесно сохранившимися в лице купцов и заводчиков или хозяев приисков, живет довольно многочисленная и дельно работающая интеллигенция. Бок о бок с легендарным самодурством, с подвигами, достойными каменного века, развивается чисто научная деятельность, и люди, которым дороги интересы знания, сумели устроить и замкнуться среди общего пьяного потопа в какой-то ковчег. Им, этим незаметным труженикам, наука обязана многими исследованиями, произведенными в пределах горнозаводского края».

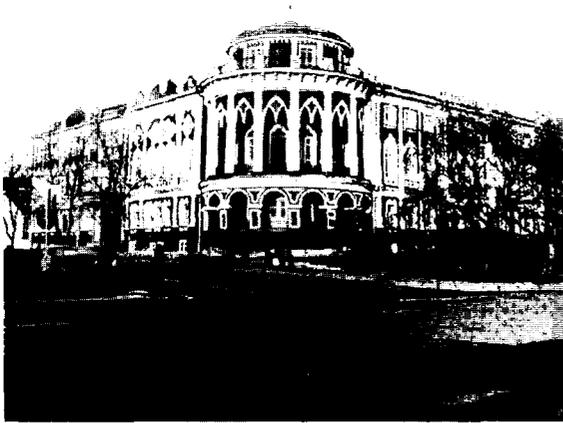
Своеобразное социально-экономическое развитие города, «особый быт Урала» наложили отпечаток на облик екатеринбургской интеллигенции, по своему происхождению преимущественно разночинской, обусловили ее политическое сознание и общественную психологию, представления о характере существующего строя. Городская интеллигенция считала себя представительницей «интеллектуальной элиты» и в значительной своей части была настроена оппозиционно к властям. Жандармы, внимательно наблюдавшие за настроениями в интеллигентской среде, отмечали, что екатеринбургское образованное общество разительно отличалось «от всех остальных обществ других городов, в особенности по укоренившейся в нем идее, что оно есть передовое — не только в одной

Пермской губернии, но чуть ли не во всей России».

Естественно, что крупный промышленно-торговый и транспортный город притягивал к себе окрестные селения, выступал естественным центром обширного региона, его «живым узлом». Д.Н.Мамин-Сибиряк отмечал: «... Яркой особенностью Екатеринбурга служит то, что на него со всех сторон надвигаются пригородные селения, как Уктус, Шарташ и особенно Верхисетский завод. Ряд заимок, дач, мельниц и заводов составляют отдельные звенья одной живой цепи, которая тянется на десятки верст по течению реки Исети. Не нужно особенной проницательности, чтобы сказать, что вся эта широко раскинувшаяся селитба составляет одно органическое целое и что центром служит Екатеринбург. Екатеринбург... представляет редкое исключение, являясь действительно «живым узлом» целой области. Вот в чем, по нашему мнению, заключается характерная особенность физиономии Екатеринбурга как города».

Два лица города

С ростом населения в пореформенный период в городе увеличивается количество торгово-промышленных зданий и жилых домов. В 1887 г. однодневная городская перепись учла 5492 дома, из которых было 582 каменных, 575 полукаменных (первый этаж каменный, второй — деревянный). Развитие города происходило в южном направлении, где шло интенсивное заселение городского выгона. В конце 80-х гг. южной границей города стала 2-я Загородная улица (ныне ул. Фрунзе) — улица-односторонка, обращенная к обширному пустырю. На южной окраине города были расположены салотопенные и мыловаренные заводы и бойни, а далее, вдоль реки Исети, шли дачи, заимки и т.п. К западу от города, на свободном пространстве между Екатеринбургом и поселком Верх-Исетского завода, находились госпиталь, который содержался уездным земством и Верх-Исетским заводоуправлением, обнесенный тесовым забором ипподром, тюрьма, кладбище с церковью. Северная и восточная границы города примыкали к полосе отчуждения железной дороги. Здесь проходили улицы Северная

*Дом Севастьянова (пр. Ленина, 35). 1866 г.
Архитектор А.И.Падучев*

(ныне ул. Челюскинцев) и 2-я Восточная (ныне ул. Восточная).

Территория города не была компактной. Выделялось несколько отдельных, отстоящих друг от друга групп зданий и жилых домов со своими церквями. В городе было много пустырей, незастроенных мест — это были земли, некогда купленные местными богачами, ожидавшими теперь резкого подъема цен на землю с целью выгодной их перепродажи. У современников вид города вызывал серьезные нарекания. Д.Н.Мамин-Сибиряк писал:

«... если Екатеринбург подкупает издали своей широкой панорамой, то вблизи он много теряет... Это даже не город в собственном смысле слова, а соединение нескольких городов. Так оно и есть в действительности, а картинный беспорядок построек служит только живой иллюстрацией последовательных исторических наслоений: вот четырехугольник бывшей крепости, к югу от нее «заимка» бывших салтыков (купцов, владельцев салотопенных заводов), отдельную высоту занимают палаты заводчиков, на торговой стороне крепко осело гнездо офеней, слобода Мельковка — отдельный мещанский городок и т.д.».

С падением доходов горнозаводчиков и прекращением «золотой лихорадки» заводчики и золотопромышленники уже не строили «с дворцовым размахом» внушительных и претенциозных зданий. На цент-

ральных улицах основными застройщиками выступали купцы, чиновники, зажиточные мещане, строившие одно- или двухэтажные деревянные или полукаменные дома. Большой популярностью у них пользовались дома с мезонинами, возведенные в классических формах с «образцовым» фасадом. В отличие от самочинных «обывательских» построек, к сооружению этих домов привлекались архитекторы. Окраины города застраивались маленькими домишками, избами и землянками, в которых жили рабочие и городская беднота. Здесь застройка, как правило, велась непланомерно.

В архитектуре города сохранялась ярко выраженная приверженность русскому классицизму, в столицах и центре страны уже ушедшему в прошлое. Однако все более отчетливо проявлялся эклектизм. Начало этой тенденции в Екатеринбурге положил архитектор А.И.Падучев, по проекту которого в 1863—1866 гг. на Главном проспекте (ныне проспект Ленина), у городского пруда, для горного чиновника Н.И.Севастьянова был построен большой трехэтажный дом в мавританско-готическом стиле с богатым, даже роскошным, но очень разнородным и разнотипным декором. Несколько позже в стиливых формах эклектики на Покровском проспекте (ныне ул. Малышева) был возведен один из самых крупных и парадных для того времени дом горнозаводчика и винопромышленника А.Ф.Поклевского-Козелл (ул. Малышева, 48).

В 80-х гг. эклектика стала преобладать в архитектуре города. Тогда были построены парадные особняки с нарядными декорами уличных фасадов — дом городского головы И.И.Симанова (ныне — ул. Попова, 4), купца М.М.Ошуркова (ул. Чапаева, 3), купца К.А.Грачева (ул. Чернышевского, 2).

Появились новые общественные здания — Городской Думы (ныне ул. Малышева, 46), Земской управы (ул. Розы Люксембург, 60), было перестроено и дополнено крылом с барочными куполом и декором здание Общественного собрания (ул. Карла Либкнехта, 38), здание Волжско-Камского (проспект Ленина, 17) и Сибирского (проспект Ленина, 27) банков, гостиницы «Американские номера» (ул. Малышева, 68). На Кафедральной площади был установлен памятник «Ца-

рю-освободителю» Александру II, а на Хлебной площади сооружена часовня в память освобождения крестьян от крепостной зависимости (ныне находится на территории дендрологического парка, ул. 8 Марта).

Продолжалось культовое строительство. При Нуровском детском приюте (ныне угол ул. Куйбышева и Хохрякова) была построена церковь Во Имя Святого Николая Чудотворца. В 1872—1880 гг. возвели церковь Воздвижения Креста Господня с преобладанием форм романского стиля (ул. Карла Маркса, 31). Тогда же в центре города, на перекрестке Покровского и Вознесенского проспектов (ныне ул. Малышева и Карла Либкнехта, на площадке перед гостиницей «Центральная»), на собранные поляками средства был построен римско-католический костел Зачатия Святой Анны, в котором имелся орган. Кроме того, появились евангелическо-лютеранская кирха Во Имя Святых Петра и Павла, магометанская молельня и еврейская синагога.

Правительственные и общественные здания, большие дома горнозаводчиков, чиновников и купцов, многочисленные храмы придавали городу нарядный, торжественный вид. «Екатеринбург, — сообщал французский географ Э. Реклю, — есть один из красивейших городов России... Высокие каменные белые дома с зелеными крышами из листового железа, похожего на плиты малахита, поднимаются над живописными деревянными домами, и над всей массой строений господствуют колокольни и позолоченные куполы церквей; вдали на горизонте виднеются волнообразные очертания Уральских гор». П.П. Бажов, вспоминая свой приезд в Екатеринбург в 1889 г., писал: «Город удивил своей величиной и обилием церквей... Заметней всех других зданий... был монастырь. Его собор с широким куполом издали походил на большой башкирский малахай, поставленный среди сада».

Однако на окраинах, особенно в ненастную погоду, город выглядел по-другому. Доктор Финш, посетивший его в 1876 г., писал: «Екатеринбург — один из лучших сибирских городов, виденных нами...». Тем не менее он же и отмечал, что все его улицы и площади покрыты сплошной массой грязи. «Извозчики развозят своих пассажиров, забрызгивая их грязью, в которую

колеса уходят по ступицы». Кроме того, от расположенных на окраинах города скотобоен, салотопенных и кожевенных заведений, находившихся в антисанитарном состоянии, исходило невыносимое зловоние. Так, скотобойня купца Жирыкова, как сообщила в 1879 г. санитарная комиссия городской управы, представляла «едва ли достигаемый образец небрежного содержания, запущенности и загрязнения». Помощник фабричного инспектора в 1885 г. докладывал, что в кожевенных заводах «вследствие обильного выделения аммиачных и других газов... непривыкший едва ли в состоянии пробыть... несколько минут. При осмотре одного кожевенного заведения (дубильного отделения) в Уктусе, я не в состоянии был пробыть трех минут вследствие сильного кашля, возбужденного удушливыми газами, а глаза начало так сильно жечь, что я почти... ничего не видел». Неблагоприятная, антисанитарная обстановка отрицательно сказывалась на здоровье населения.

«Школьное дело так шагнуло вперед...»

19 февраля 1861 г. застало Екатеринбург с «жалким состоянием народного образования». Во всех учебных заведениях города — Уральском горном училище, заводской школе, окружном, уездном, приходском, женском 2-го разряда училищах — обучалось всего-навсего 383 учащихся. Это тормозило развитие промышленности, транспорта, торговли, средств связи, которые требовали квалифицированных служащих и управленцев, грамотных рабочих, умеющих обращаться с машинами и механизмами.

Первым шагом в развитии образования в пореформенный период стало открытие в 1861 г. мужской гимназии. Затем в городе появилось женское училище 1-го разряда, вскоре преобразованное в женскую гимназию. В 1873 г. по инициативе Городской Думы открывается реальное училище. Таким образом, вместе с уже действовавшим Уральским горным училищем число средних учебных заведений достигло четырех. «Школьное дело, — писал Д.Н. Мамин-Сибиряк, — так шагнуло вперед, что уже одно это составляет крупную заслугу земского и городского самоуправления».

Кроме того, вновь стала обсуждаться идея, выдвинутая еще в конце XVIII в. историком и публицистом князем М.М.Щербатовым, об открытии в городе высшего учебного заведения. Историк-краевед Н.К.Чупин в 60-х гг. развернул активную агитацию за перевод Горного института из Петербурга в Екатеринбург. Однако это предложение не получило тогда поддержки. Благодаря открытым Городской Думой и земством школам значительно повысилась грамотность населения. По данным однодневной городской переписи, в 1887 г. в Екатеринбурге среди населения грамотные составляли 43%, а в Нижнем Тагиле в 1879 г. грамотных было 21,6%.

Много делало для просвещения населения организованное в 1870 г. Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ). Инициатором его создания был преподаватель французского языка в мужской гимназии О.Е.Клер — любитель-ботаник, археолог, этнограф, географ, фенолог, статистик. В Общество на правах членов-учредителей вошло 68 человек, в их числе было 36 екатеринбуржцев. В деятельности Общества принимали участие такие известные люди, как историк Н.К.Чупин, врач А.А.Миславский, географ И.Я.Кривошеков, ботаник П.В.Сюзев, инженер В.Е.Грум-Гржимайло, писатель Д.Н.Мамин-Сибиряк, математик И.М.Первушин, ученые-лесоводы и археологи отец и сын А.Е. и Ф.А.Теплоуховы и многие другие уральцы. Почетными членами были избраны выдающиеся российские и иностранные ученые: Д.И.Менделеев, К.А.Тимирязев, А.П.Карпинский, П.П.Семенов-Тянь-Шанский, Н.М.Пржевальский, Р.И.Мурчисон (Англия), де Кандоль (Швейцария), Ф.Нансен и Э.Норденшельд (Норвегия) и другие.

Общество способствовало развитию планомерной научно-исследовательской работы в самых разнообразных областях знаний. С 1873 г. оно выпускало свои «Записки», в которых публиковались статьи на русском и французском языках. Им были созданы богатая библиотека и музей. Знаменитый естествоиспытатель А.Брэм был поражен увиденными в музее экспонатами.

По инициативе УОЛЕ в Екатеринбурге в 1887 г. была проведена Сибирско-

Уральская научно-промышленная выставка. Она разместилась в центре города, на территории бывшего Монетного двора. Благодаря активной поддержке промышленно-торговых кругов (в выставке участвовало 3839 предприятий), содействию губернских властей и великого князя Михаила Николаевича, выбранного почетным президентом выставки, почин уральцев имел успех. Выставка знакомила посетителей с природными богатствами края, его горнозаводской, фабрично-заводской, ремесленной и кустарной промышленностью, с результатами научных исследований Урала и Сибири. Она сыграла большую роль в пропаганде естественных богатств восточных районов страны и оживлении торгово-промышленной деятельности в регионе.

В храме муз

В пореформенный период в Екатеринбурге оживляется театральная, музыкальная и художественная жизнь, развиваются различные искусства. В городском театре каждый осенне-зимний сезон выступали музыкально-драматические и оперная труппы. В 60-х — первой половине 70-х гг. здесь ставили спектакли музыкально-драматические труппы, работали известные антрепренеры. В их числе был П.М.Медведев, ставший впоследствии главным режиссером Александринского императорского театра в Петербурге.

Первый «Медведевский сезон», состоявшийся в 1878 г., стал крупным событием в театральной жизни города. В драматической труппе П.М.Медведева выступали известные артисты Е.А.Иванова, А.Л.Романовская, М.Шаровьева и др. Успехом пользовались пьесы А.Н.Островского, А.Ф.Писемского. Труппа стремилась откликнуться на события местной жизни. В 1887 г. ею была поставлена пьеса Д.Н.Мамина-Сибиряка «Золотопромышленники». В те же годы в городе появляется оперная труппа, положившая начало екатеринбургской оперы. Ее возглавлял известный дирижер У.И.Авражек, который позже работал в Большом театре в Москве. Сольные партии исполняли З.И.Эйбоженко, К.И.Богатырев, Ф.Е.Львов, В.Н.Давыдов и другие певцы. Ставились оперы

«Аскольдова могила», «Жизнь за царя» («Иван Сусанин»), «Руслан и Людмила», «Лида», «Трубадур», «Фауст», «Гугеноты». Однако в целом репертуар театра был очень пестрым, большое место в нем занимали развлекательные спектакли — водевили и т.п.

Среди горожан были популярны домашние музыкально-литературные вечера, благотворительные концерты. В 1874 г. артистка императорских театров Д.М. Леонова поставила с помощью любителей оперу «Трубадур». Несколько позже был образован музыкальный кружок, сыгравший большую роль в развитии в городе музыкальной культуры. Кружок имел своих певцов-солистов, хор, оркестр, балет.

В 1880 г. была открыта музыкальная школа. В ней имелись классы фортепиано, виолончели, контрабаса и теории музыки. Школа внесла ощутимый вклад в развитие в городе музыкального искусства.

Значительными были успехи в изобразительном искусстве. Екатеринбургцы А.И. Корзухин (1835—1894) и Н.М. Плюснин (1848—1922) окончили Петербургскую Академию художеств и стали профессиональными художниками. Вокруг Плюснина, обосновавшегося в Екатеринбурге, сложился кружок молодых художников — его учеников. В 1879 г. в городе было создано Общество любителей изящных искусств. На Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке был организован художественный отдел, где демонстрировались картины В.Г. Перова, И.К. Айвазовского, И.И. Шишкина, А.Д. Кившенко, А.И. Корзухина, Г.И. Семирадского, Л.Ф. Лагорио и других выдающихся российских художников и уральских живописцев. После закрытия выставки ряд картин («Послы Ермака» В. Растворовского, «Шипкинский перевал» Л.Ф. Лагорио и др.) были оставлены в Екатеринбурге и положили начало будущей картинной галерее города.

Пореформенный Екатеринбург дал двух крупных, всероссийского масштаба писателей — Ф.М. Решетникова и Д.Н. Мамина-Сибиряка. Используя екатеринбургские впечатления, Ф.М. Решетников создал ряд произведений о горнорабочих, людях «подземного царства рудников и копей», об их жизни при

крепостном праве и в первые годы после реформы.

Д.Н. Мамин-Сибиряк заслуженно пользовался славой бытописателя Урала. Его рассказы, очерки, романы, написанные в строго реалистическом стиле, раскрывают широкую панораму развития края в пореформенную эпоху. Созданный им исторический очерк «Город Екатеринбург» наполнен искренней симпатией и любовью к городу, содержит глубокие выводы, меткие характеристики.

Важным событием в общественной и культурной жизни стал выход в свет в 1879 г. первого номера «Екатеринбургской недели», первой на Урале частной газеты, которая придерживалась умеренно-либерального направления. Она уделяла много внимания проблемам уральской горнозаводской промышленности, ратовала за строительство железных дорог, выступала в поддержку кустарной промышленности, писала о самодурстве администрации, плохих условиях труда и быта рабочих, давала хронику местной жизни. В газете сотрудничали известные на Урале литераторы и экономисты. Д.Н. Мамин-Сибиряк считал, что «Екатеринбургская неделя», «как первая ласточка, хотя и не сделала весны, но все-таки внесла в жизнь Урала известную долю гласности».

С 1885 г. в городе стала выходить газета «Деловой корреспондент», имевшая справочный характер для торгово-промышленных кругов. Но в ней печатались и статьи на экономические темы. С 1886 г. стали издаваться «Екатеринбургские епархиальные ведомости». Таким образом, к концу 80-х годов город имел три газеты. Для уездного города того времени это было немало и свидетельствовало о заметном прогрессе в его интеллектуальной жизни.

Революционные организации

После подъема оппозиционных настроений среди екатеринбургской интеллигенции на рубеже 50—60-х гг., вызванного падением крепостного права, революционной пропагандой А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского, наступил период затишья. Однако десятилетие спустя в ее среде снова началось революционное брожение. Прежде всего оно проявилось сре-

ди учащейся молодежи. Вокруг демократически настроенного преподавателя математики и физики В.И.Обреимова и его жены К.Тетюшиновой, учащихся мужской и женской гимназий и Уральского горного училища сложился революционно-демократический кружок народнического направления. Члены кружка занимались просветительской деятельностью, создавали воскресные школы для рабочих, активно пропагандировали атеистические и социалистические идеи.

Под влиянием деятельности кружковцев учащиеся екатеринбургских гимназий в 1871 г. решительно выступили против нового устава гимназии, введенного министром народного просвещения. По городу на столбах ночью кем-то было расклеено «Воззвание к гимназистам касательно классического образования», в котором осуждались порядки, царящие в гимназиях, «подвергались очернению» консервативно настроенные педагоги.

В следующем году волнения повторились. Для их подавления власти предприняли решительные действия. Из гимназии исключили наиболее активных участников выступления, а В.И.Обреимов и К.Тетюшинова, обвиненные в распространении среди учащейся молодежи «коммунистических и социалистических идей», были арестованы и отправлены в ссылку. Однако и в середине 70-х гг. в учебных заведениях города продолжали существовать нелегальные кружки со своими библиотеками. Учащиеся распространяли революционную литературу, поддерживали связи с политическими ссыльными, оказывали содействие народникам-пропагандистам.

Активную революционную пропаганду в это же время вел кружок екатеринбургских народников. Он в основном состоял из выпускников средних учебных заведений города — молодых людей в возрасте от 16 до 24 лет. Своей целью они считали «низвержение существующего порядка вещей». Члены кружка распространяли нелегальную литературу, устраивали сходки, пытались вести революционную пропаганду среди рабочих близлежащих заводов. Кружок был связан с нелегальными кружками Петербурга и Москвы, получал от них лите-

ратуру революционного направления. Осенью 1874 г., когда началось преследование участников так называемого «хождения в народ», большая часть членов екатеринбургского кружка была арестована и привлечена по делу «о распространении революционной пропаганды в империи».

В 1879—1882 гг. в Екатеринбурге действовал народнический кружок, являвшийся одним из отделений Красного Креста «Народной воли». Кружок взаимодействовал с революционными организациями Петербурга, Москвы, Казани и ряда сибирских городов — Томска, Тобольска, Тюмени, Ишима. Он являлся связующим звеном между революционными кружками центральной России и Сибири. Екатеринбургские народники снабжали своих товарищей в сибирских городах революционной литературой и нелегальными документами (подложными паспортами, образцами печатей и т.п.), получали от них донесения о ходе революционной пропаганды, оказывали помощь политическим ссыльным, бежавшим из Сибири. В 1881 г. полиция узнала о существовании общества Красного Креста «Народной воли», и в следующем году все члены его екатеринбургского отделения были арестованы.

В городе существовало еще несколько революционных кружков, которые действовали достаточно активно. Это свидетельствовало о возникновении социальной напряженности на новой социально-экономической почве и в новой политической ситуации, показывало, что стабилизация, достигнутая в 60-х гг., оказалась весьма относительной. Однако с начала 80-х гг. в среде народнической интеллигенции постепенно нарастает разочарование в возможности революционного преобразования общественного и государственного строя. Все большее распространение получают либеральные идеи.

Обосновавшись в земстве и Городской Думе, либеральные народники занялись осуществлением «малых дел», стали создавать различные артели и союзы, кустарные промыслы и т.п., считая их формами «народного производства», способного направить «самобытный» Урал по некапиталистическому пути развития.

7. На волне промышленного подъема

Промышленная «горячка»

В конце 80 — начале 90-х гг. XIX в. в экономической политике царского правительства был совершен крутой поворот от ориентации на свободу торговли, поощрения различных, порой сомнительных финансовых проектов к поддержке отечественной промышленности, прежде всего тяжелой, развитию сети государственных железных дорог. Были установлены таможенные тарифы, которые предусматривали высокие пошлины на ввоз металлов, что привело к сокращению его импорта. Это благоприятно сказалось на развитии отечественной металлургии, способствовало появлению на Урале рельсового производства, развитию каменноугольной промышленности и т.п.

Упадок и застой уральской горнозаводской промышленности в первые пореформенные десятилетия обусловил в обществе пессимистические взгляды на будущее Екатеринбурга как промышленного центра. Даже Д.Н.Мамин-Сибиряк, горячий патриот города, в то время искренне считал, что будущее Екатеринбурга заключается в развитии мелких кустарных промыслов, и высказывал «глубокое убеждение», что «Екатеринбург должен служить крупным кустарным центром — в этом его будущее...». Промышленный взлет 90-х гг., дав мощный толчок развитию в городе крупной фабрично-заводской промышленности, заставил пересмотреть подобные суждения

Титулованная аристократия, во владении и управлении которой находился Верх-Исетский чугуноплавильный, железодельный и механический завод (с 1862 г. по 1897 г. им владела графиня Н.А.Стенбок-Фермор, а затем ее наследники), для поддержания уровня рентабельности и в ожидании больших прибылей вынуждена была начать реконструкцию завода. Она проходила достаточно успешно: была построена новая доменная печь, введено улавливание доменных газов и горячее дутье, установлены регенераторы и рекуператоры, обновлено энергетическое оборудование.

Это позволило более чем в 2 раза увеличить выплавку чугуна (с 178 тыс. пудов в 1885 г. до 409,3 в 1900 г.). В 1894 г. на заводе был построен первый на Урале мартеновский цех и пущена 8-тонная мартеновская печь. Затем вступила в строй вторая мартеновская печь на 15 тонн. В результате выплавка стали на заводе в 1900 г. достигла 505,9 тыс.пудов. Одновременно было прекращено кричное производство, а число пудлинговых печей доведено до 7. Они стали выдавать ежегодно более 300 тыс. пудов пудлингово-сварочного железа.

На заводе были построены новые корпуса механического, крупносоротно-прокатного и кирпичедельного цехов. В 1891 г. появилось электрическое освещение. Завод стал специализироваться на производстве листового кровельного железа, «ходко» шедшего на рынке. К началу 1900-х гг. объем его производства был доведен до 300 тыс. пудов. В качестве топлива начали применять дешевый торф, для чего была построена брикетная фабрика. Кирпичедельный цех выпускал огнеупорный кирпич «динас». Механический цех изготавливал паровые машины, котлы, турбины, воздуходувки и другое оборудование. На рубеже XIX—XX вв. начали строить мощный реверсивный прокатный стан с паровой машиной мощностью 1500 л.с. Экономический кризис 1900—1903 гг. и последующую промышленную депрессию завод перенес без сильных потрясений, так как его продукция, в первую очередь листовое железо, и в годы кризиса пользовалась спросом на рынке. Однако новые машины и механизмы на заводе «мирно уживались» с устаревшим и ветхим оборудованием. Посетившая в 1899 г. завод комиссия во главе с Д.И.Менделеевым пришла к выводу: «Старинный дух витает над заводом. Видно, что здесь хотят получить большие барыши, ничего не расходуя...».

Веяние благоприятной промышленной конъюнктуры почувствовал на себе даже отсталый и маломощный, угасавший казенный Нижнеисетский железодельный завод. Выпуск пудлингового железа был

Екатеринбургские купцы — участники Ирбитской ярмарки. Второй слева сидит И.И.Симанов — городской голова г. Екатеринбурга. 13 февраля 1894 г.

доведен до 299 тыс. пудов в 1900 г., устаревшее кричное производство прекращено. Имевшиеся на заводе 11 водяных колес были заменены 5 водяными турбинами мощностью в 410 л.с. Изготавливая сортовое и полосовое железо, завод увеличил его выработку с 84 тыс. пудов в 1885 г. до 157 тыс. пудов в 1900 г. Поскольку цены на чугун в 90-е гг. были высокие, казна опрометчиво начала подготовительные работы по созданию на заводе доменного производства. Однако экономические результаты деятельности завода оказались настолько неудовлетворительными, что с началом экономического кризиса 1900—1903 гг. правительство снова поставило вопрос о закрытии завода. В конце концов завод был сдан в аренду артели рабочих, а в 1908 г. вообще остановлен.

Подлинно второе дыхание в годы промышленного подъема 90-х гг. испытало механическое заведение. Новый владелец предприятия Ф.Е.Ятес произвел его реконструкцию и, используя усилившийся спрос на машины и механизмы, резко увеличил производство различных паровых машин, локомотивов, механических станков, насосов, чаш и

будар для золотых приисков, литье чугунных и медных вещей. Из полукустарных мастерских заведение превратилось в значительное предприятие города — чугунолитейный и механический завод Ятеса.

В 1890 г. купцы братья Злоказовы пустили на окраине города новую суконную фабрику, а в середине 90-х гг. купили Знаменскую суконную фабрику в селе Арамилском, что позволило им затем сосредоточить все свое суконное дело на Арамилской фабрике, превратившейся в одно из самых мощных суконных предприятий Урала. Кроме грубошерстного сукна, фабрика стала производить в значительных масштабах для рынка более тонкие изделия — трико, твин, драп. Ее продукция пользовалась спросом на Нижегородской и Ирбитской ярмарках, в Екатеринбурге и продавалась даже в Москве.

В годы промышленного подъема увеличили производство действовавшие в городе спичечная фабрика, бумагопрядильная и картонная фабрики, построенный в 1894 г. механический завод братьев Береновых и другие предприятия. На рубеже XIX—XX вв. в городе насчитывалось 19 пред-

приятий фабрично-заводской («негорнозаводской») промышленности, которые производили продукции на 3,6 млн руб. в год.

Бурное развитие промышленности и транспорта в 90-е гг. XIX в. сопровождалось увеличением количества фабрично-заводских рабочих, занятых на предприятиях города, в первую очередь крупных, с численностью свыше 100 человек. В 1900 г. на них работали 2137 человек. Наиболее крупными были суконная фабрика братьев Злоказовых (597 рабочих), льнопрядильно-ткацкая фабрика братьев Макаровых (483), спичечная фабрика Ворожцова и Логинова (446), чугунолитейный и механический завод Ф.Е.Ятеса (302), мастерская Пермь-Тюменской железной дороги (350–600 рабочих).

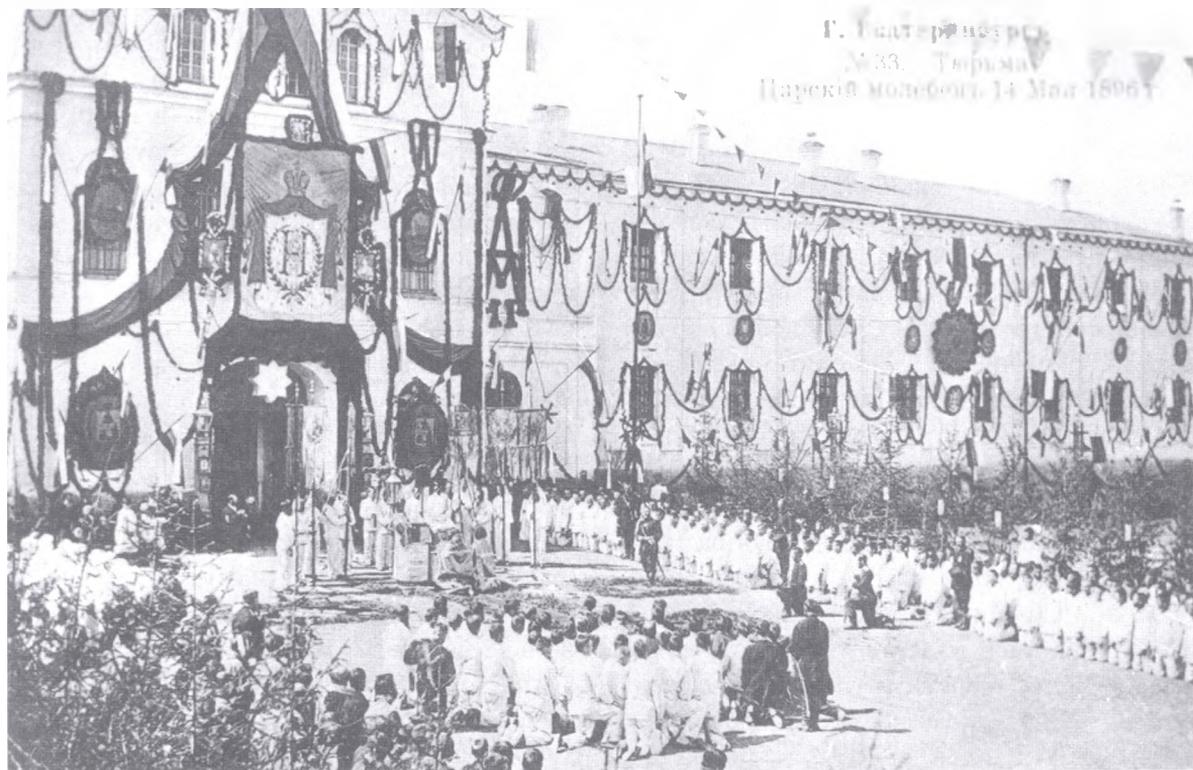
Персонал Верх-Исетского металлургического завода в 1900 г. насчитывал 1656 человек и, кроме того, вне заводской ограды на вспомогательных работах было занято 2276 человек. На Нижнеисетском железоделательном казенном заводе в черте заводской ограды трудились 393 человека, а на вспомогательных работах — 461 человек. На расположенных близ Екатеринбурга Березовских золотых промыслах были заня-

ты 2543 человека. Недалеко от города находилось несколько суконных и льнопрядильно-ткацких фабрик, стекольный и винокурный заводы, крупные крупчаточные мельницы. На всех предприятиях, расположенных в Екатеринбурге и его окрестностях, с числом рабочих не менее 15, в общей сложности были заняты 12,6 тыс. человек. В ремесленно-кустарной промышленности насчитывалось 1733 работника.

Ажиотаж по поводу «бойкого» хода промышленно-торговых дел в период промышленного подъема 90-х гг. был безмерным. Никто не думал, что он не может продолжаться вечно, и что уже вблизи маячит жестокий экономический кризис 1900–1903 гг., ставший суровым испытанием для екатеринбургских предприятий.

Предпринимательский азарт

Экономический подъем породил целую плеяду предпринимателей, которые ни перед чем не останавливались для достижения своих целей. Первым дыханием промышленного оживления и больших прибылей почувствовал Л.М.Ушков, тогдашний директор и совладелец Знаменской сукон-

Царский молебен в Екатеринбургской тюрьме 14 февраля 1896 г.

А. М. Горький, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Н. Д. Телинов и И. А. Бутин. г. Ялта 1898 г.

ной фабрики и магазина в Екатеринбурге. Он был дельцом новой формации. Инженер-изобретатель, натуралист и охотник, член УОЛЕ, ревнитель старообрядчества, Л. М. Ушков стал общественным деятелем — неоднократно избирался гласным Городской Думы и уездного земского собрания, членом городской управы, уездного податного присутствия, попечительского совета реального училища и т. д. Зарекомендовал он себя и как автор многочисленных статей в местной и столичной периодической печати. Предпринимательская хватка, хорошее знание производства, большое доверие в деловых кругах позволили Л. М. Ушкову получить для расширения производства и реконструкции своей фабрики большие кредиты. Однако расплатиться со своими огромными долгами он не смог. Причиной тому было снижение спроса на суконные изделия, рост затрат на приобретение шерсти и т. п. В результате его фирма потерпела крах, обанкротилась, а сам Л. М. Ушков в 1892 г. покончил жизнь самоубийством. После временной остановки фабрика была приобретена братьями Злоказовыми.

В 90-е гг. широко развернули предпринимательскую деятельность екатеринбургские купцы Жирияковы, ранее традиционно занимавшиеся торговлей скотом, салотопенным и мукомольным делом. Выявив дефицит в мешках, которые в огромном количестве требовались мукомолам, В. С. Жирияков в 1897 г. построил вторую льнопрядильно-ткацкую фабрику в деревне Черноусово. Ввиду нехватки капитала вторая фабрика строилась наскоро и кое-как, поэтому радужные надежды получить от нее солидные доходы не оправдались. Частые поломки механизмов, вынужденные простои и крупные затраты на ремонт сделали Черноусовскую фабрику убыточной. Тогда оборотистый предприниматель решается на отчаянный и рискованный шаг. Застраховав фабрику на большую сумму (около 400 тыс. руб.), В. С. Жирияков в ночь с 11 на 12 марта 1900 г. сжег ее. Однако скоро выявились доказательства умышленного поджога, и в апреле—мае 1903 г. сам В. С. Жирияков и непосредственные исполнители оказались на скамье подсудимых. На суде все они полностью отрицали какое-либо участие В. С. Жириякова в

организации поджога, и он был оправдан, а непосредственные исполнители его замысла получили по 4—5 лет арестантских рот. В.С.Жириков сохранил свою торгово-промышленную фирму, но его деловая репутация была навсегда подорвана.

В мешочную авантюру, сулившую большие прибыли, включились также екатеринбургские купцы братья Макаровы, занимавшиеся до этого торговлей головными уборам. Не обладая сколько-нибудь значительным капиталом, они в 1898—1899 гг. построили в Екатеринбурге на базе мукомольной мельницы льнопрядильно-ткацкую фабрику, предназначенную главным образом для изготовления мешков, оснастили ее импортным английским оборудованием, что позволило успешно конкурировать с льнопрядильно-ткацкими фабриками В.С.Жирикова.

Тернии и лавры гранильщиков

Гранильная фабрика, когда-то знаменитость и гордость Екатеринбурга, в эти годы переживала нелегкие времена. Фабрика по-прежнему находилась у плотины городского пруда, причем только одним своим этажом она возвышалась над улицей, а два других — находились под землей. На самом нижнем этаже — в подzemелье, со стенами, сложенными из огромных глыб, — велась распиловка больших камней на ленточные горизонтальные плиты. На среднем — полуподвальном этаже — камни разрезались быстро вращавшимися дисками на тонкие пластины. На верхнем этаже, в просторном светлом помещении, на столах с вращающимися кругами велась окончательная отделка камней — их шлифовка и полировка. Лишившись заказов на изготовление крупных художественных изделий для столичных дворцов и парков, фабрика резко снизила художественный уровень своих работ, в угоду рынку вынуждена была развернуть массовый выпуск из камня мелких бытовых изделий и незатейливых дешевых украшений, низкокачественных и малохудожественных вещей. Основной ее продукцией стали брелоки, пасхальные яйца, пельницы, спичечницы в виде башмака, пресс-папье, письменные приборы, подсвечники, шкатулки, из украшений —

браслеты, ожерелья, бусы, броши, запонки, сережки и т.п.

Только изредка поступали крупные заказы, требовавшие для их выполнения большого мастерства. Они позволяли екатеринбургским гранильщикам проявить свои таланты, создавать новые шедевры. Так, в 1896 г. на Нижегородской промышленной выставке был представлен грот из 44 минералов. «Грот, — писал побывавший на выставке А.М.Горький, — производит чарующее впечатление. У входа в него помещен медальон работы Екатеринбургской гранильной мастерской... Работа — чудная, и вообще работы Екатеринбургской мастерской поражают своей художественностью. Три рельефные панно, изображающие цветы и вырезанные из больших, крайне ценных кусков замечательного богатого красками орлеца, положительно приводят в восторг своей чисто волшебной оригинальностью. Камню приданы такие мягкие формы, точно это не камень, точно из воска вылеплены эти фантастические узоры».

Для Всемирной выставки в Париже в 1900 г. на Екатеринбургской гранильной фабрике из уральских самоцветов была изготовлена карта Франции: на пластине из серого мрамора, служившей основанием, были выложены суша и горы из цветной яшмы, моря — из лазурита, реки — из платины и золота, города были обозначены рубинами, сапфирами и изумрудами. Карту признали «чудом гранильного мастерства». Она была подарена Франции в знак дружбы между французским и русским народами и выставлена в Лувре.

Несмотря на явные признаки упадка в конце XIX в. художественного уровня изделий Екатеринбургской гранильной фабрики, она сыграла важную роль в развитии камнерезного искусства в Екатеринбурге и в целом на всем Урале. Мастера-гранильщики, приобретая опыт и знания на фабрике, затем создавали свои кустарные мастерские, работали на дому. Гранильный промысел получил широкое распространение не только в самом Екатеринбурге, но и в его окрестностях. Множество кустарей гранильщиков в конце XIX в. — начале XX в. трудились в поселках Березовского, Нижнеисетского, Верх-Исетского, Мраморского и Полевского заводов.

Здание химической лаборатории. Конец XIX в.

В центре сети железных дорог

Развитие на Урале сети железных дорог привело к тому, что основная масса грузов стала перевозиться этим видом транспорта. Ввод в эксплуатацию в 1885 г. железной дороги Екатеринбург-Тюмень превратил Екатеринбург в важный транзитный пункт, в железнодорожные ворота для грузовых и пассажирских потоков из Центральной России в Сибирь и обратно. Кроме того, город традиционно был местом, через которое шло снабжение горно-заводского района хлебом, продуктами, различными товарами, и вывозились произведения фабрично-заводской и кустарной промышленности региона.

Построенная в 1896 г. линия Челябинск—Екатеринбург связала город железнодорожным путем с Транссибирской магистралью и общероссийской железнодорожной сетью, ликвидировала обособленность и оторванность Среднего Урала от центральных регионов страны. Линия Пермь-Котлас, пущенная в 1899 г., открыла путь грузовым потокам через северное направление, дала новый импульс развитию железнодорожного транспорта, усилила

значение Екатеринбурга как транзитного пункта. Введение Челябинского тарифного «перелома» позволило перебросить значительную часть сибирских грузов, главным образом хлеба, с Транссибирской магистрали через Екатеринбург на Пермскую железную дорогу. Таким образом, к началу XX в. Екатеринбург превратился в крупный железнодорожный узел на востоке страны, центр пересечения больших транспортных потоков. На станции Екатеринбург появилось многоотраслевое железнодорожное хозяйство с многочисленными службами, складами железа, товаров и прочим, известными как «чугунка», «железный круг» и «привокзальная топесь» (из-за постоянного месива грязи перед ними).

С постройкой железных дорог уменьшилось значение Сибирского тракта. С 1886 г. по нему прекратилась перевозка почты, были упразднены почтовые станции, этапы, почти полностью прекратилось частное пассажирское движение. Резко сократился, а затем и почти полностью сошел на нет сплав по реке Чусовой.

С развитием железнодорожного транспорта, получением выхода на общую железнодорожную сеть страны возросла торгово-посредническая роль Екатеринбурга.

Одновременно шло расширение внутригородской торговли и происходила ее модернизация, росла сеть стационарных торговых заведений и складских помещений. Появились большие универсальные магазины, склады товаров, базы и т.п. Увеличились численность и капиталы екатеринбургского купечества. В 1895 г. купцов 1-й гильдии насчитывалось 25 человек, 2-й гильдии - свыше 500, а мелочных торговцев - почти 1400 человек.

В городе интенсивно проходил процесс концентрации торговых капиталов в руках крупных оптовых купцов, создавались большие торговые фирмы. В 1892 г. суммарный капитал торговых домов составлял более миллиона рублей. Торговые фирмы, занятые покупкой товаров для местного рынка, вышли из-под опеки нижегородских купцов-оптовиков и установили прямые связи с фабрикантами и заводчиками, производителями товаров широкого потребления.

В связи с ростом стационарной торговли, появлением ее новых форм (крупные универсальные магазины, оптовые склады, биржи) сезонная торговля в форме ярмарок

в конце XIX в. теряет свое прежнее значение. Оборот двух екатеринбургских ярмарок-торжков — летней и зимней — со 100 тыс. руб. в 50-е гг. XIX в. к концу века сократился до 8 тыс. руб. В то же время значительных масштабов достигли внешнеторговые связи города. На рубеже XIX—XX вв. в Екатеринбурге имелись представительства 25 торгово-промышленных фирм, среди которых были английские, французские и другие.

Развитию промышленного и торгового предпринимательства способствовала существовавшая в городе сеть кредитно-финансовых учреждений. В конце 90-х гг. в Екатеринбурге действовали четыре банка — Городской общественный, отделения Государственного, Волжско-Камского и Сибирского, а также две банкирские конторы, 5 ссудно-сберегательных касс и 17 страховых агентств. Годовой оборот банков составил в 1900 г. 975,5 млн руб. Они предоставляли краткосрочные и долгосрочные ссуды, кредиты промышленникам и торговцам. Банки приняли активное участие в развернувшемся на рубеже веков на Урале акционировании промышленных

Общий вид центра г. Екатеринбурга. Церковь «Большой Златоуст». Конец XIX в.

Юго-западная часть г. Екатеринбурга. Конец XIX в.

предприятий, становясь, таким образом, их совладельцами.

Иностранный капитал не очень охотно шел в отсталую уральскую черную металлургию. Для этого у него не было большого соблазна. Однако он проявлял большой интерес к уральской золотоплатиновой и медной промышленности. В конце 90-х гг. американские, английские и французские дельцы начинают усиленно скупать на Урале золотые и платиновые прииски. Екатеринбург — горнозаводская и финансовая столица региона — фактически становится неофициальной биржей по распродаже и купле уральских золотых и платиновых приисков.

«Урал за последние годы, — писал в 1898 г. «Вестник золотопромышленности и горного дела», — продается иностранцам и продается как что-то негодное в домашнем обиходе владельца...». Корреспондент «Вестника» сообщал, что приехавшие на Урал агенты большого англо-американского синдиката миллионеров-золотопромышленников были намерены «скупить здесь все, что заслуживает внимания».

Город и горожане

За последнее десятилетие XIX в. численность населения Екатеринбурга возросла в 1,5 раза и достигла почти 56 тыс. че-

ловек. Таких темпов прироста населения город еще не знал. Произошло это за счет притока мигрантов, привлеченных в город промышленным ажиотажем.

Управлялся Екатеринбург Городской Думой, городской управой и городским головой. В условиях бурного экономического подъема, оживления общественной жизни узкий круг богатого старозаветного купечества, традиционно державший в своих руках пост городского головы, вынужден был уступить это место людям новой формации — «просвещенным» коммерсантами и общественным деятелям «новой волны».

Городская Дума, возглавляемая «просвещенными» предпринимателями и общественными деятелями, стала более усердно заниматься проблемами благоустройства города — мощением улиц, их освещением, устройством телефонной связи, выделять больше средств на развитие народного образования, медицины, ветеринарии, организацию социальной помощи. Благодаря энергичной деятельности местного самоуправления в 1892 г. была введена в строй городская телефонная станция общего пользования, а два года спустя пущена городская электростанция «Луч», на улицах появились первые электрические фонари.

Сдвиги в деятельности Думы отразились на распределении расходной части городского бюджета. На первое место

вышли затраты на народное образование, медицину и общественное призрение. Они составляли почти половину всего бюджета. Значительно возрос удельный вес расходов на благоустройство города. В то же время уменьшилась доля средств на содержание правительственных учреждений и городского управления. Однако денег все равно не хватало. Бюджет сводился со значительным дефицитом, и в 1900 г. долги города составляли около 200 тыс. рублей.

Городская Дума, не располагавшая достаточными средствами, обремененная долгами, не могла решить многих проблем развития городского хозяйства. Вступая в XX в., город не имел ни водопровода, ни канализации, медленно благоустраивался. Новое городское положение 1892 г. (городская «контрреформа» Александра III) сильно сократило права городских дум, усилило опеку местной администрации над городским самоуправлением. В ущерб интересам торгово-промышленной части населения возросло влияние при решении городских дел весьма малочисленного в уральских городах дворянства.

Бурный рост населения вел к увеличению территории города. Он расширялся, продвигаясь на юг, поскольку в других

направлениях — с запада, севера и востока — был зажат землями Верх-Исетского завода, казны и полосой отчуждения Пермской железной дороги.

В конце XIX в. — начале XX в. в городе велось большое жилищное строительство. Именно в эти годы был в основном создан тот жилой фонд, с которым город, пережив три революции — 1905—1907 и 1917 гг., и две большие войны — первую мировую и гражданскую, пришел к 30-м годам, к началу коренной реконструкции уральской промышленности. Особенно интенсивное строительство велось в центре города: шло уплотнение жилых кварталов, вместо одноэтажных домов возводились двух- и трехэтажные, одноэтажные каменные дома надстраивались вторыми этажами и т.п. В первую очередь застраивались новыми домами торговые улицы: Успенская (ныне ул. Вайнера) и Уктусская (ныне ул. 8 Марта).

В этот период уже не строили помпезных особняков, подобных воздвигнутым горнозаводчиками и золотопромышленниками в первой половине XIX в. Типовой постройкой на центральных улицах стал двухэтажный каменный дом с магазином на первом этаже и жилыми помещениями

Западная часть г. Екатеринбурга. Начало XX в.

Общий вид г. Екатеринбурга. Уктусская (8 Марта) улица, Кафедральный собор. Начало XX в.

на втором. Жилые и торговые дома стали располагать вдоль по линии улицы, образуя таким образом сплошной ряд декоративных фасадов. В архитектуре зданий преобладает эклектика. Зодчие и строители стремились достичь художественной выразительности за счет использования декоративных мотивов и отдельных деталей различных стилей прошлого — классицизма, барокко, готики и т.п. На рубеже веков намечается переход к стилю модерн.

Многие дома, возведенные в то время известными архитекторами (академиком архитектуры Ю.О.Дютелем, московским архитектором П.А.Заруцким и другими), представляют сегодня значительную историко-архитектурную и эстетическую ценность. Таковы, например, респектабельный дом А.Е.Борчанинова (ул. 8 Марта, 18) с убранством главного фасада в стилизованных формах необарокко, украшенный скульптурами; дом О.К.Яринской (ул. 8 Марта, 20) с неоготическими формами главного фасада, готическими башенками-пинаклями; дом купца П.В.Иванова (ул. 8 Марта, 26) с мотивами ренессанса и барокко в фасадном убранстве; дом Е.И.Первушина (угол улиц 8 Марта и Радищева) — роскошный особняк с оби-

лием на фасаде лепнины в стилях барокко и модерна.

Уникальными образцами деревянного зодчества являются построенные в 90-х гг. дома купцов Агафуровых. Первый дом Агафуровых (ул. Сакко и Ванцетти, 24) — деревянный, двухэтажный, с угловыми эркерами — представляет собой переплетение восточных и готических мотивов с элементами русского стиля, выделяется красотой фасадного убранства. Второй дом Агафуровых (ул. Сакко и Ванцетти, 28) — тоже деревянный, двухэтажный, с угловым эркером, высокой шипцовой кровлей, двухъярусной остекленной верандой, большими окнами с резными наличниками, массивным треугольным фронтоном с растительной орнаментикой на восточном фасаде. Оригинальным, не имеющим аналогов на Урале является построенный в 1895 г. дом Железнова (ул. Розы Люксембург, 56), возведенный в псевдодревнерусском стиле.

Однако большинство жилых и торговых домов, построенных в то время, отличалось невзыскательным художественным вкусом, характеризуя узкую практичность и утилитарность их владельцев. П.П.Бажов в своих воспоминаниях отмечает: «Эти

купеческие сынки и зятевья, облачившись в другой костюм, начинали выпускать родительские «лежалые». Делали это без большой дальновидности, порой вовсе бестолково. Когда хотели щегольнуть постройкиками, делали это без размаха старых золотопромышленников типа Харитоновых и Рязановых, а с отцовской скарденостью и получалось глупо и смешно».

В городе продолжалось строительство культовых сооружений. Однако в отличие от первой половины XIX в. велось оно на средства православных предпринимателей, а не купцов-старообрядцев. Так, в 1885—1895 гг. была построена приходская Александро-Невская каменная церковь на Верхотурском проспекте в Мельковской слободе. В 1886—1900 гг. была выстроена Всехсвятская церковь на православном Михайловском кладбище. В 1890—1897 гг. на собранные населением деньги сооружена приходская каменная Никольская церковь в поселке Верх-Исетского завода.

Большую часть построенных в конце XIX в. церквей составили так называемые «домовые церкви» при учебных, благотворительных и других подобных заведениях. Они возводились чаще всего на средства купцов, входивших в состав попечительских советов этих заведений. Таким образом была выстроена Магдалинская церковь при женской гимназии, Александро-Невская церковь при Алексеевском реальном училище, Никольская церковь при Александровской богадельне. В начале XX в. в Екатеринбурге насчитывалось более 50 церковных сооружений, блеск куполов которых придавал живописность и величественность городу.

Однако с потерей Уралом монополии на металлы на внутреннем рынке и оттеснением его на второй план быстро развивавшимся Югом России, Екатеринбург — горнозаводская «столица» края — потерял свой парадный и праздничный вид. Профессор П.А.Замятченский, посетивший город в 1899 г. в составе комиссии по обследованию уральской промышленности, возглавляемой Д.И.Менделеевым, дал такое его описание: «Екатеринбург называют столицей Урала. Нельзя сказать, чтобы он производил впечатление, соответствующее названию. Или столица плоха сама по себе, или Урал плох, и для него Екатеринбург

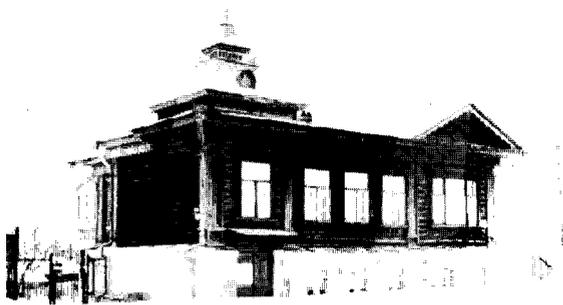
годится в столицы. Правда, город большой, но какой-то унылый, сонный. Как будто он и обстраивается и как будто разрушается. Особенно неприятное впечатление производит набережная городского пруда, в сущности самой красивой части города. Когда-то она была построена капитально, «по-казенному», теперь же перила сгнили и наполовину вывалились, каменные столбы облезли; кирпичи во многих местах из них вынуты. Около пруда маленький сквер, который без всякого присмотра... Возьмите театр, например. Он имеет вид заброшенной конюшни. Его фундамент бурьяном порос, между тем он находится на главной улице. Возьмите рынок — все в том же роде... Спит Урал, спит и его столица. Мало того, столица его и просыпаться не хочет».

В городе была плохая экологическая обстановка. Как свидетельствовал современник, повсюду можно было наткнуться на «вонючие болота и канавы, на груды навоза и нечистот, заражавших своими миазмами воздух». Крупные предприятия — железнодорожные мастерские, расположенные в самом центре города у плотины городского пруда, и Верх-Исетский металлургический завод — спускали в протекавшую через город Исеть свои промышленные стоки, и сама река напоминала «скорее мазут, деготь, газы и т.п.», хотя значительная часть горожан вынуждена была пить из нее воду. Промышленные стоки покрывали «воду реки толстым и на вид отвратительным слоем разных фабричных веществ».

На пути к революционным потрясениям

В начале 90-х гг., в связи с общественным подъемом среди учащих средних учебных заведений Екатеринбурга — мужской гимназии, реального и Уральского горного училищ — создается сеть нелегальных кружков «саморазвития» со своими библиотеками и кассами взаимопомощи. Кружки, настроенные на «радикально-народнический» лад, поддерживали между собой связь, обменивались нелегальной литературой, получаемой от своих сторонников из столиц.

Продолжалось брожение и среди радикально настроенной интеллигенции. Все

Дом М.Я. Алексеевой (ул. К. Либкнехта, 41).
Конец XIX в.

большая ее часть, разочаровавшись в доктрине и программе народничества, стала склоняться к марксизму.

В середине 90-х гг. в городе уже существовала группа марксистски настроенных революционеров из местной интеллигенции, объединившихся вокруг Н.А. Черданцева, действовали марксистские кружки на заводе Ягеса и в Уральском горном училище. Между екатеринбургским марксистами и народниками происходили ожесточенные споры. «Основательная группа интеллигенции, — вспоминал тогда член кружка в Уральском горном училище Ф.Ф. Сыромолотов, — идеологически или примыкала к марксизму, или выступала против него. Теоретическая грызня происходила постоянно».

В феврале 1898 г. в Екатеринбург приехала М.М. Берцинская-Эссен, имевшая большой опыт социал-демократической работы и связанная с Петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». Ей удалось быстро объединить все действовавшие в городе социал-демократические кружки в единую организацию, позднее названную «Группой социал-демократов на Урале». Деятельность социал-демократов активизировалась и приобрела значительный размах. Они создали нелегальные кружки на ряде предприятий, организовали распространение социал-демократической литературы и листовок, пытались руководить стачками рабочих на Злоказовской фабрике и Сысертском заводе, установили связи с некоторыми заводами Западного и Южного Урала, организо-

вали первую на Урале подпольную типографию в пос. Бишкиль близ Челябинска. Зимой 1898—1899 гг. предполагалось созвать общеуральский съезд социал-демократов и оформить организацию как областную. Однако в конце 1898 г. — начале 1899 г. «Группа» была разгромлена полицией.

Упрочению позиций социал-демократии способствовал подъем рабочего движения. Он был вызван тяжелыми условиями жизни основной массы фабрично-заводских пролетариев. Рабочий день продолжался 10—12 часов, а на мелких предприятиях, не подчиненных фабричной и горной инспекции, нередко достигал 13—14 часов. Заработная плата была низкой. В горячих цехах рабочие трудились при высокой температуре, рядом с расплавленным или раскаленным металлом, в тесных и темных помещениях, всегда наполненных гарью, копотью, дымом и пылью. На текстильных фабриках приходилось работать в густой, удушливой пыли, проникавшей в легкие, засорявшей глаза. Среди ткачей свирепствовал туберкулез, сводивший их еще молодыми в могилу. Жили рабочие в жалких лачугах на окраинах города или ютились в тесных, грязных общих казармах и в каморках при заводах и фабриках, плохо питались, часто болели. Медицинская помощь оказывалась нерегулярно или вовсе отсутствовала. Тяжелые материальные и бытовые условия, произвол администрации предприятий вызывали у рабочих чувство протеста, толкали их на борьбу за свои права, за улучшение условий жизни. Основной ее формой были стачки. В 90-е гг. они состоялись на ряде предприятий города. Наиболее длительной и упорной стала забастовка рабочих на льнопрядильно-ткацкой фабрике братьев Макаровых в сентябре—октябре 1900 г.

В 1900—1903 гг. Россию охватил жестокий экономический кризис. На Урале он поразил сначала текстильную, а затем горнозаводскую промышленность. Уже осенью 1900 г. цены на все ткани стали падать. Владельцы фабрик, не желая расставаться со своими прибылями, решили переложить последствия кризиса на плечи рабочих. 19 сентября 1900 г. ткачам фабрики братьев Макаровых было объявлено

о введении новой системы расценок, по которой заработная плата понижалась на 30—50%. Это вызвало возмущение рабочих. 36 ткачей, явившись в контору, категорически отказались работать по новым расценкам и потребовали увеличить прежнюю зарплату на 20%. Владельцы и директор в ответ на требования рабочих объявили об их увольнении. Тогда рабочие, расположившись вокруг фабрики, стали останавливать всех идущих на работу, призывая их к забастовке. 20 сентября 195 ткачей не приступили к работе, а на следующий день из 350 рабочих пришли в цеха только 15. Бастовавшие требовали восстановить прежние расценки и сократить рабочий день. Макаровы вызвали на фабрику полицейского пристава и участкового фабричного инспектора, которые пытались запугать рабочих и заставить их вернуться на работу, но их угрозы оказались безрезультатными.

Забастовка проходила организованно. Бастующие ежедневно собирались на площади перед фабрикой. Руководила стачкой группа наиболее активных рабочих, являвшаяся по сути дела стачечным комитетом. Все бастовавшие отстаивали требования о восстановлении прежней зарплаты, не под-

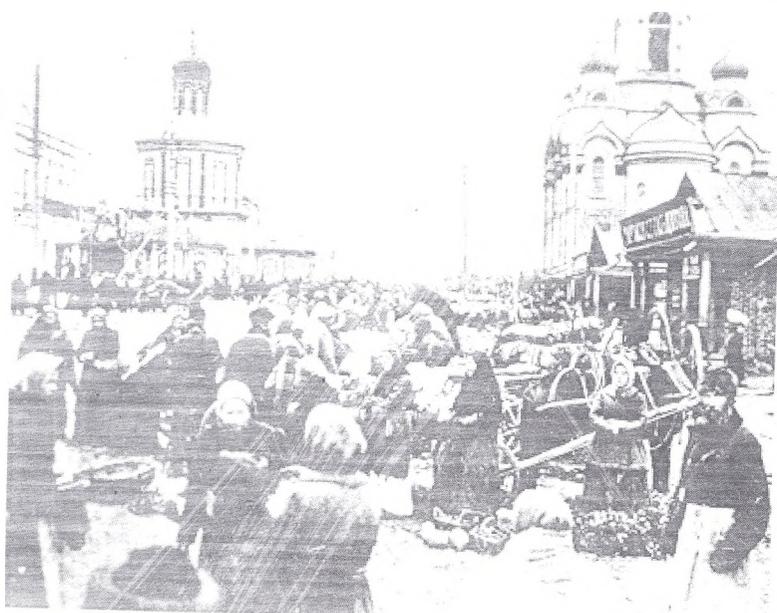
давались ни на уговоры, ни на угрозы администрации и полиции.

Упорная и длительная стачка рабочих на фабрике братьев Макаровых, нарушившая «порядок и спокойствие» в городе, вызвала серьезное беспокойство и тревогу местных властей. Убедившись, что без восстановления прежней заработной платы рабочие стачку не прекратят, они предложили владельцам фабрики составить расценки таким образом, чтобы и при начислении заработной платы по новым основаниям ткачи имели прежний заработок. Макаровы с этим согласились. Узнав о таком решении, рабочие прекратили забастовку и в тот же вечер вышли на работу. Стачка рабочих фабрики братьев Макаровых, продолжавшаяся с 20 сентября по 5 октября, окончилась победой рабочих. Фабриканты вынуждены были восстановить прежнюю заработную плату и заплатить рабочим за «прогуленное» время.

Стачечное движение на фабриках и заводах Екатеринбурга показало, что город превратился в крупный очаг рабочего движения. В бурный XX в. Екатеринбург вступал с усилившимся социальным расстройством среди его жителей, нарастанием в городе классовых противоречий.

РАЗДЕЛ III

УТРАЧЕННЫЕ НАДЕЖДЫ

8. На старте XX столетия

Контрасты повседневности

Промышленная модернизация России, успешно осуществлявшаяся в конце XIX в., отразилась и на Екатеринбурге. Быстро растущая численность населения превысила на рубеже веков 55 тыс. человек и вывела город на второе место по этому показателю на Урале (после Оренбурга). В Екатеринбурге имелось тогда около 100 улиц и 16 площадей, в основном незамощенных. Движение по ним, особенно в ненастное время, было сильно затруднено из-за преимущественно болотистого характера почвы. Благоустройство города оставляло желать лучшего. Почти все проезжавшие через него путешественники называли Екатеринбург красивым, но совершенно неблагоустроенным.

Действительно, город был тогда унылым и сонным, но быстро обустроивался. Здесь располагались резиденции епископа, Главного начальника Уральских горных заводов, главного лесничего. Из крупных учреждений можно назвать Уральское горное управление (во главе с П.П.Боклевским), Совет съезда уральских горнопромышленников, Общество уральских горных техников, Бюро совещаний Уральских химиков, Окружной суд, Пермское губернское пробирное учреждение, Проверочную палату мер и весов, Фабричную инспекцию, Акцизное управление, Екатеринбургское особое раскладочное по золото- и платиновой промышленности присутствие, Екатеринбургское особое горнозаводское раскладочное присутствие и др.

Ведала делами Екатеринбурга Городская Дума — всесловный орган, в котором верховодила торгово-промышленная буржуазия. Дело в том, что при выборах в Думу действовали высокий имущественный ценз, ценз оседлости и возраста. В соответствии с ними избиратели делились на три разряда — почетных и именитых купцов, меццан и ремесленников, причем права последних оказывались сильно ущемленными. Городская Дума определяла состав Городской управы во главе с Го-

родским головой. До 1902 г. им являлся Г.Г.Казанцев, а затем стал И.К.Анфиногенов. Городская управа состояла из нескольких комиссий — исполнительной, по заведованию электрическим освещением в городе, для рассмотрения сметы городских доходов и расходов, по железнодорожным делам, ревизионной и других.

Кроме того, делами Екатеринбурга занимались Городское полицейское управление во главе с полицмейстером, отделение Пермского губернского жандармского управления, Горно-полицейское управление, Управление уездного воинского начальника, Уездное по воинской повинности присутствие, Дворянская опека, Мещанская управа, Купеческое общество, Уездные земское собрание и земская управа.

У города были серьезные внутренние проблемы: перенаселенность, крайне стесненные жилищные условия части горожан, антисанитария. Во многом эти проблемы были связаны с недостатком средств. Городовые положения 1870 г. и 1892 г. существенно ограничивали источники местных доходов, которые шли в основном на содержание полиции, тюрем, образовательных, медицинских, ветеринарных учреждений, пожарных и других служб. Государственные органы усилили в начале XX века притязания на часть городских доходов, которых и так не хватало. Достаточно сказать, что в 1903 г. расходы Екатеринбурга (вторые по размерам в губернии после Перми) составили около 320,1 тыс. руб. и почти на 25,6 тыс. превысили доходы. Ни в одном из 15 городов губернии не было такого сложного положения, а 6 из них имели положительный баланс. Да и недоимки екатеринбуржцев в том же году по налогу с недвижимости составили 5634 руб. и оказались самыми высокими в губернии, а по государственному квартирному налогу уступали только Перми.

Из-за недостатка средств в Екатеринбурге остались нереализованными намерения Городской Думы в конце 1890-х гг. XIX в. создать трамвайное движение.

23 июля 1902 г. орган городского самоуправления объявил конкурс на составление проекта здания Екатеринбургского театра на 1200 зрителей. Осуществление его затянулось во многом по той же причине.

Много делалось для развития лечебных учреждений. А было их в 1903 г. более десятка, не считая пяти аптек. Наиболее крупными являлись городская больница (председатель попечительского совета А.М.Симонов), Рязановская, Железнодорожная и Тюремная больницы, Военный лазарет, несколько лечебниц и приемных покоев. В числе санитарных учреждений города были Микроскопическая станция, санитарная и химические лаборатории и химико-бактериологический кабинет. В Екатеринбурге в 1903 г. работали 27 частных врачей, 20 фельдшеров, 21 акушерка и оспопрививательница, 8 дантистов и 5 массажистов. Однако в целом медицинское обслуживание горожан было недостаточным, следствием чего являлась высокая смертность. Естественный прирост населения Екатеринбурга составлял в конце XIX в. всего 1,2%, а средняя продолжительность жизни его жителей не превышала 28 лет, хотя Городская управа расходовала на медицинские и санитарные цели больше, чем любой другой город Пермской губернии.

В начале XX в. город стал важным узлом коммуникаций, в связи с чем здесь с 1903 г. были размещены 214-й Мокшанский резервный полк и другие воинские части. С началом русско-японской войны они были направлены в Маньчжурию.

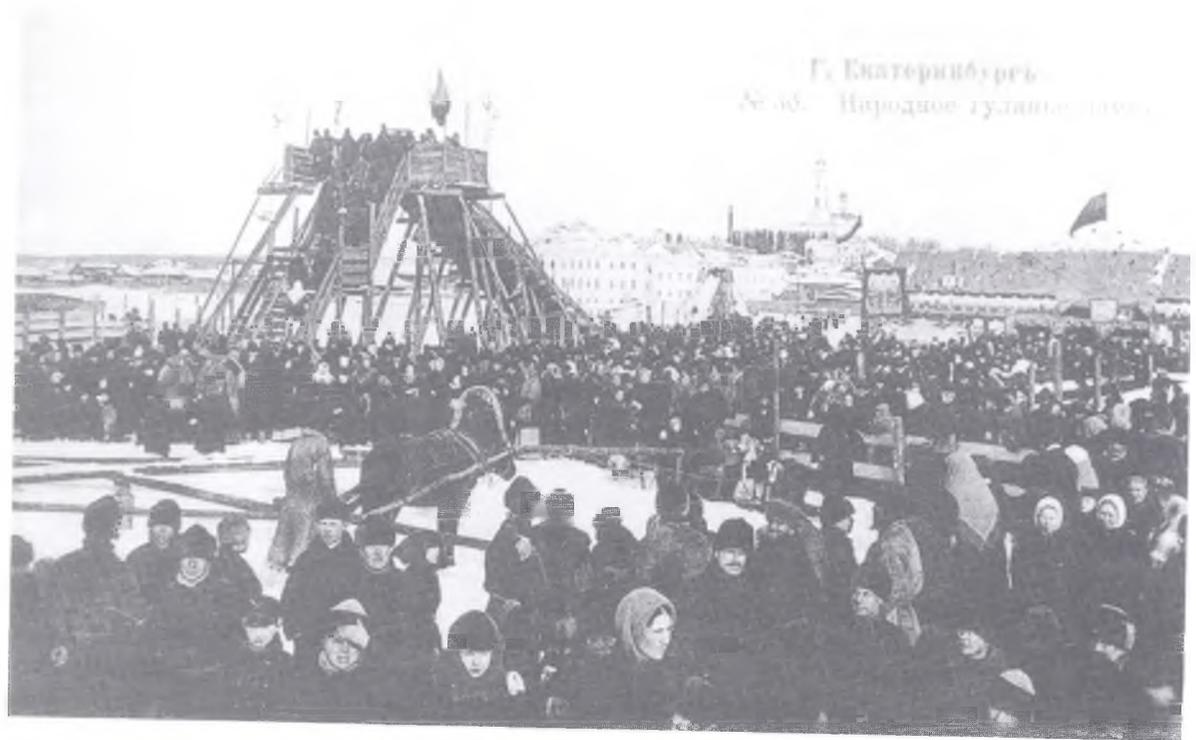
Динамизм экономической жизни

Строительство проходивших через город трех железнодорожных линий (на Пермь, Тюмень и Челябинск) сделало его крупным транспортным узлом и способствовало быстрому росту промышленности и торговли. В 1904 г., когда проводилась всероссийская перепись городов, выяснилось, что рыночные тенденции в развитии промышленности и ремесел в Екатеринбурге продолжали нарастать. Кроме гранитной фабрики и железнодорожных мастерских в городе имелось 19 ценовых заводов и фабрик с 2,7 тыс. рабочих и общей сум-

мой производства в 3,6 млн руб. Наиболее крупными среди них были завод Ф.Е.Ятеса, выпускавший локомобили, паровые машины и горное оборудование, суконно-ткацкая фабрика братьев Злоказовых, построенный в 1894 г. механический завод братьев Береновых, спичечная фабрика акционерного общества Ворожцова и Логинова, бумагоделательная и картонная фабрика Кудряшова. В городе работали также по два машиностроительных, кирпичных, лесопильных и салотопенных заводов, три конфетные, ватно-шерстяная, две канатные, льно-прядельная, макаронно-вермишельная фабрики, мельница, электростанция. Однако техническая оснащенность промышленности Екатеринбурга была слабой. В 1904 г. на всех его предприятиях было 16 паровых машин общей мощностью 823 лошадиные силы и 9 водяных колес. Часть предприятий, особенно мелких, пользовались конными приводами.

Видное место занимали в городе кустарные промыслы. В 1904 г. в Екатеринбурге было 321 ремесленное заведение с 1733 рабочими и учениками. В их числе гранитных и слесарных — по 31, портновских — 62, сапожных — 29, ювелирных — 21, малярных и экипажных — по 20, мебельно-обойных — 17, крендельно-пряничных и переплетных — по 16, столярных, токарных, прачечных — по 15, кузнечных и плотничных — по 9, чулочных — 13, скорняжных — 7. Эти цифры заметно возрастут, если учесть, что промышленное и кустарное производство Екатеринбургского уезда представляло одно целое с городом. Среди кустарей в Екатеринбургском уезде было около половины крестьян. Они в это время, как правило, потеряли самостоятельность и работали по заказам екатеринбургских магазинов и предприятий, снабжавших их сырьем и образцами изделий. Так, купцы Агафуровы и Перетц контролировали кружевной промысел в поселке Верх-Исетского завода, а он охватывал в 1908 г. 42 кустарных заведения. Общая сумма годового производства всех кустарей Екатеринбургского уезда составила в 1908 г. 2,8 млн руб.

В целом по масштабам производства промышленность Екатеринбурга занимала в 1904 г. третье место среди всех городов

*Народное гуляние зимой.
Начало XX в.*

*Базар на Уктусской улице.
Начало XX в.*

*Демонстрация врачей в «День борьбы за чистоту».
1900-е гг.*

*Уктусская улица. Здание казначейства.
Начало XX в.*

ЕКАТЕРИНБУРГЪ и Сосновина Пале-Рояль

*Гостиница «Пале-Рояль».
Начало XX в.*

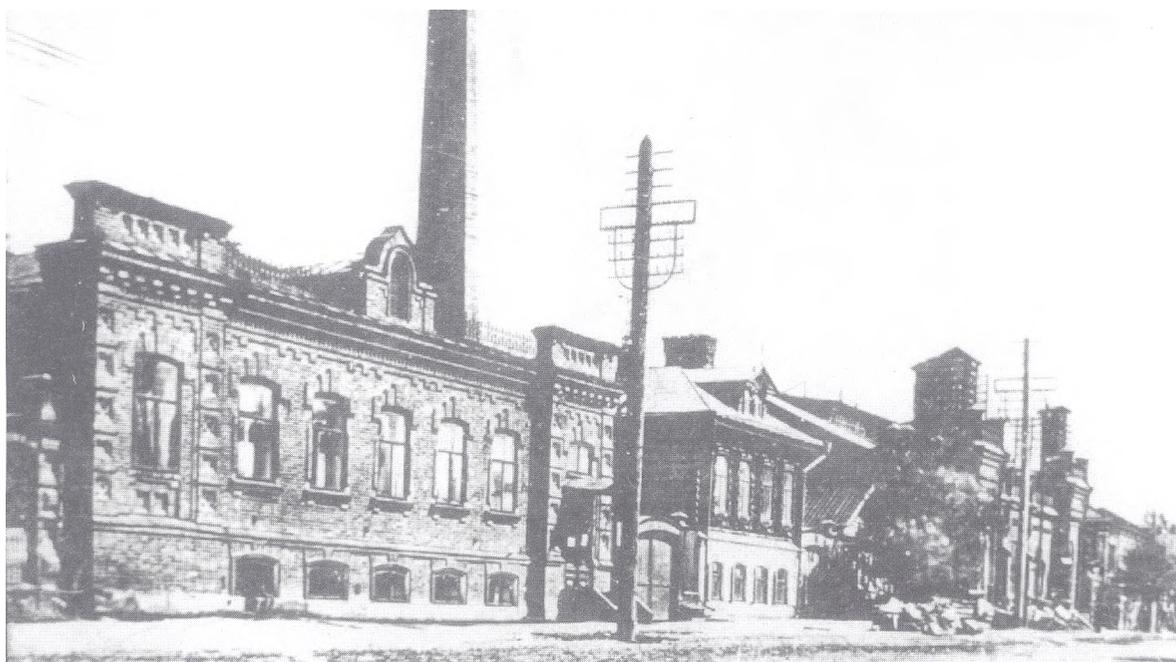
г. Екатеринбург. № 37,
Городской Думе, Покровский проспект

*Здание Городской Думы на Покровском проспекте (ул. Мальшьева).
Начало XX в.*

*Дом Жирякова на Кафедральной площади.
1890-е гг.*

*Общий вид электрической станции.
До 1917 г.*

России восточнее Волги, уступая два первых Самаре и Перми.

Со временем стал наблюдаться рост городской торговли, особенно в связи с увеличением населения Екатеринбурга, близлежащих сел и заводских поселков. Поднимались доходы горожан, изменялись потребности. В 1903 г. на территории города было зарегистрировано 505 торговых заведений с оборотом свыше 26,3 млн руб. Больше торговых предприятий было только в губернском центре — Перми, но оборот их значительно (на 7,5 млн руб.) уступал екатеринбургскому. Такое развитие торговой деятельности в городе во многом объясняется его центральным положением в крупном горнозаводском районе, а также близостью Сибири, откуда шли транзитные товары. Это привлекало в Екатеринбург большое количество торгово-промышленных фирм со всей страны и даже из-за рубежа. В 1903 г. число их представительств в городе составляло 25. Были среди них британские, французские, петербургские, московские, нижегородские, самарские и другие фирмы, товарищества, акционерные общества. Можно назвать среди них такие, как русское общество «Всеобщая компания электричества», «Франко-русское общество химических продуктов и взрывчатых веществ», акционерное общество «Вольта» и др.

Большинство торговых заведений в городе были мелкими, децентрализованными. Практически отсутствовала специализация крупных магазинов, торговых залов, складов. Правда, в начале века в Екатеринбурге было уже более десятка книжных магазинов и лавок, пять музыкальных магазинов. Специализированными были и ярмарки. Так, на Тихвинскую, проходившую с 20 по 26 июня, привозили холсты, на Петровскую (с 20 июня по 1 июля) пригоняли лошадей и рогатый скот, во время Екатерининской (с 18 по 26 ноября) торговали хлебом, рыбой, лошадьми, холстами и прочим. По средам и субботам в городе проходили торжки.

Рост промышленности и торговли в рыночной системе идет вместе с развитием кредитной, банковской системы. В Екатеринбурге она стала развиваться с 70-х гг., а в начале XX в. здесь работали почти два десятка банков, банкирских контор, кре-

дитных обществ, ломбардов и касс. В их числе контора Государственного банка, Дворянский земельный и Крестьянский поземельный банки, Городской общественный банк, отделения Сибирского торгового, Волжско-Камского коммерческого, Ярославско-Костромского земельного, Нижегородско-Самарского земельного и Кустарно-промышленного Пермского губернского земства банков. Их общий оборот в 1900 г. составлял почти миллиард рублей в год. Сумма значительная, но уступавшая оборотам кредитных учреждений других крупных городов России. Это было связано как с наличием пережитков крепостничества в экономике края, так и с отдаленностью города от крупных центров страны.

Обнадеживающие тенденции

В начале XX в. в Екатеринбурге был сделан важный шаг в развитии образования. Только в 1902 г. в городе открылись два учебных заведения — торговая школа и единственная в губернии художественно-промышленная школа (57 учащихся в 1903 г.), помощь в создании которой оказал глава правительства С.Ю.Витте. А всего в 1903 г. в Екатеринбурге было 33 учебных заведения, в том числе мужская и женская гимназии, Алексеевское реальное училище, Уральское горное, Духовное и Епархиальное женское училища и другие. При большинстве учебных заведений были общежития. Имелись тогда в Екатеринбурге воскресные курсы для взрослых, школы и курсы кулинарии, пения, рисования, лепки и резьбы на камнях. Кроме того, в городе было два десятка учителей музыки, пения и танцев, которые давали частные уроки. В апреле 1898 г. Екатеринбургская Городская Дума рассмотрела вопрос о создании высшего горнозаводского учебного заведения. Но сил на это не хватило.

В начале XX в. в Екатеринбурге было сосредоточено большое количество научно-образовательных и просветительских управлений и обществ. Это прежде всего Уральское общество любителей естествознания — УОЛЕ (с музеем), находившееся под покровительством Великого князя Михаила Николаевича. В 1904 г. УОЛЕ поддерживало связи с 144 отечественными

*Жилой дом (ул. Толмачева, 46).
Начало XX в.*

и 85 зарубежными учебными заведениями, имело богатейшую библиотеку на многих языках мира как по естественным, так и по гуманитарным наукам. Президентом общества был имевший международную известность почетный гражданин города А.А.Миславский, а почетным секретарем — О.Е.Клер. А.А.Миславский был доктором медицины и работал в Верх-Исетской больнице. Кроме того, он бесплатно обслуживал детские приюты и некоторые учебные заведения. С его именем связана деятельность в Екатеринбурге медицинских обществ.

Популярными в городе были Уральское медицинское общество, Общество попечения о народном образовании, Общественное собрание, Ремесленное собрание. Особое место занимали Магнитная и метеорологическая обсерватория, библиотека им. В.Г.Белинского — одна из 16 библиотек города.

Насыщенности культурной жизни екатеринбуржцев способствовало наличие в начале XX в. четырех театров и сцен в Общественном и Благородном собраниях, в железнодорожных мастерских, Музыкального кружка (председатель — Е.Н.Ожегова), а особенно Общества любителей изящных искусств (секретарь — В.А.Весновский). В нем было несколько отделов — литературный, драматический, художественный, музыкальный, кустарно-промышлен-

ный и фотографический. В сентябре 1900 г. здесь поставили оперы «Демон» А.Рубинштейна и «Аида» Д.Верди. Были в городе любительские театры и цирк, для которого возвели специальное здание. Широкую известность получило творчество местного художника А.К.Денисова, чья выставка открылась в ноябре 1900 г. в Екатеринбурге, а в 1902 г. — в Петербурге.

В 1903 г. в городе было 12 типографий, в которых печатались газеты и книги. Газет выходило четыре — «Урал», «Уральская жизнь», «Уральское горное обозрение» и «Екатеринбургские Епархиальные ведомости». В числе книг екатеринбургских авторов можно назвать сборник рассказов А.Г.Туркина «Уральские миниатюры», отмеченный А.М.Горьким, и поэтический сборник П.И.Заякина (П.Уральского) «Рассказы и песни уральца».

Нельзя не сказать о спортивной жизни Екатеринбурга в начале XX в. Она проходила в рамках Общества охотников конского бега (президент — Пермский губернатор Д.Г.Арсеньев), Общества правильной охоты, Общества велосипедистов и любителей физического развития, имевшего велодром в районе нынешнего Центрального стадиона. К спортивным организациям можно отнести городское отделение Российского общества сельскохозяйственного птицеводства и Вольное пожарное общество, состоявшее из

*Дом Трапезникова (ул. Р. Люксембург, 14).
Начало XX в.*

*Дом Общественного собрания
(ул. К.Либкнехта, 38). Начало XX в.
Архитекторы М.Л.Реутов и А.А.Федоров*

четырёх отрядов — лесничного, водоснабжения, охранного и трубногo. Члены этого общества помогали городским службам бороться с пожарами, которые были настоящим бедствием того времени. Так, в 1903 г. в Пермской губернии произошло 896 пожаров, из них 68 — в городах. Свыше половины городских пожаров (35) приходится на Екатеринбург. Но если в других городах выгорело 42 двора, то в Екатеринбурге — 17. Основными причинами пожаров были неисправные печи (10), неосторожность (8), поджоги (4) и др. По этим показателям Екатеринбург оказался на первом месте в губернии.

Наличие в Екатеринбурге крупных капиталов способствовало расцвету благотворительной деятельности, весьма распространенной среди российских предпринимателей того времени. В начале XX в. в городе было около двух десятков благотворительных учреждений и обществ, возглавлявшихся видными людьми Екатеринбурга. Выделялось среди этих организаций Убежище Красного Креста. Оно было учреждено при общине сестер милосердия для того, чтобы бесплатно дать временный приют беднякам, приходящим в город из деревень за медицинской помощью. Лекарства тоже отпускались бесплатно, за счет Комитета Красного Креста. Попечительницей Комитета была А.И.Дедюкина, а членами совета являлись

уважаемые люди, в том числе А.А.Миславский. Председателем Комитета по разбору и признанию нищих был Городской голова И.К.Анфиногенов. Широкой известностью пользовались детские убежища и «ясли» Благотворительного общества, детский приют купца М.А.Нурова и сирото-воспитательный дом С.А.Перова (185 детей), городская Александровская богадельня (содержала 189 человек), ночлежный дом (до 250 человек ежедневно), Дом трудолюбия (до 385 человек в день) и другие. Широкое распространение получили общества взаимопомощи (горных техников, приказчиков, ремесленников, учащихся).

Важную роль в жизни Екатеринбурга начала века играли Епархиальный комитет православного миссионерского общества, церковное братство св. Праведника Симеона, отдел Императорского палестинского общества и Епархиальный церковно-историко-статистический комитет. Возглавлял их епископ Никанор.

Настоящим бичом рабочего народа того времени было пьянство, поэтому одной из крупных общественных организаций города был Комитет попечительства о народной трезвости. В него входили Городской голова, руководители учебных, судебных, медицинских и других заведений и учреждений. Путем организации школ, курсов и различных мероприятий Комитет пытался бороться с порочным пристрастием некоторых горожан.

Революционные события

Общественно-политическая деятельность в Екатеринбурге, как и во всей стране, в начале XX в. была официально запрещена, но фактически сосредоточивалась в уездном земстве, органах городского самоуправления, редакциях местных газет («Урал», «Уральская жизнь», «Уральское горное обозрение»), УОЛЕ и других культурных, научно-просветительных и благотворительных организациях.

Продолжали антиправительственную деятельность народники и социал-демократы. С 1901 г. в Екатеринбурге действовала Восточная группа «Уральского союза социал-демократов и социалистов-революционеров». Активная роль в ней принадлежала представителю ЦК партии эсеров

Базар на Покровском проспекте (ул. Мальшева). Начало XX в.

на Урале Ю.П.Стрижову, дворянину В.И.Кисневскому, сыну золотопромышленника И.П.Тарасову, княжне М.А. Долгоруковой, сыну купца П.И.Швалко, акушерке Е.И.Клещевой, писмоводителю Ф.М.Моржакову. За полтора года работы от имени Восточной группы Союза было издано 17 номеров нелегальной газеты «Уральский летучий листок», номер «Хроники», 6 номеров журнала «Екатеринбургский учащийся», 13 брошюр. В конце 1903 г. Восточная группа Союза прекратила существование после ареста ее руководителей. При аресте были изъяты 6 гектографов и литограф, склад и архив нелегальной литературы.

В 1902–1903 гг. в Екатеринбурге вели нелегальную деятельность социал-демократы С.А.Черепанов, Н.И.Камаганов, А.М. Капустин, К.Т.Новгородцева, С.И.Залкинд, Н.А.Скрыпник, П.Г.Смидович и другие. Они подготовили создание Средне-Уральского комитета РСДРП, который стал инициатором образования единой общеуральской организации, оформившейся на областной конференции в Нижнем Тагиле в июле 1904 г. На ней был избран об-

ластной комитет РСДРП, располагавшийся в Екатеринбурге до ареста в декабре 1904 г. Вскоре он был восстановлен с помощью приехавших в город Н.Н.Замятина (Батурина) и Н.Е.Вилонова.

Подъем антиправительственного движения в 1905 г. в Екатеринбурге начался только весной, в мае, когда состоялось несколько крупных забастовок и демонстраций рабочих и торгово-промышленных служащих. В них участвовало около 12 тыс. человек. Следующая революционная волна приходится на октябрь 1905 г., когда в городе забастовали железнодорожники и рабочие ряда предприятий. 19 октября на Кафедральной площади (ныне — Площадь 1905 года) в Екатеринбурге во время митинга, посвященного царскому Манифесту о даровании свобод народу, произошло столкновение между правыми и левыми радикалами, в ходе которого два человека были убиты, несколько ранены. Вскоре после этих событий екатеринбургские эсеры, еще весной 1905 г. создавшие боевую дружину, объединили свои боевые силы с социал-демократами и анархистами и вместе с ними стали патрулировать ули-

цы города. Одновременно комиссия, избранная Городской Думой, начала сбор заявлений от граждан, желающих вступить в состав добровольной милиции по охране города.

В середине ноября в Екатеринбурге забастовали почтово-телеграфные служащие, все типографии, часть учащихся, многие заводы и фабрики. В ходе этой стачки возник Совет рабочих депутатов, который возглавил социал-демократ С.А.Черепанов. В его задачи входила координация действий забастовщиков, организация им всемерной помощи и т.п. В городе шли массовые митинги, на которых выступали представители разных партий. В их числе был социал-демократ Я.М.Свердлов, прибывший в Екатеринбург в конце сентября 1905 г. Он и другие революционеры призывали горожан к вооруженному восстанию против самодержавия, но те не откликнулись на авантюристские лозунги.

1905 год стал временем создания в городе многих политических партий. Летом в Екатеринбурге образовался отдел Монархического союза русских людей. 22 ноября возник Всесословный народный союз,

тоже придерживавшийся монархической ориентации. Он возглавлялся золотопромышленником В.О.Козицыным и был одной из самых крупных организаций по численности в городе. Второй по значению монархической организацией в Екатеринбурге был отдел Союза русского народа, создателями и руководителями которого были домовладелец А.И.Свинников и золотопромышленник Н.И.Козлов. Екатеринбургские монархисты издавали свои газеты — «Голос Народа» (1906) и «Знамя» (1907). Боевых формирований они не создавали, но участвовали в отпоре революционерам. За нападение на участников митинга на Кафедральной площади города 19 октября 1905 г. около 400 человек были привлечены к следствию, 24 предстали перед судом.

20 ноября 1905 г. в Екатеринбурге возникла организация консервативно-либеральной Партии правового порядка во главе с Главным начальником уральского горного управления П.П.Боклевским, присяжным поверенным П.В.Авиловым, нотариусом А.Н.Щипановым, зам. председателя окружного суда В.М.Базилевским. 21 декаб-

Учредители Общества уральских горных техников, г. Екатеринбург. 1890 г.

Зеленый рынок. Торговля посудой. Начало XX в.

ря была создана организация либеральной конституционно-демократической партии. Лидерами ее были земский врач, редактор газеты «Уральский край» А.М.Спасский, инженер-механик Л.А.Кроль, присяжный поверенный В.Н.Мамин. Численность этой партии в 1906 г. превышала 240 человек. В Екатеринбурге находился областной комитет КДП, который вел энергичную пропагандистскую работу. В ноябре 1906 г. в Екатеринбурге возникла организация либеральной Партии мирного обновления. Возглавлял ее врач В.А.Доброхотов. Печатным органом партии стала газета «Урал».

Крупнейшими политическими объединениями в городе были организации эсеров и социал-демократов. В конце 1906–1907 гг. каждая из них насчитывала свыше тысячи человек. Вместе с анархистами они после поражения вооруженных выступлений в декабре 1905 г. развернули партизанскую войну с властями. Их боевые отряды нападали на полицейских, экспроприировали

казенные денежные средства, типографский шрифт, оружие и т.п. Так, в декабре 1905 г. анархисты экспроприировали с Медного рудника 12 пудов динамита, часть которого передали социал-демократам для производства бомб. Вместе с эсерами они планировали в Екатеринбурге восстание весной 1906 г., но безуспешно. В 1906–1907 гг. в районе Екатеринбурга действовал отряд «лесников» В.Гусева, входивший в эсеровский Уральский боевой союз. Социал-демократы имели в городе подпольную инструкторскую школу.

На выборах в I Государственную Думу в начале 1906 г. в Екатеринбурге полностью прошел список кадетов. На выборах во II Государственную Думу они уступили социал-демократам, которые первые выборы бойкотировали. Распуск II Государственной Думы 3 июня 1907 г. принято считать концом первой русской революции, которая привела к частичной политической модернизации страны.

9. Перед бурей

Временное затишье

Введение в августе 1906 г. царским правительством жестких мер по борьбе с терроризмом означало переход к периоду стабильности, необходимой для продолжения экономической модернизации страны. Эти меры обычно связывают с именем великого реформатора, Председателя Совета Министров П.А.Столыпина. Он не был в нашем городе, но интересовался его положением, доброжелательно относился к его нуждам. Именно поэтому в начале ноября 1910 г. Екатеринбургская Городская Дума единогласно избрала П.А.Столыпина почетным гражданином Екатеринбурга. 15 февраля 1911 г., то есть за несколько месяцев до его гибели, император утвердил это решение.

Для установления порядка и спокойствия в растревоженной революцией стране Столыпин опирался на силовые структуры. На Урале во многих горнозаводских районах была учреждена вольнонаемная полицейская стража. Она усиливалась за счет вернувшихся из Маньчжурии воинских частей. Значительно вырос и Екатеринбургский гарнизон. В 1906 г. здесь находились штаб-квартира командира 2-й бригады 3-й пехотной дивизии, штаб и 6 рот 12-го пехотного Великолуцкого полка, батарея 12-й артиллерийской бригады. Вскоре к ним присоединились 214-й Мокшанский резервный полк, переведенный затем в Самару, 244-й Борисовский резервный батальон. 24 июля 1910 г. в городе торжественно встречали первый эшелон 213-го резервного Оровайского полка. Объединившись с 244-м резервным батальоном и другими подразделениями, он был преобразован в 195-й пехотный Оровайский полк и надолго остался в Екатеринбурге.

Спад революционной волны в России привел к кризису политических партий. В Екатеринбурге весной 1907 г. прекратили существование организации партий мирного обновления и правового порядка. В организации кадетов кризис начался еще в конце 1906 г. С июля 1907 г., когда в

Екатеринбурге состоялся губернский съезд конституционно-демократической партии, ее деятельность активизировалась, но осенью того же года последовал разгром областного комитета. В сентябре 1909 г. прошел судебный процесс над его членами. Кратковременный всплеск деятельности кадетов в Екатеринбурге наблюдался летом—осенью 1912 г. в связи с выборами в IV Государственную Думу.

Екатеринбургские анархисты настолько увлеклись экспроприациями, что выродились в уголовных грабителей. В октябре 1907 г. они были арестованы и предстали перед судом. Затем активность анархистов надолго прекратилась. Лишь изредка они откликались на отдельные события.

Социал-демократы в Екатеринбурге успешно участвовали осенью 1907 г. в выборах в III Государственную Думу, но в конце года были арестованы все члены комитета РСДРП: С.И.Дерябина, И.И.Кириевский, Н.А.Черданцев и другие. Однако партийные ячейки на предприятиях сохранились и продолжали свою деятельность, особенно в профсоюзах и других легальных организациях. Действовали и партийные кружки самообразования. Во второй половине 1908 г. екатеринбургский комитет РСДРП был восстановлен группой активистов во главе с типографским рабочим Л.И.Вайнером. В 1909 г. в городе насчитывалось около 100 членов РСДРП, но в ночь с 27 на 28 марта провокатором были выданы участники областной партконференции. Последовавшие затем аресты обескровили организацию. В 1910 г. она была восстановлена С.И.Дерябиной и С.А.Черепановым и развернула пропагандистскую работу. Однако в конце октября 1911 г. последовал очередной провал, и руководителей организации арестовали. Полиция обнаружила и две партийные библиотеки, насчитывавшие около 300 экземпляров различных изданий. В сентябре 1913 г. в Екатеринбурге состоялся судебный процесс по делу руководителей комитета РСДРП С.А.Черепанова, Е.А.Преображенского и других. Среди

Продажа дров возле Кафедральной площади. До 1917 г.

защитников был член Государственной Думы А.Ф.Керенский. Он произнес блестящую речь, которую опубликовала газета «Уральская жизнь». Подсудимые отделались относительно легкими наказаниями. В 1913 г. с помощью приехавшего в Екатеринбург члена ЦК РСДРП Ф.И.Голощекина деятельность социал-демократов в Екатеринбурге снова оживилась.

Монархические организации Екатеринбурга после окончания революции занимались в основном религиозно-просветительской деятельностью и организацией помощи малоимущим. Ими были созданы в 1907 г. Общество взаимопомощи членов Союза истинно русского народа, в 1908 г. — Общество потребителей, в 1909 г. — кружок ревнителей православия. Монархисты открывали дешевые столовые и чайные, магазины для бедняков, а в 1910 г. в городе появилась бесплатная библиотека-читальня, названная именем лидера Союза русского народа А.И.Дубровина. Среди членов монархических организаций был высок процент людей немолодых, малообеспеченных, неграмотных, а также деклассированных элементов. Их попытка создать в 1908 г. в Екатеринбурге ученическую организацию успехом не увенчалась.

Экономический подъем

Несмотря на трудности, связанные с революционными потрясениями, продолжала развиваться промышленность Екатеринбурга. Число заводов и фабрик увеличилось в 1910 г. до 27. В их числе в 1913 г. были 3 механических, 2 кирпичных, 3 лесопильных, 3 спичечных, 1 электростанция. Кроме того, 17 предприятий перерабатывали сельскохозяйственное сырье. На двух предприятиях города было занято свыше 500 человек, на пяти — от 100 до 300 и на 20 — менее 100.

Широкое развитие имели кустарные промыслы. Количество промышленных кустарных предприятий в Екатеринбурге в 1914 г. превысило 60. Столько же было заведений бытового обслуживания. Стоимость всей продукции, произведенной за 1908 г. кустарями города и уезда, составила 2,8 млн руб. При этом 586 семей занимались металлическими промыслами, 333 — сапожным, 285 — гранильным и камнерезным. Последний промысел давал и наибольшую прибыль. Следующими по доходности были сундучный и кожевенный промыслы, а по распространенности — древодельный и бондарный. Весьма при-

большими являлись гончарный, овчинный и маслобойный промыслы, а также шорно-седельный и мебельно-столярный.

Условия труда на мелких предприятиях были, как правило, хуже, чем на крупных. Так, в Уктусских гончарных заведениях, где было занято 116 человек, санитарная обстановка признавалась крайне неудовлетворительной. Освещение было скудным, заработок составлял 40—60 копеек в сутки. Чтобы зарабатывать больше многие гончары работали со своими детьми.

Развитию промыслов содействовала Екатеринбургская земская касса мелкого кредита, учрежденная в 1908 г. уездным земским собранием. Способствовала этому и сложившаяся в городе сеть сберегательных касс. Расширял свое влияние и крупный капитал: открылись отделения Русского для внешней торговли, Русско-Азиатского и Сибирского торгово-промышленного банков. Они действовали на территории всего уральского края и способствовали превращению Екатеринбурга в мощный экономический центр. Об этом свидетельствовал рост торгового оборота, достигший к 1913 г. 30,1 млн руб. В то же время значительно сократилось число мелких торговых заведений.

Численность населения города в годы экономического подъема увеличилась незначительно (всего на 2,1 тыс. человек) и составила в 1913 г. 76,4 тыс. Женщин в Екатеринбурге было на 3,2 тыс. меньше, чем мужчин. Прирост населения происходил в основном за счет притока извне, который был значительным и привел к перенаселенности и ухудшению условий жизни, дороговизне сдаваемого внаем жилья.

Совершенно неудовлетворительным было состояние городского коммунального хозяйства: отсутствовали водопровод и канализация, замощены были менее трети улиц. В 1913 г. был освещен 112 электрическими фонарями и 20 керосиново-капельными лампами только центр города. Остальные районы с наступлением ночи погружались в темноту.

В 1910 г. Екатеринбургская Городская Дума разработала план развития городского хозяйства, рассчитанный на 5—6 лет. К началу мировой войны в 1914 г. из-за дефицита средств он был реализован лишь частично: в 1912 г. открылся новый оперный городской театр (на 1500 мест), начато строительство нового гостиного двора и замощено несколько улиц. Однако их состояние оставляло желать лучшего, а меж-

Строительство нового городского театра на Дровяной площади (ныне Академический театр оперы и балета). 1911 г.

Молебен, посвященный закладке Нового гостиного двора в г. Екатеринбурге. 1914 г.

ду тем в городе стало развиваться автомобильное движение. В июле 1910 г. Городская управа распорядилась выдать всем владельцам автомобилей «особые номера», которые, по свидетельству газеты «Уральская жизнь», должны быть прикреплены на видном месте машины. В апреле 1912 г. Городская управа и дворянин В.Г.Ярутин заключили договор, рассчитанный на 10 лет, о развитии в городе автомобильного движения. Он давал Ярутину исключительное право на эксплуатацию в Екатеринбурге автомобилей, автобусов, омнибусов, платформ, карет и ландо с условием, чтобы «автомобили все были бесшумные или электрические». Была также установлена такса за проезд, определены маршруты и время следования автобусов и омнибусов. Начавшаяся в 1914 г. война помешала реализации этого проекта.

На должном уровне находилась в городе охрана общественного порядка. Его обеспечивали в 1912 г. три полицейские части, состоявшие из трех приставов и пяти их помощников, двух околоточных надзирателей и 108 городских. Не без их участия в Екатеринбургскую тюрьму было заключено 900 человек. Правда, рассчитано было это заведение не только на город, но и на территорию, обслуживавшуюся Екатеринбургским окружным судом.

После революции были сделаны новые шаги в развитии народного образования. В 1910 г. в Екатеринбурге было 28 низших и 9 средних учебных заведений, в которых обучалось 5313 человек. На 1 января 1913 г. в мужской гимназии числилось 550 учащихся, в реальном училище — 450, в духовном училище — 180, в торговой школе — 170, в женском епархиальном училище — 300, в двух женских гимназиях — 1235, в прогимназии Румянцевой — 320 человек. К 1917 г. количество учебных заведений в городе возросло до 40. В апреле 1910 г. Городская Дума постановила «возбудить ходатайство об открытии в г.Екатеринбурге высшего учебного заведения типа политехникума». Условий для этого было еще недостаточно, но шаги в избранном направлении делались. Так, 20 июня 1912 г. Министерство народного просвещения приняло решение об открытии в Екатеринбурге учительского института с городским училищем.

Во время и после первой русской революции значительно увеличилось число периодических изданий. В разные годы в Екатеринбурге выходили консервативно-охранительные газеты «Вечевой колокол», «Екатеринбургская газета», «Слово Урала», «Голос Урала», «Зауральский край», социал-демократические издания «Утро»,

«Уральская газета», «Уральский рабочий». Две из названных социал-демократических газет издавались нелегально. Резко увеличился выпуск листовок, особенно в период избирательных кампаний по выборам в Государственную Думу.

На предвоенный период приходится этап активной творческой деятельности екатеринбургского литератора П.И.Заякина (П.Уральского). В город приезжали известные деятели искусства, в том числе певец Л.В.Собинов. Широкий резонанс получили гастролы в 1908 г. в Екатеринбурге «Общедоступного передвижного театра» под руководством П.Гайдебурова. В новом городском театре популярными стали певцы Ульянов, Зубарев, Шульгина. В клубном саду Общественного собрания давались симфонические концерты. В здании старого городского театра открылся кинематограф.

На довоенные годы приходится начальный этап творчества екатеринбургских художников Л.В.Туржанского и И.К.Слюсарева, ставших видными русскими пейзажистами. В екатеринбургском сатирическом журнале «Гном» в период революции успешно сотрудничали талантливые художники А.Н.Парамонов и И.Д.Шадр (Иванов). Их графика выделялась художествен-

ным уровнем и демократической направленностью.

Широкое распространение получила в это время благотворительная деятельность. Так, в конце 1912 г. в богадельне получали помощь 175 человек, в детском убежище — 120, в Нуровском приюте — 50. 7 февраля газета «Уральская жизнь» опубликовала большую статью о сиротско-воспитательном доме С.А.Петрова, где находилось 200 человек. При нем имела богатая домашняя библиотека, выписывавшая детские журналы. По свидетельству газеты, для расширения благотворительной деятельности много делал Городской голова И.И.Симанов. Он, в частности, поддержал просьбу о регистрации в Екатеринбурге Общества зубных врачей, с которой в апреле 1913 г. обратился в губернское правление дантист А.В.Фролов, открывший вторую в России (после Одессы) зубную лечебницу с бесплатным приемом больных.

Общественная и культурная жизнь в городе после первой революции стала гораздо более насыщенной, разнообразной и содержательной. В Екатеринбурге стали проводиться автогонки, футбольные матчи. Летом 1911 г. состоялся первый полет аэроплана над городом. Осенью того же года в Екатеринбурге прошел I Всероссий-

Здание учительского института. До 1917 г.

Дом Дмитриева на Кафедральной площади. Начало XX в.

ский съезд старообрядцев, а весной 1914 г. — I окружной съезд инженеров Уральской горной области. 7 июня 1913 г. газета «Уральская жизнь» сообщила, что в городе на 10 дней «проездом остановился живой страус, пойманный в Африке». Горожане всего за 5 копеек могли посмотреть на невиданную здесь ранее птицу.

Спад политической активности, характерный для первых послереволюционных лет, с началом экономического подъема прекратился. А вскоре антиправительственное движение опять начало набирать силу. Екатеринбург втянулся в него в 1913 г. — первой половине 1914 г. Здесь бастовали приказчики торговой фирмы А.Ф.Второва, рабочие завода Ятеса и Верх-Исетского завода, Центральной электростанции и других предприятий. Оказавшийся в Екатеринбурге проездом 1 июля 1914 г. А.Ф.Керенский, находясь под негласным надзором полиции, провел в пригороде сходку эсеров, социал-демократов и беспартийных. Ее цель заключалась в разработке тактики совместных действий, направленных на активизацию антиправительственных выступлений. Однако об этом собрании узнала полиция. Его участники были обысканы и многие задержаны. Керенский избежал этой участи, так как пользовался неприкосновенностью как депутат Государственной Думы. Дальней-

ший подъем революционного движения прервала мировая война.

В годы мировой войны

Вступление России в первую мировую войну было встречено большинством уральцев патриотическим подъемом. 17 июля 1914 г. в Екатеринбурге стихийно состоялась патриотическая манифестация, в которой приняло участие свыше тысячи человек, а на следующий день на улицах города вновь появились манифестанты с национальными флагами, певшие патриотические гимны, скандирующие: «Да здравствует Россия и Сербия!», «Да здравствует Англия и Франция!», «Долой Австрию!», «Долой Германию!». Манифестации продолжались и на следующий день. Вслед за переименованием Петербурга в Петроград был поднят вопрос о названии города (вызывало протест немецкое слово — «бург»). В то же время инерция ожесточения забастовочной борьбы уральских рабочих в первой половине 1914 г., острота социальных противоречий в регионе, проведение мобилизации в разгар летних полевых работ, неукомплектованность сборных пунктов, закрытие казенных винных лавок и другие обстоятельства обусловили волнения мобилизованных запасных нижних чинов.

Особенно широкий размах они приобрели в Екатеринбургском уезде, где до 28 июля 1914 г. произошло 14 выступлений запасных. В ходе столкновения с полицией были убитые и раненые.

В связи с началом войны произошли существенные изменения в составе Екатеринбургского гарнизона. Уже в июле отправился на фронт 195-й Оровайский полк. На его базе был срочно развернут 335-й пехотный Ананский полк, который в августе тоже убыл на фронт. В течение осени 1914 г. в Екатеринбурге для подготовки боевых резервов были сформированы 108, 124, 126 и 149 запасные пехотные батальоны, развернутые в 1915 г. в запасные полки. В октябре 1914 г. в гарнизоне сформировали 291-ю Пермскую пешую ополченскую дружину, уехавшую на фронт в ноябре того же года. В 1915 г. здесь создали еще одну, 698-ю Пермскую пешую ополченскую дружину. Кроме того, в гарнизон входили штаб 47-й пехотной запасной бригады, 90-я особая Донская конная сотня, два отделения конного запаса, управление уездного воинского начальника, местная пехотная команда, 195-й сводный эвакуационный госпиталь, екатеринбургский мест-

ный лазарет, комендатура лагеря военнопленных и другие формирования и учреждения. Во время войны гарнизон Екатеринбурга непрерывно рос, достигнув к началу 1917 г. почти 40 тыс. человек.

Серьезные изменения произошли и в положении города. Около 10% его населения было призвано в армию. В Екатеринбурге — хозяйственном и политическом центре Уральского региона — были сосредоточены его главные экономические и политические учреждения. Помимо находившихся здесь Уральского горного правления и Бюро съездов горнопромышленников в городе были размещены организации и учреждения, регулировавшие военную экономику: Уральское заводское совещание, Управление уполномоченного особого совещания по топливу, Уральский областной военно-промышленный комитет (ВПК). Уральское заводское совещание — крупное местное отделение Особого совещания по обороне государства — приступило к работе в ноябре 1915 г. В его деятельности участвовали представители как министерств, так и местных буржуазных организаций: ВПК, Всероссийского земскогородского союза (Земгора), Екате-

Г. Екатеринбург

14 Реальное училище

Здание реального училища. Начало XX в.

Служащие Верх-Исетского завода. 1907 г.

ринбургского биржевого комитета. Председателем Уральского совещания был назначен главный начальник Уральского горного управления П.И.Егоров, заместителем — гласный Екатеринбургской Городской Думы, крупный промышленник А.И.Фадеев. Другой организацией, призванной осуществлять руководство мобилизацией частной промышленности Урала для нужд фронта, стал Уральский областной военно-промышленный комитет, созданный в июне 1915 г. в Екатеринбурге. Возглавил комитет председатель Екатеринбургской биржи член партии кадетов П.В.Иванов. Рабочая группа при областном ВПК была создана в мае 1916 г. под руководством лидера уральских кадетов Л.А.Кроля. В выборах в рабочие группы приняли участие около 35% рабочих Урала. Городская Дума и общественность города в сентябре 1914 г. заявили о присоединении Екатеринбурга к Всероссийскому союзу городов и создали местный комитет этого союза, занимавшийся организацией лазаретов, общественных столовых, яслей-приютов, а также сбором средств на нужды фронта, выплату солдаткам дополнительного (к казенному) пайка и т.д. Общественное собрание Екатеринбурга под председательством Н.Ф.Магницкого 11 августа 1914 г. постановило

отчислять процент от доходов клуба в пользу раненых воинов и их семей. Решение об оказании помощи семьям призванных воинов приняло в этот же день собрание мещанского общества Екатеринбурга.

Общественные организации, создававшиеся для содействия делу обороны, являлись центрами объединения и сплочения сил местных деловых и предпринимательских кругов, интеллигенции, всех активных сторонников обороны Отечества. В этом качестве деятельность патриотических общественных организаций выходила далеко за рамки города, охватывая Екатеринбургский уезд, а иногда и весь Средний Урал. Стараясь быть ближе к этим важным организациям, крупные банки и фирмы открывали в Екатеринбурге свои отделения и конторы. Большое значение приобрел город и как центр подготовки боевых резервов.

Поражения русской армии весной — летом 1915 г. вызвали в Екатеринбурге, как на Урале и в целом по стране, существенную трансформацию общественных настроений по вопросу об условиях и путях дальнейшего участия России в войне. Местные либералы выдвинули требования ликвидации засилья бюрократии, взаимодействия Государственной Думы и прави-

тельства, создания министерства общественного доверия, привлечения к сотрудничеству в деле обороны «всех живых общественных сил». Л.А.Кроль на общем собрании Уральского областного ВПК 16 января 1916 г. выступил против Уральского горнозаводского комитета, находившегося в Петербурге, так как «он преследует цели и интересы промышленников, а не интересы обороны». Только введение в состав ВПК общественных элементов, по мнению Л.А.Кроля, способно обеспечить беспристрастное, а не узкоклассовое ведение дел. Такая работа активно осуществлялась областным ВПК. В июле 1915 г. в Екатеринбурге состоялось собрание студентов, принявших решение создать организацию по оказанию помощи делу снабжения армии, получившую название «Бюро по организации кадров студентов в помощь организациям по снабжению армии». В нее вошли студенты Магницкий, Коровин, Чистосердов, Герасимов, Перетц, Мирмельштейн, которых Уральский областной ВПК использовал в качестве калибровщиков, чертежников, инструкторов.

В требованиях к правительству обеспечить политические условия подлинной мобилизации народа, всех общественных сил страны во имя победы с либералами смыкались социалисты-оборонцы. Газета «Уральская жизнь» в августе 1915 г. писала: «Настоящее правительство (обновленное только отчасти) не пользуется доверием со стороны общества и населения, которые необходимы для совместной работы по принятию решительных мер для защиты государства». В течение всего июля—августа 1915 г. эта газета критиковала не только правительство, но и Государственную Думу, полагая, что и она несет ответственность за неготовность страны к войне, плохую организацию дела обороны. Екатеринбургские меньшевики и часть эсеров выступали за участие рабочих в ВПК, исходя из необходимости политического союза с буржуазией для борьбы с царизмом, использования легальных возможностей защиты интересов рабочих и их классовой самоорганизации. В открытом письме председателя рабочей группы Уральского областного ВПК Л.А.Кроля говорилось о расколе в рядах уральских социалистов в вопросе об участии рабочих в выборах, отражающемся на их результатах, и не-

разборчивости большевиков в средствах борьбы против военно-промышленных комитетов.

Требования автономии и самоорганизации уральских рабочих как условий вхождения в ВПК были сформулированы на состоявшемся в июне 1916 г. съезде выборщиков от рабочих в Уральский областной ВПК по Екатеринбургскому уезду. Наказ рабочей группы ВПК был дополнен местными требованиями, включавшими в себя автономию рабочей группы в составе ВПК, созыв съезда уральских рабочих. Эти и другие вопросы, касающиеся положения рабочего класса и его участия в работе на оборону, планировалось обсудить 3—5 июля 1916 г. на областном съезде представителей ВПК и Земгора Пермской, Вятской, Оренбургской, Тобольской губерний и Тургайской области. Однако постановка вопросов о созыве съезда, организации примирительных комиссий, созданию Рабочего союза была запрещена полицией на том основании, что они не входят в компетенцию ВПК и нарушают закон об их учреждении.

В рядах городских партийных организаций социалистов (социал-демократов и эсеров) произошел раскол по вопросу об отношении к войне. В феврале 1915 г. в Екатеринбурге состоялось собрание социал-демократов, обсуждавшее вопрос о войне. Часть их выступила против войны и поддержки правительства, за активную антивоенную деятельность, другие — за поддержку правительства и дела обороны в условиях войны. В сентябре аналогичный вопрос обсуждался на екатеринбургском совещании большевиков и эсеров, также выявившем существенное расхождение в их позициях. Если большевики выступали с идеей поражения своего правительства, за «превращение войны империалистической в войну гражданскую», то эсеры поддержали Лондонскую декларацию социалистов стран Антанты, провозгласившую борьбу западных демократий с милитаристской Германией. Большевики Екатеринбурга занимали последовательную антивоенную позицию. 23 сентября 1915 г. в Екатеринбурге состоялось областное совещание работников большевистских организаций Урала, которым руководили Ф.И.Драбкина и Н.Н.Крестинский. В нем приняли

участие представители не только Екатеринбург, но и Перми, Челябинска. По вопросу об отношении к войне совещание выступило за разоблачение «всеми способами» оборончества меньшевиков и центристов, призвав бороться за свержение царизма путем всенародного восстания.

Антивоенная пропаганда велась большевиками через комитет помощи беженцам из западных областей, лавочную комиссию кооперативного потребительского общества, Союз печатников и другие легальные общественные организации Екатеринбурга, где они пользовались значительным влиянием. Результатами этой деятельности были срыв кампании по проведению займа на нужды войны на промышленных предприятиях города, бойкот печатниками города выборов в военно-промышленный комитет. Среди рабочих и служащих Екатеринбурга были подписчики и распространители легальных и нелегальных периодических изданий революционного направления, ведущих пропаганду демократического мира.

Нарастание кризисных явлений

Во второй половине 1915 г. в экономике города обозначились кризисные явления, обусловленные тремя основными факторами: недостатком топлива и сырья, перебоями в работе транспорта и нехваткой квалифицированной рабочей силы. В результате мобилизации железнодорожного транспорта для нужд фронта, его перегруженности резко сократились внутрирегиональные перевозки, что привело к тяжелому топливно-сырьевому кризису. Из-за недостатка сырья, топлива, материалов, квалифицированных кадров на ряде предприятий (заводах Ятеса и Береновых, фабрике Макарова и других) стало сокращаться производство, увольнялись рабочие. В этот же период в Екатеринбурге начинает расти безработица. Во второй половине 1915 г. до Урала докатилась волна беженцев из прифронтовой полосы. К ноябрю 1916 г. в Екатеринбурге и его окрестностях их насчитывалось около 4,5 тыс. человек. Когда в 1916 г. в городе открылась биржа труда, то за первые пять месяцев на ней зарегистрировалось около 5 тыс. безработных. В июне—августе 1916 г. ежемесячно регистрировалось 844

*Здание уездного казначейства
(ул. 8 Марта, 26). 1906 г.
Архитектор П.А.Заруцкий*

безработных, а в январе—феврале 1917 г. — более 1200 человек.

Другим фактором ухудшения социально-экономической обстановки в городе стали продовольственные трудности: перебои в снабжении и дороговизна основных продуктов питания, вызывавшие рост стихийного недовольства малоимущего населения. Начиная с середины 1915 г. город систематически испытывал перебои с хлебом. Характерно, что жизненный уровень населения на Урале и в Екатеринбурге понижался быстрее, чем в целом по стране. К 1916 г. реальная зарплата по России уменьшилась на 15%, а на Урале — на 32%. В Пермской губернии она уменьшилась в два раза по сравнению с довоенной, а продолжительность рабочего дня выросла на 1—1,5 часа. Цены на основные продукты питания на Урале к лету 1916 г. выросли в среднем в 3 раза, а к началу 1917 г. уже в 4 раза, в то время как заработная плата в 1,5 и 2 раза соответственно. Ухудшение социально-экономической ситуации порождало антивоенные настроения, усиливало социальную напряженность. Массовое стихийное возмущение дороговизной и перебоями в снабжении приобретало форму продовольственных волнений.

В конце мая 1916 г. власти города в ожидании продовольственных беспорядков проводили мобилизацию воинских частей.

Однако солдаты местного гарнизона, по данным екатеринбургского полицмейстера, проявляли нежелание подавлять беспорядки и выражали солидарность с требованиями народа. Так, в 108 запасном пехотном полку они заявляли, что «в случае беспорядков усмирять своих братьев не пойдут и стрелять не будут». Солдаты негодовали на торговцев «ввиду дороговизны», к чинам полиции относились враждебно, так как они «в защите Родины участия не принимают». В сентябре 1916 г. в Екатеринбурге произошло выступление женщин-солдаток против местных властей с требованием своевременной выдачи пособий. Они собрались у здания Городской управы и, угрожая ее разгромом, потребовали удовлетворения своих требований. Среди рабочих были сильны настроения в пользу погромов базаров и лавок с целью снижения цен, о чем систематически сообщали в своих донесениях с весны 1916 г. жандармские чины разных уровней. В распоряжении уполномоченного главноначальствующего Пермской губернии екатеринбургскому и верхотурскому уездным жандармским исправникам от 5 мая 1916 г. говорилось: «По имеющимся у меня сведениям, во многих заводских населенных пунктах заметно брожение среди населения в связи с дороговизной жизни. В предупреждение возможных беспорядков предлагаю усилить надзор за спекуляцией и организовать усиленную полицейскую охрану во время базарных дней». В Екатеринбурге наиболее вероятными очагами возможного восстания, по данным полиции и жандармерии, были завод Ятеса, фабрика Макарова и Ивановская мельница, которые были взяты под особое наблюдение. Была составлена специальная инструкция по подавлению беспорядков, определявшая «действия чинов полиции при первых признаках восстания, до вызова войск и расстрела».

Особенно ухудшилось положение в Екатеринбурге в конце 1916 г. — начале 1917 г. Военные и транзитные грузы поглотили почти весь подвижной состав уральских железных дорог, практически

прекративших коммерческие перевозки. Снабжение города хлебом происходило «с колес», так как запасы продуктов были исчерпаны. В рапорте екатеринбургского полицмейстера от 19 ноября 1916 г. сообщалось: «Приходится слышать, что настроение населения, в особенности среди рабочих, из-за дороговизны сгущается и надо ожидать неприятных результатов». В ноябре же уральские большевики провели совещание в Екатеринбурге, на котором присутствовали представители Верхней Туры, Кунгура, Ижевска, Невьянска. Центральным вопросом совещания был вопрос о войне, итогах Циммервальдской и Кинтальской международных социалистических конференций интернационалистов. Было решено поддержать платформу циммервальдистов и всеми средствами пропагандировать ее, агитировать против военного займа и вообще против войны. Вернувшиеся на места делегаты тиражировали и, насколько позволяли условия, приводили в исполнение директивы совещания. Эта их активность нашла следующее преломление в рапорте екатеринбургского полицмейстера от 19 ноября 1916 г.: «В г. Екатеринбурге учреждается какой-то ЦК (организационный комитет по созыву областной конференции. — Авт.), члены которого разъезжают по заводам на Урале и вербуют рабочих, призывая их к всеобщему бунту из-за дороговизны жизни и в видах скорейшего окончания войны». В циркуляре Особоуполномоченного по охране Екатеринбургского и Верхотурского уездов от 12 декабря 1916 г. отмечалось: «...Агитация среди рабочих усиливается, причем как на самих заводах, так и вне их: устраиваются собрания недовольных групп рабочих, коими секретно руководят принуждающие отдельные лица». Накануне Февральской революции в декабре 1916 г. большевики города подготовили для распространения на заводах прокламации с призывами к прекращению войны и всеобщему восстанию. В январе они готовили выступление, однако были арестованы.

РАЗДЕЛ IV
НА КРУТЫХ
ПОВОРОТАХ ИСТОРИИ

10. Революционный вихрь

Весенний ветер свободы

В дни Февральской революции в городе находился пермский губернатор, который попытался приостановить распространение информации о событиях в Петрограде. Он запретил печатать телеграмму Петроградского агентства в местных газетах, при этом разослал по губернии сообщения, что в Петрограде произошла не революция, а простая смена монарха. Однако информацию о событиях в столице скрыть было невозможно, и уже в начале марта народ полноправно распоряжался на улицах города. Из тюрьмы были выпущены политические заключенные, на сторону революции перешел гарнизон города.

После Февраля Екатеринбург стал центром политической жизни Урала. Здесь обосновались Пермский губернский комитет конституционно-демократической партии, областные комитеты партий социалистов-революционеров и социал-демократов-большевиков. В Екатеринбурге издавалось несколько общеуральских газет: либеральные «Зауральский край» и «Уральская жизнь», эсеровские «Думы Урала» и «Вольный Урал», большевистская «Уральская правда» (с сентября 1917 г. — «Уральский рабочий»). В марте 1917 г. на предприятиях города прошли выборы в Екатеринбургский Совет. Вскоре он объединился с образовавшимся самостоятельным Советом солдатских депутатов. Председателем объединенного Совета стал большевик — прапорщик П.М.Быков.

На одном из первых своих заседаний Екатеринбургский Совет декретировал введение в городе и уезде 8-часового рабочего дня для рабочих и 6-часового для служащих, обязав владельцев заводов и предприятий немедленно оповестить Совет об исполнении решения. Еще до образования Совета в городе 4 марта был создан Комитет общественной безопасности (КОБ) из 10 представителей Думы, 5 представителей войск и 11 рабочих, в числе которых было 7 большевиков (последние позднее вышли из состава КОБ). Его

следственная комиссия добилась ареста начальника жандармского управления по Екатеринбургскому и Верхотурскому уездам, отстранила от должности воинского начальника и обеспечила соблюдение порядка в городе. Под давлением демократических организаций была пополнена представителями народа Городская Дума.

Сосредоточение в Екатеринбурге главных сил большинства политических партий обусловило здесь особую остроту борьбы. Важнейшим вопросом было отношение к войне. Екатеринбургские кадеты выступали за ее доведение до победоносного конца. Аналогичную позицию занимало духовенство, считавшее, что только в этом случае «будет обеспечена свобода России и мирное строительство жизни на благо и счастье народа». Меншевики и эсеры, большинство народа разделяли идеи революционного оборончества. В принятой единогласно резолюции общего собрания рабочих и солдатских депутатов Екатеринбурга, состоявшегося 23 марта, содержалось решение присоединиться к воззванию Петроградского Совета «К народам всего мира» и требованию к Временному правительству не только отказаться от завоеваний чужих земель, но и открыто обратиться ко всем воюющим народам с предложением приступить к мирным переговорам на началах признания права наций на самоопределение.

Позиция уральских большевиков по отношению к войне была выработана на I (Свободной) социал-демократической конференции Урала, проходившей 14–15 апреля 1917 г. в Екатеринбурге. Они утверждали, что война носит империалистический характер, и «только отказ от всей внешней политики царизма и империалистической буржуазии и переход власти в руки пролетариата и революционной демократии изменит империалистический характер войны со стороны России».

Руководящие органы Советов, находившиеся в Екатеринбурге, до августа 1917 г. в целом поддерживали политическую линию Временного правительства, несмотря на

критику его действий по отдельным вопросам.

Однако уже апрельский кризис Временного правительства вызвал первую трещину в едином блоке оборонческих сил на Урале, идейное размежевание либералов и социалистов. 23 апреля солдаты Екатеринбургского гарнизона на собрании, посвященном обсуждению вопроса о войне, потребовали от Временного правительства «немедленного вступления в переговоры с союзниками и врагами для прекращения войны на условиях мира без аннексий и контрибуций, с предоставлением всем народам права на самоопределение...». «Но пока не заключен мир, — говорилось в решении собрания, — солдаты и рабочие должны оставаться на своих местах, чтобы закончить дело революции».

В последующие дни на прокатившихся по городу митингах солдаты требовали скорейшего окончания войны, немедленного опубликования международных договоров, отказа Временного правительства от территориальных захватов и контрибуций. Екатеринбургские кадеты в период апрельского кризиса распространяли воззвание своего ЦК, в котором обосновывалась и защищалась необходимость продолжения войны.

Размежевание политических сил

Катализатором идейного и политического размежевания борющихся общественных сил послужили события 3–4 июля 1917 г. в Петрограде, когда вооруженные солдаты, матросы и рабочие, вдохновляемые левыми радикалами, предприняли выступление против Временного правительства. На Урале они вызвали различную реакцию, включавшую противоположные оценки и суждения. Преобладающим настроением было осуждение большевиков как идейных вдохновителей антиправительственного мятежа в условиях кризиса власти и сложного положения на фронте.

В то же время большевистская организация Екатеринбурга возложила вину за события 3–4 июля на «социалистов-соглашателей», препятствовавших переходу всей власти к Советам. Резолюции митингов и собраний, организованных большевиками, осуждали действия Временного

правительства, призывали к переходу всей власти к Советам, прекращению «клеветы и травли большевиков», а в некоторых из них содержались требования «не читать газет погромного характера». В этих условиях II Уральская областная конференция РСДРП(б), состоявшаяся 14–16 июля в Екатеринбурге, приняла решение о подготовке к «новой революционной войне, неизбежной как вследствие внутреннего кризиса, так и ...ввиду нарастания на Западе пролетарской революции».

В результате неудачи летнего наступления русской армии и провала связывавшихся с ним надежд, затягивания войны, углубления внутреннего кризиса и ухудшения экономической ситуации к концу лета на Урале наметилась радикализация настроений значительной части рабочих и солдат, разочаровавшихся во Временном правительстве и лозунгах революционного оборончества. В такой ситуации большевикам и выступавшим с ними в едином блоке меньшевикам-интернационалистам и левым эсерам удалось обеспечить проведение своей линии на II Уральском областном съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, проходившем 17–21 августа в г.Екатеринбурге. В одной из резолюций съезд призвал передать всю власть Советам, «превратить войну империалистическую во всемирную гражданскую войну против империалистов всех стран», добиваться немедленного заключения мира.

Росту влияния большевиков и других левых радикалов способствовало выступление Верховного главнокомандующего русской армией Л.Г.Корнилова за наведение «порядка» в стране и доведение войны до победоносного конца. 1 сентября по инициативе областного Совета на Урале была проведена политическая забастовка, призванная продемонстрировать сплоченность революционных сил в борьбе с корниловщиной и любыми выступлениями контрреволюции. В ней приняло участие 110 тысяч рабочих 25 заводов, в том числе свыше 12 тысяч рабочих и служащих Екатеринбурга. Среди лозунгов бастующих были требования перехода всей власти к Советам, скорейшей ликвидации войны и заключения демократического мира.

Захват власти большевиками

Осенью 1917 г. в условиях экономической разрухи и кризиса власти произошла дальнейшая радикализация настроений рабочих, солдат и крестьян. В Екатеринбурге крайне обострилась продовольственная ситуация. Местные власти сообщали Временному правительству, что в городе «...хлеб выдается фунтами. Население местами недоедает, местами буквально голодает. Продовольственные организации осаждаются толпами из уездов, требующими хлеба. Положение самое серьезное, самое угрожающее. Беда близка, несчастье может разразиться каждый день». Выборы в Екатеринбургский Совет рабочих и солдатских депутатов, проходившие 15—25 октября, принесли победу большевикам. По важнейшим вопросам их поддерживали левые эсеры. Произошел поворот и в настроении солдат екатеринбургского гарнизона, перешедших к поддержке большевистских лозунгов. По итогам голосования на выборах в Учредительное собрание, проходивших в ноябре 1917 г., в екатеринбургском гарнизоне большевики получили 77,4% голосов, эсеры и меньшевики — 10,9%.

Телеграмма о ниспровержении Временного правительства и переходе власти в стране Советам пришла в Екатеринбург в ночь на 26 октября. Утром состоялось экстренное заседание исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов. На нем присутствовали также члены Уральского областного и Екатеринбургского окружного Советов. Исполнительный комитет объявил себя единственной властью в городе, лишив полномочий уездного и городского комиссаров Временного правительства. 29 октября при Екатеринбургском Совете рабочих и солдатских депутатов был создан Военно-революционный комитет, которому предоставлялись неограниченные полномочия в управлении городом.

Окончательно власть большевистского Совета в Екатеринбурге утвердилась в конце ноября. Одновременно шел процесс подавления политической оппозиции. Так, был закрыт систематически выступавший против большевиков печатный орган либералов — газета «Зауральский край».

Вслед за установлением власти большевиков осуществлялись так называемые социалистические преобразования, выражавшиеся главным образом в ликвидации частной собственности, упразднении прежних институтов управления и создании новых, советских структур, на деле всецело подчиненных партийным органам. Важнейшее значение придавалось идеологической обработке широких масс населения. Поскольку Екатеринбург стал центром обширной области — «красной столицей Урала», то решение собственно городских проблем в нем осуществлялось в тесном переплетении с областными.

Во главе большевистской организации Екатеринбурга стоял И.М.Мальшев. Председателем городского Совета до апреля 1918 г. являлся П.М.Быков, затем он был заменен С.Е.Чуцкаевым. Некоторое время продолжала существовать Городская Дума. Ее председателем с ноября 1917 г. был П.Л.Войков. В Думе состояли не только большевики, но и представители других социалистических партий и даже кадеты. Сохранялась и часть ее прежнего аппарата, имевшего опыт работы по обеспечению жизнедеятельности городского сообщества. Дума, ее управа старались поддержать на удовлетворительном уровне снабжение населения продуктами питания, в частности организовала обмен металлоизделий на сельхозпродукты в Троицком, Курганском и других уездах. В Швеции было закуплено оборудование и построены новые пекарни.

Но в феврале 1918 г. Городская Дума была ликвидирована. Ее функции перешли к исполкому Совета, который однако не мог в полной мере заменить городское самоуправление, которое на Урале было одним из наиболее дееспособных в России.

Начавшаяся в конце 1917 г. национализация крупных, средних, а потом и мелких предприятий проводилась на Урале наивысшими темпами, сопровождалась устраниением, арестами и расстрелами не только их владельцев, но и директоров, управленцев, инженерно-технического персонала. Все это приводило производственную деятельность в полное расстройство. В жизнь входил «военный коммунизм». Однако среди квалифицированных рабочих

постепенно стало нарастать недовольство действиями большевистского руководства.

Большую роль в укреплении своей власти большевики отводили силовым структурам. Важнейшим звеном областного и городского аппарата стали Красная гвардия, Рабоче-крестьянская милиция, Отдел горсовета по борьбе с контрреволюцией, наконец, областная Чрезвычайная комиссия, созданные под общим руководством Ф.И. Голощекина, ставшего комиссаром юстиции. Заместитель комиссара юстиции области Я.М. Юровский стал заместителем председателя областной ЧК. Была сформирована новая судебная система. Ф.И. Голощекин об этом вспоминал: «Был красочный момент, когда я, матрос Хохряков и кто-то из рабочих Верх-Исетского завода явились в суд, собрали всех членов, председателя и объяснили им, что мы, ничего не понимая в юридических науках, все же становимся во главе, чтобы организовать новый революционный суд».

3 марта 1918 г. был заключен крайне тяжелый для России сепаратный мир с Германией. Против такого мира выступили представители различных общественных сил — от давних сторонников продолжения войны до победы над Германией до сторонников революционной войны с «германским империализмом». Большинство уральской парторганизации разделяло эту позицию. В резолюции Екатеринбургской общегородской конференции РКП(б) отмечалось, что условия Брестского договора означают уничтожение завоеваний революции.

В то же время в связи с началом 18 февраля 1918 г. германского наступления 21 февраля Совет народных комиссаров призвал к защите Республики Советов от «полчищ буржуазно-империалистской Германии... до того момента, как поднимется и победит пролетариат Германии». На Урале этот призыв вызвал движение по мобилизации сил для защиты «социалистического Отечества», являвшееся своеобразным «вторым изданием» революционного оборончества. По всему краю создавались военные комиссариаты, штабы по вербовке добровольцев и формированию из них боевых отрядов и дружин Красной Армии, на заводах было возобновлено производство вооружения. В постановлении Екате-

ринбургского Совета говорилось, что «время слов прошло... сейчас место каждого рабочего и крестьянина в рядах Красной Армии, борющейся с бандами немецких белогвардейцев». Областной Совет профсоюзов Урала, Уральское областное бюро Всероссийского союза рабочих металлистов, областной Совет фабрично-заводских комитетов обратились с воззванием «Ко всем рабочим!», в котором содержался призыв к рабочим увеличить производительность труда на заводах, рудниках, шахтах, железных дорогах.

Развертывание гражданской войны

Тяжелейшие условия Брестского мира способствовали политической и военной консолидации противников Советской власти. Это создавало реальные предпосылки для широкомасштабной гражданской войны. Однако ее главной причиной было обострение социальных противоречий в российском обществе, не выдержавшем «перегрузок» первой мировой войны.

Вооруженные силы, гарнизон Екатеринбурга в январе - апреле 1918 г. претерпели кардинальные изменения. Части старой армии были расформированы, их личный состав демобилизован. На смену им пришли красногвардейские отряды, которые сражались под Оренбургом с казаками атамана А.И. Дутова. Одновременно в Екатеринбурге, раньше чем в других уральских городах, стали формироваться регулярные части Красной Армии.

Первая красноармейская часть была названа 1-м Уральским стрелковым полком РККА. Костяк полка составила екатеринбургская молодежь, преимущественно из рабочих. Тогда же был сформирован 1-й Екатеринбургский кавалерийский эскадрон, а при обкоме РКП(б) создана коммунистическая дружина, переименованная затем в 1-й батальон. Позже батальон был переформирован в стрелковый полк им. И.М. Малышева. Вместе с чекистскими и милицейскими командами эта часть несла охранную службу в городе.

В конце мая 1918 г. вспыхнуло антибольшевистское восстание чехословацкого корпуса, и война приобрела широкомасштабный характер. Резко активизировались

войска атамана Дутова. Вышли из подполья и приступили к боевым действиям контрреволюционные организации. Разгорались восстания крестьян, казаков и даже рабочих.

Руководство области и ее центра почти полностью сосредоточилось на решении военных вопросов, организации борьбы с чехословаками и белыми. 29 мая 1918 г. был образован Революционный штаб Уральской области и Екатеринбурга. Позднее был сформирован Военно-революционный комитет, по существу путем реорганизации штаба. Штаб (комитет) стал высшей властью области и города. Он незамедлительно объявил Екатеринбург на военном положении.

В городе ускорилось формирование вооруженных сил. 2 июня горкомом РКП(б) была объявлена мобилизация коммунистов. В нее включились комсомольцы — члены Социалистического союза рабочей молодежи. Многие коммунисты и комсомольцы проявили энтузиазм, а кто-то — инертность, стремление остаться в тылу. Руководство сочло, что сил мобилизуемых партийцев и добровольцев будет недостаточно, поэтому была объявлена и начата принудительная мобилизация. Основная часть екатеринбургских красноармейских формирований была направлена в район Челябинска—Златоуста.

Однако положение красных на Среднем Урале становилось все более трудным, несмотря на их большое превосходство в силах. Дело прежде всего упиралось в плохую организацию и невысокий моральный уровень красных бойцов, тогда как части белых, окрыленные первыми успехами, продолжали увеличивать силы и добивались все новых успехов. Прибывший в те дни в Екатеринбург представитель высшего руководства Красной Армии Р.И.Берзин констатировал: «Дела в Екатеринбурге печальные. Нет никаких сил, на которые можно было бы надеяться, все бегут с фронта. Боюсь, чтобы на днях Екатеринбург не пал. Рабочие относятся очень враждебно к Советам». Р.И.Берзин стал свидетелем состоявшегося 10 июня в Екатеринбурге и на ВИЗе мирного, но решительного многотысячного выступления рабочих, представителей других слоев населения, крестьян из ближайших сел и деревень

против политики большевиков. Митинг был обстрелян дружиной заводского поселка и разогнан. Многие его участники, а затем и не имевшие к событиям отношения состоятельные граждане были арестованы.

Тяжелое положение на фронте послужило причиной реорганизации управления Красной Армией в регионе. В июне 1918 г. был создан Северо-Урало-Сибирский фронт. В него вошли все вооруженные силы, действовавшие на Среднем Урале и в Зауралье. В оперативном отношении этот фронт входил в подчинение Восточного фронта, а с реорганизацией 20 июля стал частью 3-й армии. В Екатеринбурге был размещен его штаб. Город стал прифронтовым. Одни — жители-коммунисты и семьи многочисленных советских чиновников — боялись поражения красных войск, другие с нетерпением ожидали прихода избавителей — белых.

Крупного организованного антибольшевистского подполья в Екатеринбурге длительное время не было. ЧК, другие карательные органы старались в корне пресекать антибольшевистские действия. Для этого использовались провокационные средства, широкая агентурная сеть, тайная и наружная слежки, аресты при малейшем подозрении. Тем не менее тщательно конспирировавшиеся группы имелись, главным образом в Академии Генерального штаба, весной 1918 г. эвакуированной в Екатеринбург. Основная масса офицеров-слушателей, за исключением полутора десятков, в конце концов оказалась у белых.

Трагедия в доме Ипатьева

В конце апреля и в мае 1918 г. в Екатеринбург была перевезена семья бывшего императора Николая II, с августа 1917 г. находившаяся под охраной в Тобольске. Николая Александровича, Александру Федоровну, их сына, бывшего наследника Алексея, дочерей — Ольгу, Татьяну, Марию, Анастасию и несколько лиц из обслуживающего персонала поместили в окруженном двумя высокими заборами, хорошо защищенном особняке инженера и общественного деятеля Н.Н.Ипатьева. Несколько бывших придворных заключили во 2-ю Екатеринбургскую тюрьму.

Командующий Сибирской армией белых генерал-лейтенант Р.Гайда (в центре) с английскими офицерами на железнодорожной станции г. Екатеринбурга. 1919 г.

Семьей Романовых занималась специально выделенная «тройка» в составе Ф.И.Голощекина, П.Л.Войкова и Б.В.Дидковского, им активно помогали А.Г.Белобородов, Г.И.Сафаров, Я.М.Юровский и другие. Они ориентировались на физическое уничтожение царской семьи. Уехавший в конце июня в Москву Ф.И.Голощекин получил на это установку. 14 июля он вернулся в Екатеринбург. Вместе с ним, предельно конспирируясь, прибыл сотрудник ВЧК (работал в ней потом под вымышленной фамилией А.Е.Лисицын) с командой для контроля за подготовкой казни и ее проведением. На заседании узкого круга руководителей области — коммунистов — вечером того же дня было принято постановление, продублировавшее приказ центра об уничтожении узников ипатьевского дома не позднее 18 июля.

Подготовив экзекуцию и получив телеграфное согласие центра на ее выполнение, местные руководители в ночь с 16 на 17 июля совершили убийство бывшего царя и его семьи. Общее руководство осуществлял Федор Голощекин при участии Лисицына. Руководил непосредственно

расстрелом, а также лично участвовал в нем Я.Юровский. Расстреливали царскую семью Г.П.Никулин, прибывшие специально по распоряжению руководства чекист М.А.Медведев (Кудрин), военный комиссар ВИЗа П.З.Ермаков и его помощник В.П.Ваганов, начальник внешней охраны П.С.Медведев и несколько чекистов из внутренней охраны — А.Г.Кабанов и другие. Расстреляна была вся царская семья, а также обслуживавшие ее Е.С.Боткин, И.М.Харитонов, А.С.Демидова и А.Е.Трупп.

В те дни в городе были расстреляны еще несколько придворных и их слуг, а в районе Алапаевска убиты великие князья. По согласованию с Москвой в официальных извещениях говорилось о решении, принятом президиумом облсовета о казни лишь одного Николая Романова и эвакуации из Екатеринбурга членов его семьи. Мотивировалась внесудебная акция угрозой освобождения царской семьи. Однако на самом деле этого не было. Даже в последующие дни сохранялась реальная возможность эвакуации царской семьи в Пермь, а оттуда, при желании, и в Москву.

Под властью белых

25 июля красные оставили Екатеринбург. Боев в самом городе не было. Не все, но добрая половина населения отнеслась к этому событию с радостью. Епископ Григорий провел молебен. Если власть большевиков была практически однопартийной, строго централизованной, то у их противника дело обстояло совсем иначе. В восточных районах страны образовалось несколько правительств или организаций, претендующих на роль таковых. Наиболее влиятельными были Комуч (Комитет членов Учредительного собрания) в Самаре и Временное правительство Сибири в Омске.

13 августа 1918 г. в Екатеринбурге было образовано Временное областное правительство Урала под председательством биржевого и общественного деятеля кадета П.В.Иванова. Организатором и фактическим руководителем правительства стал член ЦК партии кадетов, ее лидер на Урале Л.А.Кроль. В правительство входили

и социалисты — от эсеров до меньшевиков, а также беспартийные. Оно в основном ориентировалось на восстановление демократической власти. Однако район действий правительства был ограничен освобожденной частью Среднего Урала. Остряки в его адрес злословили: «Правительство одного уезда!». Фактически хозяином положения были военные власти.

В сентябре 1918 г. в Уфе состоялось Государственное совещание представителей различных правительств и военных кругов, которое провозгласило и сформировало временное Всероссийское правительство — Директорию. Местным правительствам, в том числе Уральскому, надлежало войти в ее подчинение, постепенно свернуть работу в регионе и в ноябре самоликвидироваться, что в дальнейшем и было сделано. Директория разместилась в Омске, сделав местное правительство своим деловым аппаратом (Советом министров). Екатеринбург был выбран для работы Всероссийского Учредительного собрания. Собрание

Семья последнего российского императора Николая II

Парад частей Красной Армии у цирка Трущи в Екатеринбурге. После 15 июля 1919 г.

предполагалось открыть в начале 1919 г. при кворуме в 250–170 человек (без большевиков и левых эсеров), а до того должен был работать Съезд его членов.

Первое пленарное заседание Съезда состоялось 6 ноября. Однако сразу же выявились большие разногласия между его участниками. Следующее пленарное заседание обнаружило склонность некоторых эсеров левого крыла вступить в переговоры с большевиками, не признавать Директорию и т.д. Тем не менее работа во фракциях, в группах под руководством В.М.Чернова и В.К.Вольского продолжалась.

Но тут произошли события, которые «смели» Съезд, привели членов Учредительного собрания к новой трагедии. В Омске Совет министров 18 ноября 1918 г. силами военных сверг Директорию. Совершился правительственный переворот. Была установлена военная диктатура. Военно-морской министр этого правительства А.В.Колчак стал «Верховным правителем России».

Узнав об омском перевороте, руководители Съезда срочно провели пленарное

заседание, участники которого единогласно высказались за непризнание новой власти и борьбу с нею «всеми средствами». Однако военные выдворили их из города. Так Всероссийское Учредительное собрание, разогнанное большевиками в январе 1918 г. в Петрограде и собравшееся на съезд в Екатеринбурге, было разогнано во второй раз, уже окончательно. Екатеринбург явился местом его гибели. Реакция екатеринбуржцев на эти события была в большинстве случаев сдержанной или безразличной.

В расчете на успех весеннего наступления 1919 г. Колчак готовился перенести свою Ставку в Екатеринбург. Однако начавшиеся с конца апреля неудачи на фронте, тяжелое отступление войск заставили его отказаться от этих планов. В Екатеринбурге Колчак побывал несколько раз. Он уделял исключительное внимание субсидированию промышленности края. По словам Л.А.Кроля, «на уральские заводы лился, если не золотой, то кредитно-бумажный дождь». Промышленники получили до 900 миллионов рублей (по тому времени около 300 милли-

онов рублей золотом) субсидий и кредитов. Принимались меры по улучшению административно-технического руководства заводами, восстановлению сдельной оплаты труда. На предприятия направлялись и чешские инженеры. В городе побывали, познакомились с производством представители стран Антанты.

После занятия белыми Перми в январе 1919 г. был восстановлен пост гражданского руководителя (управляющего) губернией. В самом городе восстановили Думу с ее управой. Председателем Думы вновь стал П.А.Кронеберг, городским головой — Н.А.Лебединский. В подчинении городской власти находилась восстановленная милиция. В контакте с нею действовал Военно-уголовный розыск, а также уездная милиция.

Городское самоуправление свою работу строило в соответствии с отработанными до Октябрьского переворота нормами. С учетом военного положения решались вопросы, связанные с жизнеобеспечением города, хозяйственной деятельностью, развитием образования, культуры. Екатеринбург при белых выглядел почти презентабельно. Это отмечалось приезжавшими в него омскими министрами, в частности Г.К.Гинсом, иностранными дипломатами и военными. При решении некоторых масштабных вопросов, затрагивающих общие интересы города и уезда, проводились совещания с участием не только Думы, но и земцев, представителей кооперативных, профсоюзных и других организаций. Намеченные мероприятия затем совместно и реализовывались. Самоуправление вело борьбу с преступностью, самогонварением, чрезвычайно распространившимися в период гражданской войны по обе стороны фронта.

В Екатеринбурге при белых, как и при красных, все время шла работа по формированию воинских частей. Расформировывались или переформировывались полки, прибывавшие из других городов или отводившиеся с фронта. Гарнизон постоянно был многочисленным. Так, в середине февраля 1919 г. в городе дислоцировалось шесть пехотных и кавалерийских полков, а также другие части и подразделения. Кроме того, до отвода в Восточную Сибирь в разгар зимы в Екатеринбурге находились чехословацкие части, а с весны 1919 г. —

части Английской бригады (личный состав был преимущественно русским). Повседневная жизнь горожан протекала в тесном соприкосновении с военными. Одни возлагали на них надежды как на спасителей от большевизма, другие видели в них защитников интересов эксплуататоров.

Екатеринбург, находясь в достаточно глубоком тылу, все же не был избавлен от выстрелов, гибели людей. Гражданская война шла и в нем самом. Эта борьба велась как большевиками из подполья, так и белыми — прежде всего их специальными службами. В городе постоянно действовало несколько контрразведывательных служб.

Большевикам, имевшим большой опыт конспиративной работы, удавалось, хотя и с потерями, осуществлять эффективную подрывную деятельность в тылу противника. Они создали стройную систему руководства своим партийным подпольем, в том числе непосредственно в его фронтовых частях и соединениях.

При отступлении из Екатеринбурга в городе было оставлено несколько партийных групп. Однако часть из них скоро была выслежена, и их участники брошены в тюрьмы. Единая большевистская партийная организация в городе была создана только в январе 1919 г. В организацию входили не менее 100 коммунистов и сочувствующих им. В основе структуры лежали конспиративные «пятерки». Они имелись на всех крупных предприятиях (ВИЗе, заводе Ятеса, фабрике Макарова), на мельницах, в типографиях, среди железнодорожников, учащейся молодежи, в больницах, воинских частях, лагере военнопленных (венгров, немцев), в милиции. Поддерживалась связь с челябинским и сибирским подпольем, с рядом групп на Среднем Урале (в Сысерти, Полевском, Нижнем Тагиле, Туринске). Подпольщики добывали оружие, готовились к восстанию совместно с челябинскими коммунистами. Повседневная работа сводилась главным образом к агитации (устной и через листовки) против власти белых.

Эта агитация оказывала сильное воздействие на сочувствующих идее Советов, колеблющихся, уставших от многолетней войны, кровопролития, часто рассчитывавших на победу любой из борющихся сто-

рон. Исключительно большое значение имело разложение войск гарнизона. Формировавшийся в городе 46-й Исетский полк по прибытии на фронт отказался идти в наступление. В Екатеринбургском гарнизоне наблюдались рост дезертирства, неподчинение солдат офицерам, хищение оружия и боеприпасов. Большевистская агитация расшатывала положение военных и гражданских властей. В свою очередь их карательные органы усиливали работу по выявлению революционных организаций, осуществляли репрессии. В конце марта 1919 г. контрразведкой были получены сведения, на основании которых начались аресты подпольщиков. К концу апреля число арестованных — членов Екатеринбургской подпольной организации РКП(б) или подозревавшихся в принадлежности к ней — составило не менее 300 человек. 8 апреля была казнена первая группа из 8 человек, а затем несколько других. Единая организация прекратила существование, но отдельные группы, особенно среди железнодорожников, сохранились и продолжали работу.

Карательные органы белых по методам действий не столь уж сильно отличались от ВЧК. Применялись ими и пытки во время допросов, и массовые расстрелы. Арестам в Екатеринбурге, уезде подвергались сотни людей, особенно в рабочей среде. Город превратился в одно из крупнейших мест содержания арестованных, доставляемых и со Среднего, и с Западного Урала. Обе городские тюрьмы были переполнены. Заключенные размещались на гауптвахтах, в других специально оборудованных помещениях. Они недоедали, многие болели тифом и умирали. При эвакуации в июне-июле 1919 г. части заключенных в Сибирь конвойные осуществляли произвольные расстрелы. И все же повального истребления заключенных не было.

В целом же большевики-подпольщики, сочувствовавшие им беспартийные анархисты, левые эсеры Екатеринбурга существенно ослабили позиции белых властей. Хотя восстание в городе провести не удалось, в уезде формировались партизанские отряды, которые вели боевые действия. Во главе их стояли участники подполья, часть из которых была непосредственно связана с екатеринбургскими группами.

Вечером 14 июля 1919 г. в Екатеринбург с запада ворвались разведчики и передовые подразделения красных, а утром 15-го — в полном составе части 28-й стрелковой дивизии, которой командовал В.М.Азин. Несколько позднее в город вошла и 21-я Пермская стрелковая дивизия Г.И.Овчинникова. На рассвете закончилась последняя стычка с белыми на железнодорожной станции. Красных радостно встречала значительная часть населения города. На Кафедральной площади по этому случаю состоялся парад. В Екатеринбурге, как и на всем Урале, восстанавливался большевистский режим.

В конце августа 1919 г. состоялась Екатеринбургская конференция РКП(б), возродившая ее городскую организацию, избравшая комитет. В следующем месяце был избран городской Совет, первое заседание которого состоялось 22 сентября. Председателем его президиума стал А.И.Парамонов. Он, как и другие члены президиума, был, конечно, коммунистом. Существование враждебных, оппозиционных политических организаций в городе не допускалось, всякое инакомыслие яростно преследовалось. Бывшие эсеры и меньшевики или вступали в большевистскую партию, или объявляли себя беспартийными. Отдельные члены социалистических партий, как и другие лица, не приемлющие большевизма, переходили к глубоко законспирированной нелегальной работе.

Хотя официальный статус Екатеринбурга понизился с областного до губернского, он и теперь, с лета 1919 г., являлся неофициальным центром края. Здесь разместились многочисленные общеуральские органы и службы. В Екатеринбурге обосновался штаб 1-й революционной армии труда, в которую в январе 1920 г. была переформирована 3-я армия. Председателем ее Ревсовета назначил себя Л.Д.Троцкий, включивший в него и своего заместителя Г.Л.Пятакова. В апреле того же года было учреждено Уральское бюро ЦК РКП(б), руководившее работой екатеринбургской, пермской, челябинской, уфимской и тюменской губернских партийных организаций. Здесь же разместились бюро

Группа красноармейцев на железнодорожной станции Екатеринбург-1. 1919 г.

ЦК РКСМ, Уралпромбюро Высшего Совета народного хозяйства.

Характер политики возрожденной большевистской власти, еще более суровой, чем белая, горожане ощущали с каждым днем все явственнее. Шли обыски и аресты отказавшихся от эвакуации имущих слоев, интеллигенции, служащих, бывших солдат армии Колчака и красноармейцев, летом 1918 г. дезертировавших из своих частей. Разгруженные было тюрьмы вновь оказались переполненными. Определенная часть населения от проводившихся репрессий выигрывала. Так, 11 ноября 1919 г. городской Совет народного хозяйства распространил объявление: «... открыт прием заявлений от красноармейцев на переезд их из окраин города в благоустроенные квартиры бежавшей буржуазии». Переселялась в эти освобожденные и «освобождаемые» квартиры и часть рабочей бедноты, но главным образом — нарождающаяся местная номенклатура.

Почти все группы населения ощутили на себе волну голода, идущего из центральных губерний. Политика военного коммунизма с ее основополагающими составными — запретом частной торговли, изъятием у

крестьян «излишков» хлеба, распределением всего и вся по классовому принципу — ударила по всем, а особенно по непролетарским слоям. Некто Михаил Петрович, эсер, писал своим товарищам в сентябре 1919 г.: «К коммунистам вначале было очень хорошее отношение, встречали с распростертыми объятиями и считали их избавителями. Но дальнейшие действия коммунистов испортили все дело. Так, в Екатеринбурге свободная торговля два раза отменялась и вновь разрешалась, что вызвало массу неудобства и недоверия в крестьянстве, которое прекратило подвоз хлеба и цены на хлеб прыгнули до 320 руб. за пуд, на масло — до 80 руб. Главное — не стало хватать их...».

Но это было лишь самое начало новой жизни при большевиках. Положение с продовольствием катастрофически ухудшалось. В Екатеринбурге была введена карточная система. Население его, как и других уральских городов, в снабжении было поделено на 3 категории: 1) рабочие всех видов физического труда; 2) все виды служащих по найму; 3) «лица, эксплуатирующие чужой труд в целях извлечения прибыли», «служители религиозных культов», «лица без определенных занятий». Трактовать все это на практике можно было весьма вольно. В Екатеринбурге, например, в январе 1920 г. месячные пайки сводились в основном к выдаче муки, по первой категории — 36 фунтов, по второй — 25. Третья категория должна была довольствоваться на треть меньшей нормой, чем вторая.

Но дело осложнялось тем, что запасов и до этой нормы систематически не хватало. Скучным было и обеспечение топливом. Дрова выдавали только очень малой части населения, в частности «особо нуждавшимся красноармейским семьям». Городские организации стремились помочь голодающим рабочим через системы общественного питания. В октябре 1920 г. 13 рабочих столовых обслуживали до 15 тысяч человек. Дети рабочих получали питание бесплатно. И все же положение с питанием, особенно непролетарских слоев населения, стало просто критическим. Зато губерния по сдаче хлеба, увозившегося из нее, в 1920 г. оказалась на Всероссийской красной доске.

Другой бедой, спутницей гражданской войны, были болезни горожан, красноармейцев, особенно заключенных. Свирипевствовала эпидемия тифа. В начале 1920 г. им болел каждый десятый житель. Дело осложнялось тем, что чуть ли не все врачи (113 из 120) бежали из города с белыми. Часть больниц оказалась без белья, медикаментов, запасов топлива. Все эти проблемы пришлось спешно решать. Построено было много новых медицинских объектов, организованы курсы подготовки вспомогательного медперсонала. К концу 1921 г. в Екатеринбурге было 28 лечебных заведений, работали 59 гражданских и военных врачей, 32 фельдшера. Эпидемия сыпного тифа в городе почти полностью прекратилась.

Труднейшим делом стало налаживание промышленного производства, так как часть оборудования предприятий была увезена белыми. Для его восстановления применялись экстраординарные меры. В январе 1920 г. Совнарком издал Декрет о введении всеобщей трудовой повинности. В Екатеринбурге объявили мобилизацию трудоспособных мужчин в возрасте от 18 до 50 лет. На производство направлялись сотни коммунистов, которые должны были обеспечить трудовой революционный энтузиазм. Широкое распространение получили принудительно-добровольные субботники. К производству подключали бойцов трудармии, но это оказалось не очень рациональным.

Дело несколько улучшилось с приходом в Екатеринбург в середине февраля 1920 г. «вождя Красной Армии», председателя и Революционного военного совета Республики, и Первой трудармии Льва Троцкого. С ним прибыли инженеры, которых так недоставало. Имели значение его зажигательные речи и крутые организационные меры. В результате на производстве и транспорте произошли заметные положительные сдвиги. Вместе с тем во время пребывания в Екатеринбурге, других местах Урала Л.Троцкий разглядел стремительно нарастающее недовольство населения, включая рабочих и красноармейцев, политикой военного коммунизма. Это дало ему основание выступить с предложением об отказе от некоторых элементов военного коммунизма и «во что бы то ни стало вве-

сти элемент личной заинтересованности, т.е. восстановить в той или иной степени внутренний рынок». Но в тот момент предложение Л.Троцкого не было принято. И лишь в 1921 г. после Кронштадтского и других восстаний политбюро ЦК РКП(б) склонилось к введению «новой экономической политики».

Продолжающаяся гражданская война требовала от екатеринбуржцев не только промышленной, военной продукции, но и людей. Мобилизации и отправка людей в формируемые части, а затем на фронт следовали одна за другой. Одновременно шел сбор денег, одежды, обуви в фонд армии. Например, во время «Недели фронта» в конце января 1920 г. в Екатеринбурге было собрано 627 пар валенок, 51 пальто, 34 шубы, другие вещи и крупная сумма денег. Многие из собранного отправлялось на далекие теперь уже фронты, в том числе Польский.

Вокруг Екатеринбурга, на Среднем Урале и в смежных с ним районах происходили одно за другим вооруженные выступления крестьян, объединявшихся в отряды дезертиров. Крупнейшим в стране (по числу участников и району охвата) явилось крестьянское восстание в Западной Сибири и на Урале, начавшееся в Ишимском уезде Тюменской губернии. Затем оно распространилось на Камышловский и другие уезды Екатеринбургской губернии и продолжалось в некоторых местах до осени 1921 г. Против повстанцев были брошены регулярные войска, равнозначные примерно армии, а также чекисты, формирования коммунистов. Были задействованы и силы екатеринбургского гарнизона, каратели из Екатеринбурга.

В трудных условиях

Несмотря на тяготы гражданской войны, даже в условиях боевых действий на Среднем Урале, в Екатеринбурге не замирала культурная жизнь. Работал созданный в конце 1917 г. Уральский горный институт. Часть студентов уходила по мобилизации и добровольно в войска и красных, и белых, но большинство, бедствуя, с перерывами продолжали обучение. В последний момент существования власти белых большинство профессоров и студентов с частью

ценного имущества и книг во главе с ректором профессором П.П.Вайнмарком уехали в Сибирь, затем во Владивосток. Институт продолжил работу там и способствовал становлению на российской окраине высших учебных заведений.

На базе оставшейся части горного института (ректором был назначен профессор К.К.Матвеев), с трудом, но возобновившего работу, в 1920 г. открылся Уральский государственный университет (ректор — профессор А.П.Пинкевич). В первый учебный год в нем обучались около 1800 студентов и 612 рабфаковцев. Работали гимназии, переименованные в школы, Уральское горное училище, реорганизованное в политехникум (а затем даже в Уральский практический инженерный институт). Следует подчеркнуть, что при белых были прекращены идеологическая обработка учащихся, противопоставление одной части школьных коллективов другой. Восстанавливались на работе изгнанные или вынужденные уйти добровольно квалифицированные учителя. Высшим критерием оценки их работы становились знания и педагогическое мастерство. Но и у советской власти были весомые достижения в постановке образования. В частности, она много делала для ликвидации безграмотности и малограмотности. Для этих целей создавали чрезвычайные комиссии. На 1 января 1921 г. почти две трети жителей города были грамотными.

Развивались литература и искусство. В Екатеринбурге успешно функционировал Новый театр. При белых его труппа в основном ставила классику. Так, пресса восторженно писала об успешном исполнении П.П.Славцовым партии Фауста в одноименной опере Ш.Гуно. В 1919–1920 гг. артистов в театре оставалось немного. Лишь потом он возродился и расцвел. В советское время, когда всерьез обсуждался вопрос о запрете балета и оперы и закрытии театров этого профиля, в Екатеринбурге дело обстояло благополучнее. Опера выжила. Но большее внимание уделялось не ей, а драматическим кол-

лективам, конкретнее — революционному репертуару. Так, была поставлена пьеса старой уральской большевички С.И.Дерябиной «На заре нового мира». В то же время из репертуара изгонялся легкий жанр, чуть ли не весь считавшийся «пошлым». При губпрофсовете в Харитоновском доме в 1919 г. открыли студию-курсы режиссеров рабоче-крестьянского театра. В ней, в частности, обучались впоследствии крупнейшие советские кинорежиссеры Г.В.Александров (Мормоненко) и И.А.Пырьев. Примечательными были шаги по максимальному привлечению в театр трудящихся: 5–10% мест выделялось для бесплатного распределения через профсоюзы для их членов.

Развивалось и изобразительное искусство. Большой след в нем оставил талантливый скульптор С.Д.Эрьзя (Нефедов). Под его руководством работали Н.К.Слюсарев, Л.В.Туржанский, В.А.Кузнецов. В городе была организована художественная выставка, создавались студии изобразительного искусства. Художники принимали активное участие в оформительской работе, особенно в связи со второй годовщиной Октября. Но, увы, в той или иной степени и они повинны в снятии, уничтожении ценных памятников, установке собственных, далеко не всегда высокохудожественных произведений. Нельзя не упомянуть и о массовом переименовании улиц и площадей, что серьезно деформировало историческую среду в городе. В целом же гражданская война, начатая в октябре 1917 г., привела к колоссальным разрушениям и потерям, голоду, моральной деградации многих людей, психологическим смещениям, обесценила человеческую жизнь. Погибли многие тысячи екатеринбуржцев. Почти полностью исчез их элитный слой — предприниматели, лучшие инженеры, строители, юристы, люди искусства. В развале оказалась экономика, упало качество труда. Неисчислимыми были потери в культурной и духовной сфере, чему содействовали разрушение церкви и гонение на священнослужителей. Город вместе со страной проходил трудную полосу своей истории.

11. В годы новой экономической политики

К мирной жизни

Отгремели залпы братоубийственной гражданской войны. Пришло время залечивать ее раны. Но нелегким был переход к мирной жизни. В Екатеринбурге, как и повсюду в стране, свирепствовала разруха, стояли промышленные предприятия, замерла торговля, на грани развала находилось городское хозяйство, не работали учреждения культуры. Полуголодное существование, болезни, разгул преступности были обыденными явлениями. Ситуацию усугубляло тревожное ожидание того, как поведет себя новая власть. Положение еще больше ухудшилось зимой 1921/22 г. вследствие неурожая, который поразил Урал и сопредельные территории. В Екатеринбургской губернии голодали десятки тысяч человек. Рацион питания взрослого жителя Екатеринбурга на день составлял всего 2600 ккал, что равнялось 2/3 биологической нормы. Из-за голода и болезней катастрофические размеры приобрели заболеваемость и смертность. В 1922 г. в городе умерло 8 тыс. человек и было зарегистрировано 192,3 тыс. больных. Иначе говоря, каждый десятый житель умер, а остальные переболели более двух раз. В это время 6 тыс. горожан выехали из Екатеринбурга, спасаясь от голодной смерти.

Только отказ от жесткой командно-репрессивной системы «военного коммунизма» мог спасти от окончательного развала хозяйство российских городов. И большевистский режим частично пошел на это, провозгласив так называемую новую экономическую политику — нэп. После этого жизнь стала постепенно приходить в нормальное русло. Легализация торговли, попытки введения хозяйственного расчета на предприятиях стимулировали восстановление экономики города. В конце 1921 г. возобновила работу городская электростанция «Луч», а вскоре начал действовать самый крупный тогда в Екатеринбурге Верх-Исетский металлургический завод. Чуть позже вновь заработали заводы «Металлист» и «Сталькан». А через два года

уже действовало большинство предприятий города: завод «Машиностроитель», гранильная фабрика, деревообделочный завод, ряд предприятий пищевой промышленности. Кстати, последние вплоть до конца десятилетия давали большую часть промышленной продукции Екатеринбурга. В 1924 г. в городе насчитывалось 48 фабрично-заводских предприятий, на которых было занято 8,2 тыс. рабочих и служащих. Из них 40 предприятий были государственными, 4 кооперативными и 4 частными. Кустарно-ремесленная «промышленность» была представлена 23 артелями и 42 частными заведениями. Также имелось 405 кустарей-«одиночек». В это время Екатеринбург еще не был «центром индустрии Урала», как это нередко утверждалось. Если судить по структуре населения, то это был город служащих и торговцев. Так, в 1923 г. 35,7% его жителей составляли служащие (вместе с членами семей), 27,2% — рабочие. В городе насчитывалось более тысячи торговых заведений, персонал которых достигал 5 тыс. человек. Из них 40% работало в частных предприятиях. О роли торговли в жизни города свидетельствует и тот факт, что через него проходило до 40% торгового оборота Уральского региона. Причем с 1924 г. по 1928 г. он вырос почти в три раза и на порядок превысил соответствующие показатели дореволюционного Екатеринбурга. Свердловская товарная биржа являлась самой крупной на Урале: ее оборот был в 3,5 раза выше, чем у Пермской биржи.

Развитию торговли способствовало проведение во второй половине 20-х гг. ярмарок, имевших общероссийское значение. В них участвовало до 300 предприятий и организаций из многих регионов страны, а оборот составлял 45–50 млн руб. Характерно, что на 3-й Свердловской ярмарке среди участников было 20 иностранных фирм из стран Дальнего Востока и Средней Азии. Однако в связи со свертыванием рыночных отношений, переходом к централизованному распределению продукции проведение ярмарок прекратилось.

Статус губернского города, который Екатеринбург получил в 1919 г., позволил ему занять ведущие позиции в управлении экономикой всего региона. В Екатеринбурге разместились губернский совет народного хозяйства (а позже Уралоблсовнархоз), 6 общеуральских трестов и контора «Уралмета», одного из крупнейших в стране горнозаводского синдиката, отделения Госбанка и Промбанка, товарная биржа и т.д. Это предопределило решение советского правительства о создании в декабре 1923 г. огромной Уральской области, включившей в свой состав бывшие Екатеринбургскую, Пермскую, Тюменскую и Челябинскую губернии, с центром в Екатеринбурге.

Вскоре был поднят вопрос о переименовании города. По мнению властей, «... имя царицы терзало пролетарский дух». Правда, каким должно быть новое название города, единства среди его жителей не было. 6 марта 1924 г. в газете «Уральский рабочий» появилась информация «К переименованию Екатеринбурга». Рабочие ряда предприятий, отмечалось в газете, считали, «что имя тов. Свердлова многим совсем не известно, так как тов. Свердлов в легальных условиях работал очень недолго и в самом начале революции». Высказывались самые разные предложения по новому названию Екатеринбурга: Красноград, Реваншбург, Уралгород и даже Местиград (т.е. в честь казни Николая II и членов императорской семьи в Екатеринбурге). На следующий день горсовет создал специальную комиссию для решения данного вопроса. Заслушав итоги ее работы, городской совет 14 октября 1924 г. постановил ходатайствовать перед центральными властями о переименовании Екатеринбурга в Свердловск. 30 октября 1924 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение: «Основываясь на многочисленных постановлениях рабочих собраний и профессиональных и партийных организаций, разрешить переименование г.Екатеринбурга в г.Свердловск». Постановление Политбюро подписал И.В.Сталин. Наконец, 3 ноября 1924 г. Президиум ВЦИК утвердил решение горсовета. С тех пор на протяжении почти семи десятилетий город именовался Свердловском. Так он

был назван в честь Я.М.Свердлова — революционера-большевика, который вел революционную деятельность в городе в годы первой русской революции.

Повышение статуса города способствовало ускорению экономического подъема, формированию его социальной инфраструктуры. Так, городской бюджет в 1924/25 г. достиг довоенного уровня. К этому времени завершилось восстановление промышленности Свердловска. На 53 крупных и средних предприятиях города было занято уже 11,1 тыс. рабочих и служащих, а стоимость выпущенной за год продукции составила в 1927/28 г. более 43 млн руб. Соответственно увеличилось ассигнование на новое строительство и реконструкцию предприятий города — с 9400 тыс. руб. в 1926/27 г. до 15100 тыс. в 1927/28 г.

Особенности городского быта

Подъем промышленности и торговли, появление новых образовательных и культурных учреждений вызвали бурный рост численности населения Свердловска. В 1929 г. оно достигло 187 тыс. человек, увеличившись в два раза по сравнению с началом 20-х гг. Одновременно ухудшились жилищные условия горожан. На одного человека в среднем приходилось всего 4,3 кв. м жилья. Жилищную проблему горожане пытались решать «самостроем», самовольно, без разрешения застраивая пустыри. Так, на Московском торфянике в 1927—1928 гг. появилось 99 дощатых строений и 13 землянок. Такие поселения в народе называли «нахаловками». Президиум Свердловского горсовета неоднократно рассматривал вопрос о судьбе этих поселений. И, наконец, 8 августа 1928 г. принял решение в трехнедельный срок снести все строения в Московской «нахаловке». Причем лицам «без определенных занятий» и торговцам взамен никакой жилплощади не предоставлялось. «Классовая линия» в решении жилищной проблемы проявилась и в постановлении о выселении в административном порядке «нетрудового населения» из муниципализированных и национализированных домостроений.

Конечно, нельзя сказать, что ничего не делалось для улучшения жилищных условий. Еще в 1923 г. был утвержден гене-

Свердловская ярмарка. Вторая половина 1920-х гг.

ральный план развития города. Однако реально к его осуществлению приступили лишь через три года. В 1924–1926 гг. ежегодно в городе вводилось не более 20 тыс. кв. м жилья. В 1927 г. в его центральной части началось строительство четырех «домов горсовета» (50% квартир в них предназначалось для новой советской элиты — «ответственных работников», специалистов, командиров РККА). Всего за 1927–1928 гг. горожане получили уже 100 тыс. кв. м жилья, и несколько тысяч человек улучшили условия проживания. Однако несмотря на возведение новых домов, жилищная проблема продолжала обостряться, поскольку строительство жилья не поспевало за ростом населения.

Важные изменения в быту горожан были связаны с развитием системы общественного питания. Особенно активно она стала развиваться после введения карточной системы на основные продукты питания. В 1928 г. в городе функционировало 12 столовых, а через два года — 136. В основном это были заводские столовые, по существу представлявшие собой закрытые распределители. Тогда же была пущена первая в Свердловске фабрика-кухня на

60 тыс. блюд в день. Дальнейшее свертывание товарно-денежных отношений, карточная система распределения основных продуктов питания только стимулировали этот процесс.

Городское хозяйство и архитектурный облик

В начале 20-х гг. Свердловск испытывал недостаток в электроэнергии, не было водопровода и канализации, практически отсутствовал общественный транспорт. Решение этих проблем требовало больших средств, а у города их не было. Тем не менее сдвиги в развитии городского хозяйства были налицо. В 1927 г. вступила в строй первая очередь новой электростанции на Конном полуострове. Одновременно велись работы по строительству водопровода и канализации. В конце 1925 г. вступила в строй первая очередь водопровода на ВИЗе, а через год с небольшим вода была подана в центральную часть города.

Первый автобусный маршрут (Площадь 1905 года — оз. Шарташ) открылся в городе в июне 1924 г. Однако некоторое время автобусы ходили только летом.

Регулярным автобусное движение стало в мае следующего года, когда появилось два маршрута: от железнодорожного вокзала до ул. Фрунзе и от ВИЗа до станции Шарташ. В 1926 г. открылась третья линия — от ул. Челюскинцев до пересечения Восточной и Декабристов. 25 автобусов типа «Форд» (в народе их называли «собачьи ящики») перевозили до 5 млн пассажиров в год. Характерно, что в те годы городской транспорт был рентабелен и даже приносил небольшую прибыль. Любопытен и такой факт: с пуском трамвая автобусы перевели на пригородные рейсы. Лишь после Великой Отечественной войны возобновилось внутригородское автобусное движение.

Вопрос о строительстве в Екатеринбурге трамвая поднимался Городской Думой еще в 1910 г. и 1914 г. Первая мировая война и революция надолго отодвинули решение этой проблемы. Лишь в августе 1927 г. президиум Свердловского окружного исполкома принял решение о строительстве в городе трамвайного сообщения в две очереди: первая — протяженностью 30 км — должна была связать внутригородские районы, вторая — протяженностью 20 км — центр города с окраинами. Трамвайное движение было торжественно открыто в Свердловске 7 ноября 1929 г. Первая линия связала железнодорожный вокзал с Цыганской площадью (ныне пересечение улиц Щорса и 8 Марта). Появление общественного транспорта облегчило жизнь десяткам тысяч горожан, вынужденных ранее добираться до работы и возвращаться домой пешком по неблагоустроенным улицам города (даже в конце 20-х гг. лишь четвертая часть улиц Свердловска была замощена, на остальных в лучшем случае имелись деревянные тротуары).

Тем не менее архитектурно-градостроительный облик Свердловска менялся в лучшую сторону. В эти годы строится целый ряд новых общественных зданий: Деловой дом (Дом контор), Управление железной дороги, Деловой клуб, фабрика-кухня и др. Особенно следует отметить здание Управления железной дороги, построенное в 1928 г. по проекту архитектора К.Т.Бабыкина, которое долгое время считалось образцом советского административного сооружения. Не менее интересно в архи-

тектурном отношении и здание Делового клуба (архитекторы К.Т.Бабыкин, Г.П.Валенков, Е.П.Коротков; 1927), переданное позже государственной филармонии. Среди объектов социального назначения, возведенных во второй половине 20-х гг., следует назвать центральную баню и гостиницу «Центральная».

На подъеме

С окончанием гражданской войны начинается возрождаться культурная жизнь города, расширяется сеть образовательных и культурно-просветительных учреждений. Крупным событием не только для Екатеринбурга, но и для всего Урала стало открытие в октябре 1920 г. Уральского государственного университета в составе шести институтов и рабочего факультета (учебные занятия начались в январе 1921 г.). Несмотря на трудности становления, уже в первом учебном году в стенах университета обучалось 2500 студентов. В 20-е гг. преподавание в УрГУ вели видные ученые и педагоги: В.Е.Грум-Гржимайло, Е.Н.Медынский, Н.А.Рожков, И.А.Соколов, А.Е.Ферсман и другие. 1920-е гг. были периодом активного, нередко неоправданного экспериментирования, сопровождавшегося постоянной реорганизацией вузовской сети. В 1925 г. УрГУ был переименован в Уральский политехнический институт. Подготовку специалистов гуманитарного профиля фактически свернули. Материальные трудности, политика «пролетаризации вузов» приводили к тому, что большинство студентов отсеивалось в процессе обучения. Выпуски были крайне небольшими. Преследования «буржуазных» профессоров отрицательно сказывалось на уровне подготовки специалистов. Лишь в начале 1930-х гг. с восстановлением УрГУ, открытием педагогического, медицинского и других институтов Свердловск действительно превратился в крупный вузовский центр страны.

В 1920-е гг. шел процесс становления отраслевой науки на Урале. В Свердловске были открыты научно-исследовательские институты по обогащению полезных ископаемых, прикладной минералогии, древесины, экспериментальный институт сооружений, институт научной организации труда

(НОТ). Их деятельность имела большое значение для освоения природных ресурсов края, внедрения в производство новой техники и передовой по тому времени технологии.

Особое внимание уделялось ликвидации неграмотности, развитию школьной сети. Курсы ликбеза создавались при рабочих клубах и красных уголках предприятий. Однако «ударные темпы», «культпоходы», «культзаймы», другие агитационно-пропагандистские и административные акции не принесли в 20-е гг. ожидаемых результатов. Примерно одна треть взрослого населения Свердловска оставалась в течение всего десятилетия неграмотной. Более заметен был прогресс в охвате детей школьным образованием. Если в 1925/26 учебном году школу первой ступени посещали 66,2% детей в возрасте от 8 до 11 лет, то уже через год — 86,6%. Но лишь в 1930/31 г. в городе было введено всеобщее начальное образование.

Расширялась сеть культурно-просветительных учреждений, которые рассматривались властями как центры идеологического влияния на массы. Число клубов увеличилось с 13 в 1922 г. до 19 в 1927 г., библиотек за тот же период — с 29 до 79 (книжный фонд возрос в 1,5 раза). Особой популярностью у жителей города пользовалось кино. В 1922 г. 4 городских кинематографа посетило 340 тыс. зрителей, что составляло почти 5 посещений на одного горожанина в год. В 1927 г. в Свердловске работало уже 13 киноустановок.

Важное значение в идеологической работе среди масс советская власть придавала периодической печати и книгоизданию. Уже в августе 1919 г. возобновился выпуск газеты «Уральский рабочий», тираж которой стал быстро расти и достиг в середине 20-х гг. 45000 экземпляров. В 1924 г. в городе выпускалось 21 периодическое издание общим тиражом 153500 экземпляров. Самыми массовыми среди них были, кроме «Уральского рабочего», газета «На смену!» (13 тыс. экз.) и «Крестьянская газета» (11 тыс. экз.). На 1000 жителей города приходилось 300 экземпляров местных газет, что следует считать для того времени весьма высоким показателем. Однако качество газет оставалось низким. Помещаемые в них материалы были слиш-

ком политизированы, мало внимания уделялось насущным потребностям горожан. Статьи подвергались цензуре, которая особенно ужесточилась в конце десятилетия.

В 1920 г. в Екатеринбурге было создано Уральское отделение государственного издательства РСФСР (Уралгиз), специализировавшееся на выпуске общественно-политической литературы. Несколько позже открылось акционерное общество «Уралкнига», выпускавшее преимущественно художественную и научно-популярную литературу. Книга становилась все более доступной для массового читателя. Росла посещаемость библиотек. Эта положительная тенденция вошла в непримиримое противоречие с политикой властей, которые в середине 20-х гг. под предлогом борьбы с «правыми» и «левыми» оппозиционерами, «буржуазной идеологией» стали проводить чистки библиотек от «вредной» литературы, запретили издавать многие произведения отечественных и зарубежных писателей, философов и историков, представлявшихся «опасными» для тотального господства коммунистической идеологии.

Тем не менее литературная жизнь Екатеринбурга была весьма насыщенной и разнообразной. В первые годы нэпа в городе действовала Уральская литературная ассоциация (УЛИТА), объединявшая представителей старой интеллигенции. Вскоре образовались «левые» писательские организации — литературная группа «На смену!», Уральская ассоциация пролетарских писателей (УралАПП), в которые вошли в основном литераторы, стоявшие на строго «классовых позициях».

Сложным был путь становления нового театра. Театральные постановки пользовались у зрителей почти такой же популярностью, как и кинематограф. Этим во многом объясняется пристальное внимание партийных органов к творчеству театральных коллективов. Если в оперном театре, имевшем традиции и профессиональную труппу, в основном ставились классические русские произведения («Пиковая дама», «Евгений Онегин», «Садко» и др.), то в Пролетарском театре (Верх-Исетском народном доме), где работало несколько трупп, предпочтение отдавалось «революционной тематике» (пьесы «На заре нового мира» С.И. Дерябиной, «На

*Выступление В.В. Маяковского
в Свердловском клубе журналистов*

пороге великих событий» А.П. Бондина и другие). Безграничным революционным пафосом отличались постановки театральной труппы политотдела Первой Трудовой армии, Пролетарского театра Свердловского окружного отдела народного образования, пролеткультовского филиала Московского рабочего театра. Настоящую театральную культуру несли жителям Свердловска гастролировавшие в городе центральные театры: студия МХАТа (1925), Театр революции (1926), Ленинградский государственный Большой драматический театр (1927), театр имени МГСПС (Московского городского совета профессиональных союзов, 1929). Особый успех у свердловских зрителей имели спектакли по пьесам Б.Ромашова «Конец Криворыльска» и «Воздушный пилот» в постановке Театра революции, а также Д.Фурманова и С.Поливанова «Мятеж» коллектива театра имени МГСПС. Не лишённые налета идеологической заданности, эти постановки все же отличались подлинной художественной культурой, достаточно высоким уровнем мастерства актеров. Становление местных

профессиональных драматических коллективов относится к более позднему времени.

Не менее сложным был процесс развития изобразительного искусства. Противоречие между новым содержанием, навеянным революционной эпохой, и традиционными художественными формами оказало сильное влияние на творчество мастеров живописи и графики. В начале 20-х гг. рамки творческой деятельности художников оставались еще достаточно широкими. В жанре графики успешно работали А.Кудрин, А.Парамонов, А.Узких, в жанре живописи — И.Слюсарев, Г.Мелентьев и др. После печально известной резолюции ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» (1925) рамки творчества в сфере культуры и искусства значительно сужаются. Главным становится «служение» пролетарскому государству и партии большевиков, что в дальнейшем воплотилось в методе «социалистического реализма». В 1925 г. в Свердловске был организован филиал Ассоциации художников революционной России (АХРР), объединивший значительную часть мастеров живописи и графики. Принцип «партийности» был обязательным в творчестве входивших в АХРР художников. Революционные подвиги, трудовой героизм строителей социализма становятся основными в рисунках и пейзажах даже таких известных мастеров, как И.Слюсарев и Г.Мелентьев. Последний особенно много внимания уделял историко-революционной тематике. Достаточно вспомнить его картины «Арест Якова Михайловича Свердлова», «Митинг дружинников», «Мотовилихинское восстание в 1905 году». Областная художественная выставка, проходившая в Свердловске в 1928 г., ознаменовала собой рубеж утверждения в изобразительном искусстве позиций твердых сторонников «социалистического реализма». Живописный авангард — яркое явление отечественного искусства первой четверти XX в. постепенно сошел на нет.

Противоречия нэпа

1920-е гг. были важным этапом в истории Екатеринбурга—Свердловска, как и всей страны. Город залечил тяжкие раны революций и гражданской войны, стал ве-

душим торгово-посредническим, административным и культурным центром Урала. Качественные изменения происходили в городском хозяйстве. Новая экономическая политика позволила преодолеть разруху, но она не могла решить многие проблемы — как социальные и политические, так и культурные. Противоречия нэпа, и главное из них — между укреплявшей на всех уровнях свои позиции партийно-государственной номенклатурой и элементами рыночной экономики, в конечном счете привели к его свертыванию. Политические кампании 20-х гг. нашли свое отражение и в истории Екатеринбурга—Свердловска. Достаточно назвать такие явления, как борьба против сторонников «рабочей оппозиции» и троцкистов в 1921 г., разоблачение троцкистско-зиновьевской оппозиции в 1927 г. и «правых уклонистов» в 1929 г. Кто только ни побывал в Свердловске в период борьбы за власть в партийно-государственном руководстве страны: Троцкий и Калинин, Мрачковский и Рыков...

В большей степени политика новой власти задевала интересы верующих. Изъятие церковных ценностей во время голода 1921–22 гг., наступление воинствующего атеизма на религию и церковь в конце 1920-х гг., разрушение соборов и храмов — это действительно вызывало и явный, и тайный протест населения, поскольку деформировало традиционный уклад жизни. В 1927 г. часовня на Хлебной площади (в районе дендропарка) была передана окружному здравотделу для санитарной лаборатории. Спасскую церковь переоборудовали в кинотеатр, в Симеоновской церкви разместили школу, а в Синагоге — Урало-Сибирский коммунистический университет. Две часовни на ул. Троцкого (8 Марта) снесли под предлогом, что

они «препятствуют пешеходному движению и будут мешать работе по прокладке трамвайных линий». В 1930 г. были разрушены величественные Кафедральный и Екатерининский соборы. Вознесенскую церковь и Александро-Невский собор закрыли и передали под нужды краеведческого музея.

Острыми оставались и социальные проблемы. Среди них на первое место, кроме жилищной, можно поставить безработицу, носившую в 20-е гг. массовый характер. Действительно, если в 1923 г. на бирже труда Екатеринбурга состояло 2250 человек (10% от числа занятых в городе), то в 1928 г. — 7700 (почти 15% самодеятельного населения). Кризис хлебозаготовок 1928 г. и последовавшее за ним введение карточной системы резко ухудшили условия жизни свердловчан: унижительные многочасовые очереди, «товарный голод» и в то же время расцвет черного рынка, — все это на многие годы стало характерной чертой повседневной жизни. Снижение расценок и падение реальной заработной платы неоднократно вызывали протест со стороны рабочих. Так называемые «вольты» имели место на Верх-Исетском заводе, фабрике им. Ленина и других. В конце 20-х гг. начинается рост преступности в городе, вызванный обострением социальных проблем. Преступность вскоре превратилась в настоящий бич «соцгородков» — поселков, формировавшихся вокруг вновь возводимых «флагманов» советской индустрии.

И тем не менее 20-е гг. являлись не самым худшим периодом в истории Екатеринбурга—Свердловска. Город не остановился в своем развитии, он приобрел новый статус и новые перспективы. Впереди были годы первых пятилеток, неузнаваемо изменившие его облик и окончательно разрушившие былой уклад жизни населения.

12. Свердловск индустриальный

Ускоренное промышленное строительство

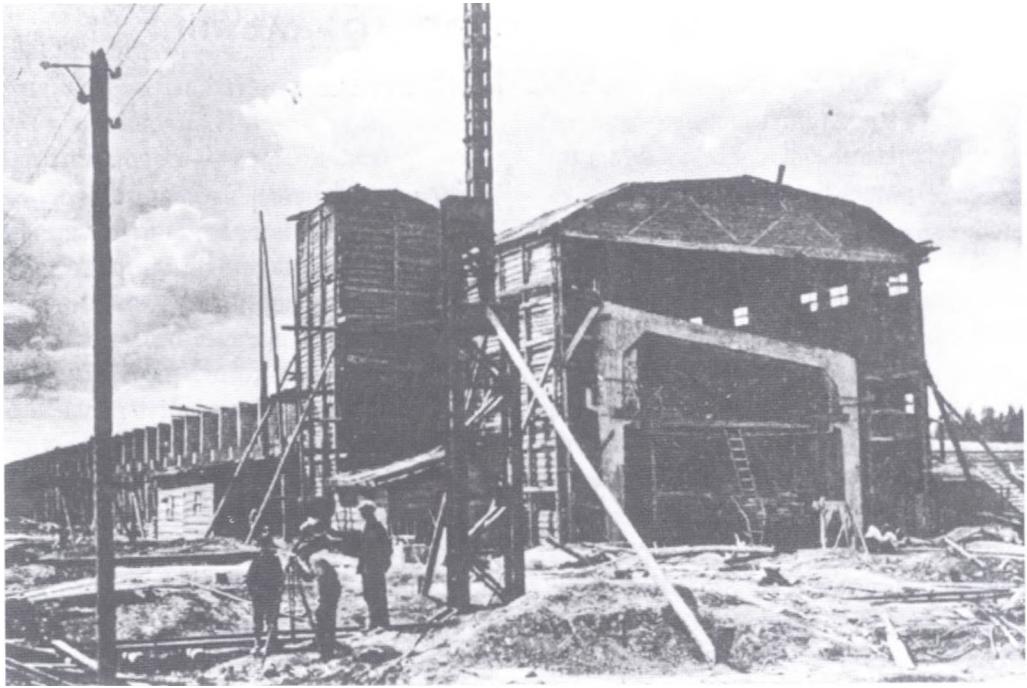
На рубеже 20—30-х гг. в стране окончательно утвердился режим господства одной партии, который, опираясь на сохранившийся еще революционный энтузиазм, но все более используя разветвленную сеть карательных органов, осуществлял большевистскую доктрину о строительстве социализма в одной отдельно взятой стране. В экономической жизни доминировала государственная собственность на орудия и средства производства и строго централизованное управление народным хозяйством. В 1927 г. благодаря нэпу промышленность, аграрный сектор, транспорт в основном восстановили дореволюционный уровень. Однако это уже не могло удовлетворить потребностей общества и государства. СССР сильно отставал от развитых стран. Промышленность находилась на низком техническом уровне, мелкотоварное сельское хозяйство базировалось на примитивной технике, изношенным был транспорт. В таких условиях жизненно важной проблемой для государства стало завершение индустриализации, начатой еще в конце XIX в.

В создание мощной промышленной базы на Востоке страны весомый вклад должно было внести строительство новых и реконструкция действующих предприятий в столице Уральской области — в Свердловске. Это диктовалось тем, что город имел благоприятное географическое и стратегическое расположение. Его развитая промышленность базировалась на имеющемся комплексе полезных ископаемых, кооперации с другими уральскими заводами. Свердловск был не только крупным индустриальным центром, но и важным железнодорожным узлом, связывающим Уральский регион с европейской и азиатской частями СССР. В конце восстановительного периода (1926) в нем насчитывалось 47 сравнительно крупных промышленных и свыше 1600 мелких и кустарно-ремесленных заведений, на которых труди-

лось около 10 тыс. рабочих. В городе были сосредоточены хозяйственные, инженерно-технические и научные кадры, здесь находились руководящие советские, партийные, хозяйственные органы Уральской области — Уралоблисполком, Уралобком ВКП(б), Облсовнархоз, Уралплан, Уралмет, Уралцветмет и другие.

Оптимальный вариант первого пятилетнего плана в целом по региону основывался на генеральном плане хозяйства Урала на период 1927—1941 гг., который был составлен Уралпланом с участием крупных ученых и специалистов. В нем учитывалась общесоюзная перспектива развития народного хозяйства и местные условия, определялось место и функции Урала в будущем союзном хозяйстве. Центральной задачей генерального плана и основным стержнем его содержания являлись определение оптимальных линий развития народного хозяйства, обеспечивающих повышение экономического и культурного уровня региона. Главное достижение его, как отмечали авторы, заключалось в концентрации и углублении идей, которые выдвигались на протяжении всего периода хозяйственного строительства на Урале. Уральский облисполком в июне 1927 г. не только одобрил, но и признал, что генеральный план дает «вполне правильное, согласованное с общей экономической политикой правительства, направление развития уральского хозяйства, и что намеченный планом размер вложений и темп развития уральского хозяйства соответствуют удельному весу Урала в хозяйстве Союза и общесоюзном значении уральских естественных и сырьевых богатств». Этот план был одобрен Госпланом СССР.

Поскольку ранее преобладало одностороннее развитие по преимуществу добывающих производств, то в планах первых пятилеток был принят курс на превращение Урала и особенно Свердловска в крупный центр машиностроения и перерабатывающих отраслей. В соответствии с этим правительство 3 июля 1927 г. приняло решение о строительстве Уральского завода

Строительство Уралмаизавода. Конец 1920-х гг.

тяжелого машиностроения (УЗТМ). В Свердловске было также запланировано строительство Уралэлектротяжмаша, Уралхиммаша, станкостроительного, шарикоподшипникового, экскаваторного и других заводов. Предполагалась реконструкция старых предприятий — «Металлиста», «Сталькана», «Машиностроителя» и других, которые должны были стать крупными заводами по производству машин и оборудования. По другим отраслям намечалось строительство пышминского медеэлектролитного, двух электростанций, заводов стройиндустрии, предприятий легкой и пищевой промышленности, реконструкция Верх-Исетского металлургического завода, льнопрядильной фабрики, а также фабрик «Одежда», «Обувь» и других.

Первые успехи в индустриализации были достигнуты в 1927–1928 гг. В конце 1927 г. вступила в строй новая электростанция на Конном полуострове Верх-Исетского пруда. На ВИЗе был сооружен цех динамного железа и трансформаторной стали, реконструирован ряд объектов на заводах «Металлист», «Сталькан», фабрике им. Ленина. Однако главной стройкой города стал Уралмаш. В феврале 1929 г. вступил в строй цех металлоконструкций, в

мае — ремонтно-строительный, затем ремонтно-механический, а также кирпичный и лесопильный заводы. Создав базу, коллектив «Уралмашстроя» в период первой пятилетки развернул широкомасштабное строительство завода-комбината.

Однако и без того высокие темпы индустриализации в начале 30-х гг. решили еще повысить. В конце ноября 1929 г. приказом Председателя ВСНХ В.В.Куйбышева назначается комиссия для пересмотра первого пятилетнего плана Урала. В мае 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О работе Уралмета», в котором была выдвинута задача создания на Востоке страны второго основного угольно-металлургического центра СССР путем использования богатейших угольных и рудных месторождений Урала и Сибири. Это решение было одобрено XVI съездом партии в июне 1930 г. В целом постановка такой задачи была прогрессивной, ее решение обеспечивало осуществление неоднократно поднимавшейся идеи создания Урало-Кузнецкого комбината. Запасы уральских железных руд, сочетание их с сибирскими и кизеловскими углями, лесными массивами, благоприятное географическое и выгодное стратегическое положение

обеспечивали все необходимые предпосылки для развития на Урале технически передового народнохозяйственного комплекса. Его намечалось создать ударными темпами. По сравнению с предыдущими плановыми заданиями в первой пятилетке выплавку чугуна предусматривалось увеличить в 3,5 раза, меди — в 3 раза, производство машиностроения и химических продуктов — в 4,5 раза и т.д. Потребность в капитальных затратах увеличивалась в 4 раза. Новые задания определялись для предприятий города. Мощность УЗТМ, который должен был производить оборудование для металлургических заводов, первоначально запланированная в 18 тыс. тонн продукции, теперь устанавливалась в 100 тыс. тонн с последующим увеличением до 150 тыс. тонн. Были пересмотрены задания и по другим предприятиям города. Это было волевое и амбициозное, ничем не обоснованное планирование, которое нарушало и без того напряженную работу «Уралмашстроя» и других объектов, вело к «авралам», систематическим субботникам, воскресникам, ночным сменам, сверхурочным работам, широкому привлечению труда заключенных, ссыльных крестьян, всех жителей города. Свердловск систематически испытывал дефицит финансов, стройматериалов, оборудования, квалифицированных кадров. Тем не менее «штурмовые» методы зачастую рассматривались как единственно возможные в преодолении трудностей, подавались как высшее проявление трудового героизма. Но нередко они приводили к плохому качеству работ, многочисленным переделкам, авариям и высокому травматизму. Из-за этого на Уралмашстрое даже сгорел построенный в 1931 г. механический цех. Чтобы снять с себя вину, партийные органы обвинили в поджоге вредителей — «классовых врагов».

Типичным примером подобного подхода являлась организация по решению партийных органов «сорокадневного штурма» на Уралмашстрое. На всех строительных участках прошли собрания, на которых были приняты обязательства об увеличении рабочего дня на 2–3 часа, встречные планы, обязательства повысить производительность труда и сократить прогулы. Вновь было организовано 370 ударных бригад, созданы штурмовые колонны энту-

зиастов, которые направлялись на участки, где обнаруживалось отставание или прорыв. 36 агитколлективов, куда входили 549 агитаторов, ежедневно мобилизовывали строителей, рассказывали о ходе выполнения принятых повышенных заданий, подгоняли отстающих. Благодаря этим мерам были выполнены производственные задания и введены в строй два крупных цеха — чугунолитейный и сталелитейный.

С середины 1930 г. по 1933 г. правительство приняло 27 постановлений о мероприятиях по ускорению строительства предприятий Урала, и в том числе УЗТМ. Стройка была названа ударной. Учитывая место УЗТМ в планах индустриализации страны, центральные партийно-государственные органы уделяли строительству самое пристальное внимание. По их решению для строящегося завода была закуплена иностранная техника, главным образом в Германии, приглашены иностранные специалисты и рабочие, в том числе инженеры А.Вагнер, Ю.Вебер, Н.Гимельман и др. Контроль за ходом строительства

Митинг на площади Первой пятилетки. На трибуне директор УЗТМ А.П. Банников и нарком по военным и морским делам К.Е. Ворошилов. Сентябрь 1930 г.

Приезд наркома тяжелой промышленности СССР С.Орджоникидзе на Уралмашзавод. Август 1934 г.

УЗТМ регулярно осуществляли Уралобком и Свердловский горком партии, которые мобилизовывали население области и города в помощь стройке. С июля 1932 г. на стройплощадке завода ежедневно трудились 6–7 тыс. жителей города и окрестных колхозов. Состояние дел систематически освещалось на страницах центральной и местной периодической печати.

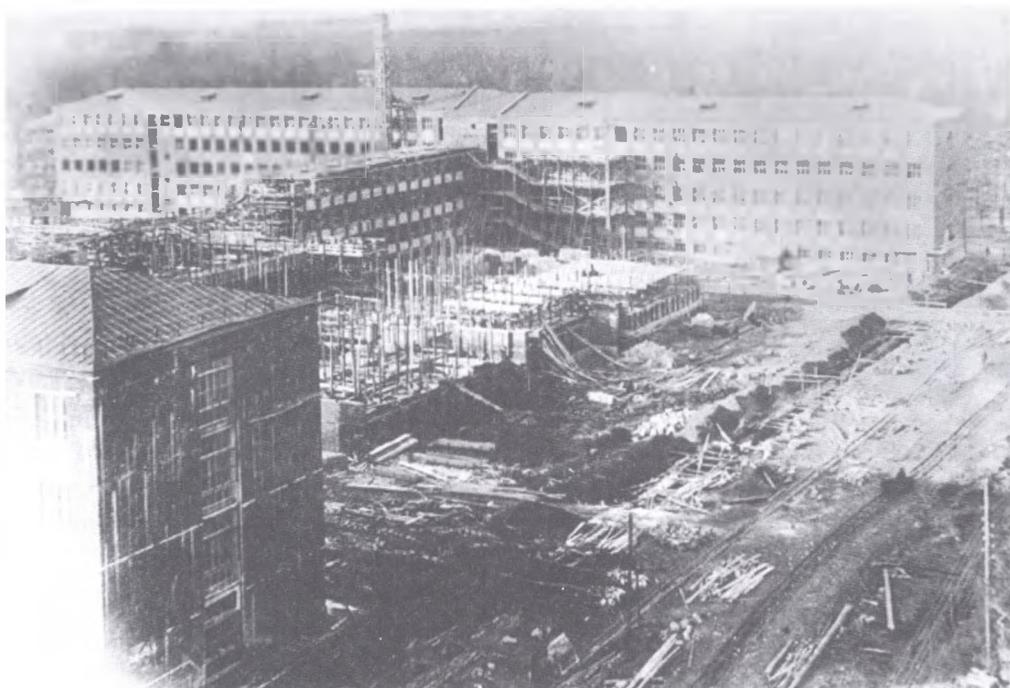
В итоге невероятного напряжения сил объем работ на стройке удалось в 1932 г. увеличить втрое по сравнению с 1929 г. Оценивая строительство УЗТМ, главный консультант немецкой фирмы «Демаг» особо отмечал, что такой исключительный завод строили самоотверженно, без механизмов, причем даже в тридцатиградусные морозы. УЗТМ (первая очередь) вошел в строй действующих 15 июля 1933 г.

В 30-е гг. кроме УЗТМ в городе возводился еще ряд крупных промышленных предприятий. В январе 1935 г. вошла в строй первая очередь Эльмаша — завода по производству электроаппаратуры. В 1940 г. стал действующим турбомоторный завод, а в мае 1941 г. он выпустил первую турбину. К этому времени были также построены станкостроительный (первая очередь) и шарикоподшипниковый заводы. Пуск заводов тяжелой индустрии резко увеличил потребление энергоресурсов. Поэтому в начале 30-х гг. была сооружена ТЭЦ Уралмашзавода, несколько позднее — Средне-Уральская электростанция. Определенное развитие получили легкая и пищевая промышленность. Были построены фабрики «Одежда»,

«Обувь», мясокомбинат, завод по переработке молока и др.

Значительной технической реконструкции подверглись действующие предприятия города. Среди них главное место занимал Верх-Исетский металлургический завод (ВИЗ), поскольку он был основным поставщиком стали и железа для предприятий машиностроения, но его устаревшая техника и далеко не совершенные технологические процессы не удовлетворяли возрастающим потребностям в качественном металле. На модернизацию завода были выделены огромные средства. На помощь производственникам пришли ученые уральского Института металлов во главе с профессором С.С.Штейнбергом, в содружестве с которыми был разработан и внедрен новый технологический процесс получения высококачественной трансформаторной стали. Реконструкция мартеновского цеха, перевод теплосилового хозяйства, ранее целиком базировавшегося на дровах, на минеральное топливо, техническое перевооружение других подразделений завода позволили увеличить выпуск высококачественной трансформаторной стали. Благодаря этому страна смогла отказаться от ее импорта. Ученые и новаторы ВИЗа (6 человек) были награждены орденами Ленина и Трудового Красного Знамени. Это стало первым в истории города награждением коллектива трудящихся правительственными наградами. Помимо ВИЗа реконструкции подверглись также «Металлист», «Машиностроитель», «Сталькан», «Автоген» и другие предприятия тяжелой индустрии, заводы стройматериалов, легкой и пищевой промышленности.

Наряду со строительством и реконструкцией предприятий, важной для промышленности города являлась проблема совершенствования организации производства и освоения техники и технологии. На новых предприятиях, построенных в первой пятилетке, широкое распространение получило «станколомство», несоблюдение технологической дисциплины, текучесть рабочей силы, систематические прогулы и опоздания. В письме Сталину в марте 1930 г. первый секретарь Уралобкома партии И.Д.Кабаков сообщал, что в течение только февраля из 40 имевшихся на предприятиях области мартеновских печей

Строительство Вузгородка. 1930-е гг.

вышли из строя 20. Среди причин данного явления он назвал текучесть рабочей силы, массовое отвлечение квалифицированных рабочих на помощь деревне в проведении коллективизации и вредительство, что на деле означало — плохое владение техникой и технологией. Неустанная пропаганда партийными органами того, что рабочие являются хозяевами производства, не давала положительного эффекта. Она не могла отменить такие объективные причины негативных явлений, как низкий профессиональный уровень рабочих, их слабая дисциплина, недостаток инженерно-технических работников, отсутствие опыта у руководящих кадров по организации производства на новых крупных предприятиях.

Типичная в этом отношении ситуация сложилась на Уралмаше. Его коллектив на первых порах не был подготовлен к освоению нового производства, поэтому пытался воспользоваться тем опытом, который приобрел в ходе строительства. Штурмовали освоение каждого агрегата, работали без выходных, но дело не шло. Как писал очевидец, «люди теряли силы, нервничали. Наконец, попросту снижалась их работоспособность. Беготня и суматоха не могли заменить собой того, что могла дать планомерная организация работы... В цехах заво-

да обыденным явлением стали многочисленные поломки оборудования. Люди, которые штурмуют изо дня в день, физически не успевают учиться». И тогда в ход было пущено насилие и репрессии. На заводе состоялась целая серия показательных судебных процессов. Это обострило социально-психологическую обстановку в коллективе, но завод из тяжелого прорыва не вывел.

В создавшихся условиях правительство попыталось переломить ситуацию, ужесточив наказания за нарушение дисциплины. За прогулы и опоздания рабочих не только стали увольнять с завода, но и лишали продовольственных карточек, выселяли из квартир. Одновременно был выдвинут лозунг «Кадры решают все!», который требовал уделять больше внимания человеческому фактору. Эти меры были направлены на усиление единоначалия, повышение ответственности инженерно-технических работников и рабочих за организацию труда, подготовку квалифицированных рабочих.

Весной 1933 г. коллектив УЭТМ выступил инициатором общественно-технического экзамена за право работать на станке. Вскоре такой экзамен стал обязательным для рабочих всех предприятий тяжелой промышленности страны. Тогда же в горо-

*Главный корпус УПИ-УГТУ. 1928-1939
(ул. Мира, 19)*

де получили распространение три основные формы подготовки индустриальных кадров: курсы повышенного типа для рабочих, сдавших техэкзамен, двухгодичные курсы мастеров социалистического труда и курсы техминимума для рабочих, не имевших никакой подготовки. С 1940 г. важную роль в подготовке квалифицированных рабочих кадров стали играть ремесленные училища и школы ФЗО (фабрично-заводского обучения).

Промышленность города пополнялась инженерно-техническими кадрами, которые готовились в вузах и техникумах города. Их главным поставщиком стал Уральский политехнический институт (УПИ). К концу 30-х гг. ежегодный выпуск специалистов в нем достиг тысячи человек. Систематическая подготовка кадров, реорганизация управления, совершенствование организации труда, а также развернувшееся движение ударников и стахановцев — все это позволило создать более четкую организацию труда и производства, обеспечить освоение новой техники и технологических процессов. Уже к 1941 г. УЗТМ изготовил 15 прокатных станов, свыше 170 дробилок и мельниц, начал производить экскаваторы и, по существу, весь комплекс оборудования для металлургического производства, превратившись в «завод заводов». Другие предприятия города также стали выполнять плановые задания.

В конце 30-х гг., наряду с мирной продукцией, на предприятиях города развертывается производство вооружений и боеприпасов. К изготовлению артиллерийских систем приступил УЗТМ. Военное производство на нем в 1935—1940 гг. выросло в 3 раза, а его доля в общем объеме заводской продукции увеличилась с 33,5 до 55,5%. В 1939 г. уралмашевцы наладили выпуск новых 122-миллиметровых гаубиц «М-30». А в следующем году были построены специальные цехи для производства военной техники, что позволило значительно увеличить ее выпуск. Аналогичная картина наблюдалась на других предприятиях города.

Из-за недостатка средств систематически срывались сроки ввода в строй Уралэлмаша, не получила должного развития легкая промышленность. Тем не менее в городе выросли новые промышленные предприятия тяжелого машиностроения, электростроения, станкостроения, черной и цветной металлургии, транспорта, легкой и пищевой промышленности. Общий объем валовой продукции увеличился почти на порядок. Таких темпов никогда раньше город не знал.

Наряду с развитием промышленности в 30-е гг. была проведена масштабная реконструкция Свердловского железнодорожного узла. В городе появилось новое депо, вошла в строй крупная станция «Сортировочная», была введена в эксплуатацию новая железнодорожная линия Урал—Курган протяженностью 363 км, ускорившая продвижение тяжелых составов из Сибири и Караганды на северо-запад. Одновременно была электрифицирована линия Свердловск—Гороблагодатская—Соликамск протяженностью 500 км, что позволило организовать на ней мощный грузовой поток. Ее ввод в действие положил начало электрификации железнодорожного транспорта страны. В эти же годы Свердловск стал центром воздушных сообщений. В 1930 г. через него пролегла авиалиния Москва—Свердловск—Иркутск, затем были налажены регулярные рейсы в Салехард, на Западный и Южный Урал.

Индустриальный «бум» способствовал росту населения, которое со 136 тыс. в 1928 г. увеличилось до 430 тыс. в 1933 г. и по переписи 1937 г. достигло 445 тыс.

человек. Большую часть жителей составляли рабочие, удельный вес которых в 1939 г. достиг 53%. Выросло число интеллигенции, инженерно-технических работников: с 2 тыс. в 1929 г. до 16 тыс. в 1937 г.

Бурный рост населения в период индустриализации потребовал решения проблем жилищного строительства и коммунального хозяйства. Но на развитие социальной инфраструктуры средств не хватало. Тем более, что за годы первых пятилеток территория города увеличилась почти в три раза. Наряду с двумя центральными, возник Орджоникидзевский район, ядром которого стали Уралмаш, Эльмаш и «Станкострой». Кировский район составили комплексы зданий Уральского политехнического института, Промакадемии, Уральского филиала Академии наук и жилые кварталы. На южной стороне города также возник новый район, в черту которого вошли мясокомбинат и другие предприятия.

Жилищный фонд города составлял в 1940 г. 725 тыс. кв. м, т.е. увеличился по сравнению с 1928 г. более чем в два раза. Но при росте населения за это время в три раза средняя норма на человека снизилась с 5,3 кв. м до 4,1 кв. м (меньше, чем до революции). Люди жили в основном в каркасных домах, бараках, подвалах и даже землянках. Благоустроенное жилье для рабочих и служащих составляло небольшой процент.

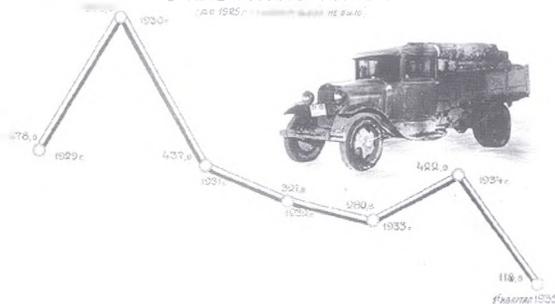
В то же время в городе поднялись новые общественные здания: «Востокосталь», обком партии и облисполком, корпуса политехнического института, гостиница «Большой Урал», Дом промышленности и другие. Бывшие пригородные поселки УЗТМа, Эльмаша, ВИЗа и другие слились с центральной частью города. Площадь замощенных улиц увеличилась более чем в два раза. Значительная их часть получила электрическое освещение. Успешно развивался городской транспорт. Пущенный в 1929 г. трамвай имел в конце 30-х гг. 52 км трамвайных путей. Автобусный парк города составил более 40 машин. В третьей пятилетке была решена проблема водоснабжения — построено Чусовское водохранилище, позволившее перебросить воды реки Чусовой в Верх-Исетский пруд и обеспечить Свердловск водой. В 1929 г.

в городе была открыта пятая по счету в СССР радиовещательная станция, что положило начало радиофикации города и области. В 1935 г. начала работать автоматическая телефонная станция, связавшая Свердловск с городами страны, а в 1939 г. телеграфная и телефонная связь была установлена со всеми районами области. Все это изменило облик старого Екатеринбурга, однако многие проблемы не решались.

Сложным оставалось материальное положение горожан. Хотя в 1934—1935 гг. была отменена карточная система снабжения продовольственными и промышленными товарами, среднедушевое потребление их росло медленно, а по некоторым видам осталось на уровне 1913 г. Плохо обстояло дело с питанием. Даже при карточной системе только четвертая часть горожан получала по карточкам хлеб, мясные продукты. Остальные вынуждены были покупать их в коммерческих магазинах, где 1 кг пшеничного хлеба стоил 4 руб., мяса — 16—18, колбасы — 25, масла — 45 руб. И это при средней зарплате 125 руб. в месяц. В последующие годы реальная зарплата существенно не увеличилась.

Тяготы быта — хронический дефицит товаров первой необходимости, очереди, плохое жилье, теснота, недостаток врачей и больниц — отрицательно сказывались на моральной атмосфере в обществе, на физическом и нравственном здоровье народа, вызывали чувство психологического дискомфорта, озлобленности. Это также вело к росту алкоголизма, пьянства и, как следствие, — преступности. На почве неудовлетворенности материальным положением на отдельных предприятиях имели место

ГРУЗОПЕРЕВОЗКИ ГОРАВТОТРАНСА с 1929 по 1935 год. в тыс. тонно-километр.

10 лет Свердловского горавтотранса

Спорткомплекс «Динамо» (стрелка городского пруда). Начало 1930-х гг.

забастовки («волынки»), носившие экономический характер. Положение усугублялось растущим материальным неравенством. Так, в конце 30-х гг. секретари обкомов получали зарплату от 1,1 до 2 тыс. руб., горкомов — от 900 до 1,7 тыс. руб., в то время как средний заработок рабочего в месяц составлял от 100 до 200 руб. Свердловская номенклатура имела благоустроенные квартиры, дачи, спецбольницы, дома отдыха, санатории. Если рабочие и служащие города снабжались через постройкомы и заводские распределители с помощью карточек и талонов ударников, получая минимум продовольствия и товаров, то номенклатура обеспечивалась через спецмагазины в достатке и по низким ценам. Это приводило не только к отдалению ее от трудящихся, но и к дифференциации и социально-психологической напряженности в обществе.

Противоречия культурного развития

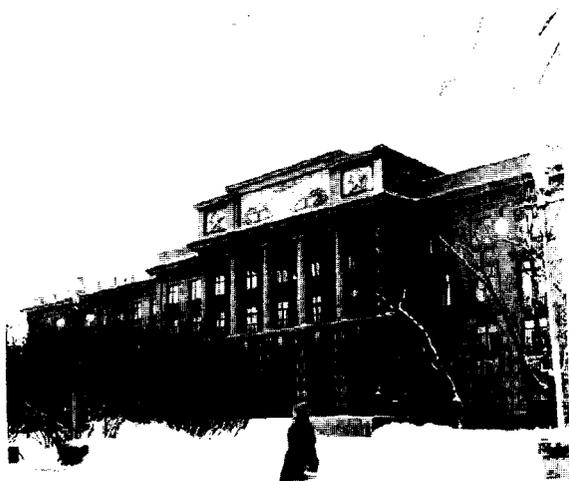
В 30-е гг. заметные сдвиги произошли в культурной жизни города. Была ликвидирована в основном неграмотность взрослого населения, всеобщим обязательным стало обучение детей. В 1939/40 учебном году насчитывалось свыше 63 тыс. школьников, которых обучало более 1600 учителей. Занятия проходили в 96 школах. Однако

Свердловск резко отставал в строительстве школьных помещений. Несмотря на решения правительства, финансовые средства выделялись на эти цели в ограниченных размерах. Партийные и хозяйственные органы области и города несвоевременно утверждали сметы, с опозданием отводили площадки для строительства школ, на объектах не доставало рабочей силы и техники. В результате Свердловск, занимавший третье место в РСФСР по количеству запланированных к постройке школ, находился по выполнению строительной программы на 47 месте. За плохую работу по строительству школьных помещений свердловские руководители неоднократно подвергались резкой критике.

Несколько лучше обстояло дело с развитием среднего специального и высшего образования. Вместо двух в 1928 г., в городе в 1940 г. было 12 вузов, среди них наиболее крупный — политехнический институт. В 30 техникумах и на рабфаках готовили специалистов со средним специальным образованием. В 1932 г. в Свердловске был открыт Уральский филиал АН СССР. Здесь имелось также 27 научно-исследовательских институтов, что позволило создать крупные научные школы. Среди них наибольшей известностью пользовались школы академика И.П.Бар-

Окружной дом офицеров (ул. Первомайская, 27). 1937-1940

*Штаб Уральского военного округа
(пр. Ленина, 71). 1940 г.*

дина и чл.-корр. АН СССР С.С.Штейнберга (в области металлургии черных металлов), Н.Н.Барабошкина (в области цветной металлургии), А.Е.Ферсмана (в области минералогии).

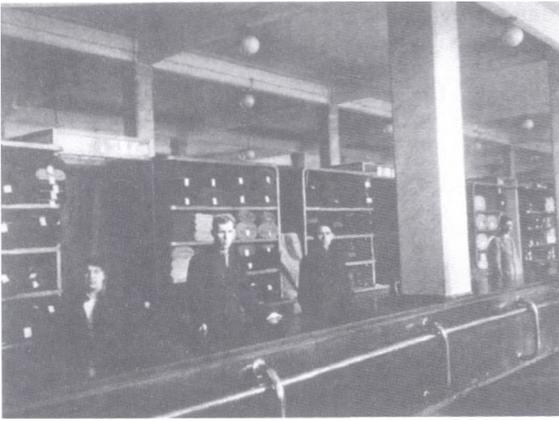
Более богатой и содержательной стала в целом культурная жизнь горожан. К началу 40-х гг. в Свердловске работали 4 театра: драматический, оперы и балета, музыкальной комедии и театр юного зрителя, а также филармония и национальные театральные коллективы. Имелось 52 клубных учреждения, 7 кинотеатров и 73 киноустановки. Работали 166 библиотек с общим книжным фондом 930 тыс. книг, из них половина находилась в областной библиотеке им.Белинского. Издавались три областные и две окружные газеты, а также заводские многотиражки. Город имел четыре музея. Идеино-политическим воспитанием населения занимался Областной дом политпросвещения. Свой досуг молодежь города проводила в клубах, парках, садах, на водных станциях, стадионах, спортплощадках. Особенно активно молодежь участвовала в кружках художественной самодеятельности, в спортивной и оборонно-массовой работе, сдавая нормы на знаки «Готов к труду и обороне», «Ворошиловский стрелок» и др. В 30-е гг. интенсивно развивается советский кинематограф. В этот период создаются выдающиеся фильмы: «Чапаев», «Юность Максима», «Мы из Кронштадта», «Крес-

тьяне» и др. Несмотря на известную политизацию, эти фильмы были созданы талантливыми режиссерами и актерами и представляли значительную художественную ценность. Они оказывали большое воздействие на массы и привлекали все слои населения города от детей до людей самого пожилого возраста. Росло число горожан, пользовавшихся библиотеками, большинство регулярно читали газеты. Все это свидетельствовало о повышении общеобразовательного и общекультурного уровня населения Екатеринбурга.

Социально-политические коллизии

Имея крупные достижения в модернизации индустрии, в хозяйственном и культурном строительстве, город в 30-е гг. жил в сложной и противоречивой социально-политической обстановке. Подавление инакомыслия, идеологический прессинг, массовые репрессии были обыденным явлением. Что касается принятой в конце 1936 г. Конституции СССР, то ее положения на практике оказались фикцией, никаких реальных демократических свобод они не дали.

Первый шок население города испытало от массовых репрессий крестьян в ходе сплошной коллективизации, когда они в качестве спецпереселенцев и заключенных стали поступать на заводы и фабрики Свердловска в начале первой пятилетки. Подневольный труд этих людей широко использовался при строительстве Уралмаша, Эльмаша, электростанций и других объектов. А затем последовали судебные процессы над инженерно-техническими работниками («буржуазными спедами»). Нежелание руководства страны признать собственные ошибки при составлении нереальных планов порождало потребность в поисках виновных среди технических специалистов, хозяйственных руководителей. По аналогии с известным «шахтинским делом» и судом над Промпартией в Москве органы ОГПУ в Свердловске сфабриковали большое число «дел специалистов». Так, в 1930–1931 гг. полномочное представительство ОГПУ на Урале «раскрыло» «областной центр контрреволюционных организаций специалистов». Было аресто-

Мануфактурный отдел Свердловского универмага. 1935 г.

вано около 100 инженерно-технических работников и ученых, над которыми организовали два судилища. Им инкриминировалась попытка «свержения Советской власти и восстановления в СССР капиталистического строя в форме буржуазно-демократической республики». По первому делу было привлечено к ответственности 19 человек, в том числе главный инженер Магнитостроя В.А.Гассельблат, члены Президиума Уральского областного совета народного хозяйства М.А.Соловов и Б.С.Дунаев, бывший ректор УПИ, крупный ученый А.Е.Маковецкий и др. По второму делу было арестовано 72 человека во главе с главным инженером «Уралгипромеза» В.П.Крапивиним.

Арест и осуждение всем известных в городе и на Урале ведущих специалистов, ученых, хозяйственников, чудовищность предъявленных обвинений вызвали смятение горожан. Часть интеллигенции и служащих осудили репрессии. Однако многие поддержали действия репрессивных органов. Последовавшее послабление по отношению к специалистам в 1933–1934 гг. позволило частично снять остроту социального напряжения. Город перестали лихорадить политические суды над «вредителями» и «шпионами», власти пресекали гонения на интеллигенцию, брали под защиту хозяйственных руководителей, осуществлялось реформирование карательных органов. В эти годы началась новая волна борьбы режима с церковью и верующими. В частности, возмущение горожан вызвали взрывы и разрушения церквей и монасты-

рей — на Площади 1905 года, на ул. Ленина и ряда других.

Вновь социально-психологический климат в городе стал ухудшаться после убийства С.М.Кирова в декабре 1934 г. Этому во многом способствовали письма ЦК ВКП(б), направленные на места партийным органам об «уроках событий», связанных с убийством Кирова и «террористической деятельностью троцкистско-зиновьевского блока», которые явились своеобразным идеологическим обеспечением репрессивной политики. Одновременно в городской парторганизации начались проверка и обмен партийных документов, а затем последовали репрессии против многих коммунистов — 70% были незаслуженно исключены из партии. Апогея репрессивная политика достигла в 1937–1938 гг. Весной 1937 г. было сфабриковано и «раскрыто» так называемое дело «право-троцкистского центра» во главе с первым секретарем Свердловского обкома партии И.Д.Кабачковым, который был арестован. Репрессиям также подвергся весь состав обкома партии, руководящее ядро советских, профсоюзных и комсомольских организаций. В их число попали первый секретарь Свердловского горкома партии В.П.Кузнецов, руководители крупных трестов, промобъединений, ведущих заводов (Л.С.Владимиров — УЗТМ, Ф.Б.Колгушкин — ВИЗ и др.). Вскоре начались массовые аресты, а затем и расстрелы простых горожан.

Все это вызвало сильную социальную напряженность в городе. Массовые репрессии сопровождались самоубийствами, доносами, шпиономанией, враждебностью, недоверием друг к другу. Покончили с собой председатель облисполкома Головин, секретарь обкома партии по промышленности Пшеницын. Социальная незащищенность и неуверенность в завтрашнем дне порождали страх, боязнь и пассивность одних, особенно старой интеллигенции, и необычную активность маргинальных слоев, безоглядно веривших официальной пропаганде.

Когда социальная напряженность в стране достигла предела, были приняты меры по успокоению общественного мнения. Официальная пропаганда делала все, чтобы добиться от рядовых коммунистов и жителей города одобрения террора. Лю-

дям внушали, что злоупотребления и самодурство руководителей НКВД, представителей номенклатуры происходят от вражеских происков. На вредителей и врагов списывались многочисленные негативные проблемы в обществе и на производстве. Недостаток продовольствия, плохое материальное обеспечение — виноваты враги, пробравшиеся в колхозы и торговую сеть и т.д.

Одни верили в существование тысяч врагов, другие, задавленные террором, делали вид, что верят, третьи сомневались или даже отрицали их наличие. Кроме того, люди как бы привыкали к произволу. Один из работников Свердловского горкома партии Н.С.Ошивалов свидетельствует: «К массовым репрессиям конца 30-х гг. мы сами себя готовили шаг за шагом. Сначала гонения обрушились на бывших белогвардейцев, затем на бывших меньшевиков и эсеров, затем наступил черед людей, допускаявших когда-либо какие-либо политические колебания, а таких в период построения нового общества всегда немало...

Наконец, наступил черед верных ленинцев. И партия не ужаснулась расправе над ними».

Благодаря такой «привычке» горожане, как и вся страна, жили как бы в двух измерениях. С одной стороны, нетерпимость к инакомыслию, ненависть к мнимым врагам, массовая поддержка репрессий. С другой — самоотверженность, энтузиазм, трудовой подъем, о чем свидетельствовало широкое распространение различных трудовых починов. Это были соревнования ударных бригад, общественно-технические экзамены, стахановское движение, борьба за промфинплан, совмещение профессий и другие инициативы. И хотя эти формы мобилизации масс, инициированные партийными и комсомольскими органами, сравнительно быстро после возникновения гасли, они тем не менее поддерживали трудовую активность, способствовали росту производительности труда, выполнению плановых заданий и в конечном счете превращению Свердловска в крупный индустриальный центр на востоке страны.

РАЗДЕЛ V
СТОЛИЦА
“ОПОРНОГО КРАЯ”

13. «Работник и воин»

В огне сражений

Посетивший в конце 20-х гг. Свердловск В.В.Маяковский был потрясен размахом его индустриального строительства. Под впечатлением от увиденного он написал вдохновенные строки:

*Из снегового слепящего лоска,
Из перепутанных сучьев и хвои,
Встает внезапно домами Свердловска
Новый город — работник и воин.*

Думал ли тогда поэт, что через десять с небольшим лет это стихотворное сравнение будет полностью подтверждено реалиями Великой Отечественной войны?

Обрушившаяся на город в конце июня 1941 г. страшная весть о фашистском вторжении нарушила мирное течение его жизни, болью отозвалась в сердце каждого жителя. Информационное сообщение о начавшейся войне вызвало в обществе естественный всплеск простых человеческих чувств: недоумение по поводу случившегося, растерянность, тревогу и страх за себя, родных и близких, малодушие и даже трусость. Однако не эти чувства стали определяющими в жизни горожан военных лет. Смертельная опасность, нависшая над Отечеством, стремление выстоять и просто выжить в экстремальных условиях объединили свердловчан, заставили их до предела напрячь свои силы. Общественной консолидации способствовала и правильная идеологическая направленность всех военно-организационных и патриотических мероприятий городских властей, воспитывавших ненависть к врагу и обеспечивавших слаженность действий. Лозунг «Все для фронта, все для победы» органически вошел в сознание подавляющего большинства свердловчан. Именно он стал фундаментом, давшим возможность нашему городу обеспечить воинскую мобилизацию, перестроить промышленность на военный лад, принять и восстановить эвакуированные предприятия, активно участвовать в патриотическом движении, сохранить и значительно увели-

чить свой научный, культурный и образовательный потенциал.

С первых дней войны важнейшим направлением деятельности городских структур власти стала мобилизация. Необходимо было в самые сжатые сроки сформировать и направить на фронт целый ряд воинских подразделений. По всем районам Свердловска прошли митинги, на которых выступающие разоблачали агрессора и призывали горожан идти добровольцами в действующую армию. Так, в резолюции митинга рабочих и служащих Уралмаша говорилось: «Мы поднимем знамя Отечественной войны против банд гитлеровских убийц, и в этой войне они будут стерты с лица земли».

Не менее решительно высказались трудящиеся Уральского турбомоторного завода, категорично заявившие, что они «готовы в любую минуту сражаться лицом к лицу с неприятелем, своей грудью защитить каждую пядь родной земли, отдать жизнь в борьбе с врагом». Патриотические лозунги и воззвания звучали на общих собраниях и манифестациях трудовых коллективов Верх-Исетского завода, фабрики «Русские самоцветы», завода «Уралэлектроаппарат», отделения Свердловской железной дороги, студентов и преподавателей индустриального, горного и медицинского институтов, государственного университета, учителей и учащихся общеобразовательных школ, сотрудников научно-исследовательских институтов и многих других государственных учреждений и предприятий.

Подобного рода мероприятия хотя и инициировались в большинстве случаев властями, тем не менее выражали искренние чувства жителей Свердловска, что подтверждалось тысячами добровольных заявлений, адресованных военным комиссариатам. Зачастую списки добровольцев составлялись прямо на митингах. Только в конце июня — августе 1941 г. город отправил на фронт 15 тыс. добровольцев. Уходя на битву, они клялись не уронить честь и достоинство воина-уральца, проявлять мужество и отвагу

Уральцы отъезжают на фронт

в смертельной схватке с врагом. Ярким свидетельством этого служит письмо трех братьев-добровольцев, направленное товарищам по мирному труду. Александр, Андрей и Григорий Тюлькины заверяли, что будут «достойно драться до последней капли крови с зарвавшимся, озверелым фашизмом», а если потребуется — отдадут свою жизнь. Так думали практически все свердловчане, в составе различных частей и подразделений оборонявшие Москву и Ленинград, отчаянно дравшиеся под Сталинградом и в Крыму, освобождавшие Украину, Белоруссию, страны Восточной Европы, дошедшие до Берлина и расписавшиеся на стенах Рейхстага.

Бессмертной славой покрыли себя бойцы Уральского добровольческого танкового корпуса. Полностью экипированный — от пуговиц на гимнастерке до грозных танков — на личные сбережения уральцев корпус начал боевой путь на Курской дуге, с боями прошел по дорогам Украины и Польши. Могучий, стальной грохот уральских танков раздавался на улицах поверженного Берлина и освобожденной Праги. Одним из лучших подразделений корпуса была Свердловская танковая бригада, штаб которой находился в здании 42-го городского художественного училища. От желающих записаться в его ряды не было отбоя. На каждое место в строю бойцов бригады претендовали десятки людей, поэтому производился строжайший отбор. К примеру, из 2250 уралмашевцев,

добровольно пожелавших пойти в танкисты, взяли только 200 человек. Подобная ситуация имела место и на других предприятиях города. В результате, тщательно подобранный состав бригады предопределил высокий уровень ее боевой подготовки. «Дивизия черных ножей» (так называли немцы свердловскую бригаду за имевшийся у каждого танкиста подаренный златоустовскими рабочими клинок в черных ножнах) своими слаженными действиями наводила на неприятеля ужас, сеяла в его рядах панику и неразбериху.

В Свердловске были сформированы и отправлены на фронт и другие воинские подразделения, бойцы которых в полной мере проявили уральский характер. Среди них 153-я стрелковая дивизия (преобразована в ходе боевых действий в 3-ю Гвардейскую стрелковую дивизию), 435-я стрелковая дивизия (преобразована в 164-ю Гвардейскую), 105-я танковая бригада (преобразована в 8-ю Гвардейскую), 106-я танковая бригада (преобразована в 53-ю Гвардейскую), 97-й Гвардейский бомбардировочный авиационный полк, 53-й отдельный запасной полк связи и другие.

Город являлся и крупным центром подготовки военных кадров. Командный состав проходил обучение в Военно-политическом училище УралВО, 2-м Свердловском пехотном училище, во временно эвакуированной в столицу Среднего Урала Военно-воздушной академии им. Н.Е.Жу-

ковского. Высокoproфессиональные танкисты выпускались учебным бронетанковым центром, 5-й и 8-й учебными танковыми бригадами.

Можно без преувеличения сказать, что Свердловск давал фронту отлично подготовленных, не боявшихся любых испытаний бойцов, и не случайно тысячи наших земляков были отмечены Родиной орденами и медалями. Героями Советского Союза стали 11 уроженцев Свердловска и 62 человека, чья довоенная судьба была тесно связана с жизнью города. Среди них бесстрашные летчики М.П.Одинцов и Г.А.Речкалов, дважды достаивавшиеся этого звания, А.П.Силантьев, ставший впоследствии маршалом авиации, Г.П.Одноценов, В.Д.Иконников, А.А.Липилин, С.К.Ананьин, К.С.Коровин, артиллеристы Н.А.Аникин, В.И.Бадьин, Н.М.Епимахов, М.Н.Мещерягин, пехотинцы Н.Н.Васильев, Б.С.Семенов, П.А.Сысоев, связист Б.А.Пискунов, десантник А.А.Арапов, кавалерист В.И.Винокуров, сапер П.Д.Гурьев, танкисты М.И.Денисов, Н.Г.Кичигин, Л.С.Падуков и многие другие.

К сожалению, война — это не только подвиги, доблесть и слава. Это — колоссальные разрушения, невыносимые страдания и гибель людей. Свердловск не знал затемнения, фашистские снаряды и бомбы не рвались на его улицах и площадях, не разрушали его зданий, но люди, живущие в нем, в полной мере отпили из скорбной чаши военного лихолетья. Дорогую цену пришлось заплатить городу за достигнутую победу. Почти каждый десятый горожанин погиб в схватке с врагом, почти каждая семья лишилась деда, отца, сына или брата. Около 42 тыс. человек не суждено было возвратиться к родному очагу. По последним данным Книги памяти, из 41772 не вернувшихся с войны свердловчан 21397 были убиты в сражениях, 4778 умерли от ран в госпиталях, 15491 пропали без вести и 106 замучены в фашистских концлагерях.

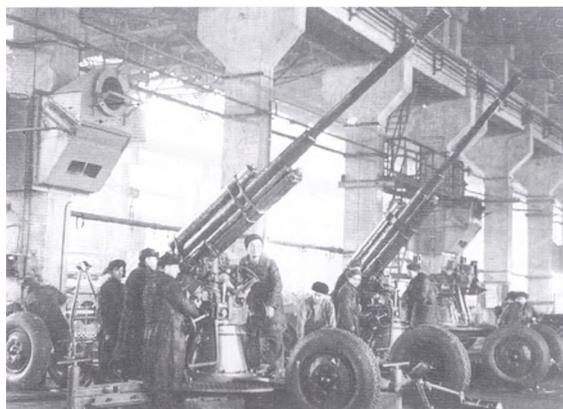
Арсенал победы

Став воином-защитником, воином-освободителем, отправляя на фронт лучших представителей, радуясь их героическим подвигам или страдая от большого количества «похоронок», приходящих с фрон-

та, город обязан был, несмотря на все лишения и невзгоды, оставаться «работником». Удобное географическое положение, наличие крупных машиностроительных предприятий и квалифицированных кадров, а также баз цветной и черной металлургии объективно предопределяли Свердловску роль кузницы оружия для действующей армии.

Еще в предвоенный период Свердловск был превращен в мощный индустриальный центр с солидным промышленным потенциалом, включавшим в себя более 160 заводов и фабрик. Поэтому в экстремальных условиях было чрезвычайно важно как можно быстрее перевести этот громадный комплекс в суровый режим военного времени и полностью задействовать его в интересах укрепления обороноспособности страны. Задача решалась непросто. Потребовалось максимальное напряжение инженерной мысли, организационных способностей и трудовых усилий всех горожан, чтобы преодолеть объективный спад производства при освоении новых видов продукции и наладить ритмичный выпуск практически всех видов вооружений и боеприпасов.

Великая Отечественная война была «войной моторов». Исход многих ее сражений целиком и полностью зависел от мощи бронетанковых войск, поэтому проблема полного удовлетворения потребностей армии в бронетехнике с первых дней военного противостояния приобрела ис-

В сборочном цехе одного из заводов г. Свердловска. Последняя проверка зенитных установок перед отправкой на фронт

*Сборка минометов на одном из заводов
г. Свердловска*

ключительную значимость. Решающую роль в выполнении этой задачи сыграл Уральский регион, на территории которого по указанию Государственного комитета обороны были созданы три танковых завода-гиганта: в Челябинске, Нижнем Тагиле и Свердловске.

Уральский завод тяжелого машиностроения, расположенный в столице Среднего Урала, в срочном порядке должен был перейти на массовый выпуск бронекорпусов для тяжелых танков КВ, проходивших окончательную сборку на Кировском заводе в Челябинске. Плановое задание обязывало уралмашевцев уже в третьем квартале 1941 г. произвести 100 единиц требуемой военной продукции. Для успешного выполнения задачи нужно было перестроить весь технологический процесс, возвести новые корпуса, смонтировать и освоить сложное оборудование. Достичь поставленной цели сразу не удалось. Трудовой коллектив сумел выпустить только 45 бронекорпусов, что незамедлительно вызвало негативную реакцию высшего руководства страны. В телеграмме И.В.Сталина говорилось: «Прошу вас честно и в срок выполнять заказы на поставку корпусов для танка КВ. Сейчас я прошу и надеюсь, что вы выполните долг перед Родиной».

Послание Верховного Главнокомандующего заставило заводчан интенсивно искать внутренние резервы для наращивания темпов военного производства. Началась активная деятельность по усовершенствованию технологии изготовления, разраба-

тывались и немедленно внедрялись в производство рациональные приемы труда. Огромную работу по организации производства осуществляли руководители завода Б.Г.Музруков, М.А.Медведев, инженеры Г.Н.Глебовский, К.К.Виноградов, И.С.Кватер и другие. С полной самоотдачей трудились рабочие, поддержавшие призыв Михаила Попова: «Цех — та же передовая позиция. Будем работать пофронтному. Пока задание не выполнено — из цеха никуда». Руководимый им рабочий коллектив сумел сократить время расточки танкового корпуса с 12 до 1,5 часов, заслужив право называться первой фронтной бригадой страны.

В результате, в четвертом квартале 1941 г. производительность труда на Уральском заводе тяжелого машиностроения увеличилась в 2,5 раза, что дало возможность выпустить 560 бронекорпусов, значительно превысив плановые показатели. Наладив это производство, уралмашевцы параллельно начали выпуск бронекорпусов для среднего танка Т-34, а затем перешли к его полному изготовлению. Уже осенью 1942 г. завод отправил на фронт 167 танков, полностью собранных в его цехах.

В годы войны на Уралмаше под руководством Л.И.Горлицкого на базе среднего танка Т-34 была создана первая модель самоходной артиллерийской установки СУ-122, серийное производство которой началось в 1942 г. В 1943 г. была выпущена усовершенствованная модель — СУ-85, прекрасно зарекомендовавшая себя в сражении на Курской дуге. Снаряд, выпускаемый из ее мощной пушки, легко пробивал броню немецких «тигров», «пантер» и «фердинандов», буквально сносил танковые башни. Всего за годы войны труженики УЗТМ дали фронту более 5 тыс. самоходных артиллерийских установок, свыше 700 танков Т-34, выпустили 13,7 тыс. бронекорпусов, 7,1 тыс. танковых башен. Выдающийся трудовой подвиг Уралмаша в годы войны был оценен Родиной двумя орденами: Красного Знамени и Трудового Красного Знамени.

Заметный вклад в общую победу над врагом внесли рабочие и инженерно-технические работники одного из старейших предприятий Свердловска — Верх-Исет-

ского завода. ВИЗ, выпускавший до войны листовой прокат для электротехнической промышленности, сумел в короткий срок освоить производство новых марок стали оборонного значения. За образцовое выполнение государственных заданий по выплавке легированных конструкционных и нержавеющей сталей для танковой промышленности завод был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Награды Родины за доблестный труд получили в годы войны 47 его работников.

Свердловск был не только признанным центром танковой промышленности, в цехах его многочисленных предприятий производились артиллерийские установки самых различных типов и калибров. Только завод имени М.И.Калинина изготовил за военный период более 20 тыс. зенитных установок 85-го калибра и несколько тысяч противотанковых пушек 45-го калибра. Трудящиеся города успешно освоили и выпуск реактивных минометов. Выпустив в январе 1942 г. первую установку, к концу военных действий свердловский завод «Уралэлектроаппарат» поставил на фронт 1711 знаменитых «катюш». Фронтовики высоко оценивали боевые качества и надежность пушек и минометов, сделанных уральцами. Один из выдающихся полководцев Великой Отечественной войны маршал Р.Я.Малиновский отмечал: «Урал — подлинное царство пушек и родина самоходной артиллерии. Все артиллерийские системы отличного качества: легкие, изящные, и самое главное, высокопробные».

С полной отдачей работали в годы войны труженики Уральского турбомоторного завода. Предприятие, только в мае 1941 г. давшее стране первую продукцию, должно было на ходу перестраивать весь технологический процесс, чтобы перейти на выпуск военного заказа. Всего 1,5 месяца потребовалось трудовому коллективу для налаживания производства дизель-моторов. Уже в 1942 г. количество выпущенной продукции превысило показатели 1941 г. в 8 раз, в 1943 — в 11, в 1944 — в 13.

В годину тяжелых испытаний Свердловск не только максимально использовал свой промышленный потенциал в оборонных целях, но и намного увеличил его за

счет размещения большого количества эвакуированных предприятий. Прибывшие в эвакуацию заводы или полностью сливались с однопрофильными, значительно усиливая их производственную мощность, либо начинали самостоятельную деятельность, становясь основоположниками новых отраслей свердловской промышленности.

Уралмаш, разместив на своих площадях Ижорский завод и еще несколько оборонных предприятий, превратился в колоссальную мастерскую по производству бронетехники, в настоящий «танкоград». Заметно увеличился выпуск реактивных минометов в результате соединения производственно-технических потенциалов «Уралэлектроаппарата» и воронежского завода «Коминтерн». Уральский турбомоторный завод, объединившись с пятью эвакуированными заводами, стал крупнейшим в стране производителем дизель-моторов.

Киевский завод «Большевик», прибывший в Свердловск в августе 1941 г. и первоначально размещенный в помещениях гаража и производственной артели, стал фундаментом будущего гиганта химического

Выход готовой продукции из пошивочного цеха фабрики «Уралобувь»

Уральцы-добровольцы на железнодорожной станции за несколько минут до отправления на фронт. В первом ряду второй слева — автоматчик В.К. Очеретин (впоследствии известный писатель)

машиностроения — Уралхиммаша. На базе оборудования Охтинского химического комбината был создан Свердловский завод пластмасс, являвшийся в годы войны единственным поставщиком смол, шедших на изготовление дельта-древесины, авиафанеры и бакелитированной фанеры для понтонов. Киевский «Красный резинщик» и московский «Каучук» составили основу Свердловского шинного завода и завода резинотехнических изделий, начавших производить все виды резиновых деталей для боевой техники. В частности, оба предприятия за годы войны изготовили 223 тыс. обрешиненных катков для 11 тыс. танков.

За период войны индустриальный комплекс столицы Среднего Урала, вобрав в себя все силы и средства предприятий, прибывших из районов, захваченных неприятелем или подвергшихся угрозе оккупации, в 7 раз увеличил промышленное производство по сравнению с довоенными показателями.

Все для фронта

Население Свердловска в военный период значительно увеличилось за счет прибывших в эвакуацию промышленных пред-

приятий, учреждений науки и культуры, учебных заведений. К 1943 г. оно составляло 620 тыс. человек, в начале войны — 423 тыс. горожан. Увеличение количества городских жителей имело противоречивые последствия. С одной стороны, повысился удельный вес инженерно-технических работников, квалифицированных рабочих, деятелей образования, литературы и искусства, учащейся молодежи, что самым положительным образом отразилось на экономическом и культурном развитии города. С другой стороны, при медленных темпах жилищного строительства это приводило к чрезмерной скученности, антисанитарии, способствовало возникновению бытовых конфликтов и социальных неурядиц. В среднем в годы войны на каждого жителя Свердловска приходилось не более 5–6 кв. м. Обычным явлением были бараки, полуподвальные помещения, временные землянки и т.п.

Чрезвычайно остро в военный период стояла проблема питания. Потребление продуктов в Свердловске за годы войны по сравнению с 1940 г. уменьшилось почти в 2 раза. Была введена карточная система, по суточной хлебной карточке дети получали 400 г, 500 г служащие; 600 г рабочие; 700 г рабочие и служащие, занятые в во-

*Организаторы создания Уральского добровольческого танкового корпуса:
секретарь Свердловского обкома ВКП(б) В.М. Андрианов (в центре) ,
генерал-лейтенант танковых войск Г.С. Рогин (слева)
и командующий войсками УралВО генерал-лейтенант Катков (справа)*

енном производстве. Однако нормированное распределение через государственную торговлю не могло восполнить дефицит продуктов питания. Из-за нехватки продовольствия карточки не отоваривались полностью. На большинство видов продовольствия фонды ежегодно снижались. Уже к концу 1941 г. из системы государственной торговли полностью исчезли овощи, фрукты, ягоды, молочные продукты. Недостаток продовольствия в какой-то мере можно было компенсировать через рынок, но цены на нем по сравнению с довоенными к 1943 г. выросли в среднем в 13 раз. Самый высокий взлет цен наблюдался на ржаную (в 125 раз) и пшеничную (в 29 раз) муку, картофель (в 71 раз), говядину (в 18 раз), сливочное масло (в 29 раз), молоко (в 40 раз), яйца (в 25 раз). Дороговизна заставляла большую часть населения Свердловска попросту отказываться от многих продуктов. К примеру, покупка горожанами овощей, фруктов, ягод, молока, масла, мяса, сала сократилась по сравнению с 1940 г. в 15–20 раз. В основном на рынке приобретались дополнительно к карточным пайкам, отоваренным по твердым государственным ценам, хлеб, масло, сахар, что «съедало» до 85% бюджета семьи.

Поскольку потребности населения путем централизованного снабжения продуктами обеспечивались неполностью, а рынок для большинства был просто недоступен, в Свердловске в годы войны активно развивались источники децентрализованного снабжения: подсобное хозяйство и индивидуальное огородничество. За военный период их посевные площади в черте города увеличились почти в 2,5 раза. Выращивание картофеля и овощей для многих семей часто было единственным способом выживания. Таким образом, структура питания населения Свердловска в годы Великой Отечественной войны значительно ухудшилась. Однако общее количество потребляемых продуктов все же исключало возможность голода.

В период военного лихолетья в Свердловске произошло и значительное сокращение производства промышленных товаров и предметов культурного назначения. Естественно, что в несколько раз сократилось приобретение населением непродовольственных товаров: тканей в 10–12 раз; обуви в 3–4 раза; керосина в 40–120 раз; дров, хозяйственного мыла в 2–3 раза. Конечно, в городе имелись магазины и столовые закрытого типа, различного рода

Митинг на Привокзальной площади, посвященный открытию памятника воинам Уральского добровольческого танкового корпуса. Март 1983 г.

спецраспределители дефицитного товара, но воспользоваться их услугами могла только партийно-государственная номенклатура и небольшой круг производителей и деятелей культуры, непосредственно обслуживающих ее потребности.

Низкий уровень материально-бытового обеспечения населения столицы Среднего Урала дополнялся исключительно тяжелыми условиями труда. 12–14-часовой рабочий день, отмена выходных и отпусков, жесточайший режим контроля, введенный властями на предприятиях и в учреждениях, предусматривавший различные карательные меры (вплоть до тюремного заключения) за нарушения трудовой дисциплины, невыполнение плановых заданий, срыв графика работ и т.п. — все это крайне неблагоприятно воздействовало на психику людей, порождало факты социального пессимизма, попытки уклониться от обязанностей, стремление пьянством ослабить негативное воздействие реальной действительности, обуславливало антиобщественное поведение, осложняло криминогенную ситуацию в городе. Однако отрицательные явления общественной жизни, как правило, носили единичный характер, а подавляющее большинство свердловчан «стиснув зубы и потуже затянув ремень» вкладывали все свои силы в общее дело разгрома врага.

К тому же социально-хозяйственная сфера города, несмотря на все объективные

и субъективные трудности, продолжала развиваться, облегчая, по мере возможности, военный быт горожан. За годы войны удалось увеличить жилой фонд, провести работы по благоустройству, отремонтировать и ввести в строй новые коммуникации. Только на коммунальные нужды Свердловска было израсходовано 75 млн руб., а на осуществление социокультурных мероприятий — 0,5 млрд руб. За военный период было построено 436 новых жилых домов общей площадью 284 тыс. кв. м, введена новая нитка водопровода протяженностью 8 км, освоена первая очередь водоканала Чусовая — Исеть, позволившая увеличить подачу воды с 38 до 63 млн кубометров в сутки. Значительно расширилась транспортная система. Были пущены несколько новых трамвайных линий и 15-километровая троллейбусная трасса, соединившая Нижнеисетский промышленный район с центром города. В Свердловске начал действовать завод холодного асфальта, выпускавший 100 т продукции, что давало возможность заасфальтировать 185 тыс. кв. м городских улиц, площадей, тротуаров и проездов.

Произошло серьезное укрепление системы здравоохранения. Свердловск разместил на своей территории 35 военных госпиталей, открыл 30 новых поликлиник и амбулаторий. Количество мест в городских больницах увеличилось в 1,5 раза.

Даже в экстремальной обстановке войны люди не оставляли мечты о семейном благополучии, материальном достатке, верили в дружбу, хотели любить и быть любимыми, заботиться о близких, радоваться жизни. И все же главнейшим фактором, определявшим мотивацию их поступков, вырабатывающим нормы поведения, было желание сделать все от себя зависящее и тем самым способствовать Победе. Для этого нужно было полностью отречься от настроений мирного времени и попытаться «прыгнуть выше головы». Военная обстановка требовала предельной самоотдачи, высокого профессионализма, творческой инициативы. Поэтому не знали сна и отдыха руководители Свердловска В.И.Андрианов, В.И.Недосекин, П.А.Жуков, Н.М.Купчинова, В.И.Головин, Д.И.Чесноков, Ф.Н.Климов и другие, организуя повседневную работу всех городских служб. Поэтому сутками не выходили из цехов, налаживая производство, представители администрации и инженерных подразделений различных фабрик и заводов Б.Г.Музруков, М.Л.Медведев, В.А.Бенедиктов, Д.К.Кочетков, В.И.Абакумов, С.С.Сильченко и многие другие. Поэтому, презрев все невзгоды, самоотверженно делали свое дело и рядовые труженики тыла.

Во время войны Свердловск стал родиной множества трудовых инициатив и форм соревнований, получивших поддержку и широкое распространение по всей стране. Мощно развернулось на предприятиях города зародившееся в механическом цехе Уралмаша движение двухсотников. Уже к маю 1942 г. рабочих, вдвое перевыполнивших плановые задания, насчитывалось в Свердловске более 2 тыс. Была подхвачена трудящимися и идея создания фронтовых бригад. Вслед за бригадой уралмашевца М.Попова к октябрю 1943 г. в столице Среднего Урала было создано 668 рабочих коллективов, поклявшихся работать по-фронтовому.

Получила поддержку в Свердловске и инициатива нижнетагильского фрезеровщика Д.Босого, перевыполнявшего производственные нормы в десять и более раз. Только на Уралмаше 28 человек носили в годы войны гордое звание «тысячник», а всего по городу их было более 100.

Отметим, что доля передовиков производства к 1943 г., по сравнению с 1941 г., значительно увеличилась практически на всех предприятиях. Так, на УЗТМ она возросла с 56,8 до 62,6%, на «Уралэлектроаппарате» — с 50,8 до 85,0%, на Верх-Исетском заводе — с 64,7 до 67,6%, в Свердловске достигла 82,1%. Численный рост стахановцев объяснялся улучшением организации производства, внедрением более совершенной техники, повышением квалификации. Немаловажную роль в этом играл и патриотический порыв, порождавший искреннее желание большинства помочь разгрому врага.

Город никогда не забудет трудовой подвиг кузнеца Ф.Е.Дацука, слесаря Н.Ф.Сушко, сталеваров Н.Х.Базетова и Д.И.Сидоровского, железнодорожника А.Черепанова и многих других, обеспечивавших своей самоотверженной работой в тылу блестящие победы на фронте.

В годы Великой Отечественной войны Свердловск не только давал фронту бесстрашных бойцов, мощную военную технику и боеприпасы, его жители старались помочь фронтовикам душевной теплотой и заботой, необходимыми солдату в трудные боевые будни не меньше оружия. Ярким свидетельством этого стала переписка горожан с воинами 3-й Гвардейской стрелковой дивизии, сформированной в столице Среднего Урала. Тысячи свердловчан в своих письмах рассказывали о трудовых свершениях, призывали солдат и офицеров к ратному подвигу, желали успеха в смертельной схватке с врагом. В свою очередь, в ответных посланиях трудовым коллективам гвардейцы заверяли земляков в том, что достойно выполнят свой воинский долг, благодарили за духовную и материальную поддержку. За период с 1941 г. по 1944 г. на фронт было отправлено более 20 млн писем, наполненных сердечным участием и ставших настоящим олицетворением единства фронта и тыла.

Забота о фронтовиках имела и осязаемую материальную основу. В городе, по инициативе уралмашевцев, было развернуто движение по сбору теплых вещей. Только за две военные зимы жители Свердловска отправили в подразделения действующей армии 87 тыс. шапок, полушубков, шарфов, валенок и варежек. Кро-

ме этого, бойцы и командиры получили от свердловчан свыше 300 тыс. посылок-подарков.

Принимая активное участие в оказании всенародной помощи фронту, горожане за годы войны сдали для нужд госпиталей более 70 тонн донорской крови, собрали на строительство танковых колонн и авиаэскадрилий около 55 млн руб. Со второй половины войны свердловчане начали оказывать безвозмездную помощь районам, освобожденным от немецкой оккупации. В Сталинград, Краснодарский край, Харьковскую, Донецкую, Курскую, Ростовскую, Воронежскую, Смоленскую области из Свердловска ушли тысячи вагонов со станками, различного рода инструментами и оборудованием, лесом, кирпичом, оконным стеклом, кровлей, продуктами питания и т.п.

Музы не молчали

Проявив в годину испытаний лучшие качества работника и воина, Свердловск не останавливался и в своем социокультурном развитии. Он стал признанным центром науки. Здесь продолжал работать Уральский филиал АН СССР, действовало большое количество научно-исследовательских институтов, достаточно длительное время размещался Президиум Академии наук, была сформирована и энергично трудилась Комиссия по мобилизации ресурсов Урала и Сибири на нужды обороны страны. Практически все НИИ вели изыскания, направленные на совершенствование и развитие военного производства. С помощью ученых модернизировались конструкции, внедрялась и осваивалась новая передовая техника, снижалась трудоемкость изготовления продукции, приводились в движение внутренние резервы промышленных предприятий. Крупные научные открытия и замечательные изобретения, имевшие важное оборонное значение, сделали в Свердловске ученые В.И.Архаров, С.И.Ремпель, Р.И.Янус, М.Н.Михайлов, Я.С.Шур, С.В.Вонсовский, Л.Д.Шевяков, П.К.Кикоин, В.Н.Козлов, В.В.Михайлов, Г.И.Чуфаров, Н.С.Сиунов, И.Я.Постовский и другие.

В годы войны Свердловск оставался и крупнейшим центром образования. Город

располагал хорошо отлаженной вузовской системой, значительно усиленной за счет эвакуированных учебных заведений. За военный период в столице Среднего Урала побывали 9 вузов: Московский государственный университет, Киевская консерватория, Ленинградская лесотехническая академия, Белорусский (Гомельский) лесотехнический, Киевский ветеринарный, Ленинградский горный, Московский торфяной институты, Московский центральный институт физической культуры и Военно-воздушная академия имени Н.Е.Жуковского. Деловое сотрудничество свердловских и эвакуированных вузов взаимобогащало их научную и педагогическую деятельность, способствовало совершенствованию учебно-воспитательного процесса. В конце войны в Свердловске было образовано два новых высших учебных заведения: Театральный институт и Вечерний машиностроительный институт. Увеличили количество кафедр и факультетов Уральский государственный университет и Свердловский сельскохозяйственный институт. В целом, вузовская система образования Свердловска, несмотря на трудности военного времени, доказала свою жизнеспособность, подготовив 15 тыс. специалистов высшей квалификации.

Достаточно успешно развивались системы общеобразовательных школ, средних специальных учебных заведений и трудовых резервов. В частности, в 1945 г. в городе действовали 92 общеобразовательные школы, где работали 1955 учителей, обучавших 60693 учеников.

Война не остановила культурную жизнь Свердловска. В городе плодотворно работала писательская организация, укрепившая свои ряды за счет прибывших в эвакуацию литераторов. В Свердловском отделении Союза писателей, насчитывавшем 64 человека, творили 36 москвичей, 5 ленинградцев, 2 киевлянина, 1 смолянин и 20 свердловчан. Среди них такие известные мастера, как М.Шагинян, А.Караванова, Ю.Верховский, А.Барто, Ф.Гладков, Е.Пермяк, А.Коц, Л.Кассиль, К.Мурзиди, Л.Гроссман и другие. Был создан и активно действовал литературный центр под руководством П.Бажова.

При полном аншлаге проходили патристические спектакли свердловских теат-

*Артисты и сотрудники свердловского театра оперы и балета
на занятиях по огневой подготовке*

ров и концерты Свердловской филармонии. Горожане имели возможность наслаждаться высоким искусством артистов Московского художественного академического театра и Центрального театра Красной Армии, временно эвакуированных в столицу Среднего Урала, слушать выступления гастролировавших в городе Д.Ойстраха и Э.Гилельса, хора имени Пятницкого, художественно-музыкальных коллективов под управлением Л.Оборина и Е.Свешникова. В тяжелые годы войны Свердловск создал все условия для творчества выдающимся музыкантам и композиторам Т.Хренникову, А.Хачатуряну, В.Шебалину, Р.Глиэру, Д.Кабалевскому и другим. Столицу Среднего Урала без всякого преувеличения можно было назвать центром музыкальной жизни всего Уральского региона, ведь в годы войны здесь жили и плодотворно работали 40 членов Союза композиторов. Творческое содружество литераторов и музыкантов давало замечательные плоды. В Свердловске были написаны многие песни, ставшие чрезвычайно популярными, имевшие

убедительную мобилизующую силу. К ним, в первую очередь, относится песенное произведение Т.Хренникова и А.Барто «Уральцы бьются здорово», прославлявшее отвагу и мужество уральских воинов, а также лирическая песня «Ой туманы мои, растуманы» В.Захарова и М.Исаковского.

Песенное искусство было всегда любимо жителями Свердловска. Военное лихолетье объективно усилило тягу к народным музыкальным истокам. Поэтому неслучайно именно в этот период в городе были организованы Уральский народный хор, хор областного радиокомитета и оркестр народных инструментов.

Интенсивно, в ритме времени, работали свердловские художники, многопланово отражая в своих живописных произведениях события войны, мысли и чувства борющегося народа. В военный период изпод кисти Г.Ляхина, А.Вязникова, Г.Мелентьева, П.Васильева, В.Говоркова, А.Давыдова, Н.Голубчикова, М.Радина, Ю.Бершадского и многих других вышел целый ряд произведений, отличавшихся

*Группа уральских художников на персональной выставке Ю.Бершадского.
Свердловск, 1945 г.*

высоким мастерством, наполненных идеей беззаветного служения Отечеству. Демонстрация этих произведений на многочисленных выставках стала одной из самых действенных форм патриотического воспитания народа. Все вернисажи, проводимые в Свердловске в годы войны, вызывали повышенный интерес у специалистов и зрителей, однако самым примечательным из них стал «Урал — кузница оружия», проведенный в 1944 г. при участии не только художников-свердловчан, но и деятелей изобразительного искусства многих других городов страны.

Важнейшим направлением развития культуры Свердловска в военный период было кино. В городе действовала широкая сеть кинотеатров, осуществлявшая прокат фильмов патриотического содержания. Проводились различного рода кинофестивали и оборонные рейды, привлекавшие к просмотру художественных картин большое число зрителей. Свердловск являлся одним из крупнейших центров страны по производству документальных фильмов. Единственная на Урале студия кинохроники запечатлевала трудовую жизнь региона, превратившегося в опорный край державы. За годы войны свердловскими кинематографистами было выпущено на экраны 242 киножурнала, включавших в себя 552 сюжета о рождении новых горо-

дов, о крупных стройках, о самоотверженном труде уральцев, об их братской помощи районам, освобожденным от немецкой оккупации. Огромная работа была проделана по съемке 136 сюжетов для союзного киножурнала на тему «Урал — фронту». Было создано также несколько короткометражных документальных фильмов: «Город Н», «Шестнадцатая параллель», «Урал — ЗИС», «Урал кует победу», «Свердловск — столица Урала» и ряд других. Всего за годы войны кинодокументалистами Свердловска было отснято около полутора миллионов метров пленки. В 1943 г. в городе начала работать студия художественных фильмов, в павильонах которой в 1944 г. был снят первый на Урале игровой фильм — «Сильва».

Несмотря на сложности военного времени, в городе продолжали функционировать библиотеки, издавались книги, выходили газеты. Новые действенные формы и методы работы в обслуживании посетителей использовали свердловские музеи. Свердловск принял и бережно хранил экспонаты Херсонесского археологического музея и бесценные сокровища Эрмитажа.

Война, неожиданно прервав мирную, размеренную жизнь Свердловска, ввергла его в пучину жестоких испытаний, заставила до предела напрячь все свои силы. Проявив лучшие качества воина и работ-

Ветераны Великой Отечественной войны, Герои Советского Союза: П. С. Шаров, Б. Г. Рассохин, П. Е. Гора, Н. И. Сыромятников. Апрель 1985 г.

ника, город не только выстоял под ударами военной судьбы, но значительно возмужал и окреп.

*Наш мирный город стал мудрей
И крепче во сто крат,
Как будто с ним судьбой своей
Делился Сталинград.
Как будто раны всех сердец
Он сердцем ощутил
И гнев тяжелый, как свинец,
Для недруга скопил.*

Эти строки поэтессы Ольги Высоцкой, написанные о Свердловске в самом конце войны, удивительно точно определяют место города в общем строю защитников Отечества, показывают изменения, произошедшие в его структуре под влиянием военного лихолетья. Основой этого были трудовые свершения и боевые подвиги его жителей, по праву отмеченные правительственными наградами. За годы Великой Отечественной войны орденами и медалями были награждены 26 промышленных предприятий Свердловска и 12,9 тыс. рабочих и служащих.

14. Время надежд и испытаний

*К мирной жизни:
успехи и диспропорции*

Как только закончились военные действия, правительство приступило к разработке нового пятилетнего плана. В марте 1946 г. этот документ был принят Верховным Советом СССР. Он предусматривал восстановление районов страны, опустошенных войной, достижение, а затем и превышение довоенного уровня производства в промышленности и сельском хозяйстве. В целом пятилетние задания ориентировали развитие экономики по предвоенным схемам. В соответствии с ними рост тяжелой промышленности должен был осуществляться в значительной мере за счет и в ущерб производства потребительских товаров и решения социальных вопросов.

Уралу в этих планах отводилась особая роль. Во-первых, его индустрия рассматривалась как одна из основных баз восстановления промышленности пострадавших во время войны районов. Во-вторых, созданный в крае военно-промышленный комплекс должен был, несмотря на частичную реконверсию, остаться важнейшим арсеналом страны. Естественно, что Свердловск как ведущий центр высокоразвитого машиностроения и качественной металлургии не мог остаться в стороне от решения этих задач.

Прежде всего необходимо было провести реконверсию промышленного производства. Однако переход к массовому выпуску продукции гражданского назначения требовал значительных усилий. Следовало перестроить работу конструкторских и проектных организаций, изменить технологию производства, хотя бы частично модернизировать оборудование, переобучить персонал. Для этого были нужны дополнительные средства, однако в связи с грандиозными восстановительными работами в западных районах страны на них был явный дефицит. В таких условиях можно было рассчитывать преимущественно на собственные силы.

Для изыскания внутренних резервов также требовалось время. И в этом заключалась одна из причин того, что в 1946 г. произошло резкое замедление темпов роста промышленного производства в городе. Не был выполнен план по выпуску валовой и товарной продукции, росту производительности труда и т.д. Ситуацию усугубляла нехватка кадров на промышленных предприятиях, низкий уровень их квалификации. Многие опытные рабочие, техники, инженеры, эвакуированные во время войны в Свердловск, возвращались в родные места. К 1945 г. население города уменьшилось по сравнению с 1943 г. на 11% и составило 488 тыс. человек. Только в 1946 г. с его предприятий уволилось около 27 тыс. рабочих и служащих. В результате промышленность города оказалась обескровленной. Положение стало меняться к лучшему лишь в связи с сокращением армии. К началу 1947 г. в Свердловск вернулось свыше 26 тыс. человек демобилизованных солдат и офицеров. Они влились в трудовые коллективы промышленных предприятий.

Одновременно ускорился процесс технологической перестройки производства. Ряд предприятий, в том числе Уралэлектроаппарат, Уральский турбомоторный завод, Уралхиммашзавод, Уралмаш, завод резинотехнических изделий, завод пластмасс и другие расширяли производственные мощности, активно внедряли серийность в новое производство. В результате уже в 1947 г. промышленность города досрочно справилась с плановыми заданиями и завершила перестройку на мирный лад.

Реконверсия промышленности отнюдь не означала всеобщего свертывания военного производства. В условиях обострения международной обстановки, связанной с началом так называемой холодной войны, этого и не могло произойти. Для поддержания высокого уровня боеспособности вооруженным силам требовались массовые поставки самой современной военной техники. Важный вклад в решение этой проблемы вносили предприятия Свердловска,

Маршал Советского Союза, командующий Уральским военным округом Г.К. Жуков на военном параде в г. Свердловске. 1 мая 1953 г.

как «кадровые» оборонные, так и относящиеся к гражданским отраслям промышленности. Особенно ответственными были задания, связанные с развертыванием на Урале в первые послевоенные годы атомного промышленного комплекса.

Напряженный труд свердловчан в сложнейших условиях послевоенного времени дал свои результаты. Валовой объем промышленной продукции города в 1950 г. превысил уровень 1946 г. почти в 1,7 раза. А по сравнению с 1940 г. он увеличился более чем в 5 раз. Особенно высокими темпами развивалось машиностроение и металлообработка, выросшая за это время в 8 раз.

Однако развитие промышленности осложнялось серьезными обстоятельствами. Так, на предприятиях, особенно выпускавших продукцию гражданского назначения, был высок удельный вес устаревших машин и механизмов. Большая часть производимого металлорежущего, кузнечно-прессового оборудования, промышленных приборов не отвечала современным требованиям. На предприятиях машиностроения наряду с высокой механизацией основных производственных процессов широко использовался ручной труд, слабо внедрялась стандартизация и унификация. Моральный и физический износ оборудования в легкой

и пищевой промышленности превышал все допустимые нормы.

Но главные диспропорции наблюдались в другой сфере. Хотя экономика находилась на подъеме, условия жизни населения улучшались крайне медленно. Особенно это было характерно для двух первых послевоенных лет. Нехватка продуктов питания, товаров повседневного спроса остро ощущалась после неурожая 1946 г. Несмотря на действующую карточную систему снабжения продовольствием, она привела к тому, что многие горожане находились на грани голода.

Ситуация несколько изменилась только к концу следующего года. Хороший урожай и успехи перевода промышленности на мирные рельсы позволили улучшить снабжение населения, расширить ассортимент товаров. Одновременно была отменена карточная система, установлены новые государственные цены и проведена денежная реформа, означавшая принудительное изъятие денег у тех, кто каким-либо образом накопил значительные суммы.

В результате этих мер большинство горожан выиграло. Но положение все равно оставалось тяжелым. Новые цены в три раза превосходили довоенный уровень, а заработная плата увеличилась только наполовину. Килограмм хлеба сто-

*Оркестр народных инструментов
Свердловского областного радиокомитета.
Дирижер В.В. Знаменский. 1946 г.*

ил 3—4 рубля, мяса — 28—32 рубля, шерстяной костюм — 1500 рублей. И это при зарплате, редко превышающей 500 рублей в месяц.

В последующие годы материальное положение горожан, хоть и не столь быстро, как хотелось, но все же улучшалось. Этому способствовала практика снижения цен на товары широкого потребления, осуществляемая правительством каждую весну начиная с 1949 г. Особенно значительным — на 20% — было снижение в 1950 г. В результате в 1952 г. индекс государственных цен уменьшился наполовину по сравнению с 1947 г. Одновременно более чем на треть выросла средняя зарплата.

Определенные сдвиги наблюдались и в решении жилищной проблемы. А она в связи с быстрым ростом населения в предвоенные и особенно в военные годы стала чрезвычайно острой. На 1 января 1945 г. на одного горожанина приходилось 3,63 кв. м жилья. За исключением крайне незначительной привилегированной части населения, большинство проживало в коммунальных квартирах, где на семью, как правило, приходилась одна комната. Многие были вынуждены селиться в неблагоустроенных помещениях, полуподвалах, лачугах и т.п. Большая часть жилого фонда находилась в аварийном состоянии. К 1950 г. положение удалось несколько улучшить. Это произошло благодаря новому строительству и капитальному ремонту жилого фонда. Однако быстрый рост населения — в 1950 г. его численность достигла 566 тыс. человек,

превысив на 15,9% уровень 1945 г. — практически свел на нет эти скромные успехи. Средняя обеспеченность жильем одного горожанина составляла всего около 5 кв. м. Иначе говоря, она находилась на том же чрезвычайно низком уровне, что и в конце 20-х гг.

Не менее остро стояли вопросы благоустройства, развития коммунального хозяйства и городского транспорта. Улицы и тротуары нуждались в ремонте. Водопроводные коммуникации и канализационные сети не удовлетворяли растущих потребностей населения и промышленных предприятий. Трамвайно-троллейбусное управление не справлялось с перевозками пассажиров. Организации, ответственные за эксплуатацию и развитие городского хозяйства, были маломощными, испытывали постоянный недостаток материальных ресурсов и рабочей силы. Самостоятельно они мало что могли сделать для улучшения положения, поэтому местные власти постоянно обращались к жителям города и предприятиям за помощью.

Эти призывы, к тому же подкрепленные административными мерами, имели результат. Только в 1949 г. свердловчане отработали на строительстве трамвайных путей, водопровода, дорог, тротуаров, озеленении территорий 300 тыс. человеко-дней. Во многом благодаря такой поддержке удалось к 1950 г. построить и ввести в эксплуатацию около 10 км трамвайных путей, решить многие другие неотложные проблемы развития городского хозяйства.

Заметные изменения произошли и в архитектурном облике города. В ходе реализации генерального плана его застройки развернулась реконструкция ул. Свердлова. Были снесены старые, покосившиеся, подчас крайне ветхие дома, и на их месте построены пятиэтажные многоквартирные здания. Эта улица, соединяющая центр Свердловска с железнодорожным вокзалом, стала своеобразной «визитной карточкой» города. Так же интенсивно застраивался пр. Ленина на участке Втузгородка. Было положено начало формированию площади Парижской коммуны. В числе наиболее заметных сооружений конца 40-х — начала 50-х гг. следует отметить здания исполкома городского Совета народных депутатов, кинотеатра «Урал», дворцов

культуры Уралэлектротяжмаша, железнодорожников на Сортировке.

Трудности послевоенных лет не могли не сказаться на развитии культуры, образования, науки. Тем не менее и в этих сферах городской жизни был сделан определенный шаг. Особое внимание уделялось общеобразовательной школе, укреплению ее материальной базы. Уже в 1947 г. и 1948 г. было введено в эксплуатацию по одной школе на 400 мест каждая. В последующие годы строительство школ осуществлялось нарастающими темпами. Это позволило существенно улучшить условия обучения школьников, способствовало повышению его качества.

Дальнейшее развитие получило высшее образование. В 1949 г. в Уральском политехническом институте открылся физико-технический факультет, а в 1952 г. — радиотехнический и факультет строительных материалов. В Уральском лесотехническом институте начали действовать лесоэксплуатационный и лесохимический факультеты. Успешно работал Уральский филиал АН СССР (УФАН), ведущее научное учреждение региона. О его несомненных успехах свидетельствовал, в частности, тот факт, что по итогам соревнования филиалов и баз Академии наук в 1947 г. УФАИ занял первое место.

Высокую активность демонстрировали писатели, художники, деятели музыкальной культуры. Однако их творчество как и прежде находилось под строгим идеологическим контролем партийных организаций, старавшихся не допустить никаких отклонений от жестких рамок «социалистического реализма». Новый виток ужесточения политики в отношении литературы был связан с вышедшим в августе 1946 г. постановлением ЦК ВКП(б) по поводу литературных журналов «Звезда» и «Ленинград», где они осуждались за «низкопоклонство перед Западом». Нечто похожее было предпринято и в отношении других видов искусства, а также науки и образования. Подверглись нападкам композиторы Шостакович, Прокофьев за то, что их музыка якобы не содержала ничего, кроме диссонансов. Затем развернулась борьба с «безродными космополитами» и «преклонением перед буржуазными авторитетами», в котором обвинили ряд представителей

общественных наук и даже естественнонаучных дисциплин.

Такие кампании инициировались сверху. Но докатывались они и до провинции, оборачиваясь многочисленными собраниями с соответствующими «разоблачениями» и «оргвыводами». Свердловск не составлял в этом исключения. Так, гонениям подверглись члены литературного кружка Уральского университета. Им вменялось в вину допущение «идеологически невыдержанных выступлений на заседаниях кружка». И, естественно, кружок был распущен. Подобные акции, конечно, касались прежде всего творческой интеллигенции, негативно сказываясь на ее деятельности. Однако они ухудшали и общий психологический климат в городе. Тем не менее, в целом, порожденный войной патриотический подъем позволял сохранять достаточно высокую степень общественного согласия и веру в лучшее будущее.

Новые рубежи

Середина 50-х гг. стала для страны временем надежд и ожиданий. Затянулись раны войны. Нарастало темпы промышленное производство. Улучшилось по сравнению с первыми послевоенными годами материальное положение населения, в первую очередь городского. Одновременно наметились значительные перемены в общественно-политической жизни. Вместе с тем, становилось все более очевидным, что исключительная ориентация на развитие

Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н.С. Хрущев выступает на митинге трудящихся г. Свердловска. Уктусский аэропорт. 20 июля 1956 г.

Встреча премьер-министра Индии Д. Неру в аэропорту «Кольцово» г. Свердловска. Июль 1955 г.

тяжелой промышленности, приоритетное внимание количественной стороне производственного процесса, недооценка роли научно-технического прогресса, пренебрежение социальными вопросами нуждаются в пересмотре. И такой маневр в определенной мере был осуществлен.

Смерть Сталина и последующие затем изменения в руководстве страны открыли возможность для корректировки социально-экономической политики. Был взят курс на ускорение научно-технического прогресса, увеличение производства потребительских товаров, повышение образовательного уровня и профессиональной квалификации работников, решение давно назревших социальных проблем.

Реализация этих установок сыграла значительную роль в развитии экономики Свердловска во второй половине 50-х—60-е годы. Основу его промышленности по-прежнему составляли машиностроительные предприятия. На них было занято свыше 60% трудоспособного населения города. Вместе с тем, увеличение продукции машиностроения в основном достигалось посредством реконструкции, расширения и технического перевооружения действующих предприятий, обновления и модернизации оборудования. И масштабы этой работы были чрезвычайно объемны. Достаточно сказать, что даже техническая оснащенность флагмана индустрии города — Уралмашзавода — не соответствовала требованиям времени. Так, в конце 50-х гг. 45% его уникальных металлорежущих станков имели возраст 20 лет и более, то есть работали с момента пуска завода и, естественно, устарели как

морально, так и физически. Не лучше обстояло дело на турбомоторном заводе, где требовалась замена трети действующего парка кузнечно-прессового и металлорежущего оборудования, и других предприятиях.

В результате проведенных работ особенно значительно обновили и увеличили мощности такие предприятия машиностроения, как Уралмаш, Уралхиммаш, Уралэлектротяжмаш, завод им.Калинина, турбомоторный завод. Активно реконструировались также другие предприятия тяжелой промышленности: Верх-Исетский металлургический и шинный заводы, заводы пластмасс и резино-технических изделий и т.д.

Техническое перевооружение промышленности города имело огромное значение для страны, поскольку по многим видам машин и оборудования свердловчане являлись основными поставщиками. Так, три четверти всей руды и до 80% нефти добывалось машинами с маркой «УЗТМ». Трансформаторы и выключатели свердловского производства были установлены на важнейших энергосистемах страны. Большой объем выпускаемого оборудования шел и на экспорт, что свидетельствовало о высоком качестве отдельных видов продукции. Вместе с тем, многие ее образцы не соответствовали мировым стандартам. В значительной мере это объяснялось неэффективностью действовавшего механизма хозяйствования, не создавшего должных стимулов для внедрения в производство новейших достижений науки и техники.

Во второй половине 50-х—60-е годы велось и новое промышленное строительство. В основном возводились предприятия, чья продукция была ориентирована преимущественно на потребительский рынок: комбинаты камвольный и жировой, по разливу вин и производству шампанского, трикотажная и кондитерская фабрики, заводы керамических и гипсовых изделий, крупнопанельного домостроения. Их ввод в строй позволил в определенной степени диверсифицировать промышленность города, лучше удовлетворять повседневные нужды его населения. В целом же к началу 70-х гг. Свердловск подошел как крупнейший индустриальный центр страны, один из локомотивов ее развития.

Наряду с наращиванием экономического потенциала, техническим обновлением

производства важные сдвиги произошли и в социальной сфере. Поворот в лучшую сторону здесь также наметился в середине 50-х гг. В первую очередь были приняты меры по повышению жизненного уровня населения. Реализация этого курса осуществлялась посредством увеличения заработной платы вместо ранее практиковавшегося массового единовременного снижения цен. Прежде всего ее подняли у низкооплачиваемых работников. Одновременно повышалась роль тарифных ставок и окладов и соответственно снижалась доля премий и различных надбавок. Тем самым заработная плата ставилась в более жесткую зависимость от квалификации работников. В результате у трудящихся Свердловска она выросла с 1960 г. по 1970 г. почти в полтора раза. В то же время отставание заработной платы в социальной сфере, заложенное в годы индустриализации, продолжало сохраняться. Кроме того, в ряде отраслей промышленности города были необоснованно отменены зональные надбавки. Это свидетельствовало о тенденции к уравниловке, игнорировании принципа материальной заинтересованности.

В 1956 г. была сокращена до 42 часов рабочая неделя. В том же году был принят Закон о пенсиях. Средний размер пенсии по старости увеличился более чем в 2 раза, по инвалидности — примерно в 1,5 раза. По тем временам этот закон был лучшим в мире (самый низкий возраст выхода на пенсию, максимальная пенсия 120 рублей при средней зарплате 120 рублей).

Одновременно были предприняты меры по расширению сети больниц, поликлиник, родильных домов, санаториев, домов отдыха. В Свердловске строились медицинский городок в Чкаловском районе, медсанчасть на ВИЗе. Открывая в 1957 г. в Орджоникидзевском районе городская клиническая больница стала базой для терапевтической, хирургической и педиатрической клиник Свердловского государственного медицинского института. Быстрыми темпами развивалась специализированная медицинская служба. С 1960 г. при городской станции скорой медицинской помощи организуются кардиологическая и неврологическая бригады, оснащенные лабораториями с современной аппаратурой. Несколько позже создается широкая сеть кардиоре-

матологических и кардиологических центров и диспансеров, онкологических и флюорографических кабинетов.

В 1970 г. в Свердловске насчитывалось 56 больниц, 75 поликлиник и поликлинических отделений, 8 родильных домов и отделений в больницах, 9 женских консультаций, 17 диспансеров разного профиля, 9 санитарно-эпидемиологических станций, 8 институтов медицинского профиля, городская станция скорой помощи с пятью подстанциями и ряд других лечебно-профилактических заведений. Только в учреждениях горздравотдела работали более 3400 врачей и около 20 тыс. чел. медицинского персонала. Обеспеченность больничными койками на 10 тыс. человек населения была выше, чем в других городах Уральского региона.

Одним из наиболее значительных завоеваний социальной политики стало начало широкомасштабного жилищного строительства, базирующегося на заново созданной мощной строительной индустрии, на широкой механизации строительного производства. В 60-е гг. ежегодно стало сдаваться в эксплуатацию около 12 тыс. квартир, в то время как в середине 50-х гг. их число не превышало 3,5 тыс. В результате в этот период в новые квартиры переселилась почти половина жителей города и это с учетом того, что в 1967 г. численность населения Свердловска превысила один миллион человек.

Реконструкция началась с ул. Восточной. На месте примыкавших к ней кварталов с ветхими жилыми домами были построены пять микрорайонов. Здесь преобла-

*Президент Индонезии Сукарто
в г. Свердловске. 1956 г.*

Председатель Свердловского облисполкома А.В. Борисов, первый секретарь обкома КПСС К. К. Николаев и секретарь ЦК КПСС А.П. Кириленко встречают в аэропорту «Кольцове» первого секретаря ЦК Союза коммунистов Югославии И.Б. Тито

дали пятиэтажные крупнопанельные типовые дома. Были также возведены первые в городе шесть девятиэтажных жилых зданий с большими встроенно-пристроенными магазинами. Активно велась застройка Привокзальной площади. В 1960—1963 гг. реконструировали железнодорожный вокзал. Напротив вокзала выросла девятиэтажная гостиница «Свердловск» на 600 мест. На юго-западной стороне площади встали четыре десятиэтажных жилых дома, объединенные по первому этажу сплошным одноэтажным пристроем, в котором разместились магазины, кафе и комбинат бытового обслуживания. К середине 60-х гг. в основном завершилось оформление площади Парижской коммуны. Здесь было построено два жилых дома, выходящих фасадами на пр. Ленина. В первых этажах этих домов разместились магазин «Спортовары» и гастроном «Центральный», а также кафе «Театральное» и театр кукол.

Крупнейшим районом застройки стала Юго-Западная часть города. Это был самый большой район массового жилищного строительства. До конца 50-х гг. он представлял собой заболоченную территорию. А к началу 70-х это был уже большой жилой массив, состоявший из крупнопанельных пятиэтажных и девятиэтажных домов с пристроенными учреждениями торговли, бытового обслуживания, с детскими учреж-

дениями, школами и кинотеатром «Буревестник» на 600 мест.

Широкое строительство жилых пятиэтажных домов развернулось в районах Уралмаша и Эльмаша. Массив крупноблочных пятиэтажных жилых домов разместился по ул. Машиностроителей и Победы. На углу пр. Космонавтов и улицы Кузнецова был построен Дворец культуры им. Лаврова.

Крупный жилой микрорайон появился в районе Втузгородка по ул. Блюхера. Началась застройка микрорайона Пионерский, на месте одноэтажных деревянных домов. В районе Вторчермета между улицами Ферганской — Патриса Лумумбы — Братской — Агрономической сложился микрорайон пятиэтажных крупнопанельных жилых домов. Тогда же началась застройка пятиэтажными панельными домами жилого района Химмаш.

Массовое строительство позволило в значительной мере снять остроту жилищной проблемы, однако, к сожалению, не способствовало улучшению внешнего облика города. Необходимость в кратчайшие сроки построить как можно больше жилья привела в конечном счете к упрощению архитектурного облика домов, к безликости, одинаковости жилых кварталов. Ситуация усугублялась развернувшейся с конца 50-х гг. борьбой с так называемыми «архитектурными излишествами». Отошли в прошлое фасады, украшенные колоннами, пилястрами, лепниной, что было характерно для архитектуры 40—50-х гг. Крайне упрощенными были планировка и внутренняя отделка квартир. Ее стандартным типом стала так называемая «хрущевка» — двухкомнатная квартира, состоящая из проходной комнаты и спальни, с совмещенными туалетом и ванной.

Сознавая, что новые здания не украшают город, свердловские архитекторы вели застройку главным образом на окраинах, оставляя в неприкосновенности центр города. Именно на окраинах возникали новые массивы жилых домов. В центре же города, в самом историческом ядре, каких-либо масштабных работ не проводилось — строились лишь единичные объекты.

Тем не менее центральная часть Свердловска обогатилась несколькими общественными постройками. Это были новое здание ЦУМа, киноконцертный театр

«Космос» со зрительным залом на 2500 мест, Дом политпросвещения и другие. При отделке этих зданий использовались естественные материалы (мрамор, гранит) — красивые, долговечные и практичные в эксплуатации.

С развитием жилищного строительства развивалась и транспортная сеть города. С 1958 г. началось обновление трамвайного парка. Вагоны старого типа были заменены чехословацкими трамваями «Татра». Трамвай пришел в Пионерский поселок, соединил Кировский и Орджоникидзевский районы. Он стал основным видом городского транспорта. К концу 60-х гг. трамвай перевозил более 500 тыс. пассажиров в день. Одновременно открывались новые автобусные маршруты и троллейбусные линии. Однако в связи с бурным ростом жилищного строительства, появлением новых микрорайонов и расширением границ города транспортная проблема была еще далека от решения.

Много внимания уделялось наземным и воздушным «воротам» города. В 1961—1962 гг. была проведена реконструкция железнодорожного вокзала. Несколько позже развернулась реконструкция аэропорта «Кольцово». В 1963 г. здесь была построена гостиница «Лайнер» на 235 мест, а в 1967 г. сдан в эксплуатацию новый аэровокзал.

Развивалась телефонная связь. Были построены и введены в эксплуатацию несколько новых АТС. За 1955—1970 гг. емкость АТС увеличилась в 1,5 раза. Было построено новое здание междугородной телефонной станции на ул. Блюхера, оснащенное современным оборудованием. Началось внедрение автоматической междугородной связи, появились первые междугородные телефоны-автоматы. Это позволило создать в городе единую автоматизированную телефонную сеть, в которую вошли и телефонные станции промышленных предприятий и учреждений.

«Оттепель»

Середина 50-х гг. стала важным рубежом в развитии духовной культуры. С легкой руки писателя И.Эренбурга это время получило название оттепели. Либерализация политического режима, отказ от массовых

репрессий, призывы к большей инициативе, осуждение некомпетентного вмешательства в творческий процесс породили волну энтузиазма и надежд. С января 1958 г. в Свердловске начал выходить ежемесячный литературно-художественный журнал «Урал». С апреля 1958 г. — литературно-художественный и научно-популярный ежемесячный журнал для молодежи «Уральский следопыт». Они сыграли важную роль в распространении демократических идей, в консолидации творческой интеллигенции, оживлении литературного процесса не только в городе, но и в регионе в целом. Усилилось внимание писателей к историческому прошлому. В первую очередь их привлекали годы революции, гражданской войны, первых пятилеток. В числе вышедших тогда книг наибольший резонанс получила трилогия Н.Поповой «Заре навстречу», «Дело чести», «Верность», рассказывающая о революционном прошлом края. Свердловские писатели создали ряд произведений о рабочем классе, такие как романы В.Очеретина «Саламандра» (1958), «Сирена» (1962), повесть О.Корякова «Лицом к огню» (1960) и другие. Повышение интереса к истории побудило свердловских писателей обратить внимание на деревню. Эта тема получила развитие в романах П.Макшанихина «Родимая сторона», О.Марковой «Вечно с тобой» и других произведениях.

Напряженной творческой жизнью жили свердловские театры. В 50-е гг. в репертуар Свердловского театра оперы и балета вошли «Мазепа» и «Иоланта» П.Чайковского, «Семья Тараса» Д.Кабалевского, опера уральского композитора Г.Белоглазова «Охоня» и ряд других. Были поставлены балеты «Левша» Б.Александрова, «Бесприданница» свердловчанина А.Фридендера. В эти годы в театре работали такие известные деятели искусства, как певцы Б.Штоколов и И.Архипова, артисты балета К.Черменская, В.Наумкин. В 1966 г. театру было присвоено звание академического. В эти годы под руководством главного дирижера К.Тихонова и главного режиссера М.Минского театр поставил ряд удачных спектаклей: «Хованщина» М.Мусоргского, «Опричнина» П.Чайковского, «Обручение в монастыре» С.Прокофьева, балет «Спартак» А.Хачатуряна.

*Дворец культуры металлургов ВИЗа.
1957 г.*

Свердловский театр музыкальной комедии, любимый театр свердловчан, стал ведущим театром этого жанра в стране. В основном в нем ставились пьесы современных авторов. Такой же ориентации придерживался и Свердловский драматический театр. В репертуаре Театра юного зрителя были спектакли как для самых маленьких, так и для более старших зрителей. Это пьесы о молодежи: «Русские люди» К.Симонова, «Сто четыре страницы про любовь» и «Неожиданная осень» Э.Радзинского и другие. В 1964 г. стационарное помещение в центре города получил кукольный театр, ранее существовавший как передвижной. Репертуар театра включал десятки названий для самых маленьких зрителей.

Важную роль в культурной жизни города играла Свердловская государственная филармония. В ее залах звучала музыка Чайковского, Бетховена, Моцарта, Брамса, Рахманинова, Глазунова, Римского-Корсакова, а также современных композиторов Шостаковича, Хренникова, Хачатуряна, Прокофьева, Свиридова, Стравинского и других. Своими концертами симфонический оркестр филармонии завоевал широкую популярность не только у свердловчан, но и далеко за пределами города. В 1957 г. на Всесоюзном фестивале музыкальных коллективов в Москве оркестр был отмечен дипломами I степени. На протяжении многих лет оркестром руководили

талантливые дирижеры: народный артист РСФСР М.Паверман, заслуженный артист республики А.Фридлендер, дирижер Н.Чунихин.

Во многих странах мира гастролировал коллектив Уральского народного хора. Основу его репертуара составляли старинный и современный уральский фольклор — песни, частушки, народные пляски и хороводы.

Вырос интерес свердловчан и к творчеству художников и скульпторов, активно посещались художественные выставки. Особенно крупной была выставка в 1957 г., посвященная 40-летию Советской власти. В 60-е гг. в регионе стали регулярно проводиться зональные тематические выставки «Урал социалистический» (1964 — Свердловск, 1967 — Пермь, 1969 — Челябинск и т.д.).

В 60—70-е гг. в творчестве свердловских художников по-прежнему преобладала производственная тематика. Значительное место в живописи занимал также историко-революционный жанр. Вместе с тем все больше художников начинает работать в жанре пейзажа. Получает развитие творчество портретистов. Зрелым мастерством были отмечены работы художников-графиков, оформителей книг. Серию высокохудожественных изданий (П.Бажов «Малахитовая шкатулка», В.Шекспир «Отелло» и др.) создал В.Волович — художник большого творческого диапазона.

К числу значительных скульптурных сооружений Свердловска этого периода можно отнести памятник воинам Уральского добровольческого танкового корпуса (скульпторы В.Друзель, П.Сажин, В.Беляев, архитектор Г.Белякин), сооруженный на привокзальной площади.

Творческая интеллигенция города объединялась в союзы. «Ветераном» среди них была Свердловская областная организация союза писателей РСФСР. К началу 70-х гг. она насчитывала 33 члена, среди которых были В.Очеретин, Н.Никонов, В.Крапивин, Б.Рябинин, Ю.Трифонов и другие известные всей стране писатели.

Осенью 1957 г. было создано Свердловское областное отделение Союза журналистов, а к 70-м гг. в нем состояло свыше 600 членов. Отделение организовывало

областные семинары, конференции, проводило ежегодные творческие конкурсы на лучшие журналистские работы. При Союзе работал Свердловский городской общественный университет печати. На двух его факультетах читали лекции опытные журналисты-практики и преподаватели факультета журналистики УрГУ.

В 1958 г. в Свердловске было организовано областное отделение Союза кинематографистов. Его секции к 1970 г. объединяли более 60 членов. Успешно работало Свердловское отделение Союза композиторов, преобразованное в 1966 г. в Уральскую организацию Союза композиторов. В 1961 г. при Союзе была создана молодежная секция. Творчество свердловских композиторов пользовалось широкой известностью в стране.

Свердловская организация Союза художников РСФСР к началу 70-х гг. насчитывала свыше 100 членов, многие из них были известны за пределами региона. Она вела работу по пропаганде искусства, организовывала выставки, оказывала помощь самодеятельным художникам. Столь же многочисленным было и Свердловское отделение Союза архитекторов СССР. В 1971 г. в нем состояло около 120 членов. Отделение принимало активное участие в разработке генерального плана развития города до 2000 г., утвержденного правительством в 1972 г.

Крупнейшим в республике после Москвы и Ленинграда было Свердловское отделение Всероссийского театрального общества, объединявшее около 600 деятелей театров города и области, театральных критиков, педагогов театрального училища и консерватории. Проводились регулярные обсуждения репертуара и отдельных спектаклей свердловских театров, организовывались лекции, беседы и встречи с артистами и деятелями театрального искусства.

Методическим центром художественной самодеятельности стал Дом народного творчества, оказывавший помощь при организации и проведении смотров, фестивалей, праздников песни, конкурсов, выставок работ самодеятельных художников и мастеров народного и декоративно-прикладного искусства. При Доме народного творчества работали секции театральная, хоровая,

преподавателей балетных танцев, самодеятельных композиторов, а также Уральская межобластная фольклорная комиссия.

Образование и культура

Во второй половине 50-х и в 60-е гг. был сделан важный шаг в развитии образования, обусловленный переходом к всеобщему обязательному восьмилетнему обучению. Это потребовало массового строительства новых школ. Одновременно развивалась сеть школ-интернатов, школ с продленным днем, специализированных школ для детей, имеющих недостатки в физическом и умственном развитии.

В 1970/71 учебном году в Свердловске насчитывалось более 170 общеобразовательных школ, из них 95 средних, в которых обучались 141 тыс. человек. Подъем переживали и вечерние школы, где обучались не только молодежь, но и люди старшего возраста. Это диктовалось запросами производства, предъявлявшего растущие требования к уровню образования. В это время в городе работали 44 школы рабочей молодежи, в которых учились свыше 22 тыс. человек.

Переход к восьмилетнему всеобучу потребовал повышения уровня подготовки учительских кадров. В Свердловском педа-

*Уральский государственный университет
им. А.М. Горького (пр. Ленина, 51).
1953-1957 гг.*

Академик АН СССР И.П. Бардин выступает на Первом Свердловском областном съезде инженеров и техников. 1958 г.

гогическом институте были открыты музыкально-педагогический, спортивный, дефектологический факультеты, факультет учителей начальных классов.

Наряду с общеобразовательными школами росла сеть профессионально-технических училищ, средних специальных учебных заведений. К 1970 г. в Свердловске насчитывалось 35 таких заведений, готовивших специалистов для различных отраслей народного хозяйства. Среди них был и старейший в стране горно-металлургический техникум им. И.И.Ползунова, политехнический, радиотехнический, два строительных, автодорожный и другие техникумы.

Продолжала расти сеть высших учебных заведений. В 1956 г. был открыт Уральский электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта — один из крупнейших вузов страны, готовивший специалистов для Урала и восточных районов страны. В 1967 г. на базе филиала Московского института народного хозяйства и экономического факультета Уральского государственного университета был создан Свердловский институт народного хозяйства (ныне Уральский экономический университет). В 1972 г. на базе Уральского филиала Московского архитектурного

института открылся Свердловский архитектурный институт. Появились новые факультеты и кафедры в Уральском государственном университете (философский), Уральском политехническом институте (теплоэнергетический, технологии силикатов), Уральской консерватории (кафедры народных инструментов, актеров музыкальной комедии, оперно-симфоническое отделение). Вечерний факультет Уральского политехнического института был создан на Уралмашзаводе. К 1970 г. в Свердловске насчитывалось 14 вузов, в которых всеми формами обучения (дневной, вечерней и заочной) было охвачено свыше 85 тыс. студентов.

В 60-е гг. дальнейшее развитие получила наука. В Уральском филиале Академии наук СССР были открыты новые институты — геофизики, электрохимии, биологии, был создан отдел экономических исследований. Одним из крупнейших научных центров страны стал руководимый чл.-корр. АН СССР С.В.Вонсовским Институт физики металлов, где была разработана общая квантовая теория твердого тела.

В процессе совместной работы лабораторий и конструкторских бюро крупных предприятий с академическими и научно-исследовательскими институтами возник новый тип научного учреждения — заводской научно-исследовательский институт. В 1959 г. появились первые такие ин-

Зональное совещание художников Урала в г.Свердловске. Январь 1960 г.

*Слева направо:
преподаватель УрГУ Б.В. Павловский,
народный художник СССР В.А. Серов,
художник А.Ф. Бурак, начальник областного
управления культуры А.В. Зимин*

Профессор М.О. Клер обсуждает с молодыми геологами результаты экспедиции на север Свердловской области. 1963 г.

ституты при крупных заводах — Уралмаше и Уралэлектроаппарате. Так, созданный на базе конструкторских отделов, технологических служб и центральной лаборатории Уралмашзавода НИИтяжмаш имел в своем составе 6 конструкторских отделов, 3 технологических, 41 лабораторию, вычислительный центр. Его разработки — полностью автоматизированная крупнейшая в Европе вращающаяся цементная печь, самая мощная в мире агломерационная печь, установка для непрерывной разливки стали радиального типа и другие — соответствовали самым высоким мировым стандартам.

Тогда же был открыт Научно-исследовательский проектно-технологический институт горного машиностроения. В его состав входили 23 исследовательские лаборатории и отделы, опытный завод. Институтом были разработаны и внедрены в производство новые конструкции фасонного твердосплавного инструмента, прогрессивные методы обработки — электрофизические, ультразвуковые, алмазные и др. В 1970 г. на Международной выставке в Брно одна из машин, созданных институтом, была удостоена золотой медали. Всего к началу 70-х гг. в Свердловске было более 100 научно-исследовательских институтов, в которых работали 5 академиков, 10 членов-корреспондентов АН

СССР, около 350 докторов наук, более 3750 кандидатов наук.

В 1971 г. Уральский филиал Академии наук СССР был преобразован в Уральский научный центр (УНЦ), куда вошли наряду с учреждениями УФАНа институты физики металлов, математики и механики. Председателем президиума УНЦ стал академик С.В.Вонсовский. С организацией УНЦ развитие фундаментальных исследований в области технических, естественных и общественных наук, их вклад в производство, координация научных исследований получили еще больший размах.

Стремление широких масс к знаниям, к культуре привело к созданию новой формы общественных объединений — народным университетам культуры. Для работы в них привлекались преподаватели школ и вузов города. Один из первых таких университетов начал работать в январе 1959 г. на Уралмаше. Однако в скором времени эти университеты превратились в средство идеологического воздействия. Перед ними ставилась задача «повышения коммунистической сознательности масс, их идейно-политическое воспитание». Таким образом широкое массовое движение за приобщение к культурным ценностям было низведено до одной из форм пропагандистской работы и уже к началу 70-х гг. фактически слилось с ней.

15. На пороге «перестройки»

Реалии экономической жизни

Свердловск вошел в 70-е гг. как крупнейший промышленный, научный и культурный центр Урала. Однако его развитие в этот период не поддается однозначной оценке. В первую очередь оно определялось общим состоянием дел в стране. С одной стороны, наблюдался рост производства, культурного и научного потенциала, происходило определенное повышение жизненного уровня населения. С другой — все больше проявлялись диспропорции в социально-экономическом развитии, нарастали кризисные явления в духовной сфере. В экономике успехи достигались лишь там, где можно было продолжать незавершенные индустриализационные процессы, основываясь на принципах директивно-административного управления. Прежде всего это относилось к промышленному комплексу. В то же время в стороне от научно-технического прогресса оказались целые отрасли производства, ориентированные на потребительский рынок. Застой в экономике неминуемо отразился на духовном состоянии общества. Но кризис не обрушился на страну в одночасье, он постепенно нарастал с начала 70-х гг., захватывая одну за другой различные сферы общественной жизни.

К этому времени в Свердловске действовало более 170 промышленных предприятий. Ведущее место среди них по-прежнему занимали машиностроительные заводы, продукция которых составляла более половины общего объема производства. Свердловские предприятия оставались крупнейшими поставщиками оборудования для металлургической и горнорудной промышленности страны. Гигант отечественной индустрии Уралмаш играл ведущую роль в освоении основных месторождений нефти и газа. Так, до 80% нефти, добываемой в Советском Союзе, получали из скважин, вскрытых буровыми установками, изготовленными на Уралмаше. Выпускаемым заводом оборудованием было укомплектовано три четверти доменных печей страны. Лучшие образцы промышленной продукции предприятий го-

рода (экскаваторы, прокатные станы, турбины, самоходные буровые установки и т.п.) экспортировались в 60 стран мира. За 1971—1975 гг. свердловчане создали 2 тыс. образцов новейшей промышленной продукции, освоили более 600 машин, приборов и аппаратов, около 4 тыс. видов материалов, изделий и продуктов. Нарастающий дефицит товаров культурно-бытового назначения заставил руководство города налаживать их производство на собственной индустриальной базе. В первой половине 70-х гг. на Уралмаше, машиностроительном заводе им. Калинина, Уралхиммаше, Уральском турбомоторном заводе их выпуск увеличился в два—три раза.

Однако прирост промышленной продукции достигался в основном за счет экстенсивных факторов. Качественные экономические показатели (рост производительности труда, изменения фондоотдачи) неуклонно ухудшались. В начале 70-х гг. на предприятиях города предпринимались попытки внедрить механизмы хозрасчета, поставить заработную плату в прямую зависимость от конечных результатов труда, установить жесткий контроль за качеством продукции. Однако эти попытки в рамках сложившейся системы экономических отношений не давали должного результата. Так, руководство Уралмаша выступило инициатором создания комплексной системы управления качеством продукции, предусматривающей жесткий контроль за качеством на всех стадиях ее изготовления: на этапе выработки проектно-конструкторских решений, в ходе технологической подготовки производства, в процессе самого производства, на этапе реализации и сбыта, а также при эксплуатации и обслуживании готовых изделий. Но на практике подобные мероприятия осуществлялись формально, вне связи с реальными стимулами производства и поэтому ничего принципиально не меняли.

С особой остротой перед предприятиями города во второй половине 70-х гг. встали задачи реконструкции производства. Только за 1976—1980 гг. было механиз-

*Разрушение дома
инженера Ипатьева,
где в июле 1918 г. был
расстрелян последний
российский император
с членами его семьи.
Сентябрь 1977 г.*

Ведущий конструктор УЗТМ, Герой Социалистического Труда Г.П. Химич, секретарь ЦК КПСС А.П. Кириленко, первый секретарь Свердловского обкома КПСС Я.П. Рябов. 1973 г.

ровано и автоматизировано 530 участков и линий, внедрено свыше 3 тыс. новых технологических процессов, около 4 тыс. единиц полуавтоматического и автоматического оборудования. Но ни один из планов преобразования производства не был всеохватывающим и последовательным. Все они предполагали лишь частичное техническое перевооружение производства. В то же время внедрение новых, соответствующих техническому уровню производства форм хозяйствования плохо сочеталось с централизованным снабжением и ценообразованием. Отсутствие какой-либо конкуренции на внутреннем рынке при засилии производителей-монополистов уничтожало всякую заинтересованность последних в повышении качества выпускаемой продукции.

Снижение темпов интенсификации отразилось не только на качественных показателях, но и на общем объеме производства. С начала 80-х гг. промышленность города в целом стабильно не выполняла план по объему производства. В числе отстающих были такие крупнейшие предприятия, как Свердловмашприбор, подшипниковый, шинный заводы, мясокомбинат, производственные объединения «Турбомоторный завод», «Уралэлектротяжмаш», «Уралхиммаш». Производительность труда росла в среднем вдвое медленней, чем основные производственные фонды. К середине 80-х гг. стало очевидным, что многие виды техники, выпускаемой предприятиями города, значительно уступают мировым образцам.

В этот период были, конечно, и примеры успешного решения хозяйственных про-

блем. К их числу можно отнести создание крупного пригородного сельского хозяйства. Благодаря ему в Свердловске, в отличие от других городов, не было серьезных перебоев в снабжении населения продовольственными товарами. Вплоть до середины 80-х гг. свердловчанам удавалось избежать талонной системы распределения товаров первой необходимости, введенной к этому времени во многих регионах. Семь государственных сельскохозяйственных предприятий, находящихся в зоне административного подчинения городу, поставляли значительную часть продуктов в торговую сеть. В начале 80-х гг. на их долю приходилась половина овощей, более 60% яиц.

Развитие производства, в значительной мере базирующегося на морально и физически устаревшем оборудовании, обострило экологическую ситуацию в городе. Это вынудило предпринять меры по ее оздоровлению. В 1975 г. были сданы в эксплуатацию южные очистные сооружения на реке Исеть, а в 1976 г. — комплекс механической очистки и дезинфекции загрязненной отходами воды. В 1977 г. было разработано «Положение о порядке проведения работы по охране природы на предприятиях и в организациях». Оно, в частности, предусматривало поэтапное совершенствование организации производства и технологии, выполнение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, материальное стимулирование мероприятий, направленных на улучшение экологии производства. Примером его осуществления на практике может служить введение бессточных технологий на ВИЗе. Однако в большинстве случаев капиталовложения, выделяемые на охрану природы, осваивались лишь на 50—70%.

Многие экономические проблемы, с которыми столкнулся Свердловск в рассматриваемый период, были напрямую связаны с социально-демографической ситуацией. С 1970 по 1985 гг. численность городского населения увеличилась на 340 тыс. и составила 1,36 млн человек. В то же время заметно снизились темпы ее роста. За 1959—1980 гг. по темпам роста населения на Урале Свердловск переместился со второго на предпоследнее место. Во многом это было связано с изменением характера миграционных процессов. Долгие годы

Генеральный секретарь ЦК Болгарской компартии Т. Живков (в центре) в аэропорту «Кольцово». Конец 1970-х гг.

удельный вес мигрантов в приросте населения города составлял не менее $2/3$, но, начиная с 70-х гг., он постепенно сокращался и в 1981 г. сравнивался с естественным приростом. Сокращение притока мигрантов вело к нарастанию дефицита рабочей силы на предприятиях и в организациях, усугубляющегося неэффективностью ее использования.

Определенные сдвиги произошли и в социальной структуре. К началу 80-х гг. лидирующее положение по-прежнему занимали рабочие (они составляли 60% всего населения), в то же время наметилась тенденция увеличения доли служащих за счет роста занятых в научных, учебных и проектных институтах, а также в управленческом аппарате (в Свердловске этот показатель был в 2,5 раза выше, чем в целом по стране).

Зримые перемены

В 70-е гг. заметно изменился облик города, завершилось формирование его современной планировочной структуры. Генеральный план развития города до 2000 г., утвержденный в 1972 г., предусматривал меры по ограничению роста промышленной базы, вывод за территорию Свердловска экологически неблагоприятных предприятий, ликвидацию барачного и аварийного жилья (на 1973 г. в городе было зарегистрировано 13257 барачков). В то же время, согласно плану, полностью сохранялся лесопарковый пояс, поэтому жилищное строительство намечалось осуществить за счет сноса ветхого жилья и проведения мелиоративных работ на торфяниках и болотах. В соответствии с генеральным планом го-

род был разделен на семь административных районов: Орджоникидзевский, Железнодорожный, Верх-Исетский, Кировский, Ленинский, Октябрьский, Чкаловский. В состав этих районов вошли рабочие поселки, возникшие в свое время вокруг крупных промышленных предприятий, такие как Уралмаш и Эльмаш в Орджоникидзевском районе, Вторчермет — в Чкаловском, Сортировочный — в Железнодорожном, а также новые микрорайоны: Академический, Парковый, Комсомольский.

В начале 70-х гг. московский институт «Гипрогор» разработал проект детальной планировки центральной части города, включающей всю территорию старого Екатеринбурга. Авторы проекта вернулись к традиционной для Свердловска идее «крестового» развития, основанного на пересечении поймы реки Исеть и главной улицы — проспекта Ленина. Центральное место в проекте отводилось строительству монументального архитектурно-художественного ансамбля — Исторического сквера. Он был открыт к 250-летию города в 1973 г. В 1977 г. завершено сооружение площади Советской Армии, расположенной на пересечении улиц Первомайской и Луначарского (архитектор Л.П.Винокуров). В 1979 г. Свердловск был включен в число исторических городов Российской Федерации. К этому времени в городе было поставлено на учет более 270 памятников истории и культуры, среди них 45 памятников республиканского значения. В 1981 г. Горисполком принял решение о создании первой охранной зоны по ул. 8 Марта — от ул. Малышева

Секретари Свердловского обкома КПСС на субботнике по уборке картофеля: Л.Ф. Бобыкин, В.А. Житенев, Ю.В. Петров, Н.М. Дудкин, Б.Н. Ельцин. Сентябрь 1980г.

Панорама центральной части г. Свердловска. 1980 г.

до ул. Радищева. Реальные же шаги в этом направлении были предприняты лишь в 1984 г., когда началось восстановление памятников деревянного зодчества по ул. Сакко и Ванцетти.

Несмотря на экономические трудности, которые переживал Свердловск в 70-е — начале 80-х гг., за десятилетие (с 1973 по 1983) в городе были сооружены такие уникальные здания, как Театр юного зрителя, детский кинотеатр «Салют», цирк, Дворцы культуры завода РТИ и Уралмаша, Дворец молодежи, открыт возрожденный Театр оперы и балета. Появились новые жилые районы — Академический и Юго-Западный с высотными 9-, 12- и 16-этажными домами (первые два 16-этажных дома были построены в 1976 г. на пересечении ул. Ясной и Шаумяна), Новая Сортировка, возникшая на обширной территории между районами Заречный, Сортировочный и Уралмаш, на месте одноэтажного поселка Красная звезда. Однако уже во второй половине 70-х гг. темпы жилищного строительства заметно сократились. Не реализованным остался проект застройки Академгородка за юго-западным лесопарком. С большим отставанием от жилья

вводились объекты социальной инфраструктуры.

Веление времени

70-е гг. стали для Свердловска еще одним этапом на пути его превращения в крупнейший научный центр страны. В 1971 г. на базе Уральского филиала АН СССР был создан Уральский научный центр. В его задачи входило развитие фундаментальных исследований в области естественных и общественных наук, разработка научных проблем, способствующих экономическому и социальному прогрессу края, а также координация деятельности отраслевой и вузовской науки, подготовка высококвалифицированных научных кадров. Научные школы Уральского научного центра, которые возглавили С.В.Вонсовский, Н.А.Ватолин, Н.Н.Красовский, В.Д.Садовский, С.С.Шварц и другие видные ученые, имели большой авторитет в мировом научном сообществе. К середине 80-х гг. он объединял одиннадцать институтов, один отдел и Ильменский государственный заповедник. Подразделения УНЦ наладили сотрудничество с производственными объек-

*Строительство Дома Советов
в г. Свердловске, 1980-е гг.*

динениями «Уралмаш», «Уралхиммаш», Верх-Исетским металлургическим заводом, учреждениями медицинского профиля. Развитие институтов шло по линии расширения профильной ориентации научно-исследовательских работ. В составе Института металлургии были организованы отдел комплексных проблем машиностроения и лаборатория порошковой металлургии. В Институте экономики создан отдел истории. В рамках научного центра были разработаны комплексные научно-исследовательские программы: «Недра Урала», «Черная металлургия Урала», «Урал-биосфера», «Воды Урала» и другие. По ряду важнейших направлений свердловские институты осуществляли координацию исследований в масштабах всей страны. Так, Научно-исследовательский институт горного дела возглавлял работы по открытой добыче железных, марганцевых и хромитных руд; Всесоюзный научно-исследовательский институт металлургической теплотехники — по важнейшим направлениям развития черной металлургии. В середине 70-х гг. в Свердловске было сосредоточено 97% научных и научно-педагогических работников области, обучалось свыше 95% всех студентов Среднего Урала.

В 70-е гг. в городе появились два новых высших учебных заведения — Свер-

дловский архитектурный институт и Свердловский инженерно-педагогический институт. В середине 80-х гг. в Свердловске насчитывалось уже 14 вузов, в которых обучались более 88 тыс. студентов, и 34 средних специальных учебных заведения, готовивших свыше 45 тыс. специалистов. В 1980 г. отметили 60-летний юбилей два старейших вуза Свердловска — Уральский государственный университет и Уральский политехнический институт. Университет стал крупным учебным научно-исследовательским центром высшей школы на Среднем Урале. На его дневном, вечернем и заочном отделениях обучались более 7 тыс. человек. Ученые университета создали оригинальные научные школы и направления, добившиеся выдающихся научных результатов. В состав крупнейшего на Урале политехнического института входило 25 факультетов, на которых обучались свыше 25 тыс. студентов. В 70-е гг. по итогам союзных смотров лучших студенческих работ институт неоднократно занимал первые места. Помимо подготовки специалистов УПИ рекомендовал себя как крупнейший научно-технический исследовательский центр. В важнейший центр подготовки кадров превратился в эти годы Свердловский институт народного хозяйства. Три специализированных кафедры института были созданы при Уральском научном центре, в 1980 г. филиалы институтских кафедр были открыты на Уралмаше и ВИЗе. Серьезной реорганизации подвергся юридический институт. В 1976 г. здесь впервые в стране были созданы судебно-прокурорский, следственно-криминалистический факультеты, а также факультет правовой службы в народном хозяйстве, на котором осуществлялась подготовка юристов для работы на предприятиях. Расширился Свердловский горный институт, получивший новый учебно-лабораторный корпус и вычислительный центр, и Свердловский сельскохозяйственный институт.

Красочная палитра

Несмотря на жесткий идеологический контроль со стороны партийных и советских органов, культурная жизнь города в этот период была разнообразной и много-

Ново-Свердловская ТЭЦ. 1982 г.

гранной, насыщенной яркими, неординарными событиями. Свердловск по праву считался театральным городом. Ежедневно его театры и концертные залы посещали до 5 тыс. человек практически всех возрастов. В городе был один из лучших в стране театров музыкальной комедии и прекрасная опера. Постановки классического репертуара, далекие от сиюминутного политиканства и злободневной публицистики, находили живой отклик в сердцах благодарных зрителей. Чего нельзя было сказать о свердловском драматическом театре. Зажатое в узкие рамки партийного руководства, драматическое искусство, по существу, оставалось на уровне 30-х гг. Известный в свое время театральный коллектив превратился в один из многочисленных, ничем не примечательных провинциальных театров, под стать своему обветшавшему, разваливающемуся зданию.

Заметное место в музыкальной жизни Свердловска занимала филармония. В 70-е гг. руководителем Свердловского симфонического оркестра работал талантливый музыкант В.Кожин, ставший впоследствии дирижером Ленинградского Малого театра оперы и балета. Многочисленных слушателей привлекали концерты органной музыки и выступления ансамбля народных инструментов «Аюшки».

Деятельность творческих организаций оживлялась в преддверии юбилеев и празднования Дня города (впервые он отмечался 18 ноября 1978 г.). Театры готовили новые спектакли, областное отделение Союза художников проводило тематические выставки, композиторы принимали

участие в конкурсах на лучшее музыкальное произведение. Обновлялись экспозиции музеев, картинной галереи. В ее работе в эти годы наметилось новое интересное направление. Сотрудники галереи перешли к детальному научному изучению и анализу произведений, хранящихся в фондах и представленных в экспозициях. Регулярно стали проводиться выставки, посвященные различным периодам в истории искусства. Среди наиболее заметных из них можно назвать выставку произведений художника А.И.Корзухина (к 135-летию со дня рождения); «Портреты неизвестных», представившую творчество русских художников XVIII–XIX вв., «Русская гравюра XVIII в. — первой половины XIX в.», «Древнерусская живопись в собрании галереи» и другие. Коллекции картинной галереи пополнились новыми произведениями искусства, в том числе этюдами Левитана и Куинджи, двумя женскими портретами неизвестного художника XVIII в., образцами фарфора XIX в. и другими экспонатами.

В экспозициях современных художников отразились сложные философские и нравственно-психологические проблемы, волновавшие «семидесятников». К началу 80-х гг. в фондах музея насчитывалось около 5 тыс. экспонатов, представлявших искусство России, Франции, Италии, фламандскую живопись. На рубеже 70–80-х гг. под воздействием эмоционально-критического настроения, царившего в обществе, творчество художников претерпевает существенные изменения. Иносказание, сарказм, социальная ирония видны в произведениях О.А. и В.В. Штукатуровых, А.А.Алексеева-Свинкина, В.И.Реутова и других. В иносказательной форме художники говорили то, что не могли сказать публицисты. Яркое свидетельство тому — творчество В.Воловича.

Свердловчане всегда бережно относились к своему прошлому. История города, его успехи и достижения нашли отражение в музейных экспозициях. В 70-е гг. в Свердловске появились новые музеи — при Уралхиммашзаводе, Уральском электромеханическом заводе и лесотехническом институте, Уральском территориальном управлении по гидрометеорологии. Но наибольшее число посетителей по-прежнему

*Оркестр народных инструментов Уральской государственной консерватории
1980-е гг.*

привлекали старейшие музеи Свердловска — областной краеведческий (преобразованный в 1979 г. в Свердловский государственный объединенный историко-революционный музей), Уральский геологический и Дом-музей П.П.Бажова.

Огромной популярностью пользовался кинематограф. Число кинотеатров к середине 80-х гг. выросло до 21. Премьерные показы лучших отечественных и зарубежных фильмов становились заметным событием в культурной жизни города. В 70-е гг. в Свердловске появились специализированные кинотеатры, рассчитанные на определенные группы зрителей: детский двухзальный кинотеатр «Салют», театр хроникально-документального и повторного фильма «Урал». Тем не менее, имеющаяся разветвленная сеть кинотеатров не могла в полной мере удовлетворить потребности горожан. Сложившаяся структура киносети отличалась заметной диспропорцией между численностью населения отдельных районов и количеством зрительных мест в расположенных здесь кинотеатрах. Так, в Железнодорожном районе, где проживало менее 1/10 населения города, было сосредоточено более 1/4 всех мест городской киносети, почти столько же, сколько в трех таких крупных городских районах, как Чкаловский, Верх-Исетский и Октябрьский, насчитывающих 43,4% горожан. Для жителей этих районов очереди в билетные

кассы на премьерные показы стали повседневным явлением.

Не последнюю роль в культурной жизни города играли клубные учреждения. К середине 80-х гг. в Свердловске насчитывалось около 80 клубов, Домов и Дворцов культуры, которые стали основной базой развития самодеятельного художественного творчества, довольно популярного в эти годы. Многие самодеятельные коллективы были хорошо известны далеко за пределами города, среди них хоровая капелла, камерный оркестр ДК УЭТМ, оркестры эстрадно-симфонический, духовой и народных инструментов, мужской хор студентов юридического института, хоровая капелла студентов УПИ и другие. На фестивале, посвященном 250-летию города, свердловчане открыли для себя «Уральские самоцветы» — художественный коллектив, объединивший ансамбль народного танца и народный хор ДК Уралэлектротяжмаша. Многие участники этого коллектива стали профессиональными певцами, танцорами, хореографами. Не случайно одноименное название получили летние фестивали художественной самодеятельности, ежегодно проводившиеся в городе с 1979 г.

Крупнейший культурный и научный центр, Свердловск играл ведущую роль в развитии библиотечного дела на Среднем Урале. Более 600 библиотек города предлагали читателям широкий выбор научно-тех-

*Лауреат международных конкурсов квартет «Урал».
1980-е гг.*

нической и художественной литературы. За пятнадцать лет, с 1966 по 1980 г., книжный фонд всех библиотек вырос более чем вдвое и составил свыше 36 млн экземпляров. Во многих библиотеках, прежде всего в библиотеке им.Белинского, библиотеках Свердловского государственного историко-революционного музея и Уральского государственного университета, проводилась успешная работа по дальнейшей специализации и дифференциации книжных фондов. Одним из результатов такой работы стало открытие в 1980 г. при библиотеке Уральского университета музея книги, в котором были представлены издания Ивана Федорова, редкие книги XVIII и XIX вв.

Но духовная жизнь городского сообщества не исчерпывалась деятельностью учреждений культуры. Перелом, произошедший в общественном сознании на рубе-

же 70–80-х гг., был естественной реакцией людей на повседневную действительность, которая оставляла все меньше места для веры в «светлое будущее» и «идеалы социализма». Негативное восприятие реальности проявлялось по-разному: от пассивного ухода из общественной жизни до правового нигилизма. Все активнее заявляли о себе ростки новой «антигосударственной» культуры, зародившиеся в городской среде (авангардное направление в живописи, рок-ансамбли, самиздат и т.д.). Наиболее восприимчивой к новым воззрениям оказалась молодежь. Не случайно в годы «перестройки» город стал центром политических и экономических преобразований на Урале. Весь предшествующий период подводил горожан к осознанию необходимости глубоких перемен во всех сферах жизни.

РАЗДЕЛ VI
МЕЖДУ
ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

16. Импульсы обновления

От стагнации к кризису

К середине 1980-х гг. Свердловск во многих отношениях являлся примером передового индустриального центра союзного значения, концентрирующего на своей территории важнейшие узлы межотраслевых связей. По итогам Всесоюзной переписи населения, проведенной в январе 1989 г., численность его населения достигла 1367 тыс. человек, что было на 13% больше, чем в 1979 г. Численность занятых рабочих и служащих составляла более 760 тыс. человек, или 55,6% всего населения Свердловска. Однако в последующие два года — в период усиления кризисных явлений в экономике города — при общей стабилизации численности населения произошло заметное сокращение его активной части — более чем на 20 тыс. человек. Показателем развития новых форм занятости, связанных с негосударственным сектором экономики, стало постепенно растущая доля населения города, занятого в кооперативном секторе и индивидуальной трудовой деятельностью. В отраслевом разрезе ведущими сферами занятости населения в 1991 г. являлись промышленность (41,5% всего активного населения), строительство (10%), транспорт (8,6%), просвещение (8,5%), торговля (7,9%).

Основой экономики города и его гордостью являлся крупнейший в стране машиностроительный комплекс, представленный мощными предприятиями и объединениями различного профиля: металлоемкого машиностроения (нефтебуровое оборудование, строительные и дорожные машины), станкостроения, производства инструментов, приборостроения, точной механики, производства сложной аппаратуры и механизмов. Крупнейшие всемирно известные предприятия «столицы» Урала — Уралмаш, Уралхиммаш, Уральский турбомоторный завод, Уралэлектротяжмаш — рассматривались и по своим экономическим масштабам, и по технологическому уровню как вершины советской индустриальной мощи. Реконструируемый с начала 1970-х гг. Верх-Исетс-

кий завод являлся крупнейшим предприятием передельной металлургии, важнейшим поставщиком трансформаторных сталей. Нефтехимический сектор экономики Свердловска был представлен заводом резинотехнических изделий, шинным заводом. Все более значительную роль в социально-экономическом развитии города к началу 1980-х гг. играли крупные предприятия текстильной, легкой, мукомольной и пищевой промышленности. Однако в силу нарастания неблагоприятных тенденций в народном хозяйстве и социальном секторе, замедления темпов обновления основных фондов предприятий развитие города постепенно утрачивало характерный для предшествующих десятилетий экономический и социальный динамизм. В то же время в промышленности Свердловска происходили определенные позитивные сдвиги, проявившиеся в усилении комплексности производства, интенсификации процесса реконструкции и технического перевооружения действующих предприятий. На открывавшемся период так называемой перестройки совещании в ЦК КПСС по вопросам ускорения научно-технического прогресса (11 июня 1985 г.) Свердловск закономерно рассматривался как один из крупнейших научно-индустриальных центров страны, призванных стать генераторами ускоренного развития научно-технического прогресса, формирования на этой основе наукоемкого типа развития производства.

Однако намеченные рубежи интенсификации производства оказались далеки от реального масштаба накопившихся в прежние годы проблем. Значительные объемы устаревшего оборудования, достигавшие на крупнейших предприятиях Свердловска (Уралэлектротяжмаш, Уральский турбомоторный завод) 50–60%, и сохранявшиеся в 1986–1987 гг. низкие темпы обновления основных фондов (3–4% в год) не позволяли надеяться на быстрый перелом в ситуации. Крупные объемы реконструкции предприятий не были в достаточной степени обеспечены капиталовложениями, а напряженные производственные задания

Председатель Совета Министров СССР Н.И. Рыжков (второй слева) на строительстве станции метро «Проспект космонавтов» в г. Свердловске. Февраль 1987 г

предприятий машиностроительного комплекса Свердловска в значительной мере обесценивали эффект многих проводимых организационно-технических мероприятий (госприемка, аттестация рабочих мест, переход на двух- и трехсменный режим работы). Сохранилась слабая восприимчивость к техническому прогрессу, медленные темпы внедрения новых технологий. Руководящий состав промышленных предприятий Свердловска зачастую переоценивал свои успехи. Это свидетельствовало о распространении самоуспокоенности и психологической инерции и серьезно тормозило процесс технико-технологических инноваций.

В значительной мере с попытками ускорить темпы научно-технического прогресса в уральской промышленности было связано решение о создании в 1987 г. с центром в Свердловске Уральского отделения Академии наук СССР. Влияние «большой» науки на развитие региона и его «столицы» выразилось прежде всего в стимулировании новых форм соединения науки и производства (межотраслевые научно-технические комплексы, внедренческие центры, опытно-промышленные базы), пе-

редаче в промышленность ряда передовых научно-технологических разработок (ионные источники, малогабаритные импульсные и частично-импульсные генераторы рентгеновского и лазерного излучения и др.), развитии международных связей. За счет расширения старых и создания новых академических подразделений социально-гуманитарного профиля (экономика, экология, история, философия и право) было усилено внимание к сложным социальным проблемам развития Уральского региона. И хотя создание нового регионального академического отделения не могло в этот период коренным образом изменить ситуацию с внедрением достижений науки в экономическую и социальную практику, на долговременные перспективы развития Свердловска оно оказало серьезное влияние.

Сколько-нибудь значительная реконструкция затронула во второй половине 1980-х гг. лишь отдельные крупные предприятия города, в частности Верх-Исетский металлургический завод, где пуск цеха холодной прокатки с новейшими модификациями прокатных станков, освоение новых видов продукции (высококаче-

ственные виды трансформаторной стали) позволяли предприятию сохранять технологическое лидерство и широкие экспортные связи. Однако в конце 1980-х гг., когда нарушения дисциплины поставок, разрыв устойчивых связей между предприятиями превратились в массовое явление, даже успешно работавшие гиганты индустрии становились «заложниками» общей неблагоприятной ситуации. В результате на рубеже 1980—1990-х гг. промышленность города вошла в затяжную полосу депрессивного развития.

На пути к рыночным реформам

Нарастание кризисных явлений в экономической жизни закономерно поставило на повестку дня переход от преимущественно организационных мер стимулирования производства к структурным преобразованиям, связанным с повышением хозяйственной самостоятельности предприятий. С 1990 г. в промышленности и строительном комплексе Свердловска, прежде всего на небольших предприятиях, активно развивается аренда собственности, отрабатываются новые децентрализованные подходы к отраслевому управлению (ассоциации). Однако возможности повышения хозяйственной самостоятельности предприятий, их гибкой ориентации на потребительский рынок для крупнейших промышленных объединений города были ограничены. Осуществляя материально-техническое снабжение целых отраслей, многие из них (в частности, Уралмаш) почти в полном объеме были сориентированы на выполнение государственного заказа, под который выделялись ресурсы. Реализация важнейшей задачи перестроечных лет — увеличение выпуска товаров народного потребления — сталкивалась с многими финансово-экономическими и техническими трудностями, что неизбежно приводило к росту цен на продукцию. В Свердловске в 1990—1991 гг. на большинстве крупных предприятий (кроме военно-промышленного комплекса, который в условиях конверсионного спада вынужден был ускоренно переходить на производство товаров народного потребления) происходило снижение выпуска потребительских товаров.

С 1988 г. массовым фактором структурной перестройки экономики города, ее перехода на рыночные принципы хозяйствования становится развитие негосударственных форм собственности (кооперация, индивидуальная трудовая деятельность) и малого предпринимательства. С принятием Закона о кооперации в городе начался бурный рост кооперативов. Однако ряд дискриминационных мер, повсеместно применявшихся к кооперативным предприятиям (завышенные цены на ресурсы, налоговые преследования, высокая арендная плата), заставлял их компенсировать свои убытки за счет кошелька городского потребителя, что в свою очередь возбуждало против кооперативов (в частности, занимавшихся торгово-закупочной деятельностью) массовое общественное недовольство.

Быстро спавшую кооперативную «волну» зарождающегося предпринимательства сменил массовый рост малых предприятий. К этому сектору экономики первоначально были отнесены государственные предприятия со среднесписочным числом занятых не более 100 человек. В Свердловске нормативной основой развития малого бизнеса стало принятое 24 декабря 1989 г. специальное постановление правительства, согласно которому горисполком получал самостоятельное право регистрации малых предприятий. Одними из первых на новые экономические возможности среагировали комсомольские и молодежные организации, в связи с чем и этот первый, «зачаточный» этап формирования рыночной экономики получил условное наименование «комсомольского». Первые в городе малые предприятия возникли в рамках Свердловского городского центра научно-технического творчества молодежи (НТТМ), который был создан при городском комитете ВЛКСМ. Затем вопрос о развитии малого предпринимательства становится предметом серьезной заботы городских властей. Благодаря ряду их решений заметно ускорился процесс образования новых субъектов предпринимательской активности: уже в 1991 г. в городе было зарегистрировано 1562 новых малых предприятия, в которых работало 20,7 тыс. человек. Создавались они, как правило, при крупных промышленных предприятиях, строительных организациях, учреждениях науки.

Завершением первого «перестроечного» этапа структурных преобразований в экономике Свердловска стал переход к приватизации государственного и муниципального имущества. В 1990—1991 гг. эта кампания ограничивалась лишь первыми, подготовительными шагами, в частности были созданы органы управления приватизационным процессом: в декабре 1990 г. — Свердловский областной комитет по управлению государственным имуществом и областной Фонд имущества, в октябре 1991 г. — Екатеринбургский комитет по управлению городским имуществом и городской Фонд имущества. Разработка соответствующих программ приватизации происходила на фоне сложных процессов разграничения прежде единой государственной собственности на республиканскую (позже — федеральную), областную и муниципальную. Поскольку в этих условиях создание муниципального сектора экономики как основы сбалансированного, многоукладного местного хозяйства являлось относительно новой задачей, а централизованное управление в значительной степени распространялось и на предприятия, обслуживавшие городской рынок товаров и услуг, главным критерием в процессе разграничения государственной собственности для городского и районных Советов народных депутатов становилось закрепление в собственности города тех предприятий, которые могли бы в перспективе стать крупными источниками пополнения городского бюджета. Это в ряде случаев заставляло городской Совет форсировать ход событий, предпринимать односторонние шаги по закреплению в муниципальной собственности ряда предприятий города, вводить критерии оценки масштабов и экономического значения объектов собственности. Лишь к середине 1991 г. путем согласования позиций между областью и городом, создания соответствующей нормативной базы этот процесс принял планомерный характер. К середине 1991 г. к муниципальной собственности в Свердловске было отнесено лишь 1,4% городского имущества, в то время как союзно-республиканская собственность составила 75%, а областная — 23,6%. Этот структурный дисбаланс вызвал необходимость пересмотра прежних «социалистических» подходов к приватиза-

ции городских предприятий и служб (аренда с правом выкупа по остаточной балансовой стоимости), поиска новых финансовых возможностей для расширения муниципального сектора, динамичного развития предпринимательского сектора экономики, обслуживающего нужды города.

С 1991 г. в городе был начат процесс акционирования ряда крупнейших промышленных предприятий общегосударственного значения: Уралмаша, Уралхиммаша, Уралэлектротяжмаша и др. Как первый этап летом 1991 г. была проведена работа по преобразованию этих предприятий из производственных объединений союзного подчинения в российские государственные концерны с децентрализованной структурой управления (Уралмаш) или акционерные общества (Уралэлектротяжмаш). По программам «малой» приватизации, начавшейся в городе с декабря 1991 г., были выполнены лишь подготовительные мероприятия (инвентаризация городского имущества, определение очередности и направлений объектов приватизации, разработка адресных программ и т.д.). В 1991 г. были также определены основные направления и нормативы приватизации жилья.

Социальные проблемы

В развитии социальной сферы наблюдались противоречивые тенденции. Так, с начала 1980-х гг. в торговой сети Свердловска нарастал дефицит большинства потребительских товаров. Необеспеченность денежных доходов товарными ресурсами, рост затрат времени на поиск и покупку товаров, многочасовые очереди становились все более заметной чертой жизни города-миллионника. Сложная ситуация, сложившаяся с выделением городу фондов на основные виды продовольственных товаров в 1989—1991 гг., заставила перейти на нормированный (по талонам) отпуск основных продуктов питания (мясопродукты, яйца, масло животное, водка). С конца 1980-х гг. из месяца в месяц снижалось снабжение горожан товарами народного потребления. Необеспеченность многих видов производства товаров народного потребления государственными поставками ресурсов делала для предприятий города невыгодным выпуск этой продукции, а переход на бартер-

ные связи приводил к «вымыванию» большей части изделий с городского потребительского рынка. В 1991 г., по официальным оценкам, лишь 9–10% выпускаемых предприятиями города потребительских товаров оставалось непосредственно в городской торговле. Из-за многочисленных жалоб и обращений встал вопрос об ограничении вывоза за пределы города и Свердловской области крупных партий продовольственных и непродовольственных товаров. Это заставило власти прибегнуть к экстренным решениям, ввести контроль над крупными товарообменными операциями, влияющими на жизнь большого города. В начале 1991 г. решением Свердловского горсовета была создана система территориального заказа на продукцию предприятий города (в объеме 1% от общего выпуска) и образован городской фонд материальных ресурсов, в задачи которого входила организация крупных обменных операций на важнейшие продукты питания и непродовольственные товары. В первую очередь приобретаемые товарные ресурсы предназначались для снабжения наиболее уязвимых в социальном отношении категорий горожан (пенсионеры, инвалиды, малоимущие и многодетные семьи) через специализированную торговую сеть.

При фактическом разрушении системы «фондируемого» снабжения, произошедшем в 1990–1991 гг., отчасти разрядить ситуацию торгового дефицита и обеспечить ресурсами предприятия города позволяла формирующаяся биржевая сеть. В июле 1990 г. в городе была зарегистрирована первая из вновь возникших бирж — Свердловская товарная. В течение 1991 г., и особенно активно с осени, в Свердловске наблюдался биржевой «бум»: за короткий период в городе возникло около 15 товарных и специализированных товарно-сырьевых бирж. Общий биржевой оборот по городу составил в 1991 г. 1392, 1 млн руб. (в текущих ценах). Рост розничной торговой сети города также проходил достаточно интенсивно. С 1989 г. по 1991 г. численность предприятий розничной государственной торговли выросла с 801 до 1440, причем число продовольственных магазинов несколько уменьшилось (с 597 до 526), а предприятий непродовольственной торговли заметно вы-

росло (с 204 до 412). Парадокс, однако, заключался в том, что расширение торговых площадей все больше сопровождалось исчезновением с прилавков многих видов потребительских товаров. Расцвет бартерного снабжения, рост торгово-снабженческих кооперативов и малых предприятий приводили к тому, что значительные, трудно поддающиеся точной оценке объемы торговли все в большей степени осуществлялись на улицах города, вещевых и колхозных рынках, в киосках и стихийно возникающих в разных точках города мини-рынках.

С серьезными трудностями сталкивалось в период перестройки жилищное строительство Свердловска. К устойчивой тенденции падения темпов прироста общего жилого фонда города вело прежде всего происходившее в 1980-е гг. сокращение выделяемых на эти цели государственных капиталовложений: если в 1981 г. за их счет вводилось более 84% всего жилья по городу, то в 1986–1990 гг. этот показатель упал до 77,6%. Соответственно за 1985–1990 гг. годовой объем вводимой жилой площади в городе сократился с 625,7 до 572,8 тыс. кв. м. В следующем 1991 г. ввод жилья упал сразу на 16%. Общая норма обеспечения горожан жильем к этому времени достигла 15,2 кв. м общей полезной площади на 1 человека, в том числе 9,5 кв. м жилой площади. Этот рубеж стал отправным при проведении так называемой «бесплатной» приватизации жилья. Значительный ущерб жилищному фонду города и соответственно планам решения жилищной проблемы был нанесен произошедшим в начале октября 1988 г. аварийным взрывом в районе Сортировки.

Вместе с тем были отмечены и некоторые прогрессивные сдвиги в развитии технологии и организации жилищного строительства. Одним из его важнейших направлений стала комплексная застройка жилых микрорайонов города, переход к строительству домов повышенной этажности (9- и 16-этажных зданий) и улучшенной планировки. С конца 1980-х гг. разворачиваются работы по монолитостроению. Важнейшей общественной инициативой 1980-х гг., оказавшей заметное влияние на перспективные направления жилищной политики в городе, стало развитие молодежных жилищных

Беседа Президента СССР, генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева с рабочими УЗТМ. 26 апреля 1990 г.

комплексов (МЖК), которые не только предоставляли активной части молодежи возможность «заработать» свое собственное жилье, но и формировали совершенно новые социальные формы общежития в условиях большого города. По примеру образцового Комсомольского МЖК в Кировском районе подобные формы организации жилищного строительства стали внедряться в ряде других районов города (Уралмаш, район Уральского научного центра и др.). Свердловск стал одним из лидеров в развитии этого общественного движения, которое ярко вписалось в социально-политическую панораму перестроечных лет. Однако отдельные эксперименты не могли значительно повлиять на коренное изменение положения в жилищном секторе города, где к исходу перестройки сохранялся большой груз нерешенных проблем. Одной из таких «болевых» точек являлось сохранение значительных объемов ветхого жилья, особенно в Горнозаводском микрорайоне. Во всей остроте эту проблему поставило перед городскими властями активизировавшееся осенью 1991 г. общественное движение «Долой трущобы!».

Более стабильно развивался на рубеже 1980—1990-х гг. городской пассажирский транспорт. В этот период в городе макси-

мально расширился общественный автопарк и произошло увеличение числа внутригородских и пригородных (до аэропорта Кольцово) автобусных маршрутов. Продолжался рост троллейбусных линий (на Эльмаше); к концу 1980-х гг. их общая протяженность составила 125 км. До 175 км возросла к концу 1980-х гг. длина трамвайных линий. В 1991 г. городские пассажирские перевозки обслуживали 677 автобусов, 255 троллейбусов, 460 трамвайных вагонов, 897 таксомоторов. Качественное же улучшение городских пассажирских перевозок в это период было связано с продолжением строительства метрополитена. Интенсивность транспортных потоков при недостаточной пропускной способности уличных магистралей, особенно в центре города, значительный рост индивидуального автотранспорта (с 57,7 тыс. автомашин в 1985 г. до 81,4 тыс. в 1990 г.) настоятельно требовали ускорения темпов строительства городской «подземки». К концу 1990 года, в эксплуатацию были сданы первые три станции Свердловского метро — Проспект Космонавтов, Уралмаш, Машиностроителей; в 1992 г. к ним добавилась узловая по своему транспортному положению станция Уральская (в районе железнодорожного вокзала).

*Встреча Председателя
Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцина
в аэропорту «Кольцово» г. Свердловска.
15 августа 1990 г.*

На волне общественного подъема

На фоне этих экономических и социальных изменений заметные сдвиги происходили и в общественной жизни города. Наблюдался рост социальной активности горожан, выдвижение первых самостоятельных политических требований. В этот период на политической сцене Свердловска обозначилось несколько наиболее типичных направлений борьбы за реформирование общества. Малочисленные организации неформалов антикоммунистической направленности («Митинг-87», «Демократический Союз»), заявившие о себе в 1987–1989 гг., значительно уступали по масштабам активности набиравшему силу демократическому движению за «обновление социализма», еще сохранявшему надежды на реформирование КПСС. С 1987 г. таким влиятельным центром консолидации демократической интеллигенции Свердловска стала городская «Дискуссионная трибуна», развернувшая на своих собраниях свободное обсуждение злободневных социальных и политических проблем. Мощным фактором радикализации общественного мнения с 1987 г. стала также политическая активность Б.Н.Ельцина, неизменно находившая солидарную поддержку своих земляков. Осенью 1987 г., после его снятия с поста секретаря Московского ГК КПСС, в Свердловске состоялся первый массовый митинг протеста. Демократическая «революция ожиданий», отмеченная радикальными сдвигами к отрицанию

политической монополии КПСС, «бюрократического» характера перестройки, за короткое время способствовала преодолению более «правоверной», вполне типичной для индустриального Свердловска синдикалистской ориентации, представленной так называемыми движениями непосредственной «рабочей демократии» и «социалистического обновления» (Уральский Народный фронт, Объединенный фронт трудящихся и др.). Эти процессы происходили на фоне заметного падения авторитета городской и областной организаций КПСС. В течение 1990–1991 гг. со стороны многих рядовых коммунистов и крупнейших первичных партийных организаций города (например, на чрезвычайной партконференции Уралмаша в начале 1990 г.) звучала критика как политики КПСС в целом, так и городских партийных органов, не способных овладеть сложной экономической и продовольственной ситуацией в городе, конструктивно откликнуться на острейшие социальные проблемы.

Вместе с активизацией политической жизни проявилась отчетливая тенденция к демократизации и свободному творческому поиску в развитии образования и культуры города. Индустриальный облик Свердловска, города с преобладающим рабочим составом населения, оттенялся в 1980-е гг. все возрастающей активностью его научно-технической и творческой интеллигенции. На волне перестройки заметно оживилась литературная жизнь, особенно — социально острая публицистика, публикуемая на страницах журнала «Урал». В театральной

*Встреча Б.Н. Ельцина с народными
депутатами г. Свердловска и области
во Дворце молодежи. 15 августа 1990 г.*

жизни города наряду с достижениями профессиональных мастеров, отмеченными на уровне страны (Государственная премия 1987 г., присужденная создателям и постановщикам оперы «Пророк»), заметным явлением стал поиск новых современных форм искусства, создание профессиональных и самодеятельных коллективов. Объединению музыкальных профессиональных и любительских коллективов, пропаганде музыкального искусства способствовало создание в 1987 г. областного Музыкального общества. В 1986 г. был организован Свердловский рок-клуб, вокруг которого в конце 1980-х гг. расцвело оригинальное творчество молодежных рок-групп «Наутилус Помпилиус», «Чайф», «Агата Кристи». Заметным явлением музыкальной жизни Свердловска стали джазовые фестивали. В 1988 г. в Свердловске возникло городское кинообъединение, развернувшее пропаганду лучших отечественных и зарубежных фильмов; в это же время в городе стали проводиться всероссийские фестивали неигрового кино. Возрождению исторических традиций города посвятило свою деятельность созданное в 1988 г. Общество уральских краеведов. Активизировало работу Свердловское отделение Общества охраны памятников истории и культуры. Принципиально изменился характер традиционно проводимого в Свердловске Дня города. С 1987 г. из закрытых залов с торжественно-помпезным праздничным заседанием он шагнул на площади и улицы города, превратившись в общий праздник всех жителей города, ежегодный смотр лучших творческих достижений. Интенсивная научная и культурная жизнь Свердловска стала мощным «ферментом» общих процессов демократизации, роста общественной активности интеллигенции.

Создание в октябре 1989 г. «Движения за демократический выбор», а также кампании по выборам в депутаты Съезда народных депутатов СССР (1989 г.) и народных депутатов Верховного Совета РСФСР (1990 г.) привели к окончательной консолидации демократических сил города. На политической карте страны Свердловск прочно утвердился в качестве одного из ведущих центров демократического движения. В тревожные дни августа 1991 г., когда демократический по своим

политическим симпатиям Свердловск был выбран российским руководством в качестве «резервной столицы» на случай победы ГКЧП, решительная «антипутчистская» позиция городского Совета народных депутатов была поддержана стихийно созданными в городе стачкомами и Общественным комитетом защиты законной власти и Конституции России. На волне событий августа 1991 г. депутаты Свердловского горсовета, опираясь на поддержку населения, осуществили важнейший символический акт расставания с коммунистическим прошлым. 4 сентября 1991 г. внеочередная сессия Свердловского городского Совета народных депутатов 21-го созыва приняла решение «О восстановлении исторического названия города», а 23 сентября решение о переименовании Свердловска в Екатеринбург было утверждено Президиумом Верховного Совета РСФСР.

Однако эйфория победы демократических сил России не могла заслонить крупных проблем, непосредственно связанных с тяжелой социальной ситуацией в городе. Утверждение в городском Совете народных депутатов активного демократического большинства, живейшая реакция, с которым оно откликалось на острейшую политическую борьбу 1990–1991 гг. в стране, оборачивались бесконечными «митинговыми» страстями и выяснением политических позиций на сессиях городского представительного органа. Сама советская форма организации местной власти не позволяла ей решительно и эффективно действовать в сложной социально-экономической обстановке. Принятие законов СССР и РСФСР о местном самоуправлении, определявших порядок выборов глав администраций городов и районов, не привело к созданию в городе устойчивой исполнительной власти. Типичной становилась ситуация, когда городской Совет, находя поддержку у жителей города по принципиальным вопросам «большой» политики, подвергался с их стороны жесткой критике за бездействие в решении конкретных городских проблем.

Об этом красноречиво свидетельствовали тенденции в изменении избирательной активности горожан. Так, в выборах в городской Совет в марте 1990 г. участвовали лишь 57,7% горожан. Снижение активно-

сти избирателей отразило нараставшее среди горожан весной 1990 г. разочарование в способности властей (особенно местных Советов) навести порядок в экономике, ликвидировать товарный дефицит, решить социальные проблемы. Неопределенно-переходное состояние власти, когда старая политическая монополия КПСС терпела крах, а новые органы управления (Советы) еще только нарождались, уводило всю энергию в плоскость политической борьбы, а не конструктивного решения жизненных проблем горожан. К исходу 1991 г. эти

настроения стали еще более гнетущими. Социологические исследования, проведенные в Екатеринбурге, показали, что авторитет городского Совета, надежды горожан на его способность решать жизненно важные проблемы населения к осени 1991 г. резко упали даже по сравнению с «допутчевым» периодом (с 7,3 до 1,5%). Свои надежды на разрешение многих проблем развития города большинство его жителей связывали с провозглашенным российским руководством переходом к радикальным рыночным реформам.

17. В авангарде перемен

Трудные шаги реформ

В первый период рыночных реформ происходило трудное, мучительное приспособление промышленности города и городского хозяйства к новым реалиям, в которых противоречиво сочетались задачи реформирования общества и жесточайший кризисный спад. Резкое снижение объемов производства на предприятиях обрабатывающей промышленности усугублялось в Екатеринбурге высоким удельным весом оборонных предприятий, испытавших «шок» от резкого сокращения оборонных заказов и уменьшения военно-технического экспорта. Единственной бурно развивающейся сферой экономики в этот период стала инфраструктура рынка. В числе других крупнейших городов России (Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород и др.) Екатеринбург был в этом отношении одним из лидирующих центров. Развитие рыночной инфраструктуры способствовало уменьшению негативных последствий спада промышленного производства, созданию новых рабочих мест с высоким уровнем оплаты труда. В сжатые сроки фактически происходила важная трансформация сложившейся за годы индустриализации и послевоенных пятилеток экономической модели. Екатеринбург во все большей степени превращался в самостоятельный хозяйственный организм, чье развитие определяется уже не только экономическим положением расположенных здесь крупнейших промышленных предприятий, но и специфическими запросами городского хозяйства, особенностями функционирования социальной среды города, его потребительского рынка и так называемого «третичного» сектора, связанного с финансово-инфраструктурным обслуживанием экономических процессов.

Динамика развития промышленности Екатеринбурга 90-х годов отчетливо отразила существенные сдвиги в ее отраслевой структуре и отношениях собственности, формах взаимодействия города с субъектами хозяйствования. Перегруженность эко-

номики Екатеринбурга предприятиями машиностроения и металлообработки (37% общего объема промышленного производства в 1992 г.), включая оборонные заводы, предопределила более высокие, чем в целом в Свердловской области, темпы и глубину кризисного спада производства в 1992–1995 гг. Индекс физического объема промышленного производства в 1996 г. составил лишь 27,4% от уровня 1991 г. Доля Екатеринбурга в промышленной продукции Свердловской области снизилась с 17,3% в 1992 г. до 15,4% в 1995 г. Начиная с 1995 г. стабилизации и небольшого прироста достигли электроэнергетика, пищевая и полиграфическая промышленность. Во всех же других отраслях продолжался спад производства, хотя темпы его постепенно замедлялись. В 1997 г. снижение объемов производства сохранялось в ведущей отрасли экономики города — машиностроении (на 14% по сравнению с уровнем 1996 г.), лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности (23%), мукомольно-крупяной и комбикормовой (14%), медицинской (6%). Однако впервые за предшествующие годы был остановлен почти катастрофический спад в легкой промышленности. Стабилизировалось — в основном за счет увеличения выпуска высококачественных сталей на Верх-Исетском заводе — производство в черной металлургии. В структурном отношении эта сравнительная динамика развития промышленных отраслей отражала как проявления общего экономического кризиса, затронувшего практически все предприятия (взаимные неплатежи, проблемы сбыта продукции, недозагрузка мощностей и т.п.), так и новую прогрессивную ориентацию промышленности города на структуру местного и регионального рыночного спроса. На фоне продолжающегося общего снижения промышленного производства (на 14% за 1996 г., еще на 3% за 1997 г.) в течение 1997 г. произошел позитивный перелом (остановка спада и небольшой рост) в производстве потребительских товаров: пищевых продуктов (рост на 1—

2%), непродовольственных товаров (рост на 2%), товаров легкой промышленности (на 5,5%). За счет роста заказов на городское строительство практически стабилизировала свои показатели промышленность стройматериалов. Город вновь и достаточно заметно увеличил свое значение в региональной экономике (19% объема промышленной продукции Свердловской области). Все это отчетливо показывает, что экономика Екатеринбурга стала приобретать стабилизирующие «точки роста» и более «человеческое» лицо, то есть переориентировалась на структуру местного потребительского спроса.

Вместе с тем эти сдвиги высветили целый ряд сложных проблем, связанных с обеспечением перспектив экономического развития города. В условиях реформ, когда основные возможности «разогрева» экономики оказались связанными преимущественно с развитием ее потребительского сектора, обострилась и угроза необратимой утраты Екатеринбургом своей роли в качестве одного из ведущих научно-индустриальных центров России. Определявшие индустриальное лицо города крупные высокотехнологичные предприятия, имеющие длительные производственные циклы и сложную структуру взаимодействия со смежниками и партнерами, оказались наиболее уязвимыми в условиях кризиса неплатежей и инвестиционного спада. С учетом необходимости сохранения этих перспективных производств, а также исходя из финансовых (налоговые поступления в бюджет города) и социальных (поддержание высокого уровня занятости) интересов, городскими властями с первых лет реформ был взят курс на развитие различных форм организационного и производственного содействия индустриальным гигантам Екатеринбурга.

В первый период структурного реформирования промышленности (1992—1994 гг.) это содействие оказывалось в основном по организационной линии (приватизация и акционирование, участие в формировании Советов директоров предприятий и органов управления акционерных обществ). Проведенное в 1991—1992 гг. разграничение собственности на федеральную, областную и муниципальную позволило затем перейти к массовому акциониро-

ванию крупнейших промышленных предприятий. За 1992—1995 гг. в Екатеринбурге было акционировано 102 промышленных предприятия, на которых до приватизации работало 196, 1 тыс. чел. Приватизация резко изменила структуру собственности в промышленности города: в 1996 г. 55% всей промышленной продукции выпускалось предприятиями смешанной (акционерной) формы собственности, 28% — частными и лишь 17% государственными. Эти радикальные сдвиги в отношениях собственности не сопровождались, однако, заметным повышением жизнеспособности предприятий. В силу распыления капитала между группами акционеров, в том числе мелких, не удалось повысить эффективность управления, привлечь крупные инвестиционные ресурсы для реструктуризации производства.

Начиная с 1995 г., упор в промышленной политике города был сделан на создание экономических стимулов адаптации крупной промышленности к условиям рынка (льготы по арендной плате, налогам и платежам, зачисляемым в муниципальный бюджет; льготное кредитование; городские конкурсы продукции; формирование муниципального заказа на выпуск продукции для города; специальные экономические и информационно-маркетинговые программы и т.д.). При этом наиболее явно тенденция к оздоровлению проявилась уже в 1996 г. на тех промышленных предприятиях, где удалось в короткие сроки переориентировать производство на новые, пользующиеся повышенным рыночным спросом виды продукции. В числе лидеров оказались АО «Турбомоторный завод» (дизели и дизель-генераторы), АОЗТ им. Воровского (нефтегазодобывающее оборудование), АООТ «Уралхиммаш» и др. Во второй половине 1990-х гг. на предприятиях города создан ряд перспективных производств с участием зарубежных фирм: по выпуску нефтедобывающего оборудования (АО «Уралмаш» совместно с американскими фирмами «Катерпилар» и «Ойлвелл»), уникальных электросчетчиков (АООТ «Приборостроительный завод» совместно с фирмами Словении), распределительных устройств среднего напряжения и комплектных трансформаторных подстанций (Уральский электромеханический завод совместно с германской фирмой АЭГ).

*Посещение Председателя Правительства РФ В.С. Черномырдина
цехов АО «Уралмаш». 24 сентября 1994 г.*

Опыт работы ряда крупных промышленных предприятий и городских властей показал, что наиболее действенные меры оздоровления производства в 1995–1996 гг. были связаны с реализацией специальных программ, рассчитанных на выполнение областных и муниципальных заказов, кооперацию с российскими и зарубежными партнерами. Комплексный характер этих программ предусматривает не только разработку и выпуск новых прогрессивных видов продукции, но и широкую постприватизационную поддержку предприятий, включая модернизацию производства, формирование портфеля заказов, создание условий для привлечения внутренних и зарубежных инвестиций. С утверждением в 1995 г. Положения о городском муниципальном заказе предприятия Екатеринбурга приняли участие в реализации 147 перспективных бизнес-проектов по 12 направлениям (выпуск медицинской аппаратуры, запасных частей для городского электротранспорта, жилищно-коммунального хозяйства, связи и др.) на общую сумму 28 млрд руб. В 1995 г. на заводе Уралтрансмаш при содействии администрации города была разработана и принята к реализации крупнейшая целевая комплексная программа «Спектр» по выпуску трамваев нового по-

коления. Значение этой программы выходит далеко за рамки отдельного предприятия. Она предполагает масштабное использование промышленного потенциала города в развитии территориальной кооперации и привлечении на Средний Урал дополнительных инвестиций. В 1997 г. был выпущен опытный образец нового трамвая, а с 1998 г. намечено начать его серийный выпуск. В 1997 г. ряд промышленных предприятий города (Завод керамических изделий, «Промавтоматика», Уральский лифтостроительный завод и другие) работал над созданием новых видов продукции в рамках программы постприватизационной поддержки предприятий ТАСИС. Большое значение должно иметь размещение заказа компании «Лукойл—Екатеринбург» на производство модульных автозаправочных станций Опытным заводом блочных электроконструкций, которое было подкреплено осенью 1997 г. специальным соглашением.

Для содействия предприятиям города в реализации ими своей продукции и поиске новых партнеров в городе в 1997 г. был создан Межрегиональный торгово-промышленный центр. После значительного перерыва, вызванного разрывом хозяйственных связей, предприятия Екатеринбурга вновь стали восстанавливать связи с

партнерами из стран СНГ (Беларусь, Казахстан и др.) и российских регионов. Так, в рамках подписанного летом 1997 г. Договора о сотрудничестве Свердловской области и Республики Татарстан намечены поставки из Екатеринбурга многих новых видов сложной технической продукции, разработанной предприятиями города: медицинской техники (АО «Пневмостроймашина», ГП «Вектор», АООТ «Приборостроительный завод»), машин для уборки улиц (АО «Пневмостроймашина»), таксофонов, бытовых электрических и газовых плит, запасных частей для лифтов (ГП «Вектор»), многотарифных электросчетчиков (АООТ «Приборостроительный завод») и др.

Обозначив магистральные направления структурной и технологической перестройки индустриального потенциала города, эти инициативы ведущих екатеринбургских предприятий тем не менее не смогли обеспечить выхода из глубокой экономической депрессии. В 1996 г. из 160 крупных и средних промышленных предприятий Екатеринбурга лишь четверть сумела преодолеть падение производства. В ситуации кризиса неплатежей колоссальных размеров достигла кредиторская (5,6 трлн руб. за 1997 г. против 3,8 трлн в 1996 г.) и дебиторская (3,5 трлн за 1997 г. против 2,9 трлн в 1996 г.) задолженность предприятий города. Конверсионный процесс на предприятиях Екатеринбурга тормозился нерегулярностью расчетов государства за выполнение оборонного заказа. По-прежнему низкой оставалась рентабельность большинства производств. Становилось все более очевидным, что только комплексная перестройка всего технологического, инвестиционного и управленческого процесса может позволить предприятиям адаптироваться к жесткой рыночной конкуренции, провести ускоренную модернизацию основных фондов и, в конечном счете, выйти из кризисной ситуации.

Преодолению разрушительных последствий экономического кризиса способствовало развитие малого предпринимательства. Этот сектор являлся, пожалуй, наиболее динамичным в экономике города. В начале 90-х гг. предпринимательство рассматривалось прежде всего в качестве важнейшего инструмента преодоления кризиса

потребительского рынка, охватившего город, и смягчения сопутствующих ему негативных социальных последствий (поддержание занятости населения). С 1993 г. в городе осуществился переход от разовой и селективной поддержки малого бизнеса к ежегодно возобновляемым Программам поддержки малого предпринимательства. В целом число новых зарегистрированных юридических лиц (в основном субъектов малого предпринимательства) увеличилось с 28495 в 1993 г. до 45898 в 1997 г., а численность предпринимателей, работающих без образования юридического лица, — с 9883 до 46537. Хотя большинство малых предприятий по-прежнему было занято в сфере торговли и посреднических услуг, расширялась их активность в области финансовых операций, промышленного производства, строительства, бытовых услуг.

Своевременно сделанная руководством города ставка на развитие малого предпринимательства позволила уже в самый трудный период 1992—1995 гг. решить целый ряд взаимосвязанных экономических и социальных задач: удержать на относительно низком уровне безработицу за счет поглощения в новом секторе экономики высвобождающейся с крупных предприятий рабочей силы; создать реальную конкуренцию на большинстве рынков товаров и услуг; обеспечить дополнительные доходы значительной части населения. Политика городских властей в сфере развития и поддержки малого предпринимательства была направлена главным образом на укрепление материальной базы этого сектора экономики, оказание ему различных (информационных, консультационных, маркетинговых и т.п.) услуг. В 1996—1997 гг. активно велась работа по созданию цивилизованной инфраструктуры развития малого бизнеса. Созданы Информационно-выставочный центр, организующий регулярные выставки и ярмарки продукции малых предприятий, городской бизнес-инкубатор, оказывающий институциональную поддержку предприятиям, производящим полезную для города продукцию, муниципальное предприятие «Центр поддержки инвестиций». Вошло в практику оформление договоров городских властей и субъектов малого предпринимательства на аренду нежилых

помещений и реализацию под магазины, офисы и приемные пункты помещений первых этажей жилых зданий. Положительный эффект имела и деятельность администрации города по регулированию розничной торговли. Был осуществлен переход от беспорядочной и непрезентабельной стихии мелких киосков к созданию мини-рынков и остановочных комплексов. К концу 1997 г. преобразованная сеть «малой» торговли в городе включала 122 остановочных комплекса, 312 специализированных киосков, 483 павильона. Внедрение в 1997 г. новых условий уплаты налогов с этих торговых «гнезд» в городской бюджет (в зависимости от числа работающих под крышей мини-рынка предпринимателей) позволило не только упорядочить организацию розничной торговли, но и существенно пополнить доходы городского бюджета.

С экономическими реформами 1990-х гг. неразрывно связано развитие в Екатеринбурге широкой сети бирж, банков, кредитно-инвестиционных и страховых компаний, призванных обслуживать интенсивную деловую жизнь города. Характерными для этого начального этапа реформ стали бурный рост и стремительная «волнообразная» смена различных видов экономической активности, связанных с развитием коммерческого оборота материальных ресурсов, расширением экспортных связей крупнейших промышленных предприятий, их приватизацией и финансовым обслуживанием. Так, количественный рост товарных бирж Екатеринбурга (до 15) на старте реформ, в период организации регионального оптового рынка, сменился сокращением их числа, с одновременным укрупнением оборотов. В 1992 г. в результате слияния трех крупнейших товарных бирж в Екатеринбурге возникла товарно-сырьевая биржа «Урал», ставшая в конце десятилетия единственным в городе центром биржевого оборота, который объединял более тысячи юридических и физических лиц. В 1996 г. ее оборот, достигнув 183 млрд руб., в связи с переходом значительной части предприятий на прямые связи с поставщиками, по-видимому, стабилизировался.

Во многом аналогичные тенденции были характерны для развития банковской сферы. Значение Екатеринбурга как экономического, транспортного и административ-

ного центра области, высокий (несмотря на глубокий хозяйственный кризис) уровень концентрации капиталов в реальном секторе экономики уже на первом этапе рыночных преобразований обусловили ускоренное развитие здесь кредитно-финансовых институтов, как правило, банков, работающих с финансовыми потоками крупнейших промышленных предприятий. Так, к концу 1992 г. в городе функционировало более 60 коммерческих банков. Диверсификация капиталов банков за счет эмиссии и размещения акций, их активный выход на кредитный, фондовый и так называемый «розничный» (работа с вкладами населения) рынки уже в 1993—1994 гг. выявили слабость финансовых стратегий многих небольших банков. Это привело к сокращению числа банков в течение 1995—1997 гг. почти наполовину с одновременным более чем трехкратным увеличением их уставных капиталов. Одновременно Екатеринбург в силу своего финансово-экономического значения стал также объектом резко возросшей активности крупнейших российских банков. К весне 1995 г. в городе размещалось 19 филиалов крупнейших московских банков (среди них — Мосбизнесбанка, «Менатеп», Инкомбанка, Русского национального банка, Мост-банка, ГУГА-банка и др.) и 11 филиалов банков других регионов страны. Несмотря на все сложности, связанные с финансовой экспансией столичных банков на Урале, последняя создает условия для более крупной концентрации капиталов, усиления их инвестиционной составляющей и, в конечном итоге, способствует включению финансового рынка города в общероссийское и международное кредитно-финансовое пространство. Столица Урала привлекает внимание и ряда крупных зарубежных банков. В июле 1995 г. в городе было открыто представительство германского «Дрезднер-Банка» — первое зарубежное банковское представительство. Динамичный рост финансовой инфраструктуры Екатеринбурга, быстрое развитие здесь его «третичного» сектора, связанного со сферой кредитно-финансовых услуг, обеспечивают постепенное вхождение города в реалии постиндустриальной эпохи.

Для экономики города, обслуживания его бюджета важное значение имело уч-

Прием главой Правительства Свердловской области В. Г. Трушниковым делегации НАТО. Март 1994 г.

реждение в сентябре 1993 г. акционерного коммерческого Екатеринбургского муниципального банка — одного из самых молодых и динамично развивающихся банков города. Акционерами банка стали администрация города и 15 муниципальных предприятий. Пятикратное увеличение за первый год работы уставного капитала банка, устойчивые позиции на финансовом рынке, открытие сети филиалов в районах города во многом являлись результатом продуманной стратегии развития, направленной на эффективное использование средств городского бюджета, проведение вексельных расчетов в капитальном строительстве и энергетике, аккумулярование средств на жилищное строительство через размещение облигаций муниципального жилищного займа, являвшихся одним из самых ликвидных видов ценных бумаг на местном фондовом рынке.

В 1993-1998 гг. активно формировался фондовый рынок Екатеринбурга, становление которого было связано с процессом приватизации промышленных предприятий Урала. Учрежденная в феврале 1992 г. Екатеринбургская фондовая биржа к 1995 г. заняла по обороту совершаемых сделок третье место в стране (200–250 млрд руб.). До 15% оборота биржи в это время составляли продажи акций приватизированных предприятий. В последующие годы на бирже велась активная работа с другими видами ценных бумаг, среди которых преобладали областные краткосрочные облигации Свердловской области и жилищные облигации муниципального займа.

В комплексном развитии города роль важнейшего социально-экономического регулятора и значительного источника собственных доходов городского бюджета с начала 1990-х гг. играет муниципальный сектор, к которому были отнесены социально значимые объекты городской инфраструктуры: ряд предприятий торговли и общественного питания, бытового обслуживания, транспорта, учреждения здравоохранения и жилищно-коммунального хозяйства, культуры и спорта, городского благоустройства. Массовый перевод предприятий и учреждений в разряд муниципальных в основном происходил в 1992 г., практически параллельно с так называемой «малой» приватизацией, когда в городе были учреждено 525 муниципальных предприятий. Первоочередной приватизации подлежали те предприятия торговли, общественного питания и бытового обслуживания, которые уже фактически перешли под контроль предпринимательских структур. Основными формами «малой» приватизации в 1992–1995 гг. являлись коммерческие конкурсы, аукционы, выкуп арендованного имущества. Комбинированное использование этих форм, установление высоких цен выкупаемых помещений и объектов собственности позволило получить от продаж муниципальной собственности значительные средства. При этом особенностью политики городских властей в сфере приватизации муниципальной собственности был взвешенный подход к выбору ее объектов и форм, отказ от «поточных» методов ее проведения. В течение 1993–1994 гг. Комитетом по управлению городским имуществом целенаправленно выдерживалось разумное соотношение между процессами образования муниципальных предприятий и их приватизацией, что позволяло сохранять в руках городских властей управление наиболее важными с социальной точки зрения предприятиями и учреждениями. После 1994 г. рост муниципального сектора городской экономики резко сократился, и на первый план выдвинулись задачи эффективного управления муниципальным имуществом, его превращения в стабильный источник пополнения городских бюджетных доходов. К концу 1997 г. в городе действовало 388 муниципальных предприятий, в том числе объектов торговли —

А.М. Чернецкий на церемонии вручения Указа Президента РФ Б.Н. Ельцина о его назначении на должность главы администрации г. Екатеринбурга. Январь 1992 г.

100, общепита — 38, бытового обслуживания — 90, жилищно-коммунального хозяйства — 48, здравоохранения и фармации — 41, благоустройства — 17. Они вносили важный вклад в удовлетворение повседневных жизненных потребностей городского сообщества.

Противоречивые тенденции

В процессе реформирования экономики, а с ней и в значительной степени самих основ общественной жизни, социальное развитие Екатеринбурга в 1990-е гг. характеризовалось противоречивым сочетанием разноплановых тенденций. С одной стороны, общесистемный кризис оказывал разрушающее воздействие на социальную сферу, поэтому главная задача городского сообщества заключалась в сохранении достигнутых здесь рубежей. С другой стороны, постепенно закладывались основы, обещающие в будущем обеспечить переход к качественно новому уровню стандартов городской жизни.

Прежде всего экономический кризис сказался на динамике численности городского сообщества. Уменьшение рождаемости, повышение уровня смертности в течение 1993—1997 гг. привели к сокращению населения города с 1336,5 тыс. до 1317,8 тыс. чел. Однако с 1994 г. смертность населения начала снижаться, а в 1996 г. появились признаки стабилизации уровня

рождаемости. В целом же сохраняющееся превышение смертности над рождаемостью (на 8,7 тыс. чел. в 1994 г. и на 5,4 тыс. чел. в 1997 г.), помимо убыли населения, вело к его старению, сокращению доли трудоспособных граждан. При сохранении этих неблагоприятных тенденций потребуются существенные преобразования рынка труда и повышение эффективности производства.

Основной социальной проблемой в жизни города, как и всей страны, в 1990-е гг. являлось резкое падение уровня жизни большинства населения. Это, естественно, отрицательно сказалось на психологическом климате в городском сообществе. Увеличение разрыва между социальными ожиданиями и мерой их удовлетворения, неуверенность в завтрашнем дне порождали у значительной части горожан чувство безысходности и отчаяния и, как следствие этого, склонность к непредсказуемым действиям, проявлениям различного рода отклонений в общественном поведении. В результате произошел взлет преступности, наркомании, проституции, беспризорности и т.п. Однако благодаря активным действиям властных структур, правоохранительных органов, а также некоторой стабилизации экономической обстановки рост этих явлений к 1997 г. удалось приостановить. Тем не менее очевидно, что перелом здесь возможен лишь в случае полного оздоровления экономической ситуации.

То же можно сказать и о положении социально незащищенных категорий горожан, ставших весьма многочисленными в последние годы. Но и в трудных условиях городские власти пытались всячески помочь им. Это потребовало формирования целого ряда специальных направлений социальной политики: создание муниципальной социальной помощи, материальная защита малоимущих и инвалидов, разработка программ занятости населения. Несмотря на сложное состояние городских финансов, в бюджете Екатеринбурга ежегодно предусматривались значительные расходы на эти цели. В 1997 г. на их финансирование было направлено более 8 млрд руб.

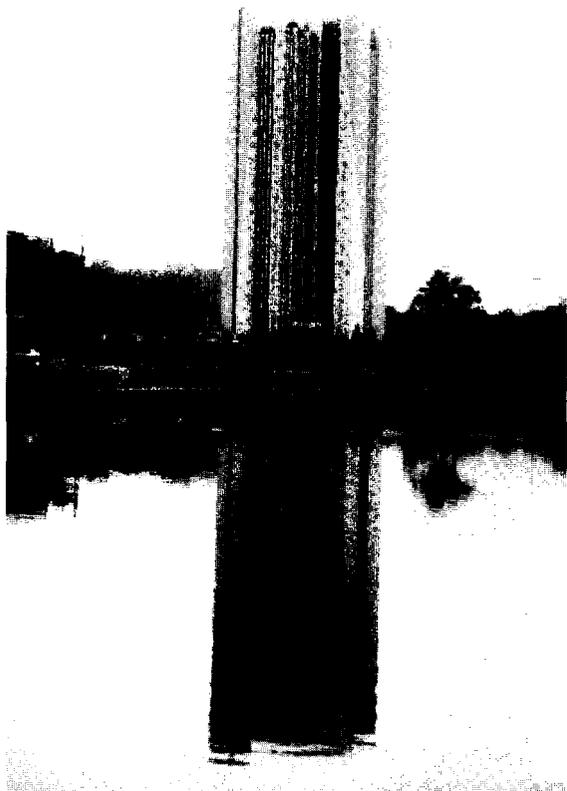
С начала 1990-х гг. городу благодаря планомерно проводимой политике создания новых рабочих мест, развития предпринима-

тельства удавалось удерживать достаточно низкий уровень безработицы. До 1996 г. его официальная величина не превышала 0,86% от экономически активного населения. Лишь в последующие два года из-за сохранения общей неблагоприятной ситуации в экономике безработица впервые стала перерастать из скрытой в реальную, достигнув 1,4-1,5 % и создав напряженность на рынке вакансий. В апреле 1997 г. в рамках реализации федеральной комплексной программы создания и развития рабочих мест на 1997–2000 гг. была разработана и принята соответствующая городская программа, предусматривающая оптимальное использование различных резервов увеличения занятости: экспертизу инвестиционных программ в сфере их влияния на рынок труда, квотирование рабочих мест для слабозащищенных категорий населения, расширение системы общественных работ и др.

Одним из важнейших и самых очевидных достижений первого этапа экономических реформ стало насыщение потребительского рынка широким ассортиментом продовольственных и промышленных товаров. С либерализацией цен, коммерциализацией и приватизацией торговых предприятий, упразднением прежних органов управления торговлей (торги, орсы, управления) первоначально возникла опасность разбалансирования потребительского рынка огромного города. Резкий взлет цен в коммерческой торговле, дефицит ряда жизненно необходимых товаров, опора на поставки гуманитарной помощи еще во многом определяли ситуацию в продовольственном снабжении города в 1992 г. Однако в течение 1992–1995 гг. за счет сбалансированного, поэтапно регулируемого соотношения муниципальной и частной коммерческой торговли, целенаправленной деятельности специально созданного городского Комитета по развитию товарного рынка постепенно удалось добиться как стабильного насыщения рынка самыми разнообразными товарами, так и поддержания конкуренции и приемлемого уровня цен на большинство товаров. Первоначально лидирующую роль в торговле современными и качественными товарами (в основном импортными) играли вновь созданные крупные коммерческие фирмы (Уральский торговый дом, Урал-Регион, Уралбизнес, Уральский брокерский дом и

др.). Затем, по мере организации надежной системы оптовых поставок, повышения требований к сервису, стремительно стала восстанавливаться уже преобразованная сфера розничной торговли. В 1996 г. в городе насчитывалось 1957 предприятий торговли (рост более чем в 2 раза по сравнению с началом 90-х гг.), в том числе 807 продовольственной и 1150 непродовольственной. Среди них 145 предприятий (соответственно 90 и 55) находились в муниципальной собственности. Особое внимание уделялось развитию сети фирменных магазинов. В снабжении населения города все большую, если не решающую, роль стали играть крупнейшие универсамы: супермаркет «Кировский», имеющий целую сеть образцовых торговых залов, универсамы «Мария» и «Белореченский», торговые центры «Семь ключей» и «Дмитриевский», супермаркет «Российский» и др. Важной тенденцией в развитии городской торговли следует считать открытие собственных фирменных магазинов крупнейшими предприятиями пищевой промышленности города (АО «Комбинат мясной «Екатеринбургский», хлебокомбинат, кондитерская фабрика «Конфи» и др.). По качеству организации торговли и степени насыщения потребительского рынка Екатеринбург сегодня стал лидером среди нестоличных городов-«миллионников» страны. В сфере его воздействия как крупнейшего торгово-распределительного центра оказалась не только Свердловская область, но и более значительная территория «Большого» Урала. Ежегодный общий товароборот Екатеринбурга достиг к концу 1997 г. колоссальной цифры — свыше 14 трлн руб. За счет налоговых поступлений от торговли городу в значительной степени удается наращивать доходную базу своего бюджета.

В период реформ Екатеринбург оставался одним из немногих крупных городов России, где продолжало развиваться жилищное строительство. С 1993 г. по 1997 г. жилищный фонд города вырос с 22,3 млн до 24,1 млн кв. м, а норма обеспеченности общей жилой площадью на одного жителя — с 16,7 до 18,2 кв. м. Улучшению жилищных условий горожан, помимо нового строительства, способствовало формирование городского рынка жилья. Доля приватизированных квартир в общем жилищном

Здание Правительства Свердловской области. 1998 г.

фонде города, подлежащем приватизации, увеличилась за 1993—1997 гг. с 20,8 до 44,9 %. В новых экономических условиях радикально изменилась структура инвестиций в жилищное строительство, которое в Екатеринбурге стало одним из самых привлекательных объектов вложения капитала: уже в 1995 г. по сравнению с 1992 г. доля ввода жилья негосударственным сектором выросла с 17 до 78%. В последние годы городом самостоятельно строилось жилье лишь в части микрорайонов (Ботанический, Московская горка) — в основном по программам обеспечения социально незащищенных слоев населения на бесплатной и льготной основе, а также для особых категорий лиц, имеющих льготное право на жилплощадь (офицеры запаса, бывшие воины-«афганцы», «чернобыльцы» и др.).

Среди важнейших направлений развития жилищного сектора особое место в Екатеринбурге занимала программа ликвидации ветхого жилья и отселения граждан в новые квартиры. В ряде жилмассивов это печальное наследие советской индустриаль-

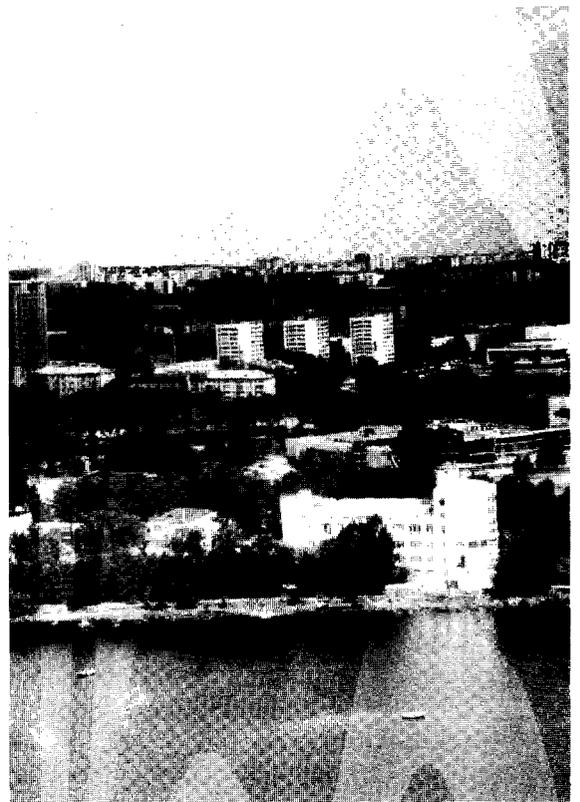
ной политики превратилось в социальный анахронизм и болезненную общественную проблему. Однако из-за нехватки средств в бюджете города темпы его ликвидации были невысокими. Это вынуждало городские власти применять новые схемы финансирования данного сегмента жилищного строительства, в частности оплату самими жильцами 30% стоимости квартир. С большими сложностями была связана и передача в муниципальный фонд ведомственного жилья, находящегося на балансе крупнейших промышленных предприятий города. Тем не менее, к концу 1997 г. 145 промышленных предприятий города передали в муниципальный фонд 5,5 млн кв. м жилой площади, что серьезно увеличило нагрузку на городской бюджет. В этих условиях были предприняты меры, направленные на привлечение средств в жилищное строительство частных инвесторов, в первую очередь через расширение оправдавшей себя практики выпуска облигаций муниципального жилищного займа. На привлеченные таким образом средства удалось построить к концу 1997 г. 1 тыс. новых квартир. Ускорению процесса муниципализации жилищного фонда, улучшению его обслуживания способствовала и внедренная в 1994 г. практика создания некоммерческих товариществ собственников жилья и нежилых помещений — кондоминиумов, число которых за три последующих года достигло пяти десятков.

Развитие жилищного сектора — лишь одна органичная часть более общей стратегии изменения городской среды Екатеринбурга. Ее приоритетными направлениями являлись рационализация планировки городского пространства и организации транспортных потоков, оздоровление экологической обстановки. Новая структура собственности, развитие рынка жилья и земли позволили в значительной степени изменить пространственную структуру и облик города. В его центральной части, вдоль оживленных транспортных магистралей сформировались зоны и «коридоры» развития. Здесь разместились объекты торговли (фирменные магазины, супермаркеты, торговые центры), общественного питания (рестораны, бары, кафе), учреждения, связанные с деловой (офисы крупных компаний, отели, зарубежные представи-

тельства, административные здания) и общественно-культурной жизнью (театры, Исторический сквер, Литературный квартал) города. Появились жилые дома повышенной комфортности в центре города и в отдельных микрорайонах, отличающихся более благоприятными экологическими условиями. Шло формирование функциональных зон, связанных с ростом личного автотранспорта (гаражные массивы, автостоянки, автозаправочные станции). Одновременно в запустение приходили территории сплошной индустриальной застройки, промышленные зоны, площадки незавершенного строительства, которые в будущем потребуют перепрофилирования и обустройства на базе принципиально новых градостроительных решений. С учетом этих новых факторов в 1992—1994 гг. были разработаны проекты планировки центральной части и отдельных территорий, схемы размещения автостоянок и автозаправочных станций, строительства транспортных обходов и развязок. В соответствии с новой концепцией развития города велось и развитие общественного транспорта. Сокращение перевозок ведущим видом пассажирского транспорта — автобусным, связанное с его износом, с 1993 г. преодолевалось путем комплектации автопарка новыми улучшенными моделями автобусов (первоначально — подержанными машинами марок «Вольво» и «Скания»). По результатам международных конкурсных торгов в октябре 1995 г. Екатеринбург получил по программе «Городской общественный транспорт» кредит Международного Банка реконструкции и развития (МБРР). В результате в 1997 г. в город поступили первые 168 новых автобусов российско-венгерского («Икарус-283») и германо-российского производства. Как часть программы развития экологически чистого транспорта велась реконструкция троллейбусных магистралей, ремонт контактной сети, в 1994—1997 гг. были открыты новые маршруты по улицам Амундсена (в район УНЦ) и Крауля, в микрорайоне «Ботанический». Принципиально изменить ситуацию с комплектованием трамвайного парка должен выход на линии в 1998 г. новейших трамваев, производимых в рамках программы «Спектр». Гордостью екатеринбуржцев является городской метропо-

литен, строительство которого из-за перебоев в финансировании из федерального бюджета велось с некоторыми перерывами. В 1994 г. со сдачей в эксплуатацию станций «Динамо» и «Площадь 1905 года» метро пришло в центр города. В 1997 г. строителями велись работы уже на седьмой по счету станции «Геологическая» и перегонном тоннеле от станции «Площадь 1905 года». Развитие подземного пассажирского транспорта, который только в 1996 г. перевез более 21 млн пассажиров, существенно помогало разгрузке транспортных потоков. В перспективе предполагается более широко использовать подземное пространство города для прокладки инженерных коммуникаций, размещения здесь гаражей и объектов коммунального назначения.

Огромной проблемой для общественности и властей Екатеринбурга в последние годы оставалась неблагоприятная экологическая обстановка. Количество вредных веществ в атмосфере превышало допустимые концентрации в несколько раз. Ввиду значительной и все возрастающей перегруженности улиц города автотранспортом

Панорама Железнодорожного района

Жилой массив «Центральный»

одним из массовых источников экологической опасности стали автомобильные выхлопы. Наряду с общими социальными факторами пореформенной действительности (ухудшение питания большинства горожан, стрессовые ситуации, кризис государственной системы здравоохранения), вредные выбросы явились одной из главных причин не только роста опасных заболеваний (сахарный диабет, болезни крови, нервной системы, ишемической болезни сердца и др.), но и повышенной заболеваемости горожан гриппом и ОРЗ. Наблюдаемое медиками тяжелое протекание этих болезней в условиях большого, экологически загрязненного города позволяет относить их к числу «экологических» заболеваний.

Такая ситуация закономерно сделала работу по экологическому оздоровлению городской среды одним из приоритетных направлений в деятельности администрации города. С 1992 г., в связи с низким качеством питьевой воды, развернулась работа по улучшению состояния источников водоснабжения и станций водоподготовки (на Волчихинском водохранилище, в зоне Верх-Исетского пруда). В 1997 г. был осуществлен пуск Западной фильтровальной станции, что способствовало заметному улучшению качества очистки воды. В

городе организована система контрольных мер безопасности по радоновому, радиационному и ртутному загрязнению. По 286 предприятиям утверждены лимиты на промышленные выбросы. В связи с высокой степенью износа и экологической опасностью был закрыт ряд вредных производств на Уральском подшипниковом заводе. Та же участь постигла цех горячей прокатки стали на ВИЗе. В перспективе экологическая реабилитация территории Екатеринбурга во все большей степени будет связана с решением проблемы автомобильного транспорта, который дает до 70% всех вредных выбросов в атмосферу. Планируется стимулировать его переход на использование в качестве моторного топлива неэтилированного бензина и газа, осуществить вывод за черту города значительной части транзитных грузовых перевозок. Важная роль в оздоровлении экологической обстановки отводится восстановлению «легких» города — лесных и лесопарковых массивов (Шарташский и Калиновский лесопарки, ЦПКиО им. Маяковского и др.).

Обнадеживающие сдвиги

Начало 1990-х гг. было для культуры города периодом сложным и драматичным.

С одной стороны, в условиях кризиса резко обострилась проблема выживаемости ряда ее учреждений, еще вчера во многом определявших традиции и стиль жизни городского сообщества, в частности в тяжелом положении оказался кинематограф. С другой стороны, происходило бурное развитие новых творческих коллективов, школ и направлений в музыке, кино, изобразительном и театральном искусстве. Наряду с известными всей стране театрами города активно заявили о себе новые коллективы экспериментального направления — хореографическая компания «Балет Плюс», театр «Провинциальные танцы», театральные студии «Волхонка», «Пируэт», «Наивный театр» и «Театрон», синкрет-театр «Екатеринбургское кабаре», детский театр «Щелкунчик». Появлением целого созвездия профессиональных и любительских коллективов, организацией концертных турне, фестивалей, конкурсов была отмечена традиционно богатая музыкальная жизнь города. Уже в течение ряда лет Екатеринбург становится местом проведения престижного Международного фестиваля «Европа — Азия», собирающего исполнителей классики из десятков стран. Наряду с много гастролирующими и отмеченными международными наградами музыкальными коллективами (Уральский филармонический оркестр, Уральский симфонический оркестр, Уральский оркестр народных инструментов, хор мальчиков Мужского хорового лицея и др.), задающими пульс музыкальной жизни города, культурное лицо Екатеринбурга, его известность в России во многом определял музыкальный авангард, представленный известными коллективами молодежной рок-музыки («Чайф», «Агата Кристи», театр песни А.Новикова) и джазовым направлением (Уральский оркестр джазовой музыки). Многочисленными выставками, открытиями новых галерей («Белая галерея», «Эстер» и др.), созданием оригинальных произведений заявил о себе в последние годы Екатеринбургский союз художников, объединяющий около 200 мастеров живописи, станковой и книжной графики, скульптуры, декоративно-прикладного искусства. Из долгого небытия вышло оригинальное ювелирное искусство Екатеринбурга, традиционные художественные промыс-

лы Урала. Признанием выдающегося вклада Екатеринбурга в развитие культурных сил России стало проведение в городе в декабре 1995 г. Всемирной конференции ЮНЕСКО «Культурное достояние Урала и Сибири».

Центральным событием в культурной и общественной жизни Екатеринбурга, выражением любви каждого екатеринбуржца к родному городу стали ежегодно проводимые в августе Дни города. Этот праздник превратился в своеобразный смотр лучших достижений в развитии экономики, социальной сферы, спорта и культуры, в яркую палитру выставок, концертов, конкурсов, театрализованных шествий. С 1992 г. он вовлек в свою орбиту практически все районы города. Кроме традиционных концертов и массовых гуляний, в его эпицентре — Историческом сквере, сформировалось еще несколько площадок для организации торжеств: в районе Уральского государственного технического университета, на Уралмаше, в ЦПКиО им. Маяковского и др.

Отличительной чертой общественно-культурной жизни Екатеринбурга стало восстановление преемственных исторических связей между современной динамичной жизнью города и его прошлым, подчеркнутое внимание к проблемам сохранения историко-культурного наследия. Вслед за переименованием города встал вопрос о восстановлении его исторической топонимики. К 270-летию Екатеринбурга по старым планам города 1888 г. и 1920 г. и архивным материалам были осуществлены соответствующие изыскания. Однако состоявшийся 12 декабря 1993 г. референдум по переименованию улиц Екатеринбурга не выявил заметных предпочтений горожан. А поскольку переименование потребует еще и значительных расходов бюджета, то вопрос отложен на будущее, хотя энтузиастами городской старины уже в 1992—1993 гг. были приняты акции по дублированию современных названий улиц дореволюционными.

Обострение общественного интереса к истории города обернулось целым рядом инициатив, призванных возродить культурные традиции Екатеринбурга. Заметно активизировали свою деятельность такие общественные организации, как Свердловский областной совет Всероссийского обще-

ства охраны памятников истории и культуры, Общество уральских краеведов и др. Вместе с сотрудниками академических учреждений, вузов и музеев города они осуществили ряд крупных научно-просветительских акций: были проведены конференции, посвященные истории города (в том числе Первые Татищевские чтения, названные так в честь одного из основателей Екатеринбурга), подготовлены и изданы книги, несколько выпусков краеведческих записок «Уральская старина», содержащих сведения о прошлом Екатеринбурга.

Работа музейных работников, историков и краеведов по восстановлению страниц истории города, его культурных символов и достопримечательностей находила непосредственное продолжение в развитии музейного дела. В конце 1993 г. на базе прежнего Свердловского мемориального музея Я.М.Свердлова был создан Музей политической истории Урала. В его экспозициях значительное место отведено истории Екатеринбурга. При музее восстановлена популярная среди интеллигенции библиотека С.А.Тихоцкой. В экспозициях музея воссоздан облик старого Екатеринбурга конца XIX в. — начала XX в., показана история нескольких династий известных екатеринбуржцев. В бывшем доме известного уральского фотографа В.Л.Меттенкова разместился музей «Уральская фотография». В начале 1996 г. на базе этого музейного комплекса был создан Муниципальный музей истории Екатеринбурга. Группой энтузиастов разработан проект создания в пределах Большого Екатеринбурга, к северу от деревни Палкино, Археологического музея под открытым небом. Его предполагается развернуть на базе комплекса археологических памятников в составе историко-ландшафтного парка «Истоки Исети». В случае реализации этого проекта жители города и его гости смогут наглядно знакомиться с древней историей края.

Еще одной важной особенностью духовной жизни Екатеринбурга в 90-е годы стало возрождение традиций и утраченных за годы советской власти религиозных ценностей. Большую роль в этом сыграла Екатеринбургская епархия. 23 сентября 1992 г. в Вознесенской церкви архиепископом Екатеринбургским и Курганским Мел-

хиседеком отслужена Божественная литургия по царской семье, убитой в июле 1918 г. в Ипатьевском доме. К этому дню на месте печально знаменитого Ипатьевского дома были установлены памятный крест и бревенчатая часовня. В ближайшем будущем здесь усилиями церкви, общественности и учрежденного для этой цели специального фонда должен подняться храм-памятник Во Имя Всех Святых в Земле Российской просиявших, созданный по лучшему конкурсному проекту. Однако уже сегодня место гибели Романовых стало как для жителей города, так и для его многочисленных гостей одним из самых притягательных объектов поклонения и массового паломничества.

Восстановление религиозно-церковной жизни было отмечено и другими памятными событиями. 24 сентября 1992 г. в церкви Всемилоственного Спаса в пос. Елизавет прошла Божественная литургия, возвестившая начало перенесения мощей Св. Симеона Верхотурского в Свято-Николаевский Верхотурский монастырь. Возвращение мощей уральского святого в древнюю, самую первую «столицу» края сопровождалось торжественными молебнами в храмах Екатеринбурга — Ивановской и Вознесенской церквях. Собственные святыни возвращал себе и Екатеринбург. 7 декабря 1995 г. город обрел еще один церковный праздник — день небесной покровительницы города Св. Екатерины.

В городе активно шел процесс возвращения верующим культовых зданий и их реставрации. 10 сентября 1991 г. решением городского Совета народных депутатов вновь зарегистрированной православной общине был возвращен расположенный на территории Зеленой рощи собор Св. Александра Невского: в 1992 г. были начаты богослужения в его южном, Воскресенском, пределе, в 1994—1995 гг. произошла передача верующим всего первого этажа собора. В 1996 г. на территории дендропарка была проведена реставрация часовни Во Имя Св. Александра Невского. Новый загородный монастырский комплекс Ново-Тихвинского женского монастыря возводится на Шарташе.

Еще одно культовое здание — часовня Во имя Святой Великомученицы Екатерины — возводится в самом центре города

*Проект часовни Во имя Святой
Великомученицы Екатерины*

на площади Труда к 275-летию Екатеринбурга. Она построена на месте величественного Екатерининского собора, снесенного в 1930 г. Ее строительство осуществлял с благословения епископа Екатеринбургского и Верхотурского владыки Никона Екатеринбургский общественный благотворительный фонд «Институт истории и археологии» при поддержке ОАО Богословский алюминиевый завод и ОАО «Уралмаш». Возможности для отправления своих религиозных потребностей получили и верующие других традиционных конфессий. С 1991 г. в городе стал действовать Екатеринбургский мухтасибат во главе с има-

мом хатыбом городской соборной мечети. В 1995 г. администрацией города принято решение о строительстве мусульманского религиозно-культурного центра. В 1992 г., спустя 62 года, в Екатеринбурге был восстановлен приход римско-католической церкви, а в сентябре 1996 г. освящен вновь построенный храм Св.Анны.

В 1992–1993 гг. в Екатеринбурге — историческом центре старообрядчества — был фактически воссоздан центр Православной Старообрядческой церкви Белокриницкого согласия. После длительных тяжб и споров верующим этой конфессии возвратили здание Музея истории ВИЗа, где был вновь открыт храм Знамения Рождества Христова. В 1995–1997 гг. в распоряжение Екатеринбургского епархиального управления Русской Православной Церкви было передано здание бывшей Единоверческой Свято-Троицкой (Рязановской) церкви. Однако для восстановления храмов зачастую необходимо было освободить здания от разместившихся здесь в советское время заведений культуры. Так произошло с музеем истории ВИЗа, свердловским областным историко-краеведческим музеем, историко-культурными объединениями и клубом «Кинематограф», разместившимися в ДК «Автомобилист».

Эта острая проблема, а также множество других, порожденных фундаментальными изменениями основ общественной жизни, своеобразным «наслоением» культурных эпох, исторической сменой и обогащением образов города, еще ждут своего разрешения. Конечно, не все будет идти гладко. Дело в том, что духовное раскрепощение общества способствовало пересмотру многими своих прежних ориентиров. То, что еще вчера казалось естественным, стало вызывать сомнение, переходящее зачастую в неприятие, и — наоборот. Отсюда — поляризация общественно-политических позиций и предпочтений, доходящая до грани противостояния, которую в условиях тяжелой социально-экономической обстановки легко перейти. Однако было бы неправильно считать эту тенденцию основополагающей в жизни городского сообщества. Она порождена трудностями становления молодой российской демократии. По мере мужания гражданского общества, пре-

одоления кризисных явлений в экономике установка на солидарность и согласие по принципиальным вопросам несомненно станет доминирующей.

Основной предпосылкой уверенного развития города в новой экономической и социокультурной ситуации является формирование широкого общественного согласия, консолидация городского сообщества вокруг позитивной программы действий, создание облеченной общественным доверием действенной власти, способной эффективно управлять сложным муниципальным хозяйством.

В этом отношении Екатеринбург пережил в течение 1992—1997 гг. значительную эволюцию. Нестабильное состояние власти, наблюдавшееся в течение осени 1991 г., беспорядочная смена председателей исполкома городского Совета была преодолена лишь к началу следующего года, когда Указом Президента 30 января Главой администрации г.Екатеринбурга был назначен директор Уралхиммашзавода А.М.Чернецкий. С первых шагов своей деятельности новая исполнительная власть столкнулась с проблемой преодоления чисто «политических» подходов к организации жизни города, эффективного разграничения полномочий и ответственности с городским Советом. Однако лишь с ликвидацией советской системы в конце 1993 г. были созданы условия для конструктивного взаимодействия исполнительной и представительной властей, формирования модели управления городом на принципах полноценного местного самоуправления. С этого времени усилия городской исполнительной власти смогли сконцентрироваться на насущных практических проблемах — разработке концепции управления муниципальной экономикой, создании в составе администра-

ции функциональных подразделений, ответственных за важнейшие направления жизни города (бюджетный процесс, экономическая реформа, социальная защита, развитие товарного рынка и др.). В апреле 1994 г. прошли выборы в Городское Собрание представителей (затем Городская Дума), сменившее громоздкий и малоэффективный Совет в качестве городской представительной власти. В 1994 г. была начата работа над Уставом Екатеринбурга, завершившаяся в августе 1995 г., практически одновременно с принятием Закона РФ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». 16 октября 1995 г. 24-я сессия Екатеринбургской Городской Думы приняла этот документ, определивший как демократические, выборные принципы формирования городских органов власти, так и эффективное распределение их компетенции и ответственности. 17 декабря 1995 г., уже в полном согласии с нормами Устава города, прошли первые выборы Главы Екатеринбурга, в результате которых более 70% избирателей, принявших участие в голосовании, выразили доверие действующей администрации и ее руководителю А.М.Чернецкому, той действенной в сложных социально-экономических условиях модели «сильной» исполнительной власти, которая позволила городу в 1993—1995 гг. выжить в условиях кризиса, адаптироваться к динамике экономических реформ.

В этом залог того, что главный итог развития Екатеринбурга в насыщенные драматизмом годы реформ должен быть позитивным. Обогащенный опытом прошлого, закаленный трудными испытаниями город уверенно войдет в принципиально новую, многообещающую реальность, по законам которой ему предстоит жить в XXI в.

ЛИТЕРАТУРА О ЕКАТЕРИНБУРГЕ

- Алферов Н.С.* и др. Свердловск: строительство и архитектура / Алферов Н.С., Белянкин Г.И., Козлов А.Г., Коротковский А.Э. — М., 1980.
- Алферов Н.С.* Зодчие старого Урала. — Свердловск, 1960.
- Артемов Е.Т.* и др. Екатеринбург. История и современность / Артемов Е.Т., Зубков К.И., Постников С.П. — Екатеринбург, 1996.
- Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: Тез. докл. XII Урал. археологического совещания. — Екатеринбург, 1993.
- Бабькин К.Т.* Из истории архитектуры Екатеринбурга-Свердловска. — Свердловск, 1947.
- Бердников Н.Н.* Город в двух измерениях. — 2-е изд., перераб. и доп. — Свердловск, 1979.
- Берс Е.М.* Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. — Свердловск, 1963.
- Большевики Екатеринбурга во главе масс. — Свердловск, 1962.
- Букин В.П., Пискунов В.А.* Свердловск. Перспективы развития до 2000 года. — Свердловск, 1982.
- Весновский В.А.* Весь Екатеринбург. — Екатеринбург, 1903.
- Весь Екатеринбург: Торгово-промышленный справочник на 1910 год. — Екатеринбург, 1910.
- Весь Екатеринбург и горно-промышленный Урал: Торгово-промышленный справочник. Год изд. II. — Екатеринбург, 1911; Год изд. III. — Екатеринбург, 1912.
- Волков С.Н.* Екатеринбург: Человек и город. Опыт социальной экологии и практической георбанистики. — Екатеринбург, 1997.
- Володин П.* Свердловск. — М., 1948. (Серия «Архитектура городов СССР»).
- Геннин В.И.* Описание уральских и сибирских заводов. 1735. — М., 1936.
- Герман И.* Описание заводов, под ведомством екатеринбургского горного начальства состоящих. — Екатеринбург, 1809.
- Горловский М.А.* Горный город Екатеринбург. — Свердловск, 1948.
- Город Екатеринбург. — Екатеринбург, 1889.
- Город Екатеринбург: историко-культурное наследие и современность. Материалы науч.-практ. семинара. — Екатеринбург, 1996.
- Город Екатеринбург: Учеб. пособие. — 2-е изд., испр. и доп. — Екатеринбург, 1996. (Очерки истории Урала. Вып.1).
- Город Екатеринбург: Учеб. пособие / Под ред. Н.А.Миненко — Екатеринбург, 1997. (Очерки истории Урала. Вып. 4).
- Диомидов Н.* Историческая записка о Екатеринбургской мужской гимназии. — Оренбург, 1887.
- Екатеринбург за двести лет (1723—923). — Екатеринбург, 1923.
- Екатеринбург в прошлом и настоящем: Материалы науч. конфер., посвященной 270-летию города. — Екатеринбург, 1993.
- Екатеринбург — вчера, сегодня, завтра: Материалы науч.-практ. конфер., посвященной 275-летию Екатеринбурга. — Екатеринбург, 1998.
- Екатеринбург и Урал: Торгово-промышленный справочник на 1914 год. — Екатеринбург, 1914.

- Екатеринбург. Памятники истории и культуры и достопримечательности / Отв. редактор С.П.Постников — Екатеринбург, 1994.
- Житенев В.Б.* 1991: Екатеринбург на пороге рыночных реформ. — Екатеринбург, 1992.
- Земцов В.Н., Ляпин В.А.* Екатеринбург в мундире: Форменная одежда в истории Екатеринбурга XVIII—начала XX вв. — Екатеринбург, 1992.
- История Урала с древнейших времен до 1861 г. / Отв. редактор А.А.Преображенский. — М., 1989; История Урала в период капитализма / Отв. редактор Д.В.Гаврилов. — М., 1990.
- История народного хозяйства Урала. 1917—1945. Ч.1. — Свердловск, 1988; Ч.2. — Свердловск, 1989.
- Козинец Л.А.* Каменная летопись города. — Свердловск, 1989.
- Курочкин Ю.М.* Из театрального прошлого Урала. — Свердловск, 1957.
- Лукьянин В., Никулина М.* Прогулки по Екатеринбургу. — Екатеринбург, 1995. (Серия «Мой город». Вып.1).
- Мамин-Сибиряк Д.Н.* Город Екатеринбург: Исторический очерк // Город Екатеринбург: Учеб. пособие. — 2-е изд., испр. и доп. — Екатеринбург, 1996 (Очерки истории Урала. Вып.1).
- Материалы I научной конференции по истории Екатеринбурга-Свердловска. — Свердловск, 1947.
- Материалы II научной конференции по истории Екатеринбурга-Свердловска. — Свердловск, 1950.
- Наумов В.П., Козлов А.Г.* От Екатеринбургской фабрики до современного завода. — М.;Л., 1957.
- Неверов Л.П., Владимирский Д.А.* Исторические памятники города Свердловска и Свердловской области. — Свердловск, 1962.
- Очерки истории Свердловска / Под ред. А.В.Бакунина — Свердловск, 1973.
- Памятники истории и культуры Верх-Исетского района г.Екатеринбурга: Каталог / Сост. Звагельская В.Е. — Екатеринбург, 1994.
- Памятники истории и культуры Кировского района г.Екатеринбурга: Каталог. — Екатеринбург, 1994.
- Памятники истории и культуры Ленинского района г.Екатеринбурга: Каталог. — Екатеринбург, 1996.
- Памятники истории и культуры Октябрьского района г.Екатеринбурга: Каталог. — Екатеринбург, 1993.
- Панов П.Г.* Свердловск в настоящем и будущем. — Свердловск, 1958.
- Первые Татищевские чтения: Тезисы докл. и сообщений. — Екатеринбург, 1997.
- Пятницкий А.* Свердловск. — Свердловск, 1939.
- Свердловск орденосный. — Свердловск, 1977.
- Свердловск: Путеводитель-справочник. — Свердловск, 1975, 1983.
- Свердловск: экскурсии без экскурсовода. — Свердловск, 1973.
- Сохранение индустриального наследия: мировой опыт и российские проблемы. Материалы науч. конфер. ТИССИИ. — Нижний Тагил; Екатеринбург, 1994.
- Тальская О.С.* Декабристы в Екатеринбурге. — Свердловск, 1957.
- Храмы Екатеринбурга-Свердловска. — Свердловск, 1991.
- Хазанович Ю.Я.* Свердловск. — Свердловск, 1970.
- Чупин Н.К.* Полуторастолетие Екатеринбурга. — Пермь, 1882. Вып.1.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4	<i>Успехи торговли</i>	55
1. ПЕРВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ		<i>Городское население</i>	56
<i>Археологические исследования на территории города</i>	8	<i>Эпоха классицизма</i>	58
<i>Рыболовы и охотники каменного века</i>	9	<i>Рост гражданского самосознания</i>	61
<i>Мифы на скалах и глине</i>	11	5. «ЗОЛОТОЙ ВЕК» ЕКАТЕРИНБУРГА	
<i>Зарождение металлургии в крае</i>	12	<i>«Золотая лихорадка»</i>	63
<i>Этнические сдвиги в эпоху средневековья</i>	14	<i>Застой горнозаводской промышленности</i>	65
<i>Начало освоения Среднего Зауралья русскими</i>	15	<i>Слава гранильного производства</i>	66
<i>Русские поселения на территории города</i>	17	<i>Набирая темпы</i>	67
<i>Первые заводы в окрестностях города</i>	17	<i>Торгово-финансовая столица</i>	69
2. ОСНОВАНИЕ ЕКАТЕРИНБУРГА		<i>Скромные успехи</i>	70
<i>Проекты создания завода на реке Исеть: за и против (1721–1722 гг.)</i>	19	<i>Первый профессиональный театр</i>	71
<i>Строительство завода-крепости</i>	20	<i>Строительная горячка</i>	72
<i>Первые именины города: выбор наименования</i>	22	<i>Под началом «исключительной власти»</i>	74
<i>Эпоха Геннина</i>	23	<i>Блеск и нищета городского сообщества</i>	76
<i>Возвращение Татищева: ветер перемен</i>	27	<i>Упадок раскольниковства</i>	77
3. ОТ ЗАВОДА-КРЕПОСТИ К ГОРОДУ		<i>Закат «золотого века»</i>	78
<i>Власть горная, власть гражданская, городское самоуправление</i>	32	6. В ГОДЫ «ВЕЛИКИХ РЕФОРМ»	80
<i>На перекрестке дорог</i>	34	<i>Падение крепостного права</i>	80
<i>Хозяйственно-экономическое развитие Екатеринбурга в XVIII в.</i>	35	<i>Закат былой славы</i>	82
<i>Горожане</i>	39	<i>«... Трубы многочисленных заводов и фабрик...»</i>	84
<i>Екатеринбург и аграрное окружение</i>	41	<i>Торговля и банки</i>	86
<i>Пугачевщина</i>	42	<i>Новый статус</i>	87
<i>Образ города</i>	44	<i>«Живой узел»</i>	87
<i>Екатеринбург глазами современников</i>	44	<i>Два лица города</i>	89
4. ЦЕНТР ГОРНОЗАВОДСКОГО КРАЯ		<i>«Школьное дело так шагнуло вперед...»</i>	91
<i>Борьба за статус</i>	48	<i>В храме муз</i>	92
<i>На подъеме</i>	50	<i>Революционные организации</i>	93
		7. НА ВОЛНЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ПОДЪЕМА	95
		<i>Промышленная «горячка»</i>	95
		<i>Предпринимательский азарт</i>	97
		<i>Тернии и лавры гранильщиков</i>	99
		<i>В центре сети железных дорог</i>	100

Город и горожане	102
На пути к революционным потрясениям	105
Контрасты повседневности	109

8. НА СТАРТЕ XX СТОЛЕТИЯ

Динамизм экономической жизни	110
Обнадеживающие тенденции	115
Революционные события	117

9. ПЕРЕД БУРЕЙ

Временное затишье	121
Экономический подъем	122
В годы мировой войны	126
Нарастание кризисных явлений	130

10. РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВИХРЬ

Весенний ветер свободы	133
Размежевание политических сил	134
Захват власти большевиками	135
Развертывание гражданской войны	136
Трагедия в доме Ипатьева	137
Под властью белых	139
Снова под красным знаменем	142
В трудных условиях	144

11. В ГОДЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

К мирной жизни	146
От Екатеринбурга – к Свердловску	147
Особенности городского быта	147
Городское хозяйство и архитектурный облик	148
На подъеме	149
Противоречия нэпа	151

12. СВЕРДЛОВСК ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ

Ускоренное промышленное строительство	153
Противоречия культурного развития	160
Социально-политические коллизии	161

13. «РАБОТНИК И ВОИН»

В огне сражений	165
Арсенал победы	167
Все для фронта	170
Музы не молчали	174

14. ВРЕМЯ НАДЕЖД И ИСПЫТАНИЙ

К мирной жизни: успехи и диспропорции	178
Новые рубежи	181
«Оттепель»	185
Образование и культура	187

15. НА ПОРОГЕ «ПЕРЕСТРОЙКИ»

Реалии экономической жизни	190
Зримые перемены	193
Веление времени	194
Красочная палитра	195

16. ИМПУЛЬСЫ ОБНОВЛЕНИЯ

От стагнации к кризису	200
На пути к рыночным реформам	202
Социальные проблемы	203
На волне общественного подъема	206

17. В АВАНГАРДЕ ПЕРЕМЕН

Трудные шаги реформ	209
Противоречивые тенденции	215
Обнадеживающие сдвиги	220

ЛИТЕРАТУРА

О ЕКАТЕРИНБУРГЕ	224
-----------------------	-----

Научное издание

**ЕКАТЕРИНБУРГ.
ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ
(1723 -1998)**

*Рекомендовано к изданию
Ученым советом
Института истории и археологии УрО РАН*

Литературные редакторы:
И.Е. Васильев, Л.К. Шевченко.

Корректор: *Л.П. Иванова*

Дизайн:
В.А. Курочкин, И.В. Курочкина, Е.П. Постникова

Фотоиллюстрации из фондов Центрального
государственного архива древних актов,
Государственного архива Свердловской области,
Центра документации общественных организаций
Свердловской области,
а также из личных коллекций *А.А.Грахова, А.Ю.Коркина,
И.Н.Тюфякова, В.Л. Шура*

Подбор фотоиллюстраций осуществляли:
*Н.С. Корепанов, В.А. Курочкин, С.П. Постников,
А.В. Сперанский, В.А. Шкерин.*

Компьютерный набор:
М.Л. Пелевина.

Список литературы о г.Екатеринбурге
подготовила *О.Н. Яхно.*

ЛР № 063401
от 25.05.94 г.

Подписано в печать 10.07.98 г. Формат 60x84¹/₈.
Гарнитура Academy. Печать офсетная.
Печатных листов 28,5. Тираж 2000 экз. Заказ № 3282.
Книга сверстана в издательстве «Екатеринбург».
620003 Екатеринбург, ул. Крестинского, 27/44.
Цена договорная.

Отпечатано с фотоформ заказчика
в издательстве «Челябинский Дом печати».
454080 Челябинск, Свердловский пр., 60.